ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. Ю. Быков

Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.)

Том 1

Москва
2023

УДК 94(47) + 94(547)
ББК 63.3 (29=каз.)
Б 95

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор:
д.и.н. А.Ш. Кадырбаев, ИВ РАН

Рецензенты:
д.и.н. С.Н. Абашин, Европейский университет в Санкт-Петербурге
д.и.н., к.ю.н. Р.Ю. Почекаев, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург
к.и.н. П.С. Шаблей, Кустанайский филиал Челябинского государственного университета

Б 95 **Быков, А.Ю.** Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.). Т. 1: монография; отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. М.: ИВ РАН, 2023. 464 с., илл.

ISBN 978-5-907671-67-6 (общ.)
ISBN 978-5-907671-89-8 (т. 1)

На основе обширной источниковой базы в монографии рассматриваются изменения, происходившие в казахском обществе во второй трети XVIII – начале XX вв. под воздействием целенаправленных мероприятий, проводившихся российской администрацией высшего и среднего звена (правительство, генерал-губернаторства, наместничества, военные губернаторы, областные правления и их аналоги), а также тех действий, которые не имели непосредственной задачей трансформацию традиционного казахского общества, но оказали на эти процессы серьезное, а зачастую решающее влияние. Параллельно определяются эволюционные процессы, которые происходили в казахском обществе самостоятельно или без серьезного воздействия на них со стороны российских административных кругов.

Российская политика рассматривается не в качестве гомогенной, а как конгломерат правительственной и двух региональных вариантов (оренбургская (подвариант – букеевская или внутриордынская) и сибирская системы), истоки которых лежали в процессах, протекавших во второй трети XVIII в., ярко проявились в 1820–1850-х гг. и, наконец, постепенно унифицировалась. Этот процесс не завершился в досоветский период.

ISBN 978-5-907671-67-6 (общ.)
ISBN 978-5-907671-89-8 (т. 1)

ББК 63.3 (29=каз.)

© Быков А.Ю., 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5
Глава I. Политика российских властей в Степи (30-е гг. XVIII – начало XIX в.)..... 14
§ 1. Казахское общество на рубеже XVII–XVIII вв. 14
§ 2. Становление основ российской политики в казахской степи (30-е – 50-е гг. XVIII в.)..... 68
§ 3. Взаимоотношения оренбургской администрации и высшей казахской знати в первой половине XVIII в. 123
§ 4. Управление казахами в период «просвещенного абсолютизма»: проекты и реформы 151
§ 5. Переориентация на Восток: транзитная и приграничная торговая политика России в Степи во второй половине XVIII – начале XIX в. 196
Глава II. Интеграция Степного края в структуры Российской империи в XIX – начале XX в.. 217
§ 1. Реформы во Внутренней орде: от ускоренной модернизации «сверху» к консервации обновленной традиционности 217
§ 2. Кодификация законодательства и поиск оптимального варианта управления казахами: западно-сибирская и оренбургская модели (20–50-е гг. XIX в.) 247

§ 3. Административно-территориальные реформы 1860–1891 гг. и унификация системы управления Степным краем 309
§ 4. Землевладение и оседание кочевников-казахов в деятельности российских властей в конце XIX – начале XX в. 355
§ 5. Решение властями Российской империи «мусульманского вопроса» у казахов 402

Посвящается моим Учителям
Бану Мажитовне Абдрахмановой,
Владимиру Анисимовичу Моисееву,
Алексею Демосфеновичу Богатурову

ВВЕДЕНИЕ

Доминировавшие в конце XX – начале XXI вв. дезинтеграционные процессы на территории бывшей Российской империи, в первую очередь распад СССР, переход к практически однополярной системе международных отношений и тренд на образование новой многополярности актуализировали исследовательский интерес к имперской проблематике в целом. Обретение Республикой Казахстан независимости поставило в повестку дня вопрос о том, что русско-казахские отношения вновь следует рассматривать в качестве международных. Это один вектор развития. Параллельно наблюдается и второй – обратный первому. Протекание интеграционных процессов в форме двух- и многосторонних соглашений, создание и эволюция СНГ, ОДКБ, Таможенного Союза и, наконец, Евразийского экономического союза, где Российская Федерация и Республика Казахстан выступают наиболее активными игроками, демонстрирует существование серьезного интеграционного потенциала, актуализирующего интерес к истории русско-казахских и российско-казахстанских взаимоотношений. Помимо геополитических существуют и региональные предпосылки роста заинтересованности ученых. Так, на территории современной России в нескольких субъектах федерации существуют районы с компактным моноэтничным и дисперсным проживанием казахского населения, число казахов в РФ составляет почти 600 тыс. человек или чуть менее 4% от численности казахов в мире.

Граница РФ с РК является самой протяженной непрерывной сухопутной границей в мире[1]. В Казахстане русские являются вторым по численности этносом, составляя на начало 2023 г. свыше 15% граждан республики (в 1989 г. – 38%), а число владеющих русским языком составляет около 90%[2]. Проживающие в Казахстане русские составляют свыше 2% от числа относящих себя к русской нации в мире. Текущая геополитика также оказывает воздействие на популярность тематики русско-казахских и российско-казахстанских отношений. Начавшаяся в феврале 2022 г. специальная военная операция России на Украине вызвала отток части русского населения, опасавшегося мобилизации, в Казахстан. В самом Казахстане серьезно вырос интерес к проблеме потенциального сепаратизма, еще более усилившийся на фоне январских потрясений 2022 г., с которыми правительство справилось лишь после ввода ограниченного контингента ОДКБ. В связи с этим объяснимо, что анализ и обобщение исторического опыта русско-казахских отношений востребованы и весьма современны, более того, такой анализ необходим для разработки и реализации внешнеполитического курса современной России как по отношению к Казахстану, так и в рамках формирования центральноазиатского вектора.

Цель настоящей работы – выяснить генезис, эволюцию, место и роль российской политики в Казахстане, ее варианты и их сочетание, а также то влияние, которое она оказала на трансформацию традиционного казахского общества, в том числе на процессы изменения социальной стратификации, организации системы государственного управления и вовлечения в нее автохтонного населения, на процесс складывания территориальных групп и разви-

[1] Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л. Б. Вардомского, С. В. Голунова. М.: НОФМО, 2002.

[2] Численность населения Республики Казахстан (на начало 2023 г.) // https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6373/?sphrase_id=108879 (официальный сайт Бюро национальной статистики РК, запрос 19.06.2023); Логинов В. Не всем понятно: существует ли угроза для русского языка в Центральной Азии // https://iz.ru/1501052/valentin-loginov/ne-vsem-poniatno-sushchestvuet-li-ugroza-dlia-russkogo-iazyka-v-tcentralnoi-azii (публикация 20.04.2023, запрос – 19.06.2023).

тия у казахов-кочевников Степного края оседлости и новых форм хозяйственной деятельности.

В работе используется такое понятие, как «Казахстан», которое толкуется как территория, населенная казахами. В таком понимании этот термин использовался многими предшествующими исследователями XX–XXI вв., хотя зачастую его применение в историческом контексте по отношению к периоду Российской империи может требовать дополнительных обоснований и оговорок.

Исследование охватывает хронологический отрезок с 30-х гг. XVIII в. до начала XX в. Верхняя планка определяется датой формального приема казахов Младшего (1731 г.) и Среднего жузов (1732 г.) в подданство Российской империи и началом включения казахов в российскую социально-политическую структуру, с одной стороны, и более глубокого их включения в поле российского, а через него и европейского культурного пространства, с другой. Нижняя – Февральской буржуазно-демократической революцией 1917 г., ознаменовавшей крушение Российской империи.

Географические рамки исследования ограничиваются изучением так называемых Степных областей, к которым с 1868 г. относились Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области. С 1882 г. они вошли в состав Степного генерал-губернаторства, куда также вошла Семиреченская область, но она уже в 1897 г. вновь была передана в ведение Туркестанского генерал-губернаторства. До 1868 г. эта территория входила в состав Областей оренбургских и сибирских киргизов (казахов) Оренбургского и Сибирского (с 1822 г. – Западно-Сибирского) генерал-губернаторств. Нами рассматривается также Внутренняя (Букеевская) орда (ханство), которая в различные периоды находилась в Астраханском или Оренбургском административном подчинении.

Территория Степных областей (Степи) соответствует территории современных Атырауской, Западно-Казахстанской, Кустанайской, Акмолинской, Карагандинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Алматинской, Улытаусской,

Абайской, Жетысусской и Восточно-Казахстанской областей и ряда районов Мангыстауской, Жамбылской, Туркестанской и Кызылординской областей Республики Казахстан, а также частично участкам современных приграничных с Республикой Казахстан субъектов Российской Федерации – Оренбургской, Астраханской, Волгоградской, Саратовской, Самарской, Тюменской, Челябинской, Курганской, Омской областей, Алтайского края, Республики Алтай и Республики Калмыкия.

Основной этнической группой в рассматриваемый период на данной территории являлись казахи большей части Младшего, Среднего и значительной части Старшего жузов[1]. Причем население первого преимущественно было сосредоточено в Оренбургском, а второго – в Сибирском ведомстве, казахи Старшего жуза дислоцировались преимущественно в Семиреченской и частично в Семипалатинской Степных областях. Постепенно увеличивался удельный вес иноэтничного элемента. На последнем этапе рассматриваемого нами исторического периода можно говорить о формировании полиэтничного (многонационального) общества.

Историография вопроса русско-казахских отношений весьма обширна и многопланова, представляя собой отдельную тему для серьезного исследования, и ее анализ не относится к числу задач настоящей работы, поэтому этот вопрос мы сознательно опускаем. Ограничимся лишь несколькими замечаниями. На наш взгляд, значительная часть западной историографии, даже с высоким индексом цитирования, носит компилятивный характер. Значительная часть казахстанской историографии страдает априори заданным негативным оценочным потенциалом таких явлений и процессов, как колониальная политика (без выяснения его содержания в российском имперском контексте), переселения, строительство линейных укреплений и т.п. Российские авторы зачастую впадают в противоположную крайность, абсолютизируя процессы просвещения, урбанизации и индустриального развития террито-

[1] Жузы нами рассматриваются в качестве этнополитических, а не этнотерриториальных объединений.

рий, населенных казахами, в составе Российской империи либо представляя антиправительственные выступления казахов в духе осовремененных трактовок национально- и конфессионально-регионального сепаратизма, оценивая их также преимущественно негативно.

В свете нашей проблематики наиболее интересными, концептуальными работами постсоветских казахстанских авторов, на наш взгляд, следует рассматривать статьи и монографии Н. Э. Масанова, И. В. Ерофеевой, Б. М. Абдрахмановой, К. А. Жиренчина, Н. С. Лапина. В современной российской историографии этого вопроса наибольшее значение имеют труды В. А. Моисеева, А. В. Ремнева, Н. Е. Бекмахановой, Д. Ю. Арапова, Ю. А. Лысенко, Р. Ю. Почекаева, Д. В. Васильева и их учеников. Из работ исследователей из так называемого дальнего зарубежья среди западных авторов следует выделить работы А. Каппелера и А. Рибера, их учеников и соавторов, а также цикл совместных или параллельных работ, вышедших в рамках изучения региональных особенностей имперской политики в России в конце XX – начале XXI вв. Ценный вклад в изучение международных отношений в Центральной Азии в новое время и отдельных направлений истории русско-казахских отношений вносит группа японских исследователей, в числе которых можно выделить работы Д. Нода, Х. Нагаминэ, Т. Онума, Н. Наганава, У. Томохико. На наш взгляд, постепенно складывается «японская» школа центральноазиеведения. В качестве чрезвычайно удачного примера сотрудничества представителей западной и постсоветской школ следует считать цикл работ П. Сартори и П. Шаблея.

Методологической базой настоящего исследования послужил системный анализ, основное положение которого – о несовпадении качественных характеристик системы и составляющих ее частей[1] принимается нами в качестве аксиомы. Мы также согласны, что не все отношения можно рассматривать в качестве системных. Для становления последних отношения должны созреть, т.е. приобрести устойчивость и достигнуть достаточно высокого уровня

[1] См.: Easton D. The Political System. New York: Knopf, 1981.

развития[1]. В качестве системы нами будут рассматриваться русско-казахские отношения периода второй трети XVIII – начала XX вв.

Для понимания работы существенное значение имеет ряд ключевых дефиниций, используемых в ней. К таковым относятся в первую очередь определение Российской империи и региона империи, а также определение традиционного общества.

Под Российской империей мы понимаем то социально-политическое и этно-конфессиональное сообщество, которое австрийский профессор А. Каппелер охарактеризовал следующим образом: Россия была не национальным государством русских, а династически-сословно легитимизированным государством, в объединявшей его имперской идее преобладали все же наднациональные черты, несмотря на очевидное родство ее структурообразующих компонентов с русским национальным сознанием[2]. Это определение может быть уточнено замечанием В. Кантора, что «империя – это борьба цивилизации с варварскими смыслами внутри своей культуры и с варварскими окраинами, она несет просвещение, устанавливает общую наднациональную цель»[3].

Наиболее удачное определение региона Российской империи, на наш взгляд, дал профессор А. В. Ремнев. По его мнению, «в ходе исторического развития Российской империи на ее огромном и многообразном географическом пространстве сложились большие территориальные общности – *регионы*, заметно выделяющиеся своей индивидуальностью, имевшие существенные отличия в социально-экономическом, социокультурном и этноконфессиональном облике, что закреплялось определен-

[1] См.: Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000. Т. 1. События. 1918–1945 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Московский рабочий, 2000. С. 10; Губанов В. А., Захаров В. В., Коваленко А. Н. Введение в системный анализ: Учеб. пособие / Под ред. Л. А. Петросяна. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. С. 29–30.

[2] Kappeler A. Rußland als Vielvolkerreich. Entstehung. Geschichte. Zerfall. Verlag C. H. Beck. Munchen, 1993.

[3] Кантор В. От русской империи к националистической деспотии // Текст доклада, сделанного во время семинара по проблемам преподавания имперской истории (Казань, ноябрь 2000 г.) // http://www.humanities.edu.ru/db/msg/31877 (дата обращения: 24.05.2018).

ной региональной идентификацией. Под регионом… понимается не политико-административное, а историко-географическое пространство. Аналогом современного понятия «регион» в дореволюционной терминологии можно считать «область»… Отдельные регионы в силу их специфики (времени вхождения в состав империи, географических и природно-климатических факторов, удаленности от имперского центра, этнического и конфессионального состава населения, уровня социально-экономического развития, влияния внешнеполитического окружения) представляли разные варианты протекания имперских процессов… *Регион* – это не только историко-географическая или политико-административная реальность, но и ментальная конструкция, с трудно определимыми и динамичными границами»[1]. В другой своей работе А. В. Ремнев отмечал, что Российская империя требует именно регионального измерения, поскольку отдельные регионы «в силу их специфики (времени вхождения в состав империи, географических и природно-климатических факторов, различной удаленности от имперского центра, этнического и конфессионального состава населения, уровня социально-экономического развития, влияния внешнеполитического окружения) представляли разные варианты протекания имперских процессов. С управленческой точки зрения Российская империя представляла собой сложно организованное государственное пространство. Его длительная устойчивость объяснима именно с позиций поливариантности властных структур, многообразия правовых, государственных, институциональных управленческих форм, асимметричности связей различных народов и территориальных образований»[2].

Представляется весьма удачным определение «традиционного общества», данное У. Ростовым: «Важнейшим признаком традиционного общества является то, что в нем неизбежен некоторый предел роста выработки продукции

[1] Ремнев А. В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // Сибирская заимка. 2002. № 8 // http://www.zaimka.ru/authors/remnev (дата обращения: 30.06.2022).

[2] Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 7.

на душу населения. Этот предел объясняется тем, что производственные возможности, которые дают современные наука и техника, тогда либо вовсе отсутствовали, либо не применялись систематически»[1]. В характеристиках традиционного общества подчеркивается его ярко выраженная аграризация – занятие не менее 2/3 населения сельским хозяйством, слаборазвитая сеть массовых коммуникаций и транспорта и т.д. Иными словами, традиционное общество – это в первую очередь непромышленное, доиндустриальное общество.

Для понимания методологического подхода важно определение соотношения таких категорий, как «центр» и «периферия», зачастую соответствующих понятиям «метрополия» и «колония». Именно они позволяют вычленить понятие «империя». Мы согласны с мнением, что отличительными признаками империи являются следующие:

– географическая разрозненность территорий при сохранении политической и экономической целостности;

– неравнозначность экономических взаимосвязей между центром и периферией (окраинами);

– военно-политическая значимость центра в сочетании с иерархией входящих в империи административных единиц;

– этнокультурная неоднородность при достаточно развитой этнической и конфессиональной толерантности;

– ориентация элит на экстенсивный территориальный прирост и расширение сфер политического и экономического влияния[2].

Настоящая книга включает в себя части текстов, опубликованных ранее или использовавшихся в наших диссертационных исследованиях. Связано это с тем, что часто отдельные мысли, гипотезы и суждения, высказываемые в статьях и других научных произведениях, могут становиться частью монографических, обобщающих исследований. Кроме того, многие издания выходили малым тиражом, за рубежом или

[1] Rostow W. W. The stages of economic growth: A non-communist manifesto. Cambridge: The univ. press, 1960. P. 7.

[2] От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф. Г. Войтоловский, П. А. Гудев, Э. Г. Соловьев. М.: НОФМО, 2005. С. 7.

в неиндексировавшихся изданиях, став труднодоступными, даже несмотря на серьезное развитие информационных технологий. В то же время ряд тезисов, высказывавшихся нами прежде, скорректирован и уточнен с учетом новых документов, активно вводимых в научный оборот, новых качественных и количественных исследований, а также в связи с изменением собственных субъективных представлений о происходивших событиях и процессах.

Выражаем особую благодарность за помощь и консультации Б. М. Абдрахмановой, В. А. Моисееву, С. Г. Кляшторному, Ю. К. Бершак, А. Д. Богатурову, Т. И. Султанову, В. В. Козиной, З. Г. Сактагановой, С. И. Ковальской, В. О. Бобровникову, В. А. Аракчееву, В. В. Наумкину, С. Н. Абашину, Р. Я. Почекаеву, П. С. Шаблею и А. Ш. Кадырбаеву.

Глава I.
ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В СТЕПИ (30-е гг. XVIII – начало XIX в.)

§ 1. Казахское общество на рубеже XVII–XVIII вв.

В условиях аридной зоны Евразии в течение длительного этапа исторического развития экстенсивное скотоводство было единственно возможным способом освоения ойкумены. Генезис номадизма сопровождался сложением и консервацией потестарной структуры, своеобразных социальных отношений и менталитета. Ученые даже говорят о существовании особого номадного способа производства, существующего в двух модификациях – азиатской и африканской[1]. Использование этого устоявшегося понятия вносит некоторую путаницу в категориальный аппарат, а зачастую приводит исследователей к неверным трактовкам тех или иных событий. На наш взгляд, наиболее приемлемый выход из сложившейся проблемной ситуации был предложен современным специалистом по политической антропологии Н. Н. Крадиным. Понятие «номадный способ производства», по его мнению, должно располагаться в одном типологическом ряду с другими видами на-

1 См., напр.: Лашук Л. П. О характере классообразования в обществе ранних кочевников // ВИ. 1967. № 7. С. 107; Абрамзон С. М. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ // Советская этнография. 1970. № 6. С. 70; Кочановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971. С. 33–34; Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984. P. 193 и др.

туральной природно-хозяйственной деятельности (так называемыми «технологическими» способами производства) – охотой, собирательством, земледелием и т.д., но никак не с «общественными» способами производства (азиатским, античным, феодальным и пр.), а если решать проблему формационной принадлежности кочевых обществ, то необходимо в первую очередь решить проблему выделения типа производительных сил[1].

Основой традиционного казахского хозяйства являлось полукочевое и кочевое экстенсивное скотоводство. Маршруты кочевий родов, обусловленные природно-климатическими, ландшафтными условиями и структурой стад, колебались в пределах от 150 до 3000 км в год. Источниками фиксируется зависимость длины кочевых маршрутов казахов от продуктивности пастбищных угодий и насыщенности водными ресурсами региона: «Обширность района кочевок находится в строгой зависимости от обилия и достоинства кормов и водопоев. Так, например, в местах с хорошими кормами не приходится далеко кочевать, а в местах же со скудною растительностью кочевать приходится далеко (до 500 верст), причем надо идти быстро»[2]. Кроме того, в одном патронимическом подразделении и даже ауле зачастую одновременно сосуществовали две формы отгонных пастбищ – дальние и ближние. Дальнее отгонное пастбище использовалось для сезонного выпаса скота, а ближнее использовалось в разные отрезки сезона для различных видов скота[3]. Пастбища могли эксплуатироваться либо для поочередного выпаса скота (сначала лошади, затем иные виды скота и завершали овцы), либо для совместного, что было значительно реже[4]. Выбор места стоянки для кочевья обуславливался в первую очередь

[1] Крадин Н. Н. Рецензия на книгу: Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы: Социнвест – М.: Горизонт, 1995. 340 с. // ВИ. 1999. № 7. С. 168.

[2] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. 1. Л. 57.

[3] Эрдэнэжав Г. Традиционные методы кочевников по использованию пастбищ // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии (на русс., англ. и монг. языках). Улан-Батор, 1974. С. 334, 336–340.

[4] См., напр.: Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы: Социнвест – М.: Горизонт, 1995 и др.

кормовой базой – пастбищной спелостью и насыщенностью травостоя. Кроме того, важными факторами были возможность использования естественных укрытий от дождей, буранов и пыльных бурь (поймы, колки, наличие поблизости пещер и остатков древних построек, наличие камышовых зарослей и др.), в открытой «голой» степи важными являлись факторы безопасности от внезапных нападений соперников и врагов и относительная защищенность от кровососущих насекомых[1].

В одном из отчетов российской администрации говорилось, что весь быт казахов «обуславливается самою природою Степных областей: большая часть их территории состоит из песчанно-глинисто-солонцеватых пространств, которыя, по почвенным и климатическим условиям, пригодны более для скотоводства, нежели для хлебопашества и только киргиз (казах – *А. Б.*) может утилизировать их табунным скотоводством, благодаря своим постоянным перекочевкам с одного места на другое»[2]. Казахские степи относятся преимущественно к аридной и засушливой зонам, неслучайно один из первых российских путешественников, прошедший маршрутом от Усть-Каменогорска до Балхаша и далее в Китай, подпоручик Волошанин, отмечал, что «тут только встречается на пути пещаная степь»[3].

Аридные климатические условия с низкой продуктивностью аграрных ресурсов особенно в рамках меридианального кочевания обусловили низкую плотность населения, а также дисперсность и чрезвычайно большую экономическую автономность первичных хозяйственных единиц – аулов. Еще А. И. Левшин отмечал, что казахи «редко кочуют большим числом в одном месте; ибо стадам их тогда быва-

[1] Сиверс И. Письма из Сибири // Сиверс И. Письма из Сибири, Фальк И. П. Описание всех национальностей России. Пер. с нем. Алматы: Галым, 1999. С. 22.

[2] РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 15 «б». Л. 16 об. И русские крестьяне в соседних с казахами районах в силу экологических особенностей зачастую начинали заниматься преимущественно скотоводством. См.: Лукичев С. С. Скотоводство в приписной деревне Западной Сибири в дореформенный период XIX в. // Вопросы истории Сибири. Вып. 11. Из истории крестьянства Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. С. 46–53 и др.

[3] Боронин О. В. Из неопубликованного наследия С. И. Гуляева: «Замечание о китайской границе при вершинах реки Иртыша и об удобности торговли в сей части» // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: Материалы конференции / Под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2003. С. 135.

ет тесно, но составляют общества из нескольких семейств, связанных родством или взаимными выгодами, и переходя вместе с одного кочевья на другое, не разлучаются без особенных причин. Такое подвижное селение называют они аул; количество кибиток в оном зависит от случая»[1]. Помимо случайных факторов на размер аула влияла эксплуатируемая сообществом кормовая база (географический фактор) и экономическое благосостояние главы аула (социальный фактор), что в условиях господства обычаев взаимопомощи означало и благосостояние всего аула. В одном из донесений российских властей отмечалось в этой связи, что «чем богаче глава аула, тем больше у него родственников и работников, больше скота, обширное пространство занимаемой зимовки и летовки и вообще обширные размеры хозяйства»[2]. В среднем же аулы были относительно небольшими. Так, В. И. Даль в своей работе «О карте зауральских степей», изданной в Берлине, отмечал, что «аулом называется… у кочевых народов кучка войлочных кибиток одной семьи, которая держится всегда вместе и состоит от 3 до 12 кибиток»[3].

Такие факторы, как высокая географическая мобильность при низкой плотности населения и автономность первичных хозяйственных коллективов в условиях натурального хозяйства, предопределяли в свою очередь невозможность самостоятельного создания политической организации, основанной на централизации власти и управления и систематической внеэкономической эксплуатации, которая функционировала бы в течение длительного хронологического периода. Только внешнеполитические факторы вызывали краткосрочный, и то весьма относительный, рост центростремительных политических процессов.

Ученые выделяют несколько типов (видов) кочевания: доминировавшее меридиональное (с юга на север и обратно), широтное (запад – восток), вертикальное (в горных

[1] Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / Под общ. ред. М. К. Козыбаева. Алматы: «Санат», 1996. С. 297.

[2] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1882 г. Д. 28. Л. 31.

[3] Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. С. 123.

районах) и редко фиксировавшиеся (чаще всего в периоды внешней агрессии или природных катаклизмов) радиальное и хаотичное. По иной классификации выделяют типы естественного и искусственного водопользования[1].

Причиной доминирования круглогодичного кочевания казахов, по мнению Н.Э Мосанова, его фундаментальной особенностью явились низкая продуктивность кормовой базы, невозможность заготовки кормов и стойлового содержания скота. Это же предопределяло «потребность в огромных по площади выпаса пастбищных угодьях»[2]. Об этом же писали многие российские исследователи и представители казахской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. Так, А. Байтурсынов прямо указывал, что «чем пустыннее и непроизводительнее страна и чем больше скота пасется в стаде, тем скорее истребляется корм на данном месте и тем большая площадь земли требуется для пропитания скота. Именно от этих условий жизни и зависит необходимость кочевания киргизов (казахов – *А. Б.*)»[3].

Казахи разводили разные породы крупного и мелкого рогатого и нерогатого скота. Находившийся в 1740–1741 гг. в казахской степи И. Муравин писал по этому поводу, что «у оных Киргисцов (казахов – *А. Б.*) скотина: лошади, овцы, козы и по малому числу верблюдов; изредка у них есть и коровы; хлеба не сеют и сена не косят, и скотина их больше наедается от травы юшану»[4].

Основу структуры стада кочевника-казаха составляли лошади и овцы, в качестве вьючных животных огромное значение имели верблюды. В горных районах разводили в достаточно большом количестве коз, т.е. те виды скота,

[1] См.: Масанов Н. Э. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 55–80; Курылев В. П. Скот, земля и община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: МАЭ РАН, 1998. С. 78 и др.

[2] Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы: «Социнвест» – М.: «Горизонт», 1995. С. 65.

[3] ГА РФ. Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 6. Л. 36.

[4] Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным / Изд-е Я. В. Ханыкова. СПб.: Тип. МВД, 1851. С. 70. Юшан (тюркск.) – степная трава.

которые были приспособлены к тебеневке[1], регулярным перегонам и имели развитый стадный инстинкт[2]. Определенную роль играл и крупный рогатый скот. Существовали региональные особенности видовой структуры стада, зависевшие от экологических условий, однако она была достаточно стабильна в каждом ауле и роде.

Казахи-кочевники утилизировали практически все продукты скотоводства. В записке, составленной А. Бенкевичем в конце XIX в., справедливо отмечено, что скот давал казаху «летом молоко, кумыс, для зимы мясо. Из бараньей шерсти изготовляется кошма на юрту и на постель. Бараньи кожи идут на тулупы, арканы делаются из шерсти и конского волоса, верблюжья шерсть идет на армячину и т.д., навоз, получаемый от скота, идет на топливо, одним словом, ни одна мелочь не пропадает»[3]. Ремесленное производство казахов было весьма примитивным. Технологической основой промыслов являлся ручной труд с весьма небольшим набором инструментов. Вот как, например, описывал технологию приготовления кошмы казахами барон Ф. Р. Остен-Сакен: «На большую циновку, длиною 7–8 аршин, шириною 2–2,5 аршин, насыпают слой бараньей шерсти (прямо с барана стрижка), расколачивают палочками ровно по всей поверхности и спрыскивают водою; затем свертывают циновку и крутят ее понемножку – шерсть мало помалу уплотняется. Потом развертывают, насыпают второй слой шерсти и т.д.»[4].

В казахском обществе скот был средством производства, средством и предметом труда, являлся единственным (если не считать рабов, собственных детей и наложниц) объектом частной собственности[5], средством обмена, питания, определения экономического благосостояния и выполнял

[1] Тебеневка – способность добывать скотом корм из-под снега, что является необходимым условием для кочевания. Некоторые авторы используют понятие в значении способности скота к длительным перекочевкам вообще.

[2] Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов… С. 64–73.

[3] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. 1. Л. 56.

[4] Архив ИВР РАН. Разд. III. Оп. 1. Д. 38/918. Л. 28.

[5] Фукс Л. С. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. С. 60.

к тому же сакральную функцию (в качестве жертвы, элемента обрядов и т.д.), сам будучи сакрализован.

По поверьям казахов, лошадь создана из ветра, овца – из неба, верблюд – из солончака, козел – из камня. Лошадь была наиболее почитаемым, «чистым» животным. В ряде эпосов, например, «Кобланды-батыр», «Камбар-батыр», «Ер-Таргын» и других конь разговаривает, совершает подвиги и т.п., являясь равноправным с богатырем героем, составляя с ним единое целое. Ссыльный поляк Б. Залесский чрезвычайно точно подметил, что казах на лошади напоминает мифологического кентавра, так они гармоничны[1]. Даже приветствие – пожелание удачи – сводились к пожеланию прироста стад. Русские исследователи неоднократно изумлялись этим обстоятельством, отмечая, что при встречах казахи «справляются сначала о благополучии скота»[2].

Определяя значение лошади для казахов, Л. Ф. Костенко писал, что «только тот киргиз (казах – *А. Б.*) богат, у которого табун хорош. Киргиз питается лошадью; она обогащает его на байгах (скачках) и, благодаря лошади, кочевник преодолевает огромные степные просторы и высочайшие горы»[3]. Причина высокой ценности лошади для казахов кроется в том, что она являлась средством передвижения, важным вьючным, а иногда и тягловым животным, важным источником питания (конина у казахов считается деликатесом, а напиток из кобыльего молока – кумыс – основным праздничным угощением), а также источником сырья для домашних ремесел (использовались шкуры, кости и жилы животных). Фактически лошадь являлась одним из основных орудий труда в мирной жизни и незаменимым оружием в военное время. О значении лошади в обществе казахов-кочевников и об уровне адаптации казахского номадизма к сложившимся экологическим ус-

[1] Залесский Б. Жизнь казахских степей. Пер. с фр. Алма-Ата: Онер, 1991. С. 36.

[2] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. 1. Л. 56.

[3] [Костенко Л. Ф.] Туркестанский край: опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа / Сост. Л. Ф. Костенко. Т. 3. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1880. С. 109.

ловиям можно судить по тому примеру, что матери при пеленании младенцев специально клали «между коленами и ступнями подушки для того, чтобы ноги их сделались несколько вогнутыми, и от того более способными к верховой езде»[1].

Примечателен такой факт. Бухарскую миссию А. Негри сопровождало около 600 казахов, и они «вместо обозного багажа, следование которого за войском сопряжено с такими затруднениями, гнали за собой только табун дойных кобыл», питаясь преимущественно кумысом и иными молочными продуктами[2].

Известно несколько пород казахских лошадей. Наибольшей численности достигла порода коренастых, невысоких, красных по масти лошадей, напоминавших монгольских, наиболее редкими и дорогими были аргамаки, близкие по качествам и экстерьеру к ахалтекинской породе. Существовали и промежуточные породы, их селекция вызывалась хозяйственными и военными потребностями казахского социума, а их внешний вид – в значительной степени – экологическими условиями обитания[3].

Казахский фольклор отразил ранжированные представления кочевников о ценности различных видов домашних животных. Наиболее значимым видом помимо лошади казахи считали овцу – основу стада, главный источник питания и символ благосостояния. Также весьма ценным видом скота был верблюд, считавшийся символом силы, выносливости и трудолюбия. Менее ценились козы, бывшие в аллегорических устных произведениях образом забияки, коровы же вообще олицетворяли отрицательный образ в народной литературе[4]. Более того, посадить на корову верхом еще в 1820-х гг. считалось позорным, и таким образом наказывали за преступления против ближайших родственников: «Кто злословит отца или мать свою, сына

[1] Левшин А. И. Указ соч. 2-е изд. С. 333.

[2] Ясмин А. Киргиз-кайсацкия степи и их жители. СПб.: Тип. К. Крайя, 1845. С. 47.

[3] Более подробно см.: [Костенко Л. Ф.] Туркестанский край… С. 104–128.

[4] См.: Адамбаев Б. Казахское народное ораторское искусство. Изд-е 2-е. Авт. пер. с каз. Алматы: «Ана тілі», 1997. С. 20–29.

при собрании общества садят на черную корову, с правой стороны лицом к хвосту с навязанным на шею войлоком, корову сию водят вокруг аулов»[1].

Главным источником мясной пищи – основы рациона питания – и главным источником поступления шерсти и шкур у казахов, несомненно, были овцы. Этот вид домашних животных доминировал во всех природно-климатических и ландшафтных зонах расселения. Такой феномен объясняется высокой приспособленностью овец как к степному, так и к пустынному климату, относительно быстрым приростом поголовья, способностью к быстрым и длительным переходам, развитым стадным инстинктом, способностью к тебеневанию. Кроме того, овца в исламских странах традиционно является жертвенным животным; впрочем, последний фактор едва ли существенно повлиял на многочисленность овец в казахских стадах. П. И. Рычков отмечал отличия курдючных пород казахских овец и особенности технологии ухода за ними: «Киргизские (казахские – *А. Б.*) овцы весьма сходны с калмыцкими и от русских, також и от калмыцких в виде и доброте мяса имеют не малую особливость. Головы у них покляныя и большия уши большия ж и повислыя, величиною гораздо больше не только русских, но и черкасских. Хвостов у них нет, но вместо оных имеются курдюки, как у жирных бывают более 30-ти фунтов, а во всем баране и овце с курдюком около 9 пуд случается. Мясо их весьма сытное и вкусное. Киргис-кайсаки (казахи – *А. Б.*) имеют их такое множество, что у одного кигизца от 1 до 3 тысяч овец бывает. Они спускают их с баранами в такую пору, чтоб ягнились всегда по первой траве: ибо в зимнее время за стужами и за неприготовлением сена ягнят соблюсти им не можно»[2]. Курдючный баран зачастую служил казахам и торговавшим с ними купцам в качестве единицы товарообмена для определения цены вещам вместо денег, при этом его средняя цена на оренбургском рынке

[1] МКОП-1. С. 49.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 55 об. – 56.

на рубеже XVIII–XIX вв. составляла 1 руб.,[1] что также было весьма удобно. Путешествовавший по казахской степи Д. Львович отмечал, что даже с постепенным переходом от натурального хозяйства к денежному баран остался своеобразной мерой, став к тому же главной статьей торговли казахов, на которую в начале XX в. приходилось свыше 50% объема всех сделок. Русские купцы с радостью принимали не деньги, а именно стада овец, перегоняя их потом на оптовые ярмарки, в том числе в Центральную Россию[2].

Н. Э. Масанов свел многочисленные причины доминирования овец в казахском стаде. Они отличались «наивысшей продуктивностью и наибольшей приспособленностью к условиям среды обитания по целому ряду своих морфологических и функциональных признаков, например, таких, как компактный выпас и неприхотливое содержание, практически полная усвояемость кормовых ресурсов, наличие рефлексов тебеневки и стадности, высочайшая продуктивность (мясо, молоко, сало и т.п.) и пользовательские качества (шерсть и т.п.), особенно способность к посезонному кормлению и быстрой нажировке, повышенная невосприимчивость к минерализации водных источников, способность терпеть отсутствие воды и обходиться снегом вместо воды в зимний период года, поразительная выносливость к холоду и жаре, снегу и сырости» и др[3].

Распределение видов животных в казахских стадах можно схематически представить, сопоставив следующие показатели:

[1] РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1419. Л. 48 об.

[2] Львович Д. По киргизской степи. Путевые очерки. Пг.: Изд-е А. Ф. Девриена, 1914. С. 181.

[3] Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы: «Социнвест» – М.: «Горизонт», 1995. С. 69.

Вид / качество	Способность к длительным переходам	Способность добывать корм из-под снега	Приплод (более/менее одного в год)	Уровень надоев	Привес	Качество шерсти и шкур	Выючность
Лошадь	высокая	высокая	менее	средний	средний	низкое	средняя
Овца	высокая	средняя	более	низкий	высокий	высокое	низкая
Коза	высокая	высокая	более	средний	средний	высокое	низкая
Верблюд	высокая	средняя	менее	низкий	средний	высокое	высокая
Корова	низкая	низкая	менее	высокий	средний	низкое	средняя
Осел	средняя	низкая	менее	средний	средний	низкое	высокая

Вместе с тем овцы не могли существовать без коз, поскольку «предводителями» стад, указывавшими направление движения, были козлы, реже козы[1].

Доля мелкого рогатого скота в казахском стаде практически всегда составляла около 60% от его поголовья. При этом при равнинном кочевании в нем абсолютно доминировали овцы, при вертикальном характере кочевания повсеместно возрастала доля коз, но они не становились доминирующим видом мелкого рогатого скота. Лошади составляли около 13%. Эти виды животных были распространены во всех ареалах кочевания казахов. Составлявшие в среднем около 4% верблюды были распределены неравномерно, и большая их часть концентрировалась в южных, юго-западных частях ареала. Известный русский путешественник второй половины XIX в. Б. Л. Громбчевский отмечал, что чаще всего верблюды использовались казахами в караванах, при этом вместо сбруи они просто прокалывали верблюдам носы или губы и связывали животных поочередно друг с другом продетой через эти отверстия веревкой. В результате один погонщик мог управлять целым караваном[2]. Неравномерно распределялся и крупный рогатый скот, доля которого воз-

[1] Добросмыслов А. И. Овцеводство и его значение в экономии киргизского населения Тургайской области. Оренбург: Типо-литография Б. Бреслина, 1893. С. 3–4.

[2] Громбчевский Б. Л. Путешествия по Центральной Азии. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 222.

растала в северо-восточных и юго-восточных частях ареала. В среднем в структуре стада он составлял около 12%[1].

Годовой цикл кочевания был разграничен на четыре периода: кстау (зимнее, самое трудное для кочевника время года), коктеу (весеннее), жайляу (летнее) и куздеу (осеннее). В каждой четверти годового цикла проводились специфические для сезона работы, которым, как и жизненному пути казаха, соответствовали определенные обряды, от соблюдения как первых, так и вторых во многом зависела возможность выживания. Интересно, что казахи адаптировались до некоторой степени и в оборот сельхозугодий соседних оседлых народов. Так, в 1833 г. в своем письме к Гречу В. И. Даль писал, что уральский «казак в урочное время скашивает траву, киргиз (казах – *А. Б.*) прикочевывает вслед за ним и уходит на зимовку в камыши, и так далее»[2]. Существовал и двенадцатилетний цикл по лунному календарю, фиксируемый в родовой памяти по природным аномалиям. Так, джуты[3] повторялись с периодичностью примерно один раз каждые двенадцать лет. Хотя могли случаться и чаще. В конце XIX – начале XX в. они приходились на коян жылы (год зайца): 1855/1856, 1867/1868, 1879/1880, 1891/1892, 1903/1904 и 1915/1916 гг.,[4] примерно такой же интервал фиксируется и по эпизоотиям[5]. О размерах ущерба казахскому хозяйству во время джутов можно судить по данным о падеже скота казахов. Так, в 1857 г. в пяти округах Области Сибирских киргизов от джута, вызванного

[1] История Казахстана в новое время: учебное пособие / Сост. Ю. А. Лысенко. Барнаул, 2006. С. 11.

[2] Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002. С. 55.

[3] Джут – зимняя бескормица скота, вызванная резким потеплением с последующим понижением температуры. В результате на снегу образуется наледь, которую животные не в состоянии разбить копытами и добыть корм из-под снега. Сильные джуты приводили к массовому падежу скота и голоду казахского населения. Слово зачастую выступает в значении синонима русского слова «беда».

[4] Удивительным образом эти периоды совпадали по времени с началом проведения крупных административных реформ в казахской степи. Возможно, это происходило сознательно. Так, еще в 1763 г. оренбургский генерал-губернатор Д. В. Волков предлагал приучать казахов к земледелию в периоды джутов. См.: Земледелие у киргизов // Оренбургский листок. 1888. № 52.

[5] См.: Добросмыслов А. И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург: Тургайский областной статистический комитет, 1895. С. 15–16.

оледенением верхней части снежного покрова, погибло свыше 170 тыс. голов скота, в том числе 140 тыс. овец[1]. И это был далеко не самый страшный джут. Во время джута 1880 г. только в Тургайской области пало «1528679 голов разнаго скота из общаго количества 3652737, т.е. почти 50%»[2].

Зимой 1875–1876 гг. только в Иргизском уезде во время гололедицы пало следующее количество голов скота[3]:

Вид скота	Количество павших	% от количества скота в уезде
Лошади	50720	72
Верблюды	16774	38
Овцы и козы	165285	49
Всего	232779	53

По данным земского статистика Н. Н. Балкашина, падеж скота зимой 1879–1880 гг. был и вовсе катастрофичным, совокупно по всему ареалу составив около 5 млн голов скота, или около 1/3 от его общего количества у казахов на тот момент[4].

Материальная и духовная культура казахов также были максимально приспособлены к кочевому образу жизни, развиваясь параллельно и гармонично с ним. Даже мусульманство было адаптировано к номадизму[5].

Казахи жили в юртах – округлых кибитках, покрытых войлоком. Весьма примитивно и усредненно этот тип жи-

[1] Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-Киргизская степь. М.: Университетская тип. (Катков и Ко), 1867. С. 27.

[2] [Рыбаков С.] Отчет члена-сотрудника С. Рыбакова о поездке к киргизам летом 1896 по поручению Императорскаго Географическаго Общества // Живая старина. Вып. II. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1897. С. 170.

[3] Мордвинов Н. Л. Землевладение и подати в Туркестане // Русский вестник. 1898, май. С. 222.

[4] Балкашин Н. Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. МВД, 1887. С. 26.

[5] Весьма показательно в этом отношении следующее свидетельство И. И. Ибрагимова о правовых обычаях казахов: «По магометанскому закону после всякого удовлетворения плотских страстей строго предписано полное омовение всего тела. Татары и все магометане исполняют этот закон весьма строго. Киргизы (казахи – *А. Б.*) также знакомы с этим постановлением закона и признают необходимость его исполнения. Но так как очень часто обычай пересиливает закон, то нередко киргизы в зимние времена года, каждый раз, когда им следует произвести омовение, делают на «кереге» (сборная деревянная

лищ описывался в российской литературе имперского периода. Писатель Антон Павлович Чехов описал его так: «Подвижные жилища их, неразлучные с ними во всех походах и перекочевках, называются юртами. Юрты делаются обыкновенно из нескольких кольев, воткнутых в землю, сведенных вверху в одну точку и покрытых войлоками. Знатные и богатые устраивают их с большими удобствами»[1].

В то же время этнографам известно минимум три вида казахских юрт, причем их использование не находилось в прямой зависимости от особенностей территории кочевания или климатических условий – фиксировалась лишь зависимость от социального статуса и материального благополучия владельцев[2]. Юрта является максимально адаптированным к условиям длительного кочевания типом жилища. Время установки/разбора юрты не превышало получаса, транспортировалась она на телеге или на верблюде[3]. Отапливалась юрта заготовленными во время перекочевки дровами и высушенным пометом домашних животных, в холодное время в ней часто содержали молодняк животных, так как стационарных хозяйственных и жилых помещений казахи не строили[4]. В этом отношении весьма показателен диалог В. И. Даля с одним из казахов, приведенный в очерке «Верблюд» (см. прим.)[5].

решетка, являющаяся остовом казахской юрты – *А. Б.*) черточки, а летом уже по счету их производят омовения и таким образом приводят в исполнение предписание закона». См.: Ибрагимов И. И. Заметки о киргизском суде // Записки ИРГО. Т. 1. Сборник народных юридических обычаев. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1878. Отд. II. С. 240.

[1] Чехов А. П. Киргизы // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 18. М.: Наука, 1982. С. 7.

[2] Аргынбаев Х., Захирова И. В. Казакстан обласында уйымдастырылган этнографиялык экспедиция жумысынын корытындасы // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. Б. 105–109.

[3] Таштемханова Р. Путешествие Отто Финша и Альфреда Брема в Западную Сибирь // http://prostor.samal.kz/texts/num1203/tas1203.htm // Простор (Алматы). 2003. № 12. С. 3.

[4] См., напр.: Маковецкий П. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Омск, 1886. С. 52; Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году // Вестник ИРГО. 1851. Ч. 1. Кн. 1. Отд. IV. С. 56 и др.

[5] Один казах хотел подарить В. И. Далю верблюда.
– На что он мне? – спросил я (В. И. Даль – *А. Б.*).
– Да ведь у тебя дом (кибитка, юрта) есть?
– Есть.
– Так он будет таскать его.
– Дом мой не складной, а стоит вкопанный, на одном месте.
– И век так будет стоять?

Размеры юрты, тип покрытия и даже цвет войлока свидетельствовали о знатности и богатстве ее владельца, выполняя роль социального маркера, обозначающего степень имущественной и генеалогической дифференциации. По свидетельству А. И. Левшина, юрты простых казахов «обыкновенно делаются из войлоков серых, знатные и богатые употребляют для сего белые войлоки, а у некоторых сильных султанов Средней и Большой орды юрты бывают обтянуты красным сукном и подбиты шелковыми тканями. В противоположность последним самые бедные вместо войлоков покрывают жилища свои рогожами, дерном и камышом»[1]. В зависимости от степени богатства одной семье могло принадлежать несколько юрт или в одной юрте могло жить несколько семей. А. Брем и О. Финш оставили следующее описание: «Юрта, имевшая десять футов в поперечнике, служила жилищем для двух семей, кроме того, в ней еще находились пять телят»[2].

Как и у большинства кочевых этносов, у кочевников-казахов ремесло не выделилось в самостоятельную сферу производства[3]. Домашние промыслы – ковроделие, дерево- и металлообработка, гончарное ремесло – обеспечивали личные нужды казахов и потребности их кочевого хозяйства. Сырье для металлообработки самостоятельно добывали редко, обычно выменивали на продукцию животноводства у соседних народов и изготавливали изделия из металлического лома, сырьем для ювелирных изделий казахов зачастую служили монеты соседних государств, в том числе и российские[4]. Продукцию ремесла на прода-

– Покуда не развалится, будет стоять.
– О, скучно же в твоем доме, – сказал киргиз (казах – *А. Б.*), покачав сострадательно головой, – послушай, возьми верблюда да попробуй перенести дом свой на новое место – будет веселей.
См.: Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002. С. 318.

[1] Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / Под общ. ред. М. К. Козыбаева. Алматы: «Санат», 1996. С. 295–296.

[2] Цит. по: Таштемханова Р. Указ. соч. С. 3.

[3] Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. С. 73.

[4] Масанов Э. А. Кузнечное и ювелирное ремесла в казахском ауле (Вторая половина XIX – начало XX в.) // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. С. 148–170.

жу/обмен община практически не производила. Орнамент, цвет и форма посуды, одежды, ковров, юрты, упряжи и т.п. выполняли символическую функцию и имели обрядовое значение. Одновременно они являлись средством передачи традиции. По форме и узору на верхней одежде можно было судить о половозрастном, имущественном положении, а также о принадлежности к определенному роду, иногда даже аулу и занимаемому в нем общественному положению[1]. Наибольшая нагрузка в изготовлении домашней утвари, одежды и предметов обихода ложилась на женские плечи[2]. Немецкие исследователи Центральной Азии в конце XIX в. констатировали, что при чрезвычайно низком техническом оснащении казашки весьма «искусны не только в изготовлении разного рода одежды, украшаемой часто красивым шитьем, но также умеют ткать самые материи. Они прядут на веретене шерсть, ткут грубый камлот (армак) и мастерицы выделывать кожи»[3].

В духовной культуре (без религии) можно выделить две основные сферы творчества: музыка и поэзия, которые чаще всего объединялись в песенном жанре. Специфической особенностью традиционной культуры казахов было отсутствие группового исполнения: ни хорового пения, ни оркестровой музыки в казахской степи до XIX в. не существовало. Этим внешне снималась общественная тотальность, но внутренним содержанием произведений она усиливалась, т.к. известными становились лишь приемлемые в рамках существующих традиций произведения[4],

[1] См.: Казахский народный костюм. Альбом / Вступ. ст. С. Есовой и Н. Еразбаевой. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1958; Казахская национальная одежда. Алма-Ата: Жалын, 1976; Ибраева К. Т. Казахский орнамент. Алматы: Онер, 1994 и др.

[2] «Киргизки (казашки – *А. Б.*) далеко превосходят киргизов в трудолюбии. Они отправляют все домашнее хозяйство, на них лежит половина попечений о скоте, они сверх того занимаются рукоделиями и приготовлением одежды себе и детям, они же должны заботиться обо всем нужном для мужей своих, даже иногда седлать им лошадей и сажать их верхом. За все труды сии награждены они рабством, имеют в мужьях своих владельцев или господ». Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 331.

[3] Цит. по: Таштемханова Р. Указ. соч. С. 4.

[4] В народной памяти сохранилось лишь несколько имен сказителей XV–XVII вв., их имена были закреплены дополнительно легендами более позднего происхождения. К ним относится, в частности, Асан Кайгы жырау (Асан Печальный). По преданию, Асан выступал против откочевки Джанибека и Гирея (Керея) из Узбекского улуса, и все сохранившиеся стихи, посвященные этому событию, приписывают ему.

остальные («слабые») – высмеивались, что было подобно европейскому остракизму.

На пирах кюйши (музыканты), акыны (певцы-импровизаторы) и жырау (сказители) были желанными гостями, получая подарки и хорошее угощение[1]. Слава о них распространялась чрезвычайно быстро, и они имели значительный авторитет, который позволял в отдельных случаях даже становиться биями[2].

Основными темами произведений были любовная и природная лирика, а также эпические сюжеты. О точности передачи произведений (и традиции) можно судить по тому, что стихи, записанные русскими этнографами в XVIII в., совпадали с текстами песен начала XX в. почти дословно[3]. Вместе с тем некоторые сюжеты искажались почти до неузнаваемости. Устная литература, являясь общеэтническим консолидирующим достоянием, способствовала также выработке и консервации стереотипов[4].

Можно выделить ряд основных мотивов казахского эпоса: единение с природой, героические мотивы[5], описание обрядов, признание мира подобным замкнутому кругу, где юрта – это мир в миниатюре[6]. Возможно, что структурообразующим являлся часто повторяющийся мотив морального, физического, социального и сакрального превосходства кочевника над представителями иных цивилизаций. Это проявлялось и в стойкости представлений

Таким образом, традиция сохраняла не столько имя (хотя казахи обязаны были знать своих предков и родственников до седьмого поколения), сколько образ, фиксировавший необходимую для воспроизводства культуры и общественных отношений информацию.

[1] Иногда дарили шелковый халат, а иногда и косяк лошадей.

[2] Так, Бухар жырау Калкаман-улы был советником хана Аблая. О влиянии певцов Жарылгапберды и Мустафы см.: Баянаул. Фотоальбом / Сост. В. Григорьев. Текст М. А. Алимбекова. Алма-Ата: Онер, 1985. С. 8–11.

[3] Затаевич А. 1000 песен казахского народа. Оренбург, 1925 и др.

[4] Муканов С. Казак адебиетинин тарихы (казактын XVIII–XIX гасырдагы адебиетинин тарихынан очерктер). Алматы: КБМБ, 1992. Б. 228–246 и др.

[5] См., напр.: Орлов А. Казахский героический эпос. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1945; Казак тарихи жырларынын маселелери. Алматы: «Гылым», 1979. Б. 64–180.

[6] См.: Магауин М. Кобыз и копье. Повествование о казахских акынах и жырау XV–XVIII вв. Пер. с каз. Алма-Ата: «Жазушы», 1970.

в сознании скотоводов, что кочевание – лучший способ жизнедеятельности.

В журнале Сибирского комитета за 1833 г. по поводу последнего отмечалось, что «привычка к кочевой жизни так сильна у киргиз (казахов – *А. Б.*), что многие из них, сознавая выгоды оседлого быта, порядка и устройства, соглашаясь с пользой некоторых познаний, приобретаемых учением, оканчивают словами: «Однако кочевать лучше»[1]. Более того, многие обнищавшие казахи стремились возвратиться к кочевому скотоводству, «ухитряясь просто из крох откладывать, чтобы обзавестись хозяйством и скотом»[2]. Кочевание, по сути, стало частью народной философии казахов. Одна казашка на вопрос профессора А. Вамбери о причинах склонности к кочевой жизни с гордостью ответила: «Мы не так ленивы, как вы, молла! Нам не усидеть на одном месте. Человек должен двигаться, потому что, посудите сами, – солнце, месяц, звезды, вода, животные, птицы, рыбы – все движется, только земля и мертвые остаются на месте!»[3]

Проникновение культуры извне было ограничено до минимума. Эта особенность нашла свое отражение, в частности, в слабом восприятии мировых религий и их приспособлении к языческим культам, отказе от передачи традиции (равно информации) в письменной форме. Несмотря на ее существование, она использовалась казахами главным образом во внешнеполитической переписке и на печатях торе, в то время как литература и даже юридические нормы транслировались потомкам исключительно в устной форме. Еще в 1823 г. генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич в письме начальнику штаба Сибирского отдельного корпуса С. Б. Броневскому констатировал, что кочующие инородцы «управляются по их собственным степ-

[1] КРО-2. Док. № 167. С. 300.

[2] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 38. Ч. 1. 1899 г. Л. 60.

[3] Цит. по: Ельницкий К. Инородцы Сибири и Среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. 2-е изд. СПб.: Изд. М. М. Гутзаца, 1908. С. 107. Следует отметить, что и оседлые, в том числе и русские, в свою очередь воспринимали кочевников в качестве нетрудолюбивых членов социума. Тот же К. Ельницкий пишет о казахах, что они, «как и другие инородцы, стоящие на низшей ступени цивилизации, предпочитают ничегонеделание труду». См.: там же. С. 105.

ным законам и обычаям. Но поелику законы сии и обычаи в каждом племени имеют некоторое и часто важное от других отличие, притом же, сохраняясь поныне через одни изустные предания»[1]

Спецификой хозяйства казахов являлось абсолютное доминирование скотоводства. Земледелие и ремесло имели место, но являлись подсобными промыслами, и каждый, занимавшийся ими, оставался кочевником-скотоводом. Достаточно точно сформулировал эти особенности казах-респондент экспедиции Ф. Щербины: «Кочевание – это совсем не занятие. Не промысел. Это жизнь»[2]. Даже управление населением не выделилось в самостоятельную политическую сферу деятельности, а потестарная стратификация была формой функционирования родоплеменной организации[3]. Нужно отметить существование и иной точки зрения по этому вопросу, приверженцы которой утверждают, что, напротив, родоплеменная структура казахов является административно-военной или военно-потестарной[4]. Однако эта точка зрения не находит достаточного подтверждения источниками, служа своеобразным теоретическим обоснованием заведомо завышенного уровня развития социально-политической организации общества казахов-кочевников, и, вероятно, является ошибочной. Доминирование «кочевого» менталитета среди казахов приводило к осложнениям и на международном уровне. Так, даже враги казахов – джунгары (также кочевники) зачастую воспринимались казахской знатью более позитивно, чем русские, которые способствовали существенному сокращению внешних угроз для казахов.

[1] ВПР. Сер. 2. Т. 5 (13). С. 155. Док. № 65.

[2] Цит. по: Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб.: Дело, 1907; Алма-Ата: Полиграфия, 1991. С. 90.

[3] Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 304–306.

[4] См., напр.: Кузембайулы А., Абиль Е. Казахская Сибирь (Из истории Тоболо-Тургайского региона в VI – второй половине XIX в.). Костанай: ФСИИ «Тарихшы», КСХИ, 1997. С. 30 и др.

Причем такое негативное восприятие русских предопределялось именно их оседлостью[1].

С другой стороны, непонимание особенностей хозяйственной деятельности кочевников привело к формированию у земледельцев, в том числе у русских, устойчивого стереотипа о лености номадов. Так, в одном из очерков можно прочесть весьма типичное описание. Казахи, «как и другие инородцы, стоящие на низшей ступени цивилизации, предпочитают ничегонеделание труду. Ежели нужда не побуждает киргизца (казаха – *А. Б.*) приняться за работу, он охотно лежит на кошме в своей юрте…»[2].

Казахское общество было структурировано по кровнородственному, генеалогическому принципу, выразившемуся в существовании родоплеменной и жузовой организации. Казахский этнос представляет собой сложную иерархичную этническую систему. Высшую ступень таксономической иерархии занимают жузы, племенные объединения и племена[3]. Вопрос о причинах и времени сложения жузовой системы является в науке дискуссионным. Наиболее обоснованной нам представляется точка зрения В. П. Юдина, считавшего, что жузы возникли не позднее начала XVII в., когда их существование фиксируется письменными источниками. Первое достоверное упоминание о казахских жузах относится к источникам, датированным 1616 г.[4] Нижний таксономический уровень занимают аул и большая патриархальная семья (с учетом многоженства). Центральным

[1] Трепавлов В. В. «Большой хозяин». Русский царь в представлениях народов России XV–XVIII веков // Отечественная история. 2005. № 3. С. 127.

[2] Ельницкий К. Инородцы Сибири и Среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. 2-е изд. СПб.: Изд. М. М. Гутзаца, 1908. С. 105.

[3] Проблемный историографический обзор проблемы их происхождения представлен в работе: Ирмуханов Б. Б. Из истории казахов: «Аз»-Жанибек, казахское ханство и жузы. Алматы: Наш Мир, 2001. С. 96–192.

[4] Юдин В. П. Орды Белая, Синяя, Серая, Золотая… // Утемиш-ходжи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 14–57. Представляет интерес попытка опровергнуть эту версию, см.: Ирмуханов Б. Б. Из истории казахов: «Аз»-Жанибек, Казахское ханство и жузы. Алматы, 2001. С. 96–127.

звеном, связывающим верхний и нижний таксономические уровни, является род.

В исторической литературе нет единого понимания термина «казахский род». В частности, в российской историографии утвердилось очень широкое толкование этой категории. Родом называют такие объединения, как аргын, кыпчак, байулы, шапрашты, ысты. Как показывают этнологические исследования, вышеназванные этнические единицы являются племенами, а байулы – даже союзом племен. В то же время родом в отечественной науке называют и такие единицы, как каракесек, адай и т.д., которые соответствуют казахскому понятию «ру» (род). Мы будем рассматривать понятие род именно в последнем понимании. Точных данных о количестве казахских родов в тот или иной период времени нет. Косвенно об этом можно судить, например, по сведениям оренбургского губернатора Г. С. Волконского, сообщавшего, что в самом многочисленном – Среднем жузе в начале XIX в. насчитывалось около ста казахских родов[1].

Ж. М. Джампеисова отмечает, что «казахские термины «ата баласы», «тайпа[2] », «ру» были довольно условны… генеалогические связи были реальны на самых низших уровнях социальной организации», а на более высоких подвергались серьезной мифологизации[3]. По данным Н. Коншина, полученным им от Абая Кунанбаева, казахи нередко мифологизировали и приукрашивали происхождение своих родов, обижаясь в случае более реалистичного описания этого процесса[4].

Казахский род – явление историческое. Формирование родов, их дробление и исчезновение фиксируются как этно-

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 23. Л. 5 об. – 6.

[2] Тайпа (каз) – племя.

[3] Джампеисова Ж. М. Функционирование традиционных властных институтов в колониальной системе Российской империи. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Алматы, 2004. С. 14.

[4] Бекмаханов Е. Б. Новые материалы к творческой биографии Абая Кунанбаева // Ученые записки КазГУ. Сер. Историческая. 1959. Т. 38. Вып. 4. С. 167.

графическими, так и письменными источниками[1]. В основе образования новых родов лежит так называемая семипоколенная система родства (жетіру). Как показал современный казахстанский этнограф М. С. Жакин, в реальности жесткой семипоколенной системы не существовало, она могла быть восьми-, девяти- и т.д. поколенной системой генеалогического родства[2]. Однако родственники до седьмого поколения всегда считались близкими, браки между ними запрещались, нарушение запрета каралось смертью. Таким образом, родовая система способствовала формированию полиструктурного кланового экзогамного этнического сообщества.

Трайбализм в казахском обществе был тесно связан с процессом этногенеза. Социогенез в рамках номадического сообщества протекал параллельно и сливался с этногенезом. В условиях господства экстенсивного кочевого скотоводства, низкой плотности и высокой географической мобильности населения социальные связи проявлялись, в первую очередь, в рамках экстерриториальной общины. Статус индивида в значительной мере определялся статусом той корпорации, к которой он принадлежал, а уж затем его личными качествами. Именно поэтому этногенетические процессы играли столь существенную роль в социо- и политогенезе.

Сохранение и трансляция кочевой традиции происходили главным образом на уровне родовой общины. Принадлежность к роду на протяжении столетий оставалась главным параметром личной идентификации казахов. «Всякий, почему[–]либо оказавшийся вне рода, становился совершенно беспомощным и погибал в неравной борьбе за существование, или, примкнув к другому роду как «крме», т.е. пришелец, чужестранец, влачил жалкое существование»[3].

[1] О генеалогии казахских родов см., напр.: Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. СПб., 1832. Ч. 2–3; Тыныштаев М. История киргиз-казакского народа. Ташкент, 1925 и др.

[2] См.: Жакин М. С. Закономерность совпадения приобретения статуса «ру» в семипоколенной системе с циклами развития кочевого государства // Проблемы истории и этнологии Казахстана (сборник научных статей). Вып. 3. Астана: Фолиант, 2000. С 22–33.

[3] Логутов Н. А. Очерк родового быта казаков и распределение основных казакских родов на территории быв. Семипалатинской губернии // Записки семипалатинского отдела

Если у казахов не существовало географической локализации в силу особенностей способа ведения хозяйственной деятельности, то очень четко прослеживается наличие в их общественных связях родовой и клановой принадлежности. Типично донесение 1744 г., что «каждый киргизец (казах – *А. Б.*) знает к какому принадлежит он роду, и из рода в род на житье они не переходят»[1].

Представляется справедливым мнение И. С. Савина, что кочевник-казах чувствовал «себя защищенным, лишь ощущая свою принадлежность к определенному роду. Это обеспечивало ему чувство прочности естественного мироустройства, позволяло с уверенностью рассчитывать на помощь родственников в трудную минуту»[2].

В казахском обществе господствовавшей формой наследования являлась патрилинейность, сопряженная в то же время с доминировавшей, но не столь незыблемой, как патрилинейность, патрилокальностью. Еще в 1830-х гг., по сведениям источников, казахи следовали «древнему обычаю. Кочуют обществами одного рода, допуская в свои аулы из других родов лишь родственников по женской линии… Пути кочевания определены для каждого рода»[3].

В состав трех – Улу (Старшего), Орта (Среднего) и Киши (Младшего, Меньшего) жузов входили союзы племен, племена, роды, поколения, подроды, отделения и аулы[4].

Традиционно наибольшим авторитетом и влиянием среди сородичей пользовались казахи Старшего и Среднего жузов, наименьшим – Младшего. Одновременно существовала и внутрижузовая иерархия родов и племен. В состав

общества изучения Казакстана. 1929. Т. 1. Вып. XVIII. С. 39.

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 11 об.

[2] Савин И. С. О категориях группового сознания у казахов-кочевников // Вестник Евразии. 1999. № 1—2. С. 80.

[3] Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. СПб., 1832. Ч. 3. С. 204–205.

[4] О генеалогии казахских родов более подробно см.: Шежире; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 4. Л. 1–19; 1769–1773 гг. Л. 1–25; Сведения о местах расположения Киргизских родов Оренбургского края // Записки ИРГО. Т. 1. СПб., 1867. С. 239–250; Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент: Вост-е отд-е КиргГУ, 1925; Копеев М. Ж. Казак шежересі. Алматы: Жалын, 1993 и др.

Старшего жуза входили племена: жалаир, ошакты, дулат, канлы, шынышклы, албан, суан, шапрашты, сарыуйсын, сергелы, ысты. Средний жуз составляли племена: аргын, найман, кыпшак, керей, уак, тараkты и конрад. Казахи Младшего жуза подразделялись на три крупных поколения (союза племен): алимулы, байулы и жетыру. В своих жузах наибольшим авторитетом и влиянием традиционно пользовались представители подразделений племен жалаир, сарыуйсын (Старший жуз), аргын (Средний), алшын (алчин) и адай (Младший жуз).

Внутри племен и родов также существовала иерархия. Так, по сведениям И. Казанцева, «Рода Алимулинского поколения, происходящие от Алим-Чумана, как старшие против прочих, имеют преимущество в народных собраниях; они первые подают голоса, первые делают определения, и мнения их, принятые одним родом, почитают обязательными для инородцев, тогда как мнение рода младшего к Алимулинцам такой обязательной силы в отношении к Киргизам (казахам – *А. Б.*) этого поколения не имеет»[1]. Аналогичная ситуация существовала и в других родоплеменных структурах казахского общества того периода.

Род для казаха являлся своеобразной «живой коллективной личностью, у которой есть свои достоинства и недостатки, своя слава и позор»[2]. Род занимал свое (срединное, как отмечено выше) место в этнической стратификации. Положение рода во внутриэтнической иерархии зависело от ряда основных показателей: происхождение[3], численность, экономическая и военная сила. Причем три послед-

[1] Казанцев И. Описание киргиз-кайсак. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1867. С. 63.

[2] Седельников Т. Указ. соч. 2-е изд. С. 24.

[3] Так, уйсыны связывают свое происхождение с позднесакским племенным союзом Усунь, канглы — с Кангюй, кыпшаки – с кипчаками, алшынцы – с легендарным прародителем казахов Алаша-ханом, аргыны – с легендарным ханом Аргыном (сыном Алаша) и т.д. Интересные сведения по «легендарной» генеалогии казахских родов, объясняющие самоназвания родов, содержатся в материалах И. Шангина. См.: ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2 доп. Д. 85. Л. 96–99 об. В этой же рукописи содержатся сведения, что во второй половине XVIII в. более почетными стали считаться роды Среднего жуза, что вызывало недовольство представителей Старшего и в начале XIX в. переросло в конфронтацию, выразившуюся в массовой взаимной барымте. Другими источниками эти сведения пока не подтверждены.

ние критерия взаимообусловлены[1]. Так, род исентимир (поколение байулы, Младший жуз) был наиболее бедным и поэтому не пользовавшимся особым уважением и почетом. Тогда как адай (тоже поколение) – род наиболее воинственный, многочисленный и богатый скотом. Отношения между представителями родов, занимавших разнополярное положение во внутриэтнической стратификации, не легитимировались адатом, но закреплялись обычаем и нашли отражение в таком виде этнографических источников, как пословицы и поговорки[2].

В зависимости от положения рода вырабатывались стереотипы поведения его членов. Так, представители авторитетных родов занимали лучшие места на собраниях и пирах, имели преимущество в суде (к ним было выше доверие). Русские купцы также заметили эту особенность и зачастую использовали ее. Так, по свидетельству начала XX в., на ярмарках «адайцы наиболее желанные покупатели: они не торгуются и деньгами не дорожат»[3].

Статус родов не являлся константой. Положение родов в иерархии не находилось в жесткой зависимости от принадлежности к какому-либо жузу. Статус рода периодически повышался – в первую очередь у тех, кто вел вооруженные действия против внешних соседей – Коканда, Хивы, Джунгарии, Китая или России. Например, в период антихивинского движения хана Арынгазы Абулгазиева резко возрос авторитет рода шекты, рода адай – в периоды их противостояния туркменам и хивинцам в XVIII – начале XIX в. и россиянам в конце 60-х – 70-х гг. XIX в., рода табын – в период восстания Срыма Датова, рода тама – в период движения Жоламана Тленшиева, родов аргынского поколения – в период движений Саржана и Кенесары Касымовых, рода кердери – во время их антикокандского высту-

[1] Более подробно см.: Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века (Политико-экономический анализ). Алма-Ата: Наука, 1971. С. 251–293.

[2] В степи бытовали пословицы и поговорки, отражавшие статус родов. Так, адайцы в Младшем жузе отвечали на вопрос о происхождении: «Если признаешь меня – я адаец, а не признаешь – я твой Бог»; в Старшем жузе и по сей день имеет хождение такая пословица: «Мальчик из рода жалаир сидит выше, чем старик из любого другого рода» и др.

[3] Седельников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 23 (авт. прим.).

пления в середине XIX в., кыпчаков – во время восстания 1916 г. Однако повышение статуса в период вооруженных действий обычно было связано с ростом авторитета одного или нескольких харизматических лидеров этих родов. С их смертью, пленением, началом мирных переговоров авторитет «воинственных» родов понижался. Более того, с 60-х гг. XIX в. повышение статуса рода во внутриэтнической иерархии казахов стало все более зависеть не от конфронтации, а от сотрудничества с властями и от степени интегрированности представителей того или иного рода в имперские структуры. На наш взгляд, справедлив вывод И. В. Ерофеевой о том, что на уровне общественного сознания казахского социума патронатно-клиентные отношения вполне соответствовали персонифицированному типу восприятия властных структур, осознававшихся казахами-кочевниками в категориях меритократии и генеалогического старшинства, а «сильная живучесть и устойчивость клановой потестарно-политической традиции и присущей этой политической культуре системы ценностных ориентаций и психологических установок обеспечивалась самим кочевым способом производства казахов, являясь его неотъемлемым атрибутом»[1].

Межродовые противоречия далеко не всегда удавалось решать мирным путем, даже через съезды биев. Самые ожесточенные столкновения, длившиеся по несколько десятилетий, зафиксированы между родами кыпчак и атыгай племени аргын, кочевавшими на границе Младшего и Среднего жузов (конфликт с 1820 по 1841 гг.), племенем кыпчак и родом жагалбайлы (20–40-е гг. XIX в.), жагалбайлы и аргын, жагалбайлы и жаппас, жагалбайлы и шекты, найман и соседними родами Младшего жуза. Необходимо отметить, что зачастую конфликты происходили между родами одного племени и поколения. Так, жагалбайлинцы, табынцы и таминцы принадлежали к одному поколению – жетеру, что не мешало жагалбайлинцам регулярно нападать на два других рода. В 40-е гг. XIX в. происходили регулярные

[1] Ерофеева И. В. Политическая организация кочевого казахского общества // Центральная Азия и Кавказ (Лулио). 1998. № 2 (14) // http://www.ca-c.org/journal/14–1998/st_15_erofeeva.shtml (дата обращения: 21.04.2008).

столкновения между казахами родов шекты, торткара и шомекей, принадлежавших к одному поколению алимулы[1].

В мирное время род обладал серьезной автономностью в решении большинства внешних вопросов, т.е. взаимоотношений не только с другими родами, но и с жузами, и даже с другими этносами «без всякой связи с другими родовыми группами». Лишь в случае серьезной внешнеполитической угрозы происходило объединение родов и делегирование ими основных полномочий внешних сношений союзу родов и ханам[2].

Как отмечалось выше, среди большинства казахских родов существовал обычай экзогамии, запрещавший браки между родственниками до седьмого поколения. На ак суйек и асыл суйек этот обычай не распространялся. Они были эндогамны, среди них встречались даже кузенные браки. Это положение было закреплено адатом: «Киргизка (казашка – *А. Б.*) султанского[3] сословия не может выйти замуж за простого ордынца, а непременно за киргизца, происходящего от белой кости»[4]. Эти две эндогамные группы, находившиеся вне традиционной многоступенчатой таксономической лестницы кровного и генеалогического родства, возводили свое происхождение к иноплеменникам, что и позволяло иметь им собственные адаты, признанные остальными патронимическими единицами казахов. Они не имели собственной «родовой территории»[5], проживая во всем ареале расселения казахов, не будучи членами их общин.

[1] Перфильев А. Л. Межродовые конфликты казахов и их урегулирование (80-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Томск, 2011. С. 23–24.

[2] Логутов Н. А. Очерк родового быта казаков и распределение основных родов на территории быв. Семипалатинской губернии // Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казакстана. Т. 1. Вып. VIII. Семипалатинск, 1929. С. 36.

[3] Как отмечает Т. И. Султанов, арабское слово «султан» утверждается в качестве титула Чингизидов в поколениях Джучи и Чагатая с XIV в. См.: Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ МОСКВА, 2006. С. 20, 67.

[4] МКОП-1. С. 136.

[5] Имеются в виду относительно устоявшиеся маршруты кочевий, места летовок и особенно зимовок.

К первой категории – торе – относились Чингизиды. Часто их именовали ак суйек (белая кость) в отличие от остальных казахов, именовавшихся кара суйек (черная кость). Появление этой группы связано с монгольским завоеванием, после которого потомки Чингисхана приобрели в тюркской среде элитарный статус, связанный с якобы внеземным происхождением их предка и ставший традицией, закрепленной обычным правом. Так, Жеті Жаргы[1] предусматривало девятикратную ответственность кара суйек за преступления против Чингизидов[2]. Современный российский востоковед Т. И. Султанов выдвинул предположение, основанное на аналогии с политогенезом иных этнических групп, согласно которому термином торе казахи могли обозначать не только нецарственных ханских потомков и султанов, но и более широкий круг знатных лиц. По его мнению, первоначально это слово обозначало «закон», но постепенно модифицировалось и в XVII в. включало уже следующие семантические значения: «владетель», «господин», «судья» (т.е. носитель власти и закона)[3]. Однако применительно к казахам гипотеза не находит фактического подтверждения, и в известных нам источниках XVIII – начала XX вв. термином «торе» среди казахов обозначены лишь Чингизиды.

В конце XIX в. Н. И. Гродеков отмечал, что казахи настоящими торе считали лишь тех представителей султанского сословия, у кого и отец, и мать принадлежали к потомкам Чингиз-хана. Правда, один из его информаторов – султан Даулет Бушуев, проживавший в тот период в Перовском

[1] Жеті Жаргы (с каз. букв. «Объявление семи») – по одной из версий получило свое название потому, что было принято на совете, состоявшем из шести знатнейших биев того времени и хана Тауке. См.: Логутов Н. А. Очерк родового быта казаков и распределение основных казакских родов на территории быв. Семипалатинской губернии // Записки семипалатинского отдела общества изучения Казакстана. 1929. Т. 1. Вып. XVIII. С. 39.

[2] Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Дауир, 1992. С. 318–323.

[3] См.: Султанов Т. И. Сословие султанов в Казахском ханстве в XVI–XVII вв. // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. С. 142.

уезде, сообщил, что султаны относят себя не только к Чингизидам, но и к потомкам халифа Аббаса[1].

Ак суйек представляли собой экстерриториальную группу, не входившую в жузовую систему. Атрибутами их власти были: право пользоваться белой кошмой, использовать особый уран (боевой клич) – Аркар, долгое время они не были подвластны суду биев – их мог судить только хан[2], к ним не могли применяться телесные наказания, любой представитель кара суйек обязан был при встрече с Чингизидом преклонять колено и называть его «таксыр» (господин), а если Чингизид был пешим, а кара суйек – конным, то шаруа обязан был отдать султану коня[3]. Если представитель кара суйек был обличен в том, что представлялся султаном, он признавался преступником и приговаривался к 15–30 ударам нагайкой. Наказание за женитьбу на ак суйек было аналогичным, как за убийство мужчины. Единственной повинностью султанов в казахском социуме была военная[4].

Обычно торе являлись предводителями военных ополчений, только из их среды избирались ханы. До XVIII в. почти исключительно, в XVIII в. – преимущественно, а в XIX – начале XX вв. весьма часто султанами отправлялись функции родоправителей. Они собирали нерегулярные сборы, в их пользу отбывались несистематические повинности, значительная их часть в рамках Российской империи представляла нижнее и среднее звено колониального аппарата, многие из них получили дворянское звание, а несколько казахских Чингизидов получили княжеский титул.

В казахском кочевом обществе власть не была институциализирована. Чиновничества – как особого слоя управления – не существовало. Характерно в этом отношении объяснение биев, данное генералу С. Б. Броневскому: «…В

[1] Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент: Типо-литография С. И. Лахтина, 1889 С. 4–5.

[2] Ерофеева И. В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники). Алматы: ТОО «Print-S», 2003. С. 13.

[3] РГИА Ф. 1284. Оп. 223. Д. 85. 1886 г. Л. 19.

[4] Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды… С. 20–22.

стране нашей у киргизов нет начальства»[1]. В середине XVIII в. оренбургский генерал-губернатор И. И. Неплюев в связи с этим писал в Коллегию иностранных дел, что «киргиз-кайсацкия (казахские – *А. Б.*) орды состоят под именем разных владельцев и старшин, из которых ни один не только совершенной власти, но ниже прямой команды не имеет»[2]. Аналогичная точка зрения о власти казахских ханов утвердилась и в российском сенате[3]. Похожие отзывы можно встретить у путешественников[4]. О силе даже такого правителя, как Абулхаир, можно судить по сообщению 1736 г. Дж. Кэстля, в котором отмечалось, что хан сам верхом на лошади поехал договариваться о военном союзе с Джамбек (Джанибек – *А. Б.*) батыром, причем до кочевий последнего было два дня пути[5].

Отправление властных полномочий сочеталось в казахском обществе с обычной производственной скотоводческой практикой. Причем никакими особыми прерогативами ханы и султаны не обладали, а возглавлявшиеся ими родовые подразделения в экономическом плане были абсолютно идентичны подразделениям, которые возглавлялись нечингизидами[6]. В таких условиях не могло возникнуть организации власти, характерной для европейской или даже джунгарской государственности. У казахов регулятором социальной практики служили не писаное право и государство, а обычай и община. «У киргизов почти никогда не было общей централизации власти и развивалось у них поэтому большое управление родовое»[7]. В обычном праве казахов отсутствовали постановления о государ-

[1] ВПР. Сер. 2. Т. 5 (13). С. 332. Док. № 127.

[2] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/1. 1747 г. Д. 3. Л. 119 об.

[3] Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик. Барнаул: АзБука, 2006. Док. № 48. С. 67.

[4] ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2 доп. Д. 85. Л. 117 об.

[5] Кэстль Дж. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру хану Киргиз-Кайсацкой Орды / Пер. с нем. Алматы: Жибек жолы, 1998. С. 17.

[6] Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: РАПО «Полиграфия», 1998. С. 60.

[7] МКОП-1. С. 217.

ственных преступлениях, а положения о преступлениях против порядка управления занимали незначительное место[1]. Справедливо отмечалось, что у казахов «расчленения понятия права от понятия обязанности не произошло»[2]. В казахском социуме не существовало и регулярного налогового обложения, характерного для государственного устройства[3].

Российские власти, считавшие в период начального знакомства с принявшими номинальное подданство казахами по аналогии с европейской иерархичной, жесткой вертикальной системой подчиненности, что хан должен руководить султанами, султаны – всеми остальными казахами, не принадлежавшими к ак-суйек, через знать черной кости, которую обобщенно первоначально именовали «старшинами». Но очень скоро стало понятно, что система управления в казахском обществе не такова. Жесткой вертикальной подчиненности не существует. Показателен такой пример, датируемый 1747 г., объяснений Абулхаир-хана российским властям о причине невозврата отогнанного скота и пленных калмыков (российских подданных): «Захваченных киргис касаками пленных и скот вовсе…, и сколко ево старания в том не было, но киргис кайсаки яко безглавной и своеволной народ, на таковое ево речение не склонились, и ему пленных не отдали, принося ему отговорки, чтоб он хан угнанных от них кайсаков калмыками лошадей возвратил, тогда и они будут отдавать…»[4]. Как видим, речь в данном случае идет не столько о подчиненности, сколько о договоренностях между ханом казахов и знатью черной кости. Посещавший казахскую степь во время путешествия в Хиву в конце XVIII в. майор

[1] Фукс Л. С. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. С. 210.

[2] Акпаев Ж. Наброски по обычному, в частности брачному, праву киргизов // Кул-Мухаммед М. Жакып Акпаев. Патриот. Политик. Правовед. Политико-правовые взгляды Ж. Акпаева. Алматы: Атамура, 1995. С. 152.

[3] См.: РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 22. 1842–1851 гг. Л. 42 об.; Чулошников А. П. Очерки истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. Древние времена и средние века. Оренбург: Кирг. гос. изд-во, 1924. С. 215–217 и др.

[4] РГАДА. Ф. 248. 1747 г. Оп. 113. Д. 181. Л. 27 об.

Бланкенагель выразил эту особенность управления среди казахов в еще более категоричной форме: «Сам хан их ничего не значит и подданные поступают с ним, как кто к нему расположен»[1]. Можно было бы отнести эту характеристику к воздействию российских властей или к последствиям восстания под предводительством Срыма Датова с его ярко выраженной антиханской направленностью. Однако и в начальный период знакомства с системой ханской власти у казахов Младшего жуза российские администраторы давали аналогичные оценки.

Так, в указе Сената начальнику Оренбургской экспедиции И. К. Кирилову подчеркивалось, что «киргиз-кайсацкие ханы над подданными безвластны», причем подчеркивалось, что джунгарский правитель Галдан-Цэрен в это же время «власть над подданными имеет подобно самодержавной»[2].

Как отмечено выше, представители «белой кости» в общественно-политической жизни казахов до конца XVIII в. занимали привилегированное положение. По сложившейся традиции, звание султана могли носить лишь Чингизиды, а ханом мог стать только султан[3]. Более того, по адату ханом мог стать только султан, проявивший себя в военных сражениях, способный успешно руководить ополчением[4]. При этом власть хана была номинальной, усиливаясь в случаях роста военной напряженности.

Замкнутость элитарной этнической группы поддерживалась адатом и репрессивными мерами. Так, попытка выдать себя за торе наказывалась 15–30 ударами плетьми, а вступление в брак мужчины кара суйек с женщиной ак суйек –

[1] Замечания майора Бланкенагеля впоследствие поездки его из Оренбурга в Хиву, в 1793–94 годах. Изданы с объяснениями В. В. Григорьева. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1858. С. 8.

[2] Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик. Отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул: АзБука, 2006. Док. № 48. С. 66–67.

[3] РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 85. 1886 г. Л. 19.

[4] Далаева Т. Т. От пожалования к производству: механизм получения военного чина казахами в Российской империи (перв. пол. XIX в.) // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2019. № 3(19) // http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1255 (дата обращения: 12.05.2022).

убийством мужчины[1]. В «Тарих-и-Рашиди»[2] приведен пример, когда все же был расторгнут брак между Чингизидом и Чингизидкой и женщину сразу же выдали замуж за представителя рода барлас. Автор источника отмечает, что это было грубейшим нарушением существовавших правил, следствием чего стал позор для всего рода[3]. Конечно, особо почетным лицам выпадала честь брать в жены Чингизидок, но это не делегировало зятю султанского рода никаких привилегий самих Чингизидов[4]. Несмотря на оказывавшиеся признаки внешнего почтения во многом справедливо свидетельство, что казахи «от всей глубины души ненавидят султанский род»[5], а почтение обрекалось зачастую только в ритуальную форму. Показателем последнего являлись решения суда биев. Народный суд в тяжбе султанов и даже ханов с шаруа не всегда становился на сторону знати белой кости. Весьма любопытный факт приводил И. Шангин. Он сообщал, что в 1810 г. один казах ударил по лицу хана Вали. Хан потребовал суда. Суд приговорил отрубить руку обидчику хана, но «вместо сего отрублен только рукав верхней одежды его». Причем все это происходило в присутствии самого хана части Среднего жуза Вали[6]. Более того, род, отказавшийся выполнять распоряжение хана, даже столь важное, как сбор ополчения, наказанию не подвергался[7].

Несмотря на высокий статус, авторитет, сочетавшиеся с необходимостью социально-политической регламентации и управления, функции султанов нельзя рассматривать

[1] Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Указ. соч. С. 346–349; Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века: Учебник. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. С. 72–75.

[2] Источник относится к средневековому периоду.

[3] Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. С. 277–278.

[4] Там же. С. 21. О времени и локализации, когда и где исламский титул становится неотъемлемой частью чингизидской титулатуры, Т. И. Султанов отмечает, что «с середины XIV в. арабское слово «султан» в улусах Джучи и Чагатая становится титулом каждого представителя династии, происходившей от Чингиз-хана». Там же. С. 67. Как известно, все казахские султаны происходили из улуса Джучи.

[5] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 178. 1854–1867 гг. Л. 68.

[6] ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2 доп. Д. 85. Л. 164 об.

[7] Логутов Н. А. Очерк родового быта казаков и распределение основных казакских родов на территории быв. Семипалатинской губернии // Записки семипалатинского отдела общества изучения Казакстана. 1929. Т. 1. Вып. XVIII. С. 43.

в качестве административных обязанностей. Этот институт традиционного казахского общества, несомненно, следует относить к потестарной организации. Доказательствами тому служат многочисленные сообщения представителей российской администрации. Например, в одном из них отмечалось, что казахи «свободно вступали под главенство султана, и также свободно выходили из-под этого главенства, перекочевывая к другому султану»[1], более того, «султаны… если избирались иногда киргизами (казахами – *А. Б.*), то вовсе не для управления, а как стряпчие для внешних сношений»[2]. Причем султаны призывались обычно «без всякого участия ханов» коллективным решением рода или племени[3].

При определении уровня развития общества, отношений групп и индивидов внутри него и их взаимодействия с внешними акторами важное значение имеет вопрос о системе организации власти в данном социально-политическом образовании. Существенным критерием развития социо- и политогенеза является государственность. Как правило, в качестве основных выделяются три признака: территориальное деление, систематическое налогообложение, выделившееся в отдельную сферу деятельности управление и существование бюрократического аппарата. В качестве дополнительных критериев выдвигаются плотность населения, уровень урбанизации, развитие письменности, фиксированное законодательство, достаточно сложная социально-политическая стратификация общества, сочетающаяся с эксплуатацией различных форм, монополия на применение принуждения, обязательность членства, суверенитет и др[4]. Основные и вспомогательные инструмен-

[1] РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 85. 1886 г. Л. 19 об.

[2] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 151. Л. 99 об. – 100.

[3] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 15–16.

[4] См., напр.: Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988; Крадин Н. Н. Политогенез. Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития / Отв. ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров. М., 1991. Вып. 2. С. 261–300; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд-е 2-е. Т. 21. М.: Изд-во полит. литературы, 1961. С. 109–178; Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y.: W. W. Norton and Co. Inc., 1975; Fried M. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N.Y.: Random House, 1967; Earle T. How

ты типизации носят весьма расплывчатый и условный характер, и их общепринятой систематизации не существует. Еще более запутанной представляется политическая эволюция в кочевых обществах, для которых характерны низкий уровень урбанизации (или вообще отсутствие собственной городской культуры), слабая хозяйственно-экономическая специализация, трайбализм, приверженность адату, слабая плотность и высокая географическая мобильность населения и др.

Закономерно, что проблема оценки уровня организации власти в номадических обществах является одной из дискуссионных в современной политической антропологии и востоковедении. По ней исследователи высказывают различные точки зрения. Ряд авторов отстаивает идею о достаточно высоком уровне развития общественных отношений у кочевников и вызванной им высокой степени имущественной дифференциации и социальной поляризации. Этой группой ученых делается вывод о существовании у пасторальных народов такой системы организации властно-подданических отношений, которую следует характеризовать как государственную. В частности, Казахские ханства XV–XVIII вв. зачастую рассматриваются в качестве государств феодального или полуфеодального (патриархально-феодального) типа[1]. В значительной мере на доминирование такой позиции оказал влияние формационный подход. Помимо прочего к такому решению вопроса исследователей подталкивала лексика устоявшихся определений, отразившаяся в источниках и предыдущих исследованиях, а также использование таких понятий как «империя», «государство», «ханство», «владетель», «правитель». Они имеют аналогии и прямые лексические совпадения дефиниций в тезаурусе ученых, которыми описывают общества с ярко выраженной институциональной струк-

Chiefs Come to Power; The Political Economy in Prehistory. Stanford: Stanford Univ. Press, 1997; The Earle State / Eds. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague: Mouton, 1978 и др.

[1] См., напр.: Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934; Материалы объединенной научной сессии, посвященные истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955 и др.

турой власти и номадические социально-политические образования, и их смыслы зачастую накладываются или отождествляются.

Иные исследователи, напротив, приходят практически к полному отрицанию наличия существенной хозяйственной и, как следствие, социальной дифференциации в обществе кочевников. Исследователи, придерживающиеся данной позиции, отмечают качественные отличия в отношении к собственности, власти и иным категориям в оседло-земледельческих и кочевых сообществах. Подчеркивается, что социально-экономические, а вслед за ними и политические изменения в номадической культуре происходили только под влиянием городской цивилизации. Номадизм не имел перспектив социально-экономического прогресса, являясь тупиковой ветвью развития мировой цивилизации[1].

Третья группа авторов также приходит к заключению об отсутствии перспектив внутреннего социально-экономического роста и развития обществ кочевников. Однако при этом фиксируется эволюция их политической системы, которая изменялась в прямой зависимости и взаимосвязи с соседними политическими образованиями оседло-земледельческих обществ. В частности, подчеркивалось, что государственность у кочевников периодически то возникала, то вновь исчезала, что никак не отражалось на уровне их социально-экономического развития, эволюции хозяйственной специализации и системы отношений внутри общества. Исследователями отмечалось, что «политогенез у кочевников являлся обратимым, циклическим процессом. Периоды централизации и расцвета степных империй сменялись последующей сегментацией и гибелью политических образований номадов»[2]. Показывалось, что эксплуатация в кочевом социуме осуществлялась по отно-

[1] См., напр.: Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во Московского ун-та, 1976; Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX вв. (Хозяйство и социальная организация). М.: Наука. Гл. ред. вост. литер., 1989 и др.

[2] Крадин Н. Н. Трансформация политической системы от вождества к государству: монгольский пример, 1180(?)–1206 // Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум. Владивосток: Дальнаука, 1995. С. 196.

шению к иноплеменникам, и в этом случае весь социум выступал в качестве «класса» эксплуататоров[1].

Примером качественно отличных друг от друга подходов к решению вопроса об организации власти в кочевом сообществе является оценка уровня развития у казахов иерархических структур накануне и в начальный период присоединения к Российской империи. В значительной степени вариации в оценках определяются различиями исследовательских методологий и парадигм, а также современными политическими пристрастиями авторов и их этнокультурной идентификацией. Не вдаваясь в подробности дискуссии по этому вопросу, отметим лишь, что и в данном случае учеными отстаиваются позиции необходимости оценки как государственнического (институционального), так и потестарного уровня организации власти в казахском обществе.

На наш взгляд, более убедительна аргументация исследователей, не рассматривающих систему организации власти в казахском социуме в качестве государственной. Мы согласны с оценкой В. А. Моисеева, подчеркивавшего, что Казахское ханство – название условное, казахское общество накануне и в начальный период присоединения к России не имело собственной государственности[2]. Ряд известных сибирских историков также поддерживают эту точку зрения, отмечая, что «казахские ханы фактически являлись военачальниками и вождями, а не правителями государственных образований»[3].

Многочисленные социальные группы этого общества, функции которых включали в себя управление, были слабо специализированы. Главными формами социаль-

[1] См.: Крадин Н. Н. Социально-экономические отношения у кочевников (Современное состояние проблемы и ее роль в изучении средневекового Дальнего Востока). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Владивосток, 1990; он же. Кочевые общества (проблема формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992 и др.

[2] Моисеев В. А. К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Восток. 1995. № 4. С. 22–26.

[3] Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. § 1.3 // http://sibistorik.ru/project/frontier/ch1.html#1–3 (дата обращения: 15.06.2023).

ной организации здесь выступали не государство и право, а община и обычай. Показательно, что даже во второй половине XIX в. оренбургский военный губернатор Н. А. Крыжановский отмечал, что все поступки казахов совершаются «на основе или семейных связей, или родовой вражды»[1].

В казахском обществе данного периода выделялось несколько социальных групп, осуществлявших властные полномочия. В первую очередь к таковым относились Чингизиды. Полномочия хана и султанов в различные хронологические отрезки варьировались от выражения по отношению к ним только формального (внешнего) почтения вплоть до возможности применять ими смертную казнь. Последнее было скорее исключением из обычноправовой практики, чем явлением регулярным и типичным. В целом же функции ханов и султанов сводились к регулированию отношений с внешними силами – как единоплеменниками, так и иностранцами[2]. Причем если в отношениях с иноплеменниками использовалась дипломатическая переписка, то во внутриэтнических вопросах ввиду низкого образовательного уровня основной части населения использовалась «…печать, приложенная к белой бумаге, [которая] служит вместо доверительной грамоты тому, кто предъявит оную, слова его приемлются вместо письменного послания»[3]. Такие печати назывались тамгами. Были также и родовые тамги – специальные знаки для клеймения животных[4].

Огромное значение имел личный авторитет, харизма. Типично донесение Оренбургской экспедиции пограничных дел канцлеру графу А. Р. Воронцову: «И когда оные старшины, ханские дети и прочие султани, в случае народного

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. Д. 35. 1865 г. Л. 1–1 об.; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 83/1. Л. 12.

[2] РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 85. 1886 г. Л. 19 об.

[3] Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 351.

[4] По сведениям М. Тынышпаева, лишь у нескольких казахских родов родовая тамга отсутствовала (род тлык в Старшем жузе, роды келимбет и каратамыр – в Младшем). Ряд родов имел по несколько тамг. См.: Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент: Восточное отд-е Киргос изд-ва, 1925. С. 28–30.

какого[–]либо требования, служит им по желанию, но зато они, киргиз-кайсаки (казахи – *А. Б.*), их любят и почитают, а в противном случае пренебрегают»[1]. Аналогичные сведения отложились и в документах Коллегии иностранных дел. В частности, весьма характерно следующее донесение об организации управления в казахской степи: «Есть у них (казахов – *А. Б.*) ханы, которых родственники называются солтанами, но не только такие их родственники, ниже сами ханы по сему их достоинству, никакой в народе силы не приобретают. Как ханство получается у них из солтанов, ибо никто из простых в ханы однакож не производится, по выбору, по большой части такия, которыя других проворнее, так и сила их в народе зависит по большой части от того их проворства»[2].

В казахском обществе не было выработано механизмов регуляции социальной практики, не связанных с обычным правом, обычаем или прецедентом. Отсутствовала бюрократия, органически неприемлемая в силу особенностей хозяйственного уклада, высокой географической мобильности населения и отсутствия достаточной доли прибавочного продукта. Последнее было обусловлено высокой степенью зависимости производства от внешних условий (джуты, эпизоотии, войны, барымта и т.д.). Это же предопределяло нерегулярность фискальных сборов и нелимитированность их размеров. П. И. Рычков сообщал по этому поводу: «Доходов определенных избираемых с народа ни ханы, ни салтаны не получают; содержит себя больше от своей собственной экономии добровольными подарками и добычею на войне»[3]. Нельзя считать справедливым заключение В. В. Григорьева, что казахи «нигде и никогда не платили ханам своим никакой подати»[4]. На наш взгляд, справедливо заключение А. П. Чулошникова о том, что имели место сборы в пользу казахских ханов (ханлык), но они носили характер

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 106. Л. 8.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 5 об.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 106. Л. 11–12.

[4] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1842–1851 гг. Д. 22. Л. 42 об.

добровольных подношений[1], являясь формой патриархальной зависимости. Несмотря на дискуссионность вопроса, представляется, что обряды взаимопомощи, круговой поруки и прочие многочисленные институты не являлись в казахском обществе рудиментом отживших социальных отношений. Напротив, они играли важную роль в организации и функционировании системы общественных взаимоотношений. Наиболее показательным в данном случае является отношение казахов-кочевников к собственности, которая зачастую воспринималась владельцами того или иного имущества в качестве временного явления. Кроме того, значительными имущественными правами обладали род, аул, семья. Даже в середине XIX в. саратовский купец Жарков, посещавший казахскую степь, сообщал, что богатые казахи не только долги, но и «кибиточные деньги (кибиточная подать – форма российского налогообложения кочевников – *А. Б.*) за своих бедняков платят и исправляют их разные нужды»[2]. Важное значение обрядов взаимопомощи определялось тем, что социальные институты вне рода отличались низкой конфликторазрешающей способностью, неустойчивостью и не обеспечивали в достаточной степени безопасность систематической хозяйственной деятельности[3].

Неопределенность управленческих функций проявлялась на всех уровнях потестарной организации.

Во время возрастания реальной или виртуальной внешней опасности ханами и султанами периодически предпринимались попытки узурпации властных полномочий, но чаще всего они не имели успеха. Даже при ощутимой власти того или иного Чингизида родовые институты всячески ее ограничивали. Интересен следующий факт: в XVIII в. к суду биев были привлечены ханы Нуралы и Аблай, при-

[1] Чулошников А. П. Очерки истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. Древние времена и средние века. Оренбург: Киргизское гос. изд-во, 1924. С. 216.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 83/1. Л. 72.

[3] Кляшторный С. Г. Россия и тюркские народы: евразийский аспект // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир / Ред. кол. т.: С. Г. Кляшторный и др. М.: Вост. лит., 2003. С. 17.

чем оба обязывались к уплате куна (плата скотом за кровь – наиболее распространенная форма наказания за такого рода преступления), а также султан Барак, обвинявшийся в убийстве хана Абулхаира, но оправданный судом биев. И это происходило в периоды, связанные с ростом внешней угрозы(!). Периоды же внешнеполитической стабилизации практически всегда сопровождались ослаблением власти хана и султанов.

Таким образом, казахское общество накануне и в период начала присоединения к Российской империи находилось на стадии, предшествующей государственной, иначе говоря, племенной. Институты, регулировавшие отношения между членами социального коллектива, не были легитимированы общественным договором и писаным правом. Соответственно и так называемые «владельцы» или «владетели», нередко упоминаемые в источниках, не являлись аналогами государственных (бюрократических) органов, а семантическое совпадение таких понятий, как «хан» и «султан», с понятиями иных образований, например, Османской империи или империи Чингисхана, не означало совпадения их функций и полномочий. На наш взгляд, казахские ханы и султаны до включения их части в систему российской социально-политической стратификации – это не должности, а звания.

Вторую эндогамную элитарную группу казахов составляли отправители мусульманского культа в степи – кожа[1]. Иначе их еще именовали асыл суйек (хорошая кость). Обычное право по аналогии с привилегиями султанам выделяло привилегии и этой группы. За преступления против них предусматривалась семикратная ответственность по сравнению с аналогичным преступлением против рядового казаха[2]. Они, как и султаны, имели право наказывать шаруа, но только с согласия совета[3]. Кожа считались потомками

[1] Здесь эндогамия для мужчин несколько отличалась от эндогамии султанского рода. Кожа могли брать жен из числа кара-суйек, но первая (старшая) жена обязательно должна была происходить из ак суйек. См. Ерофеева И. В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники). Алматы: ТОО «Print-S», 2003. С. 22.

[2] МКОП-1. С. 42–43.

[3] МКОП-1. С. 43, 45 и др.

Али, четвертого арабского халифа, зятя пророка Мухаммеда[1], что сакрализовало их генеалогию и определяло высокий социальный статус. Политическое влияние их в степи было незначительным, что объясняется относительной малочисленностью группы, слабой исламизацией традиционного общества казахов-кочевников[2], значительной конкуренцией со стороны отправителей языческих культов – баксы[3], а несколько позднее и со стороны среднеазиатских и татарских мулл. Современные исследователи выделяют 9 кланов кожа[4].

Интересна самооценка кожа. Арестованный за участие в восстании Кенесары Касымова (1837–1847 гг.) кожа Мухаммед Гали Успанов писал председателю Оренбургской пограничной комиссии: «Происхожу от потомков Пророка, поэтому считаю себя из благородных, но как в здешнем тюремном замке содержатся вместе со мною люди простого звания, захваченные в воровстве, разбоях (в чем русские власти обвиняли и его самого – *А. Б.*), люди, лишенные совести, то обидно находиться вместе с ними», – и далее просил перевести его в отделение, «где содержатся люди благородного звания»[5]. Высокая самооценка и стремление дистанцироваться от кара суйек, вплоть до обычая эндогамии, позволяют говорить о существовании в традиционном казахском обществе каст ак суйек и асыл суйек.

Сфера действия генеалогического родства казахов-кочевников была широка и пронизывала всю систему общественных отношений и представлений, являясь ее неотъемлемой составляющей. В низших звеньях родопле-

[1] По мнению И. В. Ерофеевой, кожа осознавали свою принадлежность от потомков мюридов или даже иных иноэтничных элементов среди казахов, но отделяли себя от сейидов – истинных потомков халифа Али. См.: Ерофеева И. В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники). Алматы: ТОО «Print-S», 2003. С. 22–24, 39.

[2] М. М. Сперанский отмечал, например, что казахи «веру исповедуют магометанскую; но смешанную с большими суевериями и противными оной обрядами». РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 26 об.

[3] Мамынова Ш. Р. Материалы по истории Казахстана (XIII – конец XVII в.). Вып. 2. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 1992. С. 114–135.

[4] Muminov A. K. Die Qozaq-Arabische Genealogie in Kazakhstan // Muslim Culture in Russia und Zentral Asia. Vol. 2. Berlin, 1988. S. 195–196.

[5] Цит. по: Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е… С. 96.

менной организации (аул, отделение, род) патронимия регулировала вопросы наследования имущества, опеки, право левирата и аменгерства, материального обеспечения ритуалов, на уровне высших групп (племя, союз племен, жуз) – власти, идеологии, политики[1].

Мы согласны с мнением, что изучать казахскую общину в отрыве от этнической структуры, системы родства и т.п. нецелесообразно. «Община поглощена патриархально-родовыми структурами, они не существуют вне рамок этноса»[2]. Рассмотренные выше элитарные группы правомерно, на наш взгляд, считать одновременно и социальными группами.

Помимо социальной дифференциации на ак- и кара суйек существовала и их внутренняя стратификация. В первой группе она определялась генеалогией (Осекид, Жадигид[3]), во второй существовали собственные сословно-корпоративные группы, принадлежность к которым определялась личными качествами (сила, храбрость, опыт, ум, ораторское искусство и др.) и половозрастными признаками. По нашему мнению, для периода независимого от Российской империи существования Казахских ханств в значительной мере справедливо заключение одного из крупнейших специалистов по истории Центральной Азии И. В. Ерофеевой: «Представители элитарных слоев (батыров, биев, аксакалов-старшин) всех других клановых группировок казахского общества, не обладавшие по традиции привилегией наследования какого-либо сословного титула (элита «черной кости»), не имели права возглавлять такого типа ассоциативные объединения кочевников и могли осуществлять регулирование социальных отношений только в относительно небольших по численности

[1] История Казахстана с древнейших времен до наших дней (Очерк) / Гл. ред. М. К. Козыбаев. Алматы: Дауир, 1993. С. 192–193.

[2] Артыкбаев Ж. О. Род и община у казахов в середине XIX века (по материалам Северо-Центрального Казахстана) // Валихановские чтения (Тезисы республиканской конференции 25–28 марта 1992 г.). Кокшетау: Полиграфия, 1992. С. 142.

[3] Осекиды – представители одного из поколений Чингизидов, родоначальником которого является Осек, Жадигиды – соответственно потомки Жадига. И те, и другие возводили свою родословную к Джучи (старшему сыну Чингисхана) и, вероятно, являлись потомками Тука-Тимура (а не Орда-Эчжэна).

и гомогенных в плановом отношении первичных ячейках аграрного социума (аул, отделение, подрод, род, группа родов), т.е. статусно доминировать только внутри одного или нескольких родственных кланов на локально-групповом уровне»[1]. Вместе с тем попытка автора распространить этот вывод на казахское общество в составе Российской империи представляется весьма спорной и во многом ошибочной, поскольку исторические источники и материалы содержат неединичные свидетельства о концентрации власти в руках представителей казахской знати кара суйек зачастую значительно большей, чем у представителей ак суйек.

Практически постоянно существовало явное или скрытое противостояние знати кара и ак суйек[2]. Конфронтация ослабляла позиции и тех, и других, усиливая общинные, родовые и племенные институты, в первую очередь роль народного собрания или курултая.

Существовало несколько групп традиционной знати из среды черной кости. К таковым относились батыры, тарханы, старшины, баи и бии.

Тарханами становились лица, получившие специальное разрешение на власть со стороны российского правительства, дававшее зачастую право на освобождение от уплаты налогов и на дворянство. В первой половине XVIII в. тарханами чаще всего становились казахские батыры. Так, упомянутый выше батыр Джанибек, внесший серьезный вклад в подписание казахскими владетелями присяги на верность Российской империи в 1731–1732 гг., стал первым тарханом[3]. При этом понятие и статус «тархан» пришли в российскую политическую лексику и должностную иерархию от тюркомонгольских племен, где они встречались еще в домонгольскую эпоху. Хорошо известно, что тарханные

[1] Ерофеева И. В. Формирование политической элиты Казахстана. Исторический аспект // Материалы круглого стола «Политическая элита Казахстана» (Алматы, 2000) // Евразия-Интернет. 09.10. 2000. С. 2–3 // http://www.iicas.org/articles/library/libr_rus_11_10_00kz.htm (дата обращения: 12.10.2000).

[2] Архив ИВР РАН. Раз. III. Оп. 1. Д. 48. Л. 5 об. – 37 об. и др.

[3] См.: Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. Ч. 2 (1741–1751 гг.) / Под ред. М. П. Вяткина. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. Док. № 5. С. 45–46.

грамоты и тамги на княжение получали русские князья от золотордынских ханов. Поэтому и для русских, и для казахов тарханы, не будучи внутренним порождением их социо- и политогенеза, не являлись в то же время чем-то гетерогенным и непонятным.

Одной из важнейших фигур традиционного казахского общества являлся бий. Бии, решая вопросы обычноправового судопроизводства, а нередко – хозяйственной и социальной организации, по своим функциям наиболее близки к слою чиновничества, однако даже их не следует классифицировать таким образом. Их связывали с такой практикой не закон, а обычай, не политические институты, а родовые отношения. «Бии суть народные судьи. Похвальные поступки и общее доверие служат основанием к их назначению (избранию – *А. Б.*) от самого народа»[1]. Аналогичную трактовку находим в «Материалах по казахскому обычному праву»: «Бий – судья, по назначению своему обсуждать дело, каждого удовлетворить обиженного или наказывать преступника, не отдавая отчета никакой другой власти кроме собственной своей совести, без всякого сомнения может занимать место в орде, не доступное быть может и для самих султанов, поэтому ни сила власти или богатства заставляет ордынцев прибегать к разбирательству бия, но собственное влечение искать у человека, избранного самим народом для общего своего блага»[2]. Бии осуществляли функции судебной власти, руководствуясь адатом (нормами обычного права). Однако в связи с тем, что не существовало определенных законодательных и судебных норм[3], использовалось и прецедентарное право (практика суда биев – «бидін билігі» и положение съездов биев – «эреже»)[4]. Значительная часть дел решалась биями

[1] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 17.

[2] МКОП-1. С. 124–125.

[3] «Обычаи по одному и тому же делу часто бывают чрезвычайно различны». РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102 «а». Л. 59 об. – 60.

[4] Ахметова Н. С. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Учебное пособие. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 1990. С. 13.

единолично, но в важнейших случаях решение выносилось на собрание, которое обычно происходило при ставке хана и длилось 1–2 месяца. В народной памяти эти собрания сохранились в выражении «На Куль-Тобе собрания проходят ежедневно»[1]. Бий, получавший право единоличного решения межродовых споров в результате достигнутого им уважения и доверия со стороны биев разных родов, именовался «тюбе-бий»[2].

Иногда бии были фактическими родоправителями, хотя обычно эти функции исполняли султаны. Известны случаи, когда бии возглавляли и более крупные патронимические объединения. Так, фактическим правителем Старшего жуза в середине XVIII в. был Толе бий Алибек-улы (дулат, отделение джаныс)[3]. Ему в том числе подчинялись султаны, вне зависимости от их генеалогического происхождения. Некоторое время пастухом у него был юный Абилмансур, который, опираясь на поддержку бия, стал сначала султаном у аргынов, а в 1771 г. – ханом Аблаем[4]. О степени влияния Толе бия на казахов Старшего жуза можно судить по следующему сообщению 1744 г.: «Находящийся в Большой орде знатнейший Тюлябий… пребывание свое более в Ташкенте имеет и около оного и городки свои заводит»[5]. Он также контролировал ряд бухарских городов севернее Сайрама и на границе с Джунгарией. Русские источники, подчеркивая его влияние, даже именовали Толе бия ханом[6]. Большим авторитетом и властью также пользовались в Младшем жузе Айтеке бий (алим, торткара), в Среднем жузе – Казбек бий (аргын, каракесек). В начале XVIII в. ка-

[1] Куль-Тобе – местность на берегу р. Ангрен в 50 км от Ташкента.

[2] Бекмаханов Е. Б. Новые материалы к творческой биографии Абая Кунанбаева // Ученые записки Казахского гос. ун-та. Сер. история. 1959. Т. 38. Вып. 4. С. 164.

[3] Есть свидетельства, что Толе бий происходил из поколения джалаир.

[4] См.: Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А., Койгелдиев М. К. К вопросу об оценке исторической роли Аблая // Вестник АН КазСС Р. 1988. № 2. С. 24–39.

[5] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1744 г. Д. 4. Л. 120 об.

[6] ГАОО. Ф. 1. 1758 г. Д. 65. Л. 623 об.

захский Саск бий был родоправителем у каракалпаков, а Кокым бий Карашорин – у киргизов[1].

По мнению ряда современных исследователей, у казахов бии-родоначальники обычно управляли мелкими родами и подразделениями, а также крупными семейно-родственными группами[2]. Вместе с тем, по свидетельству Г. Спасского, в конце XVIII – начале XIX вв. во всех трех казахских жузах бии также управляли и крупными подразделениями. Причем звания бий среди родоначальников и управлявших несколькими родовыми подразделениями встречаются чаще, чем звания батыров, старшин, султанов и др. (см. табл. ниже)[3].

Родоначальники у казахов, по сведениям Г. Спасского

	Султан/ хан	**Батыр**	**Бий**	**Мурза**	**Ходжа**	**Тит. советник**	**Бай**	**Старшина[4]**	**Без титула**
Средний	12	1	13	-	-	2	3	13	6
Младший	19	11	24	3	1	1	4	20	10

Отбрасывая при анализе титул «старшина», который, по мнению Г. Спасского, означал просто «родоправитель», лиц, указанных без титула и имевших российский титул «титулярного советника», принимая условно, что они могли быть пропорционально распределены среди остальных категорий, можно сделать вывод, что среди родоправителей того периода бии составляли около 37%, султаны – около 31%, батыры – около 22% и десятая часть родоправителей была представлена другими категориями (баи, ходжи,

[1] Тынышпаев М. История казахского народа: Учебное пособие. Алма-Ата: Казак университеті, 1993. С. 161–162.

[2] Ситнянский Г. Ю. Степное право и степная демократия: исторический опыт, современность, перспективы // Вестник антропологии. 2022. № 4. С. 220.

[3] Спасский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды. Историческое сведение о киргиз-кайсаках // Сибирский вестник. Ч. 9. СПб.: Морская тип., 1820. С. 87–109.

[4] Старшинами Г. Спасский считал всех родоначальников, вне зависимости от их другой титулатуры, поэтому эту группу в анализе можно объединять с группой «без титула».

мурзы). При этом в ряде случаев Г. Спасский указывал, что главнейшим над родоначальниками был определенный султан или хан, сам бывший в то же время родоначальником определенного подразделения.

Современная казахстанская исследовательница Ж. С. Мажитова свела мнения авторов XVIII – начала XXI вв., установив, что есть несколько трактовок происхождения слова, возводимого либо к глаголу «управлять» («билейді»), либо к исполнению судебных функций и проявлению ораторского мастерства («судья», «краснобай»). Большинство авторов придерживаются либо того мнения, что первоначально превалировала функция управления и именно в силу нее бии стали заниматься разбирательствами и тяжбами, либо, что, выполняя эти функции, они постепенно оказались привилегированной, облаченной властью группой, получившей со временем в казахском обществе функцию управления патронимическими подразделениями. Однако все авторы сходятся во мнении, что бии на рубеже XVIII–XIX вв. и далее на протяжении имперского периода осуществляли как судебные функции, так и функции родоправителей[1], но их роль и статус в менявшихся условиях также существенно трансформировались. Многочисленные источники периода вхождения в состав Российской империи, на наш взгляд, свидетельствуют, что далеко не все казахи, носившие звание бия, являлись родоправителями, но все бии, безотносительно к тому, являлись ли они родоправителями или таковыми не являлись, осуществляли функции разбирательства в спорах внутри, а чаще между родами и другими патронимическими подразделениями казахов, а также с не входившими в эту структуру Чингизидами.

Обычное право легитимировало привилегированное положение бия. По адату он имел право на бийлык – обычно 1/10 часть от размера иска, аипа и куна[2], а в случае тяжбы имел преимущество перед остальными членами общины,

[1] Мажитова Ж. С. Институт биев в казахском обществе: к историографии происхождения термина // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2014. № 6. С. 38–53.

[2] Аип – штраф, кун – плата за кровь.

за исключением аксакалов[1]. Несмотря на относительно широкие полномочия, власть биев также основывалась в первую очередь на личном авторитете и доверии со стороны единоплеменников. Нередко в источниках различного происхождения можно встретить объяснения, аналогичные следующему: «Власть бия – весьма относительная и условная. Бия слушаются, когда убеждение его совпадает с убеждением толпы его родовичей; распоряжения бия ничего не значат, если старшие в семействах не одобряют их»[2].

Институт батырства – военных вождей – в отличие от бийства представляли и кара-, и ак суйек[3]. Помимо военной организации батыры выполняли также функцию, которую условно можно назвать функцией судебных исполнителей. В случае совершения преступления обычно суд биев присуждал виновника к уплате штрафа скотом. В случае невыполнения решения суда биев родом ответчика род истца получал право на барымту: назначенный штраф можно было забрать силой. Барымтачами также были батыры. Авторитет батыров был высок: в военное и послевоенное время они могли сосредоточить в своих руках значительные полномочия. Так, предводитель восставших казахов XIX в. Исет Котибаров «собирал налоги, усмирял раздоры и исполнял должность (функцию – *А. Б.*) судьи», но «называли его батыром[,] и он не признавал иного титула, считая, что этот ему наиболее подходит»[4]. Физическая сила вообще почиталась казахами. Как указывал Бланкенагель, она у «них все решает; наисильнейший не только бывает прав, но в большее еще при том приходит уважение; кто из них оказал более грабежей, тот получает почетное название батыря, слово[,] означающее богатыря»[5].

[1] МКОП-1. С. 147.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 508–509.

[3] Известными батырами были ханы Аблай, Арынгазы, Абулхаир, султаны Наурызбай, Ералы и др. Из представителей «черной кости» наиболее популярными в XVIII в. были батыры Джанибек, Раимбет, Кабанбай, Срым и др.

[4] Залесский Б. Жизнь казахских степей. Пер. с фр. Алматы: Онер, 1995. С. 38–39.

[5] Замечания майора Бланкенагеля впоследствие поездки его из Оренбурга в Хиву, в 1793–94 годах. Изданы с объяснениями В. В. Григорьева. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1858. С. 8.

Наиболее многочисленной группой с властными полномочиями были старшины. В Известии Коллегии иностранных дел (не ранее 1763 г.) о значении института старшин говорилось, что у казахов «всяким родом предводительствует старшина, сие звание получается по старшинству лет, в удачном предводительстве также и по приобретенной славе в удачном нападении на окрестные народы, а так часто случается, что иной старшина более силы имеет нежели хан и его родственники»[1]. Это было выборное звание[2], которого могли достичь лишь люди, «обладавшие высоким интеллектуальным потенциалом, разносторонними знаниями и богатым опытом пастьбы скота»[3]. Неслучайно поэтому их часто именовали «аксакалами» (буквально – «белая борода», воспринималось как «мудрый старец»), и в источниках можно встретить вместо определения «старшина» звание «старейшина»: «Каждый род управляется старейшиною»[4]. Вместе с тем не возраст, а опыт и авторитет сородичей являлись главным основанием причисления к этой социальной категории[5]. В конце XIX в. российское правительство стало утверждать в звании старшин, но к тому времени этот традиционный институт казахского общества уже претерпел серьезную эволюцию. Этот фактор во многом повлиял на то, что характеристика института «старшин» в отечественной науке является чрезвычайно дискуссионной, и часто этим термином обозначались любые правители племен, родов и подродов.

Аксакалы, бии и народные сказители акыны и жырау были основными хранителями традиции.

Существовала еще одна прослойка – баи[6]. Чаще всего в XVIII в. они не обладали особыми властными полномо-

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 6–6 об.

[2] Хотя в источниках имеются единичные свидетельства о переходе к наследственной форме передачи власти старшинами. См.: ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 151. Л. 104.

[3] История Казахстана (очерк)… С. 197.

[4] Архив ИВР РАН. Разд. III. Оп. 1. Д. 48. Л. 28 об.

[5] РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 85. 1885 г. Л. 19.

[6] Представляет интерес гипотеза, выдвинутая Ш. Р. Момыновой по поводу происхождения термина «бай», который, по ее мнению, возник в досакское время и означал

чиями, отличаясь от остальных сородичей более высоким имущественным положением. Известны случаи, когда табуны лошадей баев достигали 5–10 тысяч особей, не считая овец и т.д. Хрестоматийным стал пример, приведенный А. И. Левшиным: «Однажды спросил я одного владельца восьми тысяч лошадей, почему он не продает ежегодно некоторой части табунов своих? Он отвечал мне: «Для чего стану я продавать свое удовольствие? Деньги мне не нужны; я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них и всякий знает, что они мои, и всякий говорит, что я богат»[1].

Мы согласны с точкой зрения К. П. Калиновской, что комплекс социальных факторов, с одной стороны, ограничивал масштаб производства, а с другой – стимулировал каждого скотовода увеличивать свое стадо, так как это способствовало росту его социального статуса. Поэтому рост стада здесь не самоцель, домашние животные накапливаются не ради роста прибавочного продукта. Цель владельца скота – добиться максимально высокого социального статуса. Достижение этой цели парадоксальным образом было связано с постоянным сокращением стада, так как многие животные жертвовались по ритуальным и престижным соображениям. Стадо уменьшалось, зато укреплялось социальное положение его владельца[2]. Эту идею развил в своих исследованиях применительно к казахам И. С. Савин, который отмечал, что повышение престижа, которое достигалось путем демонстрации своего (пусть номинального, но признаваемого сородичами) влияния, являлось одной из важных мировоззренческих ценностей и во многом определяло мо-

имя какой-то магической силы. Неслучайно казахи в испуге, изумившись, и в иных ситуациях говорят: «ой-бай», как бы обращаясь к этой потусторонней силе. См.: Момынова Ш. Р. Указ. соч. С. 107.

[1] Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 32.

[2] Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX вв.: (Хозяйство и социальная организация). М.: Наука. Гл. ред. вост. литер., 1989. С. 95.

тивы социального поведения казахов-кочевников[1]. Это же подтверждается рядом казахских пословиц.

Основная часть лично свободного населения – шаруа – разделялась по принципам хозяйственной специализации и имущественного положения, но на формирование социального статуса они оказывали незначительное влияние. Существовали следующие категории шаруа: консы (пастух), егинши (занимающийся земледелием), байгуши (бедняк), жатаки (буквально – «лежащие», т.е. ленивые, обычно занимающиеся дополнительно земледелием) и ряд других.

В основе механизма регуляции отношений у казахов лежали принципы патернализма и почитания старших (в широком смысле). Имущественная дифференциация в традиционной казахской общине являлась, главным образом, механизмом регуляции хозяйственной специализации. Случаи обнищания баев и, наоборот, накопления богатств бедняками не были редкостью и воспринимались как должное[2]. Эпос также фиксирует, что прямой корреляции между богатством и общественным положением не существует. Так, в популярном казахском лирическом айтысе (поэтическом поединке) Биржан-Сара побеждает не тот, у кого стихи красивее и голос мелодичнее, а тот, кто указал, что родственники соперника – богатые, но жадные и глупые люди. Таким образом, на определение социального статуса индивида внутри родовой общины казахов основное влияние оказывал личный авторитет, а на более высоких таксономических уровнях – еще и положение рода.

На низшей ступени социальной иерархии находились лично зависимые кулы (рабы) и теленгуты, качественно отличавшиеся от первых обязанностью исполнять воинскую повинность[3]. Правом владения рабами обладали

[1] Савин И. С. О категориях группового сознания казахов-кочевников // Вестник Евразии. 1999. № 1–2. С. 84–85.

[2] Марков Г. Е. Указ. соч. С. 305.

[3] О происхождении теленгутов см.: Миллер Г. Ф. Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении в октябре 1734 г. Пер. с нем. // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1988. С. 68–69. В этой же работе впервые в российской историографии казахи названы собственным самоназванием, хотя приписывают введение в научный оборот этнонима

представители как ак суйек, так и кара суйек[1]. Кулы использовались исключительно в домашнем хозяйстве – им даже пасти скот доверяли редко или они как товар продавались на среднеазиатских невольничьих рынках. По свидетельству Ф. Ефремова, среди кулов преобладали этнические иранцы, далее по многочисленности следовали пленные русские. В условиях отсутствия регулярного аппарата для удержания кулов в зависимости применялись меры, связанные с нанесением физических увечий[2]. Теленгуты могли выполнять особые поручения и даже участвовать в военных действиях. В первой половине XIX в. теленгуты составляли личную гвардию хана Кенесары. Чаще всего и кулы, и теленгуты были из числа иноплеменников, но известны случаи, когда и казахи могли стать таковыми. Рабом казах мог стать по причине наказания за совершенное им преступление внутри своего рода, когда кун и аип не выплачивался и род приговаривал виновного к рабству, а также в результате продажи детей в рабство собственными родителями[3]. Теленгутами могли становиться казахи и по собственной воле, став по какой-то причине изгоями собственного рода. О положении теленгутов в казахском обществе в XVIII в. можно судить по следующему свидетельству П. И. Рычкова, приведенному в его работе «Лексикон или словарь топографии Оренбургской губернии»: «Теленгуты, у всех киргизских (казахских – *А. Б.*) ханов и солтанов их домовыми служителями называются, в сие звание определяют они большей частию пленников разных наций, а иногда и из бедных не имущих киргизцев в оные должности присягают». В середине XIX в. рабов прак-

«казах» В. М. Татищеву, но его работы вышли на несколько лет позже. Сравни, например, с работой: Ерофеева И. В. Становление научной формы историографии тюркомонгольских народов России (труды В. Н. Татищева и Г. Ф. Миллера) // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. Сб. статей / Отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1996. С. 37–60, в которой приоритет отдается В. Н. Татищеву.

[1] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 17 об.; МКОП-1. С. 135–136.

[2] Странствия Филиппа Ефремова // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М.: Вост. литература, 1996. С. 195.

[3] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 17–17 об.

тически не осталось. В то же время теленгуты как слой сохранились вплоть до революции. Так, в начале XX в. в Семипалатинской области они составляли около 3,3% казахского населения[1].

Как справедливо отмечал М. П. Вяткин, постепенно в казахском обществе социальный статус теленгута и кула сближался[2], хотя параллельно протекал процесс превращения теленгутов в родовые подразделения и роды.

В целом традиционное казахское общество на рубеже XVII–XVIII вв., по нашему мнению, можно отнести к интегральному типу традиционализма, при котором в течение длительного времени остаются неизменными, соблюдаются и достоверно воспроизводятся в этнической и родовой среде издревле усвоенные традиции, «понятые как ценные для жизни и обеспечивающие ее благосостояние». Такой традиционализм «бывает удовлетворенным лишь в том случае, если традиционалистский взгляд проникает во все сферы – сферу политики, экономики, культуры и религии и объединяет их в общем понимании полученного от прошлого sacrum»[3]. Он характеризуется общественной тотальностью, когда вся жизнь индивидов подлежит общественному контролю[4]; он бессознателен, пока стабилен, материальная и духовная культура при нем понимается как неделимое целое, а изменение фрагментов представляет угрозу для существования целого.

[1] Логутов Н. А. Очерк родового быта казаков и распределение основных казакских родов на территории быв. Семипалатинской губернии // Записки семипалатинского отдела общества изучения Казакстана. 1929. Т. 1. Вып. XVIII. С. 46, таб. 1.

[2] Вяткин М. Тюленгуты // Известия Казахстанского филиала АН СССР. 1940. Сер. Историческая. Вып. 1. С. 19–29.

[3] Шацки Е. Утопия и традиция. Пер. с польск. М.: Наука, 1990. С. 370.

[4] Даже интимная жизнь подлежала контролю общества. Например, после первой брачной ночи постель молодоженов выставлялась на всеобщее обозрение.

§ 2. Становление основ российской политики в казахской степи (1730–1750-е гг.)

После присоединения в XVI в. Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, а также части Ногайской орды границы России на обширном пространстве стали соприкасаться с Казахским ханством. Новые российские города – Тобольск, Тюмень, Тара и другие становятся центрами русско-казахских контактов. Эти контакты не были регулярными и носили преимущественно торговый характер. Еще в 1574 г. купцы Строгановы получили монопольное право на ведение торговли с казахами, последние же получили право на ведение беспошлинной торговой деятельности в Московском царстве[1]. Новые города имели и охранно-пограничное значение. Одной из официальных трактовок причин строительства крепостей на территории башкирских земель считалась их защита «от нападений киргиз» (казахов – *А. Б.*). В 1554 г. с этой целью была построена российская крепость Бирск, в 1574 г. – Уфа, в 1584 г. – Мензелинск и в 1658 г. – крепость Челябинск[2]. Имели место и дипломатические сношения. В период правления Федора Иоанновича был заключен договор с казахским владетелем Таваккулом о совместных действиях против сибирского хана Кучума и среднеазиатского правителя Абдаллах-хана II[3]. Более того, описывая западноевропейским монархам того времени силу государства, российские дипломаты отмечали, что к Русскому государству присоединены многие земли

[1] Лобысевич Ф. Киргизская степь Оренбургского ведомства (Очерк). М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерева, 1891. С. 4; Батраков В. С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем (с XV до половины XVIII века). Ташкент: Изд-во САГУ, 1958. С. 14.

[2] Кабульдинов З. О появлении казахов во внутренних российских губерниях Оренбургского края (XVI–XVII вв.) // «Наука в Сибири». № 40(2326). 19 октября 2001 // http://www-sbras.nsc.ru/HBC/hbc.phtml?13+64+1 (дата обращения: 06.05.2022).

[3] Абусеитова М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. С. 29–33; Абусеитова М. Х. Из истории внешнеполитических связей Казахского ханства с соседними государствами во второй половине XVI века // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, 1983. С. 165–177.

и народы, в числе которых перечислялись и «Казатцкие орды».

О сношениях Царя Федора Иоанновича и боярина Бориса Федоровича Годунова с Императором Германским Рудольфом II (1594–1596 гг.)

«Если посол начнет спрашивать про новоприбыльные государства, которыя учинилися под Государскою рукою… князю Василию говорить: ново прибыльные Государства учинилися под Государевою рукою Бухарской Абдула Царь, Иверской Александр Царь с братьею своею с Грузинскими Цари, Юргенской Азим Царь. Казатцкие орды, Тявка Салтан, Царь Изюрской, Абдул Амин Царевич, Черкасская Кабардинская земля, Кумыки, Окуки, Барагуни…»[1].

В XVII в. дипломатические контакты русские цари рассматривали во многом в качестве одного из каналов продвижения своих торговых интересов. При этом контакты со среднеазиатскими и казахскими правителями имели конечной целью развитие торговых отношений с Китаем и особенно с Индией[2]. Так, большой интерес при свидании с хивинским послом у Алексея Михайловича вызвало сообщение о том, «будто в государстве их [Хиве] згодятца товары на Русскую руку шолк сырец и верблюжья шерсть, и будто Юргенцы (жители Ургенча – *А. Б.*) склады имеют в торговле с Ындейцы…»[3]

Если Россия XVI–XVII вв. являлась централизованным государством, территория которого постоянно увеличивалась, что позволило ряду исследователей рассматривать ее в качестве империи[4], то Казахское ханство (а зачастую Казахские ханства) этого же периода представляло собой эт-

[1] ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 286. Тетрадь XI. Т. II (с 1594 по 1621 г.). Л. 92–92 об.

[2] См., напр.: Посольские книги сношений России с Хивой, Бухарой и Китаем // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 92. Кн. I–II; Там же. Д. 93. Ч. I. Кн. I–IV, Ч. II; Там же. Д. 93/2; Там же. Д. 94. Кн. I–II.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 94. Кн. I. Л. 5 об.

[4] Многие историки склонны рассматривать Россию, начиная с Ивана IV, в качестве имперского государства. См., напр.: Дерлугьян Г. Была ли Российская империя колониальной? // Международная жизнь. 1991. № 5. С. 88–98; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2002; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2000;

нополитическое объединение, внешние границы которого были условными. Достигнув достаточно больших размеров при Касым-хане, оно вновь сужается при его преемниках. При Хак-Назаре оно достигло своих максимальных размеров, казахи смогли подчинить себе часть среднеазиатских владений, обложить данью ногайцев и башкир[1], но затем вновь его территория резко сократилась и на рубеже XVI–XVII вв. охватывала лишь Семиречье. Такая ситуация постоянного изменения внешних границ Казахского ханства обуславливалась как внешнеполитическими факторами, так и в первую очередь особенностями кочевого технологического способа производства. По признаку внешних границ Казахское ханство можно охарактеризовать как пульсирующее образование.

Уровень концентрации власти в руках казахской знати, в первую очередь хана, напрямую зависел от уровня «урбанизации»: когда под контролем казахских владетелей оказывались присырдарьинские центры, их власть приобретала черты государственной. Однако даже в эти хронологические отрезки уровень ее концентрации и степень централизации управления не достигали масштабов, сопоставимых с европейскими и азиатскими оседло-земледельческими государствами.

На протяжении всего XVII в. казахи вели борьбу за среднеазиатские города с Аштарханидами, Шейбанидами, Тимуридами, а также с эмирами и беками, не принадлежавшими к этим фамилиям. Борьба за обладание городскими центрами разворачивалась и между казахскими владетелями – ханами и султанами. Наиболее значимыми городскими центрами, которыми относительно долго владели казахи, были Ташкент, Туркестан, Сайрам (до его разорения джунгарами в 1664 г.), Сыгнак и ряд других.

Во второй половине XVII в. акцент внешнеполитической активности постепенно переносится на казахско-джунгарские отношения. Созданное Батуром-хунтайджи

Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империй // Ab Imerio. 2001. № 1–2. С. 9–71 и др.

[1] Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент: Вост. отд-е КиргГУ, 1925. С. 51–52.

в 1635 г. Джунгарское ханство отличалось более высокими по сравнению с Казахским ханством уровнями организации и централизации управления и концентрации власти в руках верховного правителя. В отличие от борьбы со среднеазиатскими правителями, где стоял вопрос о владении городскими центрами и путями движения караванов, борьба с джунгарами разворачивалась за пастбищные угодья, поскольку западные монголы, как и казахи, были по преимуществу кочевниками-скотоводами. В этой связи соперничество носило более жесткий характер. Долгое время борьба шла с переменными успехом, однако уже в конце XVII в. джунгары смогли закрепить за собой ряд юго-восточных кочевий, прежде эксплуатировавшихся казахами. Причинами постепенного перевеса в сторону западных монголов являлись их более высокий уровень организации внутреннего управления и войсковой дисциплины, подчинение Джунгарией Уйгурских бекств, а также внутренние усобицы среди казахских владетелей[1].

Относительной стабилизации казахско-джунгарские отношения достигли в начале XVIII в., в годы правления казахского хана Тауке (1680 – ок. 1715/1718 г.). При нем были предприняты попытки кодификации обычного права казахов (Жеті Жаргы), в значительной мере урегулированы внутренние противоречия между султанами, в жузах, родах и среди зависимых от казахов иноэтнических групп были поставлены/избраны бии, полномочия и функции которых в тот период приближались к официальным должностям. Фактически была предпринята попытка централизации системы управления по образцу, аналогичному джунгарскому. Однако она не увенчалась успехом, и уже последние годы правления Тауке сопровождались нарастанием усобиц в Казахском ханстве, которые усилились при его преемниках. Временным успехам казахов в их борьбе с Джунгарией способствовали вспыхивавшие в последней междоусобицы и мятежи, а также напряженные отношения Джунгарии с цинским Китаем, отвлекавшие джунгарские

[1] Более подробно см.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758 гг.). М., 1964; Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата, 1991 и др.

силы[1]. Именно во время перемирия с Цинами джунгары во главе с Цэван-Рабданом вторгаются крупными силами в кочевья казахов и в период 1723–1727 гг.[2] наносят ряд сокрушительных поражений их ополчениям. Этот период в истории казахского народа получил название «Годы великого бедствия» – «Актабан шубырынды, Алкаколь сулама» (бегство до побеления пяток до озера Алкаколь)[3]. Это вторжение отличалось от предыдущих не только масштабами грабежа, но и тем, что джунгары не намеревались уходить с захваченных территорий, приступив к их хозяйственному освоению. Только к 1729–1730 гг. казахам во главе с ханом Младшего жуза Абулхаиром и бытырами Кабанбаем, Раимбетом, Джанибеком и другими удалось нанести ряд поражений джунгарам, вытеснив их в прежние пределы. Но уже в 1735 г. казахи Старшего жуза вновь попадают в зависимость от Джунгарии, причем она просуществовала в той или иной форме вплоть до уничтожения Джунгарии Китаем (1755–1758 гг.)[4]. Определенную угрозу джунгары во второй четверти XVIII в. представляли и для казахов Младшего и Среднего жузов[5], что, по мнению большинства исследователей, стало одной из основных побудительных причин инициирования казахами процесса присоединения к Российской империи[6].

В последнее время приобретает все большую популярность гипотеза, приверженцы которой видят основной

[1] См.: Моисеев В. А. Казахско-джунгарские отношения в XVII–XVIII вв. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, 1983; Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата, 1991 и др.

[2] Ряд исследователей рассматривают иные хронологические рамки Актабан шубырынды, а именно: 1723–1725 гг., или 1723–1729 гг., или 1723–1730 гг., но указанная в основном тексте датировка наиболее часто встречается в работах современных авторов.

[3] См.: Моисеев В. А. Трудные годы // История Казахстана: Белые пятна / Сост. Ж. Б. Абылхожин. Алма-Ата, 1991. С. 5–25; Тынышпаев М. Годы великого бедствия // Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата, 1993. С. 155–172 и др.

[4] Моисеев В. А. Трудные годы… С 23.

[5] Моисеев В. А. К вопросу об ойрато-казахских отношениях в 30–40-х гг. XVIII в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII веках. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 177–191.

[6] См.: Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М.: Изд-во АН СССР, 1957; Шоинбаев Т. Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России и его прогрессивное значение. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Алма-Ата, 1966; Касымбаев Ж. К. Под надежную защиту России. Алма-Ата: Казахстан, 1986 и др.

причиной обращения казахских правителей с просьбой о приеме в подданство к российскому правительству желание нормализовать отношения с российскими подданными – яицкими казаками и кочевыми соперниками казахов – калмыками и особенно башкирами[1], территория кочевий которых в тот период не совпадала с современной их дислокацией и распространялась не только по Уралу, но и далее за Уральские горы, иногда достигая Иртыша[2]. На наш взгляд, обе причины оказали примерно равное влияние на обращение казахских владетелей, о чем, кстати, писала в отчетах Оренбургская комиссия: «Киргиз-кайсацкой Меньшой орды Абулхаир хан, претерпевая великие раззорения и обиды с одной стороны от зюнгорских калмыков… и с другой стороны от смежнаго им башкирского народа, не меньшую опасность имея близ реки Яика (где лучшие к кочеванию места)… принужден искать и просить о принятии его со всею тою Меншою ордою в Российское подданство»[3].

Заслуживает внимания и такой аспект проблемы, как стремление со стороны хана Абулхаира опереться на поддержку Российской империи в противовес устремлениям иранского Надир-шаха, который на определенное время захватил земли, населенные туркменами, Хиву и Бухару. Такая позиция Абулхаира помимо прочего способствовала упрочению его влияния в среднеазиатских владениях, особенно среди каракалпаков и аральских узбеков, пригласивших его на хивинский престол[4].

Наконец, еще одна группа исследователей акцентирует внимание на личности хана Абулхаира, стремившегося,

[1] Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Научное издание. Алматы: Санат, 1999; Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2002. P. 152–155 и др.

[2] Иванов В. А. География Южного Урала в башкирских исторических преданиях, легендах и родословных – шежере // Традиционные общества: неизвестное прошлое: Материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф., 24–25 мая 2023 г., г. Челябинск / Гл. ред. П. Б. Уваров. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. гуман.-пед. ун-та, 2023. С. 189.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 523. Л. 9 об.

[4] Кадырбаев А. Ш., Шаймерденова М. Д. Страна изучаемого языка: История, география и культура Казахстана. М.: ТЕЗАУРУС, 2012. С. 139.

по их мнению, оперевшись на Россию, упрочить свои позиции в казахских степях, причем не только в качестве владельца в Младшем жузе[1].

Как отмечено выше, казахское общество этого времени следует классифицировать в качестве типичного интегрального традиционного общества. Российское общество также по преимуществу было традиционным, хотя и принадлежало к иному типу традиционализма. Главным хранителем и транслятором традиции выступала русская крестьянская община, но и иные институты и структуры выполняли эти функции. Лишь в XVIII в. Россия вступает на путь модернизации, относясь к государствам второго ее эшелона, для которых характерно так называемое догоняющее развитие[2]. Периоды активного проведения внутренних реформ сменялись здесь периодом консервативной модернизации[3]. Российская империя в то же время продолжала расширение своих пределов, причем для решения вопросов европейской политики и европеизации роль ресурсного источника зачастую играли восточные окраины. Последние, таким образом, втягивались не только в общеимперские процессы, но и в качестве периферийного региона в процессы модернизации. На наш взгляд, справедливо заключение А. Каппелера о том, что рецепция идеи прогресса и европейской mission civilisatrice увеличила разрыв между оседлыми русскими христианами и (кочевым) нерусским населением степей и лесов; аристократия кочевников не рассматривалась в XVIII в. как равноправный партнер. Под воздействием нормативных моделей поступательной эволюции человечества от стадии охотников, собирателей и кочевых

[1] См., напр.: Моисеев В. А. Взаимоотношения Джунгарского ханства с Казахстаном, Средней Азией, народами Сибири и политика России. XVII–XVIII вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Новосибирск, 1990. С. 34–35; Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 222–227 и др.

[2] См., напр.: Красильщиков В. А. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Модернизация и конфликт ценностей в России. М., 1995; Хорос В. Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996 и др.

[3] Каменский А. Б. Реформы России XVIII века в исторической ретроспективе // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Международная конференция – Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Москва, 13–16 июня 1994 г. М., 1994. С. 136–152.

скотоводов к высшей стадии оседлых землепашцев охотники и кочевники стали рассматриваться как нецивилизованные дикари, находящиеся на низшей стадии развития. Их нужно было цивилизовывать, превращать в оседлых крестьян и мирных граждан[1]. Это один из основных мотивов цивилизаторской и миссионерской деятельности России на Востоке в XVIII в[2].

В период Северной войны Петр I стремился поставить под контроль России трансконтинентальные торговые маршруты, проходившие через Центральную Азию. Кроме того, определенный интерес для казны представляли вопросы объясачивания местного населения и поиска полезных ископаемых, в первую очередь драгоценных металлов и камней. В качестве магистрального направления государем было определено движение к Индийскому субконтиненту сухопутным путем. Для определения вероятных маршрутов караванной торговли в Азию было послано несколько экспедиций, наделенных широкими полномочиями. «Воротами в Индию» считали Персию и Казахстан, которые рассматривалась в первую очередь в качестве территории транзитной торговли[3].

В 1714–1717 гг. был предпринят ряд попыток дипломатического проникновения в Хиву. Во главе этих экспедиций стоял князь А. Бекович-Черкасский. Маршрут движения экспедиций менялся, были испробованы сухопутный (через территорию, контролируемую казахами Младшего жуза) и водный варианты движения (по Каспийскому морю, тогда предполагалось, что Амударья берет

[1] Kappeler A. Rußlands Frontier in der Frühen Neuzeit // Ronald G. Asch u.a. (Hrsg.). Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit. Die europäische Staatenordnung und die außereuropäische Welt. München, 2001. S. 610.

[2] См., напр.: Каппелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // Ab Imperio. 2003. № 1. http://abimperio.net/scgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=670&idlang=2&Code= (дата обращения: 05.02.2023); Raeff M. Uniformity, Diversity, and the Imperial Administration in the Reign of Catherine II // Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Festschrift für Günther Stökl zum 60. Geburtstag. Köln, Wien 1977. S. 97–113; Dov B. Yaroshevsky. Attitudes towards the Nomads of the Russian Empire under Catherine the Great // A. G. Cross and G. S. Smith (Eds.). Literature, Lives, and Legality in Catherine's Russia. Nottingham, 1994. P. 15–24 и др.

[3] См., напр.: КРО-1. С. 31; Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. М., 1978. С. 21–29 и др.

свои истоки в Индии, поэтому рассматривался и вариант продолжения речного хода экспедиции[1]). Менялся и количественный состав экспедиции. В ее составе находилось в разное время от 1500 до 17600 человек, включая в это число сопровождавших экспедицию туркмен и калмыков. Из них свыше 4300 человек представляли регулярные войска (три пехотных полка, драгуны и артиллеристы), 2000 – казаков (яицких и гребенских). Гражданские лица (купцы, переводчики[2], вожатые, дворяне и пр.) составляли менее 2%[3]. В качестве повода рассматривалось предложение о присоединении Хивы к России. Первые каспийские экспедиции окончились плачевно: по приказу хивинского хана Ширгазы руководителей российской экспедиции казнили[4]. Участники экспедиции Бековича-Черкасского заложили по пути следования несколько крепостей, которые после краха экспедиции по приказу хивинского хана были разрушены[5].

Несмотря на неудачу миссии А. Бековича-Черкасского, политическая поддержка идеи развития отношений со сред-

[1] Специальную инструкцию об этом получил один из членов экспедиции А. Бековича-Черкасского – поручик А. И. Кожин. См.: Русско-индийские отношения в XVIII в.: Сборник документов. М., 1958. Док. № 15.

[2] В XVII–XVIII вв. переводчики и толмачи различались по своим функциональным обязанностям. Толмачи осуществляли лишь устный перевод. Часто они не умели читать и писать. Переводчики были образованными людьми и могли осуществлять не только устный, но и письменный перевод. Уже в нач. XIX в. это различие стирается – почти все толмачи имели образование. Различия оставались в значительной степени в должностных окладах. Толмачами часто становились представители нерусских народов. Переводчиками обычно были русские. Все они являлись чиновниками. См.: Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. В. Мухетдинов; отв. ред. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: Издательский дом «Медина», 2023. С. 115–116.

[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 896. Л. 307–320; Аннанепесов М. Туркмены в экспедициях А. Бековича-Черкасского 1715–1717 гг. Ч. I // Известия Академии наук Туркменской ССР. Сер. общественных наук. 1979. № 4. С. 34–36.

[4] Извлечение из дела Московского Сенатского Архива, об отправлении Лейб Гвардии Преображенского полка Капитана князя Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву, – в 1714—1717 годах // Записки ИРГО. Т. 1. СПб., 1867. С. 133–145; Попов А. Н. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом (с приложением документов) // Записки ИРГО. Кн. IX. СПб., 1853. С. 237–424 и др. Казнь была изуверской. Известно, что с казненного князя Бековича-Черкасскаго по приказу хивинского хана содрали кожу и натянули ее на барабан. Голова была направлена в дар бухарскому эмиру, который возвратил ее в Хиву и, по свидетельству, высказался при этом, что он не людоед, таких подарков ему делать не нужно.

[5] Басин В. Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII в. // Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1969. С. 65.

неазиатскими владениями через Прикаспий продолжилась. В тот же период состоялась миссия Флорио Беневени в Персию и Бухару[1]. В 1726 г. императрица Екатерина I поручила коммерц-коллегии разобрать прошения среднеазиатских купцов о торговле в российских владениях и российских купцов в Хиве и Бухаре. Коммерц-коллегия объявила о позволении бухарским купцам торговать с Астраханью и другими российскими городами, а также о целесообразности поддержки торговых караванов татар и ногайцев – подданных Российской империи[2].

Вторым направлением поисков транзитных путей стала Сибирь, а их отправной точкой – Иртыш, который российские дипломаты в своей переписке с западноевропейскими визави причисляли к российским рекам с момента разгрома Сибирского ханства Кучума, а позднее подтверждали это после Смутного времени[3]. В 1588 или 1594 гг. была основана Тара. В 1587 г. письменный голова Данила Чулков с отрядом примерно в 20 верстах от бывшей столицы Сибирского ханства заложил Тобольск, надолго ставший административным центром и форпостом России для дальнейшего продвижения в Сибирь и Центральную Азию, «смотря по обстоятельствам, лаской или принуждением, подчинять еще непокоренных»[4].

В первой четверти XVII в. калмыки и другие монгольские племена распространяли свое влияние на значительную территорию по пограничью с русскими сибирскими городами, доходили почти до Урала («два дня пути до Уфы»), и их владетели регулярно пытались вести дипломатические переговоры как с воеводами, так и с Москвой. 8 октября 1623 г. даже последовал указ, чтобы «ни от калмыков, ни от мон-

[1] Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1986.

[2] Астраханский край в истории России XVI–XXI вв.: сборник документов и материалов / Сост. В. В. Ишин, И. В. Торопицын, под науч. ред. В. В. Ишина. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. С. 29–31.

[3] ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 282. Тетрадь Е. Л. 33–33 об. О том, что в конце XVI в. Россия рассматривала все течение Иртыша и Оби своей территорией, писал и Г. Ф. Миллер. См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 278–279, 292.

[4] Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 274–275.

голов впредь никаких послов в Москву не пускать»[1], что, помимо прочего, способствовало наделению сибирских властей широкими дипломатическими полномочиями.

В Прииртышье джунгары стали появляться в конце XVI в[2]. В 1611 г. ойраты взяли под контроль соляные источники на Ямышевском озере. В 1612 г. из Тары была направлена военная экспедиция. В следующем году против ойратов трижды посылались из Тары военные отряды, и каждый раз с неизменным успехом. В 1613 г. на Ямышевское озеро была отправлена экспедиция во главе с казачьим атаманом Барташом Станиславовым. Она проследовала вверх по Иртышу до озера и, нагрузив солью суда, благополучно вернулась в Тару[3]. Еще несколько лет русские отряды ежегодно беспрепятственно ездили добывать соль на Ямышевское озеро. Но уже в 1623 г. джунгары вернули себе полный контроль над Ямышевым, о чем свидетельствуют данные Богдана Аршинского, прибывшего туда для торговли солью[4].

Таким образом, в начале XVIII в. значительная часть Верхнего Прииртышья контролировалась джунгарами, но не только джунгары кочевали в тот период в Прииртышье. Как указывали документы российского внешнеполитического ведомства, «на этих землях кочевали и киргизы (казахи – *А. Б.*) Средней орды, бывшие таким образом нашими непосредственными соседями»[5]. Об этом же свидетельствуют карты, составленные С. У. Ремезовым и его сыновьями на рубеже XVII–XVIII вв. (см. Приложение 10).

В 1714 г. сибирский губернатор князь М. П. Гагарин донес государю о больших запасах месторождений самородного золота в районе Яркенда. Аналогичные сообщения

[1] Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд-е 2-е доп. Т. 2. М.: Изд-я фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 112.

[2] Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 299.

[3] Акишин М. О. Ямышевское озеро в приграничных отношениях России и Джунгарии // Материалы Международной научной конференции «Азиатская Россия: люди и структуры империи», посвященной 60-летию со дня рождения А. В. Ремнева / Под ред. Н. Г. Суворовой. Омск, 2015. С. 40–46.

[4] Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд-е 2-е доп. Т. 2. М.: Изд-я фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 128–129.

[5] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 421–421 об.

поступили в тот период еще из нескольких источников. Петр I распорядился снарядить новые экспедиции вверх по Иртышу. Их численность не превышала 3 тысяч человек, первую, самую многочисленную, возглавил подполковник И. Д. Бухгольц. В ней было 2932 человека, в том числе «драгун и салдат 2862 человека. Мастеровых людей 70 человек»[1]. В состав экспедиции в том числе входили плененные в ходе Северной войны шведские офицеры[2].

Отличием иртышских экспедиций было не просто продвижение в Центральную Азию, но и успешное закрепление за Россией новых территорий посредством строительства укрепленных пунктов. В инструкции, данной Гагариным, говорилось: «И первой город надлежит делать на помянутой реке Иртыше у Ямышева озера, и оттоль, усмотря, где надлежит, делать и иные городы»[3]. Экспедицией Бухгольца были основаны укрепления Ямышевское и Омское, однако в 1716 г. из-за противодействия со стороны джунгар она вернулась обратно. Ямышевская крепость была частично разрушена джунгарами, но через несколько лет восстановлена. В течение 1715–1720 гг. в этом же направлении был снаряжен еще ряд экспедиций, которые основали укрепления Железинское, Семипалатное и Усть-Каменогорское. Дальше всех в тот период смогла продвинуться экспедиция во главе с И. М. Лихаревым. Достигнуть Яркенда так и не удалось, однако удалось закрепиться в Среднем Прииртышье, причем здесь Россия столкнулась не только с Джунгарией, но и с казахами[4]. Именно сибирский губернатор столкнулся с проблемой взаимоотношений с казахами, владетели которых вступи-

[1] Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. Вторая. 1713–1724. СПб.: Тип. Министерства Внутренних Дел, 1885. Док. № 39. С. 130.

[2] Троицкий С. М. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России в первой четверти XVIII века // ВИ. 1977. № 2. С. 67–68. По иронии судьбы они попали в плен к джунгарам, организовав у них производство артиллерии, которое позже использовалось в том числе и против России.

[3] Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2 (1713–1724). СПб., 1885. С. 135. Док. № 39.

[4] См.: РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 201–206; Памятники сибирской истории… Кн. 2. Док. №№ 39–97. С. 126–422; Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998. С. 22–40 и др.

ли с М. Гагариным в дипломатические сношения. С этого момента начинаются переговоры казахских владетелей с российской администрацией, итогом которых стало обращение первых с просьбой о присоединении к Российской империи. В период 1716–1718 гг. казахи несколько раз входили с предложениями о заключении военного союза с Россией против джунгар, о развитии русско-казахской торговли, о взаимной выдаче преступников и др. Первое такое предложение было сделано казахским ханом Каипом 13 сентября 1716 г.[1] Позднее с такими же предложениями обращаются Абулхаир, Мамай-султан и др[2].

Следует подчеркнуть, что стремление к сотрудничеству с Россией не было единственной формой взаимоотношений казахов с Российской империей в начале XVIII в. Было и простое соседство, когда казахи кочевали близ российских поселений. Были торговые контакты на местном уровне. Наконец, были и вооруженные столкновения. Так, полковник Л. Парфеньев в 1723 г. доносил, что казахи на границах Сибирской губернии «Его Величества людей конечно раззоряют, в полон увозят и побивают, хлебы, сена жгут и оным неприятелем в таковой близости всеконечно кочевать не надлежит». В 1724 г. правительством для охраны от нападений казахов было предложено использовать драгунский тысячный полк, 3 ишимские роты и еще один полк переселить в остроги близ городов, т.к. «одним полком надежность охраны поселений обеспечена не будет»[3].

На рубеже первого-второго десятилетия XVIII в. казахские ханы входили в пограничные рубежи России и в районе Волжско-Уральского междуречья вплоть до Казани, вели переговоры с башкирскими старшинами и с царским двором. Имеются сведения об участии отдельных отрядов казахов в антиправительственном восстании башкир 1708–1709 гг., но без их поддержки со стороны Тауке, Абулхаира и других

[1] По Юлианскому календарю.

[2] Памятники сибирской истории… Кн. 2. С. 152–166. Док. № 41.

[3] Там же. С. 442–444. Док. № 106.

влиятельных ханов и султанов[1]. Правительство и на этих рубежах рекомендовало предотвращать «впадения» казахов, одновременно поддерживая дипломатические контакты и не считая такие явления агрессивными антироссийскими действиями.

Более того, рассматривая различные варианты развития международной ситуации в регионе, российские власти серьезно относились к предложениям о военных и торговых союзах и возможном подданстве. Уже в тот период сибирские власти допускали возможность антиджунгарского союза казахов с китайцами, в связи с чем старались ограничить контакты казахов с китайскими посланцами, следовавшими через российские владения[2].

В 1725 г. казахские владетели отправляют ряд посольств к российскому двору, причем уже в процессе этих переговоров поднимается вопрос о вхождении казахов в состав империи.

Российский император положительно оценивал перспективы вхождения Казахского ханства в состав Российской империи. Хрестоматийным стало следующее свидетельство А. Тевкелева[3].

Петр Великий в [I]722-м году, будучи в Персицком походе и в Астрахани, чрез многих изволил уведомится об оной орде, хотя-де оная Киргиз-Кайсацкая степной и лехкомысленный народ, токмо-де всем азиатским странам и землям оная-де орда ключ и врата; и той ради причины оная-де орда потребна под Российской протекцыей быть, чтоб только чрез их во всех Азиатских странах комоникацею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять.

И все же Петр I, не желая усиливать противоречия с джунгарами, этот вопрос решил отрицательно. В то же

[1] Избасарова Г. Б. Российский фактор в казахско-башкирских отношениях в 1-й четверти XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. 2016. № 5/2. С. 65.

[2] См., напр.: Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик. Отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул: АзБука, 2006. Док. № 37. С. 53.

[3] КРО-1. Док. № 22.

время Россия стремилась дипломатическими средствами смягчить нажим на казахов со стороны Джунгарии.

Следующее посольство казахского хана Младшего жуза Абулхаира было отправлено в Петербург в 1730 г., и 19 февраля 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала Жалованную грамоту о приеме казахов в состав Российской империи. Для приведения казахских владетелей к присяге в казахскую степь была направлена миссия во главе с А. И. Тевкелевым. Он был наделен чрезвычайными дипломатическими полномочиями. 10 октября 1731 г. в урочище Манитюбе на Иргизе присягу на верноподданство Российской империи приняли хан Абулхаир и ряд казахских владетелей из числа его близких родственников и окружения[1].

Отрывок из текста Жалованной грамоты:

«Понеже Мы Великая Государыня Наше Императорское Величество из писания твоего Эбулхаир хана чрез посланцов твоих Кутлумбетя Коштаева да Сейткула Куйдагулова усмотрели желание твое со всем твоим владением быть в подданстве нашем и с подданными российскими с башкирцами быть в миру, а те посланцы твои, Эбулхаир хана, словесно здесь доносили, что желаешь ты, хан, с войском касацким (казахским) быть в подданстве у нас на следующих пунктах:

1) Обещаетесь Нашему Императорскому Величеству служить верно н платить ясак так, как служат башкирцы; 2) чтоб от подданных российских обид и раззорения вам никакова не было; 3) ежели на вас касаков будут нападать какие неприятели, чтоб вы могли от того Нашим И-го В-ва защищением охранены быть и счислять бы вас с подданными российскими; 4) чтоб ясырей, взятых от вас башкирцами и протчими российскими подданными, вам возвратить, а вы обещаете взятых

[1] Вопросы изучения деятельности посольства Сеиткула Койдагулова и Кутлумбета Коштаева, а также миссии А. И. Тевкелева освещены в литературе широко и подробно. См.: Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. Л.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1941; Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М.: Изд-во АН СССР, 1957; Шоинбаев Т. Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России и его прогрессивное значение. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Алма-Ата, 1966; История Казахской ССР. В 5-ти томах. Т. 3. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979 и др.

россиян отдать, и з башкирцами и с калмыки быть в миру, и Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество тебя, киргис касацкого Эбулхаир хана, старшину и все киргиз-касацкое войско пожаловали. Повелели по прошению вашему принять вас в подданство на вышеизображенных требуемых вами пунктах, и потому надлежит вам хану и всему войску, касацкому содержать себя всегда в постоянной верности Нашему И-му В-ву и к Нашим наследником; и когда по указу Нашего Императорскаго Величества будет вам наряд куда на службу нашу з другими подданными российскими, з башкирцы и с калмыки, тогда вам с ними вместе в определенные места ходить со всякою охотою; на башкирцов, и на яицких казаков, и на калмык, и на других русских подданных никаких нападений, набегов и обид весьма не чинить и жить с ними мирно и безсорно; також де купцам российским подданным, ездячим: из Астрахани и из других мест с караваном и особь к вам и чрез ваши жилища и кочевья в другие места, никакова препятствия и обид не делать, но наипаче оных от всяких опасных в пути случаев охранять и в проездах их потребное вспоможение чинить»[1].

При приеме казахов Младшего жуза в подданство в 1731 г. казахи наделялись теми же правами и обязанностями, что и башкиры[2]. Последние владели землей на правах вотчинной собственности. Жалованная грамота о приеме башкир в подданство, а затем и Соборное Уложение 1649 г. запрещали русским не только приобретать, но даже арендовать башкирские земли[3].

Оценки самого принятия подданства его субъектами были разнообразны. Для российского правительства в этот период имели значение не столько правовая база системы протектората, сколько сам факт присоединения. Казахи априори рассматривались в качестве «верноподданных»,

[1] РГАДА. Древнехранилище. МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками». 1731 г. Л. 1 об. – 2.

[2] МИПС-1. С. 12.

[3] См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985.

то есть находящихся под полной юрисдикцией России[1]. Несколько позднее российские власти к части казахов стали относиться как к двоеподданцам, т.е. одновременно платящим дань двум патронирующим государствам. В то же время по отношению к казахам правительством категорически запрещалось признание их двое- или даже многоподданства, что де-факто с отдельными подразделениями казахов происходило на протяжении XVIII – середины XIX вв. К таковым относились части казахов, кочевавшие вблизи владений Хивы, Коканда, Джунгарии и Китая. Так, в инструкции МИДа, данной в 1842 г. посланнику России в Хиве Данилевскому, особо подчеркивалось, что платящие зякет Хиве казахи признаются подданными России, так как, «приняв однажды присягу на верность подданства России, сим самым уже не могут быть признаваемы иначе, как подданными Российской империи», а сбор зякета (налога) стал трактоваться Россией не как подданство казахов среднеазиатским правителям, а как плата за охрану хивинцами российских торговых караванов[2].

В отношении казахов правительство категорически настаивало на неприятии варианта двоеподданства. Сенат неоднократно указывал, что казахов Младшего и Среднего жузов следует рассматривать в качестве состоящих «в единственном подданстве Российской империи»[3].

Представители правительства и местной администрации сходились во мнении, что принятие в подданство казахов с точки зрения внешнеполитической заинтересованности России имело своей целью установление дополнительного противовеса Джунгарии и должно было ослабить претензии последней на сибирские территории империи[4]. Одновременно правительство настоятельно рекомендовало

[1] С 1771 г. «верноподданными» стали именовать казахов, кочевавших во внутренних районах империи, кочевавших во внешних районах (позднее – округах) – «неверноподданными». РГИА. Ф. 1264. Оп.1. Д. 319. Л. 18 об. – 19 об.

[2] Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. 4. 1842 и 1843 год / Сост. А. Г. Серебренников. Ташкент: Тип. штаба Турк. воен. округа, 1914. С. 35–36.

[3] РГАДА. Ф. 248. 1764–1779 гг. Оп. 113. Д. 1287. Л. 8–8 об., 21–21 об. и др.

[4] Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1998. С. 76.

всяческими средствами препятствовать политическому сближению казахов и джунгар[1].

После разгрома Цинами Джунгарии политический курс российской администрации в этом вопросе не изменился, только роль Джунгарии стал играть Китай.

Различные слои казахского социума неоднозначно относились к факту принятия подданства. Пророссийская ориентация, например, в то время была характерна для значительной части казахских биев. Однако определенная часть Жадигидов рассматривала приведение к присяге на верность в качестве «приведения в неволю». Ряд Чингизидов, вероятно, продолжал рассматривать подданнические отношения в качестве союзнических. Кроме того, антироссийские настроения могли быть следствием нежелания усиления авторитета Абулхаира, происходившего из младшей ветви – Осекидов.

Значительная часть казахской знати видела в присоединении возможность развития торговых отношений вплоть до использования института двойного подданства для получения прибылей от торговли с патронирующими государствами, которые зачастую находились друг с другом в неприятельских отношениях, соперничая в том числе и из-за новых подданных[2]. Так, после разгрома Джунгарии «китайцы дозволяли киргизам (казахам – *А. Б.*) кочевать в опустевших джунгарских степях и приняли их в свое подданство, на что киргизские ханы, получая титулы ванов и гуннов, дары и право отправлять к богдохану посольства, охотно соглашались. Впоследствии коканские и хивинские ханы также начали предъявлять на киргизов свои верховныя права.

[1] Там же. С. 108–110.

[2] Так, казахи продавали русские товары китайцам, а китайские – русским, пользуясь торговыми привилегиями в обоих государствах. См., напр.: Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2. М.: Наука, гл. ред. восточной литературы, 1989. С. 95. Док. № 230. Аналогичным образом поступали алтайские двоеданцы. См.: Боронин О. В. Двоеданничество и двоеподданство тюркских народов Южной и Юго-Западной Сибири, XVII – 60-е гг. XIX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст.к.и. н. Барнаул, 2000. С. 29.

Киргизы пользовались этим, чтобы вполне не подчиняться никому»[1].

Следует отметить, что правительство Российской империи всегда считало в подданстве именно казахские орды, т.е. жузы, а не отдельные роды, племена, поколения или подвластных какому-то правителю казахов. Местные власти, понимая специфику потестарно-политической организации и учитывая региональные внешнеполитические особенности, формально, конечно же, признавая этот подход, на практике все же оценивали «степень подданства» разных слоев казахского общества, его родовых подразделений в зависимости от множества внутри- и внешнеполитичеких и экономических факторов более диверсифицированно и даже дискретно. Как отмечал генерал-губернатор Западной Сибири в своем отчете за 1850 г., т.е. спустя более ста лет после принятия первых актов о подданстве, кочевавшие в отдалении от казачьих линий казахи Среднего жуза регулярно контактировали с кокандцами, давали покровительство их представителям, и лишь находившиеся близ пограничных укреплений казахи, наладившие к этому моменту тесные торгово-экономические связи с русскими поселениями, были искренне преданы России[2].

Большинство казахов воспринимало добровольное подданство как военный и политический союз с Россией, своеобразное покровительство, которое должно было обеспечить степнякам мир и благополучие. Это большинство придерживалось того мнения, что русские не будут стеснять свободу кочевников и причинять тем самым им вред и что подданство, коль оно добровольное, может быть прервано в одностороннем порядке в любой удобный для казахов момент[3]. «Наконец, ордынцы поступали в наше подданство в полной уверенности, что правительство будет постоянно следить за их нуждами, и если поведет их к гражданственно-

[1] Балкашин Н. Н. О киргизах и вообще подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. МВД, 1887. С. 20.

[2] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. 1852 г. Д. 2257. Л. 6.

[3] Галиев В. Проблемы казахской государственности XVII–XVIII веков // Культурные контексты Казахстана: история и современность: Материалы международного семинара, посвященного 100-летию М. О. Ауэзова / Сост. А. Кодар, З. Кодар. Алматы: Ниса, 1998. С. 138.

сти, то путем не насильственным, а мирным, тихим»[1]. При этом нарушение пунктов, предусмотренных Жалованной грамотой, нанесение прямого урона сюзерену не рассматривалось большинством казахов в качестве акта проявления неподданства России. Ярким примером чего может служить, например, разграбление в 1732 г. одной из первых экспедиций после приема в подданство – экспедиции И. Г. Гербера и обсуждение этого вопроса представителями российского правительства и ханом Абулхаиром[2].

В «Экстракте ис полученных известиев о киргискайсацких и башкирских обрасчениах», составленном В. Н. Татищевым 12 августа 1738 г. и содержащим данные за июнь-август того же года, имеются сведения о сообщении тайному советнику яицким казаком Иваном Харкой, побывавшим в казахской степи и встречавшимся, в частности, с султаном Абулмамбетом и влиятельным Джаныбек-батыром, происходившим из поколения аргынов Среднего жуза, о том, что далеко не все казахские владетели поддерживали принятие Абулхаир-ханом российского подданства.

«Он же, Харха, в бытность свою слышал и видел, что многие киргиские владелцы, в российском подданстве быть не хотят, противное и с великим поношением Абулгаир-хана бранили и говорили, что-де он нас так же, как и башкиров или калмык хочет русским в неволю отдать. И Абулгаир-хан, боясь их, трусил. Токмо-же Жаныбек-батырь, видя, что их зюнгорские калмыки[3] утесняют и, присылаемыми послами требуя, многого грозят, разсуждает им непрестанно, что[,] если не хотят быть во владении оных свирепых калмык, от русского подданства не отставали, а иногда-де и силою принуждает. Как-де сея [17838 г.] весны учинилось, что приехали некоторые башкирцы для отыскания и выкупу взятых [казахами] в полон жен и их свойственников, тогда в улусе тобуклы Средней орды оных башкирцов ограбили

[1] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 68. 1858 г. Л. 5.

[2] Почекаев Р. Ю. Судьба экспедиции И. Г. Гербера в контексте Российско-казахских отношений начала 1730-х гг. // Уральский исторический вестник. 2019. № 3. Границы и трансграничные взаимодействия в истории. С. 27.

[3] Зюнгорцами, зюнгарами или зюнгорскими калмыками русские обобщенно именовали в первой половине XVIII в. джунгар.

и самих как пленников содержали. О котором уведав[,] Жаныбек, что они верные Е.И.В. подданные, посылал перво говорить ласкою, чтоб тех пленников отпустили, и как его не послушали, то он, собрав своего улуса человек с 500, на них ходил и, учиня бой, оных пленников высвободил; и за то-де тех противников самих и жен, таская ис кибиток, немилостиво били и ограбили. По которому-де ныне все его, Женыбека, боятся и слушают для того, что он им грозит, если не будут его и хана слушать, то российское войско призовут. Он же сам видел присланных от Шемахи-хана[1] *Болтябай-батыря, которой[,] хотя от них таился, но от других и слышел, что оной хан прислал его с тем, чтоб киргиз-кайсаки искали провно зюнгорских калмык засчиты и обороны у Е.И.В.[,] и[,] если они в подданство приняты, то и он готов Е.И.В. просить»*[2].

Для защиты от возможных нападений со стороны неверноподданных казахов, от бунтовавших периодически башкир начальник Оренбургской экспедиции В. Н. Татищев обращался в 1734–1740 гг. к сибирскому губернатору, бригадиру П. И. Бутурлину с требованием прислать людей для пополнения Оренбургского полка и расселения сибирских крестьян по оренбургским новопостроенным крепостям. Неоднократные требования выполнены не были. Это в совокупности с бегством из сибирских монастырей и острогов сосланных раскольников, в первую очередь их духовных лидеров – раскольнического «святого отца» Ефрема (Елисея) Яковлева и мнимо умершей старицы Евпраксии Егоровой – стало причиной уголовного разбирательства против Бутурлина[3]. Для нас этот сюжет чрезвычайно важен тем, что это было первое серьезное проявление нескоординированности действий оренбургских и сибирских властей, первое проявление «автономности» в принятии важных решений

[1] Шемяха или Шемяка – хан значительной части казахов Среднего жуза Семеке (Самеке). В 1730-х гг. он периодически то объединялся с Абулхаир-ханом против иноплеменников и казахских султанов, притязавших на общеказахское управление, то вступал в конфронтацию с Абулхаиром и его сторонниками.

[2] История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. С. 19.

[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 783. 1734 г. Л. 5, 40–1362; 1371–1562.

сибирского губернатора вопреки распоряжениям наделенных полномочиями от центральной власти оренбургских властей.

Кстати, российское правительство как минимум однажды также рассматривало возможность отказа от патронажа над казахами в связи с невыполнением ими принятых на себя обязательств перед Российской империей. В 1747 г. после многократных нападений казахов на караваны и русские поселения, после невыполнения ханом Младшего жуза личных обязательств перед престолом и оренбургскими властями в Санкт-Петербурге на высшем уровне рассматривался вопрос о том, не стоит ли отрешить казахов от подданства Российской империи и не предпринять ли против них серьезный военный поход с целью создать полосу отчуждения между русскими поселениями и кочевьями казахов. Но после смерти Абулхаира в 1748 г. и установления относительного спокойствия в казахской степи такая вероятность больше никогда не рассматривалась российскими властями[1].

Вместе с тем российские власти прибегали к лишению подданства части казахов (родов и подразделений) в случае их несогласованной откочевки в пределы других стран и присоединения к антиправительственным выступлениям в них, что могло бы существенно осложнить отношения с соседними государствами, особенно с Китаем. Именно так поступили российские власти с откочевавшими в Синьцзян киргизами и казахами в 1865 г. (в период Илийского кризиса)[2]. Это было самое массовое лишение казахов подданства со стороны России. Но такие факты по отношению меньших патронимических групп имели место и прежде.

Первым административным органом управления казахами в составе Российской империи являлась Известная, в скором времени переименованная в Оренбургскую, экспедиция. В 1738 г. она же была переименована в Оренбургскую комиссию. Административный аппарат экспедиции

[1] Крафт И. Принятие киргизами русского подданства // Известия Оренбургского отдела ИРГО. Вып. 12. Оренбург: Типо-литография П. Н. Жирянова, 1897. С. 49.

[2] Моисеев С. В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэттишар (1864–1877 гг.). Барнаул: Азбука, 2006. С. 26.

и комиссии располагался в Самаре. В состав экспедиции входило в разное время до 30 чиновников во главе с председателем. Первым председателем был И. К. Кириллов. Экспедиция и комиссия были наделены чрезвычайными дипломатическими полномочиями вплоть до возможности подписания серьезных международных договоров о создании военных и политических союзов с иными государствами. В ее обязанность входило урегулирование отношений с народами Нижнего Поволжья и Нижнего Урала, а также топографическая и геолого-минералогическая разведка территорий, основание городов и укреплений.

Усилиями членов экспедиции, а затем комиссии были определены места для последующего основания форпостов по Уралу и в ряде случаев далее в степи. Были выявлены некоторые месторождения полезных ископаемых (включая Эмбенское нефтеносное месторождение). О том, что в Оренбургскую экспедицию к И. К. Кириллову были направлены высокопрофессиональные специалисты, можно судить, например, по тому, что в инструкции геодезистам, составленной в 1732 г., содержалась одна из первых таблиц условных топографических знаков[1]. И направление специалистов столь высокого уровня свидетельствует о важности этого органа с точки зрения правительства Российской империи.

Экспедицией было начато строительство г. Оренбурга[2], получившего от правительства привилегии в качестве приграничного центра российского представительства, администрация которого наделялась правом конфирмации[3]. Вместе с тем действенных рычагов административного воздействия новый орган практически не имел. В результате руководители экспедиции вынуждены были лавировать между интересами местных группировок, добиваясь от них

[1] Ксенжик Г. Н., Карин Е. Т. Сводный каталог картографических материалов по истории Казахстана. XVII – начало XX вв. Алматы: Изд-во «N-PRESS», 2023. С. 55.

[2] Ресурсов для строительства укреплений было недостаточно. В том числе людских ресурсов. С этой целью в 1734 г. был издан специальный указ о направлении из внутрироссийских городов и уездов бобылей. См.: ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 67. 1734 г. Л. 2.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 523. Л. 17.

присяг и клятв, не в состоянии в то же время адекватно реагировать в случае их нарушения.

В ханском достоинстве утверждались не только казахи. Одним из первых в 1735 г. здесь был утвержден «Аральской хан с народом», который то проявлял лояльность к хивинскому престолу, то считал себя полновластным самостоятельным правителем. После этого ситуация в Приаралье весьма быстро стабилизировалась, что позволило начать «полезную коммерцию с Великою Татариею и в Хиву, в Бухарию, в Ташкент, в Балх и в другие места»[1]. Поддержка Россией аральских владельцев (кунградцев) в тот период основной целью все же имела развитие торговых и политических отношений непосредственно с самой Хивой[2].

Выполняемые задания экспедиции и комиссии в целом свидетельствуют, что они были скорее органами внешнеполитическими, нежели административными. Неслучайно первый председатель комиссии выдвигал стратегические планы развития судоходства по Аралу и рекам, в него впадающим, но главной реальной проблемой, которую приходилось решать И. К. Кириллову, было подавление башкирских восстаний.

В. Н. Татищев, сменивший на посту руководителя Оренбургской экспедиции умершего в 1737 г. И. К. Кириллова, считал, что принимающие подданство казахи стремились получить односторонние выгоды, и он в принципе не исключал возможности разрыва казахами условий Кондиций и денонсации присяги (=договора) о подданстве. Поэтому он считал нецелесообразным быстрое продвижение границ России на Восток, на котором настаивал его предшественник[3]. Если И. К. Кириллов полагал необходимым скорейшее освоение Новой России, как он называл Оренбургскую степь, то В. Н. Татищев не без основания видел в этом аферу стоящих за Кирилловым царедворцев – Остермана, Чер-

[1] РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 260.

[2] Почекаев Ю. Р. К истории «буферных государств» на границах России: Аральское владение и его роль в русско-хивинских отношениях XVIII–XIX вв. // Восточный архив. 2015. № 1(31). С. 12–13.

[3] Геллер М. Я. История Российской империи. Т. 2. М.: Изд-во «МИК», 1997. С. 109.

касского и Бирона[1]. Во внешнеполитическом отношении гораздо больше беспокоила нового оренбургского начальника возможность создания союза с Оттоманской Портой в связи с полученным в конце 1737 г. известием о прибытии к казахам турецкого посланника[2].

В. Н. Татищев постепенно перенес основное внимание своей деятельности на решение торгово-экономических вопросов. Значительную роль играли также вопросы развития горнорудной промышленности Урала, оптовых закупок лошадей для русской армии и др. Кроме того, В. Н. Татищев получил полномочия для осуществления судебных функций над «тамошними исконными» российскими подданными, казаками, башкирами и мещеряками. Но сил для внедрения оптимальной, с точки зрения властей, системы управления было недостаточно. Правительство распорядилось использовать при необходимости войска и другие ресурсы, находившиеся в Сибири. Только распоряжений оказалось недостаточно. В период башкирских антиправительственных выступлений сибирский губернатор отказался направить людей в Оренбургский полк. Отказался он и от направления «мужиков» на строительство укреплений по Уралу[3].

Отражением изменения приоритетов деятельности органа с решения внешне- на решение внутриполитических вопросов стало переименование Экспедиции в Комиссию.

В деятельности следующих руководителей Оренбургской комиссии В. А. Урусова, Л. Я. Соймонова, а потом и И. И. Неплюева[4] решение административных вопросов и градостроительства уже полностью доминировало. Они обладали и другой ресурсной базой – основой осуществления властных полномочий. В их прямом подчинении состояли

[1] Кузьмин А. Г. Татищев. 2-е изд., доп. М.: Мол. гвардия, 1987. С. 243.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 281.

[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 783. 1734 г. № 6947. Л. 67.

[4] К сожалению, уже на ранних этапах становления управления губернские власти обрастали коррупционными связями. В Оренбуржье бытовала поговорка «Неплюев даром не плюнет, а секретарь его Кантяжев все дела свяжет». См.: Казанцев И. Описание киргиз-кайсак. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1867. С. 56–57.

регулярные и иррегулярные войска. С ростом полномочий расширялся и штат комиссии.

Наконец, Оренбургская комиссия трансформировалась в администрацию образованного Оренбургского генерал-губернаторства. В именном Указе от 14 марта 1744 г. об образовании губернии отмечалось: «…Быть в Оренбурге Губернии и именоваться Оренбургская Губерния, и в ней быть Губернатором Тайному Советнику Неплюеву, а во оной Губернии ведомым быть всем тамошним по той Оренбургской Комиссии». Этому органу были переданы в ведение все дела, касавшиеся заведования крепостями и строительства новых, управления русским населением, башкирами, обороны границы и отношений с казахами Младшего жуза[1]. Вместе с тем для качественной организации пограничного управления ресурсов катастрофически не хватало. В том числе человеческих. К фортификационным работам привлекались казаки, крестьяне, многие из которых позднее переводились в разряд служилых казаков. В меньшей степени для строительства использовали солдат и офицеров регулярных войск и ссыльных, хотя и такие случаи известны. С 1734 г. для строительства линейных укреплений в Оренбургском крае из центральной России даже насильно собирали бобылей[2].

Казахи Среднего жуза были отнесены к ведению Сибирского генерал-губернаторства (хотя в XVIII в. присягу обычно приносили оренбургским губернским властям, чем помимо прочего демонстрировалось единоначалие для подданных и определенная зависимость сибирских губернских властей от решений оренбургского начальства). До 1780-х гг. в этих органах не было специальных подразделений для управления казахами, а самих казахов еще долгое время во многих ситуациях рассматривали в качестве иностранцев.

Как верно отмечено В. В. Трепавловым, организация системы управления в Казахстане этого периода не может быть четко классифицирована как один из классических

[1] См.: Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 1999. С. 5–52. На с. 5 опубликована копия именного указа об образовании Оренбургской губернии.

[2] ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. 1734 г. Д. 67. Л. 2.

вариантов колониализма – протектората или вассалитета. Во-первых, Казахстан обычно не рассматривался в качестве иностранной территории, во-вторых, он управлялся генерал-губернаторами, которые не являлись наместниками, а их функции были во многом аналогичными функциям генерал-губернаторов иных административно-территориальных образований Российской империи[1]. Близкую трактовку существа системы управления Россией казахами в XVIII в. давал и В. Я. Басин, отмечавший, что «Россия умело использовала (и это вполне устраивало казахских владетелей) несколько видоизмененный по содержанию и форме институт протектората, который сочетался с элементами вассалитета»[2].

Согласно условиям подданства, определенным Кондициями[3], казахи обязывались платить ясак пушниной, обеспечивать свободный проход торговых караванов в среднеазиатские владения, прекратить всяческие нападения на иных российских подданных вне зависимости от их этно-конфессиональной принадлежности, а также получали торговые привилегии в российских укреплениях при свободном допуске к торговым местам. Российские власти со своей стороны были обязаны предотвращать набеги башкир и калмыков, оказывать защиту казахам от внешних врагов, предоставляя им возможность находить укрытия в российских форпостах. В то же время казахи сохраняли широчайшую автономию в вопросах внутреннего управления и возможность заключения внешнеполитических договоров с соседними народами и государствами, за исключением направленных против Российской империи[4]. Не обозначенные договором о подданстве прин-

[1] Трепавлов В. В. Три столетия территориального расширения России // Отечественная история. 2003. № 2. С. 185.

[2] Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII веках (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1971. С. 260.

[3] История Казахстана с древнейших времен до конца XVIII века. (Практикум – учебное пособие) / Под ред. Д. И. Дулатовой. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. С. 117–119.

[4] Следует отметить, что уже в середине XVIII в. российское правительство делает первые попытки ограничить внешнеполитические контакты казахских владетелей. Так, Коллегия иностранных дел рекомендовала оренбургскому генерал-губернатору

ципы административного взаимодействия российской администрации и казахов получали реальное наполнение и последующую правовую легитимацию практикой взаимоотношений. И лишь позднее основным источником права в этой паре субъектов правовых и административных отношений становится имперское законодательство.

Как отмечено выше, понимание подданства трактовалось акторами по-разному. Своеобразными были политические взгляды Абулхаира, который пытался укрепить собственную власть, опираясь на силу России[1], с одной стороны, и в то же время покровительство Российской империи представлялось ему единственным гарантом безопасности казахов[2]. Как отмечает И. В. Ерофеева, присоединение к Российской империи являлось для хана Младшего жуза средством преодоления центробежных тенденций в казахском кочевом социуме, сохранения его этносоциальной идентичности, а посредством приобщения к новым ценностям европейского общества – преодоления этнокультурной изоляции и поступательного развития казахского общества (прогресса)[3].

Видимо, с помощью России Абулхаир надеялся также расширить сферу влияния своей фамилии. Например, его потомки и иные казахские Чингизиды с 1728 по 1809 г. периодически занимали ханский трон в Хиве[4]. Правда,

---

И. И. Неплюеву принять меры по расстройству брака дочери хана Абулхаира с джунгарским правителем Цэван-Доржи-Намжи. См.: Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик. Отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул: АзБука, 2006. Док. № 94. С. 148–149. Хотя еще долгое время рассматривалась возможность использования фактора наличия Чингизидов из среды казахов в качестве удобных марионеточных правителей для среднеазиатских ханств. См., напр.: Военное предприятие противу Хивы // Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. С. 182–184.

[1] См.: Тынышпаев М. Великие бедствия… (Актабан шубырынды). Алматы: Жалын, 1992.

[2] См., напр.: Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII века). Алма-Ата: Галым, 1991; Моисеев В. А. Трудные годы // История Казахстана: Белые пятна / Сост. Ж. Б. Абылхожин. Алма-Ата: Казахстан, 1991; Моисеев В. А. Казахско-джунгарские отношения в XVII–XVIII вв. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII веках. Алма-Ата: Наука, 1983 и др.

[3] Ерофеева И. В. Хан Абулхаир… С. 321.

[4] Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1 (V в. до н.э. – XVIII в.н.э.) / Под ред. С. Д. Асфендиарова и П. А. Кунте. 2-е изд-е. Алматы: Казахстан, 1997. С. 326–328 и др.

реальной властью они там обладали редко, и местная узбекская аристократия их периодически свергала[1]. Российское правительство до конца XVIII в. рассматривало возможность приведения среднеазиатских государств в добровольное подданство Российской империи, поэтому поддерживало стремление Абулхаира и его потомков подчинить себе хивинский престол[2] и получить ханское достоинство у туркмен[3].

Кроме того, несомненна заинтересованность Абулхаира в расширении территории кочевий казахов за счет уральской поймы. Об этом, в частности, он говорил в 1743 г. в письме к императрице Елизавете Петровне[4]. Нельзя исключать и возможности стремления Абулхаира превратиться в феодального владельца, получив легитимацию землевладельческих прав на земли, населенные казахами, со стороны российских властей. В частности, в другом письме к Елизавете (около 1746 г.) Абулхаир сформулировал благодарность за разрешение правительством Российской империи хозяйственной эксплуатации казахами приуральских степей следующим образом: «Великорослые травы и немутные воды по ту сторону Яйка реки (реки Урал – *А. Б.*) нам пожаловают, чем я не только однократно, но и тысящами крат доволен»[5].

Вместе с тем позицию Абулхаира по отношению к России нельзя назвать последовательной, и зачастую корыстные сиюминутные интересы перевешивали его стратегические планы. Как отмечал Л. Мейер, «Абулхаир письменно уверял в своей преданности, а на самом деле грабил нас, где мог»[6]. По свидетельству Дж. Кэстля, находившегося в казахской степи, Абулхаир планировал не только нападения на тор-

[1] МИКХ. С. 463–464, 475 и др.

[2] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/2. 1742–1753 гг. Д. 8. Л. 87–90.

[3] АГС. Т. 1. Ч. 2. С. 265–266 и др.

[4] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1747 г. Д. 3. Л. 190–190 об.

[5] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 441.

[6] [Мейер Л.] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.: Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. С. 10.

говые караваны и российские поселения, но даже захват самого статского советника[1].

При приеме в подданство казахов Младшего жуза в 1731 г. одним из обязательств российского правительства перед казахами была постройка города на реке Орь, где предполагалось разрешить производить торг русским с казахскими и среднеазиатскими купцами[2]. Город должен был служить также укреплением, которым могли воспользоваться казахские правители в случае чрезвычайных обстоятельств, угрожавших их жизни. Казахский хан Абулхаир, видимо, надеялся, что Оренбург станет его ханской ставкой. Фактически же город Оренбург, место расположения которого менялось, стал центром российского административного управления. Именно здесь в 1739 г. приняли присягу о подданстве хан Среднего жуза Абулмамбет и один из сильнейших казахских султанов Аблай[3]. Принесение таких присяг периодически повторялось до 30-х гг. XIX в. в Младшем и Среднем жузах. Закрепление же власти России на этих территориях связано с введением окружной системы управления.

Когда Абулхаир-хан понял, что Орск и Оренбург не станут его ставками, он вошел с предложением строительства укрепления в глубине степи. Позднее с аналогичным предложением – о строительстве крепости для себя – входил в правительство хан Нуралы. Нуралы честно объяснял причину строительства такой крепости: «для воздержания народного и к приведению их (казахов – *А. Б.*) в порядок и послушание»[4]. Абулхаир также стремился перенести Меновый двор – центр русско-казахской и транзитной

[1] Кэстль Дж. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру хану Киргиз-Кайсацкой Орды / Пер. с нем. Алматы: Жибек жолы, 1998. С. 56.

[2] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1731 г. Л. 64–66 об.

[3] ГАОрО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 2 об. По сведениям Н. А. Логутова, помимо представителей торе присягу приняти и 56 знатных представителей кара суйек – родоначальники, бии и батыры. См.: Логутов Н. А. Очерк родового быта казаков и распределение основных казакских родов на территории быв. Семипалатинской губернии // Записки семипалатинского отдела общества изучения Казакстана. 1929. Т. 1. Вып. XVIII. С. 35.

[4] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/1. 1759 г. Д. 4. Л. 4-об.

торговли – далее от Оренбурга в глубь степи[1]. Все это объяснялось очень просто: в таком случае степень его независимости, и без того весьма существенная, резко бы повысилась. Возрос бы его авторитет и уровень властных полномочий.

Не менее сложным и долговременным был процесс присоединения Старшего казахского жуза. Хотя туда и была направлена Жалованная грамота императрицы еще на имя хана Жолбарса, долгое время жуз находился вне сферы непосредственного влияния Российской империи. Лишь в 1819 г. значительная часть казахов этого жуза во главе со Сьюком Аблайхановым перешла под защиту российских укреплений и обязалась платить ясак[2]. Далее значительная часть казахов этого патронимического объединения присягнула на верность в период подавления восстания под предводительством Кенесары Касымова (1837–1847 гг.). Реально же процесс присоединения Казахстана к Российской империи растянулся до 1860-х гг., когда были включены притяньшаньские и присырдарьинские районы и произошло объединение сибирских и оренбургских линий по внешним границам ареала расселения казахов[3]. Параллельно создавалась система организации власти и управления.

Уже в начале 40-х гг. XVIII в. в правительстве сложились первоначальные черты концепции привлечения казахов к сотрудничеству с местной российской администрацией. Основаны они были на необходимости усиления экономической и политической заинтересованности казахов в покровительстве со стороны приграничных российских властей, с одной стороны, и на разумном

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 896. № 1379. Л. 1760. Документальных свидетельств этого нет, но имеются косвенные данные, по которым можно предположить, что существенное снижение торговли на Меновом дворе в 1746 г. (по сравнению с 1745 г.) и накопление нераспроданных русскими купцами товаров на его складах могли быть в том числе следствием действий Абулхаир-хана, который отговаривал казахов от торговли близ Оренбурга и даже мог оказывать содействие в грабеже караванов среднеазиатских купцов.

[2] Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. Приложения. С. 169.

[3] Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. С. 121–198.

использовании имеющихся в распоряжении губернской администрации средств оказания силового давления, с другой[1]. Главными посредниками (проводниками) между российскими властями и казахскими шаруа первоначально предполагалось использовать представителей султанского сословия[2].

Основными средствами реализации концепции сочли следующие мероприятия: повсеместное развитие оптовой торговли, но в строго отведенных местах – внутри или вблизи от русских форпостов; расширение казачьей колонизации и увеличение присутствия регулярных российских войск в приуральском и сибирском регионах.

Концепция частично базировалась на апробированных в 1730-е гг. приемах и методах. Так, по приказу начальника Оренбургской комиссии В. Н. Татищева близ Оренбурга был построен «меновой двор в двух верстах от Яика на степной стороне»[3]. Позднее подобные меновые дворы создаются при большинстве вновь возводимых крепостей и городов. Здесь купцам и торговцам из казахов предоставлялось право постоянного поселения и определялась система разнообразных льгот и привилегий, направленных на поощрение перехода к оседлому образу жизни и развитию новых технологий жизнеобеспечения. В частности, поселяющимся в городах казахам предоставлялась возможность безвозмездного пользования землей, отведенной под дворы и постройки, оказывалась помощь казенным строевым лесом с оплатой полученных материалов без процентов в течение 10 лет, освобождение от постойной повинности и др. Оптовая и розничная торговля производились с взиманием весьма незначительного таможен-

[1] Г. Ф. Миллер, например, отмечал, что верноподданство казахов будет достигнуто тогда, когда они будут "служить смешено с русскими командами и не имеют других предводителей кроме русских". См.: Миллер Г. Ф. Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г. Пер. с нем. А. Х. Элерт // Источники по истории Сибири досоветского периода / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1988. С. 69.

[2] РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 85. Л. 19 об.

[3] Цит. по: Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX веков. Алма-Ата, 1960. С. 111.

ного сбора, специальными актами от него освобождались торговцы хлебом[1].

Оренбургским губернатором И. И. Неплюевым и генералом фон Штокманом был разработан так называемый «запасной план», который был утвержден правительством 14 января и принят к реализации 8 марта 1744 г.[2] План представлял собой проект военного окружения казахских степей с запада и севера путем соединения военных линий и их поэтапного продвижения вглубь степи, а также концентрации на границе регулярных и нерегулярных войск. В историографии утвердилось мнение, что И. И. Неплюев стал автором так называемого «жесткого курса» в отношении нерусского населения юго-восточной периферии Российской империи, в основе которого лежала политика «разделяй и властвуй!» На наш взгляд, он продолжил идеи предшественника – И. К. Кириллова, писавшего, что «ежели калмыки какую противность покажут, то мочно на них киргизцов (казахов – *А. Б.*) обратить… а напротив того буде Киргиз-Кайсаки злобу иметь, то на них Калмык и Башкирцев послать»[3]. Однако следует признать, что И. И. Неплюев действительно внес существенный вклад в формирование правительственной политики Российской империи на Востоке, не сводя к тому же колониальное управление только к силовым вариантам решения проблем взаимодействия с имперской властью различных социально-политических и этнических групп.

О весьма ограниченной возможности использовать силовые методы реализации решений российских властей в тот период можно судить по численному составу регулярных и нерегулярных войск на так называемых пограничных линиях.

К 1747 г., по списку И. И. Неплюева, Оренбургская линия включала в свой состав 28 крепостей, 36 редутов, 3 казачьих

[1] Там же. С. 99.

[2] См.: ГАОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 321; РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 118. 1744 г. Л. 3–20; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 293 об. – 295; Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. Ч. 2 (1741–1751 гг.) / Под ред. М. П. Вяткина. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. Док. № 21. С. 75–85; История Казахстана с древнейших времен до конца XVIII века (Практикум – учебное пособие) / Под ред. Д. И. Дулатовой. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. С. 109–124 и др.

[3] ГАОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 82 об.

станицы[1]. В девяти полках регулярной армии состояло в это время 7412 человек[2]. Оренбургским генерал-губернатором планировалось довести численность казачества до 9300 человек[3]. В течение сороковых годов XVIII в. на уральские линии было переселено около тысячи казаков только из Малороссии, пополнялся состав и за счет представителей иных регионов и даже иных социальных групп, которые и составили ядро нового Оренбургского казачьего войска, формирование которого завершилось к 1755 г., а его численность к этому времени превысила 16 тысяч человек[4].

В целом на Нижнем Урале в течение XVIII в. происходило поэтапное наращивание иррегулярных войск. Если первая перепись казачьего населения зафиксировала в Приуралье в 1723 г. 16203 человека, из которых годных к воинской службе мужчин – 5572, то по переписи 1742 г. было уже свыше 11 тысяч служилых казаков[5]. К 1801 г. плотность казачьего населения, в первую очередь за счет искусственного прироста, увеличилась здесь до 29588 душ обоего пола[6]. Колонизация региона проходила относительно успешно, как отметил М. К. Любавский, потому, что плотность коренного населения была низкой, а экологические условия окраины были в значительной мере сопоставимы с местами выхода новоселов[7].

В рамках реализации в Сибирском генерал-губернаторстве «запасного плана» Правительствующий сенат издал указ за № 1494 «Об устройстве пограничной линии для закрытия Сибирских мест от набегов киргиз-кайсаков

[1] Ерофеваа И. В. Хан Абулхаир… С. 261.

[2] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/2. 1742–1753 гг. Д. 8. Л. 78.

[3] Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. Ч. 2 (1741–1751 гг.) / Под ред. М. П. Вяткина. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. Док. № 21. С. 81.

[4] Мажитова Ж. С. Строительство Оренбургской линии и создание Оренбургского казачьего войска // Вестник ААУ (Акмола). 1996. № 7. С. 59–60.

[5] Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX в. (Астраханское, Оренбургское, Семиреченское, Уральское). Сборник документов / Сост. Н. Е. Бекмаханова. М.: ИРИ РАН, 2000. Док. № 3. С. 48–59. (Подсчет наш).

[6] Сдыков М. Н. Формирование населения Западного Казахстана в XVIII–XIX веках. Алматы: Галым, 1996. С. 81, 89.

[7] Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. С. 539.

(казахов – *А. Б.*)»[1], для чего первоначально рекомендовалось строительство 11 крепостей и 21 редута. Параллельно подполковником Кутузовым был разработан проект устройства и заселения новоселами военных линий. Осуществление связанных с ними мероприятий было поручено начальнику Сибирских военных линий генерал-майору Х. Х. Киндерману. По предложенному им самим проекту к 1755 г. на Тоболе и в приишимских степях были построены 11 крепостей и расположенные между ними 33 редута и 22 маяка. Новая линия получила название Пресногорьковской или Горькой линии по причине множественного нахождения на ее протяжении горько-соленых озер. Одновременно Киндерман руководил возведением укреплений Колывано-Воскресенской линии, закрывшей 9 крепостями и 53 редутами от набегов кочевников одноименный горный округ[2].

Местное линейное начальство в середине 40-х годов XVIII в. назначало так называемых «пахотных казаков», которым вменялось в обязанность обрабатывать и засевать казенную линейную пашню. Сеяли рожь, ярицу, ячмень и овес. Размеры земледелия были незначительны. В 1746 и 1747 гг. ими было возделано в Железинской крепости всего 223 и 162 дес., в Ямышевской крепости – 171 и 124 дес. земли. Казенные пашни были малопродуктивны еще и потому, что «пахотные казаки» не освобождались от служебных обязанностей[3] и уделяли земледелию незначительную часть времени. Казачество вообще с неохотой относилось к новой обязанности, которая рассматривалась в качестве некой дополнительной повинности. Однако линейное начальство настаивало на необходимости дальнейшего развития земледелия среди казаков.

В 1755 г. генерал фон Киндерман «завел на линиях казенные пашни», обработка которых была возложена на размещенных в крепостях служилых казаков, освобождавшихся

[1] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 16. Док. № 65.

[2] Ерофеева И. В. Хан Абулхаир… С. 263–264. Аналогичные данные приведены в работах: Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747–1897). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1897; Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Полиграфист, 1987; Огурцов А. Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII веке. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Свердловск, 1990 и др.

[3] Куватов Б. А. Из истории взаимоотношений народов Среднего Прииртышья в XVI–XVIII вв. // Вестник науки ААУ (Акмола). 1996. № 7. С. 13.

от несения воинской службы на весенне-осенний период. С целью снабжения Верхнеиртышских крепостей продовольствием в 1760 и 1763 гг. на имя сибирского губернатора Ф. И. Соймонова вновь последовали указы о заселении россиянами местностей по рекам Ульбе, Березовке, Убе, Глубокой, Бухтарме, Иртышу, причем поселенцам отводилось по 3–5 дес. земли под посевы, выдавался хлеб на обеспечение сева и минимально необходимый живой и технический инвентарь. Социальный состав «новоселов» был чрезвычайно пестрым: «поляки» (староверы, бежавшие от религиозных преследований в Польшу)[1], отставные солдаты, «вольно желающие» из крестьян других сибирских регионов и, главным образом, ссыльные[2], к переселению привлекли и государственных крестьян Архангелогородской губернии. Выполнение приказа поручили командующему войсками И. И. Веймарну и генералу К. Л. Фрауендорфу[3].

В середине XVIII в. такие шаги не могли оказать сколько-нибудь существенного влияния на изменение экономического уклада основной массы населения региона в первую очередь потому, что российские администрация, казачество и крестьянство составляли ничтожный процент в демографической структуре. По данным Н. Е. Бекмахановой, в 1744–1745 гг. в Семипалатинской крепости проживало 204, в Железинской – 54, в Усть-Каменогорской – 141, в Ямышевской – 303 человека[4]. К 1755 г. на Иртышской линии располагалось 5 крепостей, 10 форпостов, 29 реду-

[1] Алексеенко Н. В. Усть-Каменогорск. Алма-Ата: Казахстан, 1970. С. 7–8; Алексеенко Н. В. Бухтарминские были. Алма-Ата: Казахстан, 1981. С. 40–41.

[2] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. / Гл. ред. М. Н. Дружинин. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 780.

[3] См.: Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1989. С. 150–152. Док. № 204; Тыжнов И. И. Падение Джунгарии // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей XVIII–XX вв. Сборник статей и материалов / Под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. С. 16–17; Исупов С. Ю. К вопросу о расселении отставных военнослужащих по Колывано-Кузнецкой укрепленной линии во второй половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: Материалы конференции / Под ред. Ю. Ф. Кирюшина, В. А. Скубневского. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. С. 291 и др.

[4] Бекманова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX вв. М.: Наука, 1980. С. 176.

тов и 35 маяков[1]. Некоторые архивные источники дают чуть большую цифру. В 1744 г. во всех верхнеиртышских крепостях насчитывалось 1114 д.м.п[2]. Но в любом случае это было крайне незначительное число. Именно это стало причиной совместного обращения в 1743 г. оренбургского губернатора И. Неплюева и сибирского губернатора А. Сухарева к правительству с просьбой санкционировать строительство крепостей от Семипалатинска до Телецкого озера, а в другую сторону – до Чернолуцкой слободы и по Уралу и выделение для дислокации в них десятитысячного корпуса регулярных войск[3]. Правительство удовлетворило его лишь частично.

В 1763 г. императрицей был поддержан проект Шпрингера, предусматривавший продвижение линий далее на юго-восток, вплоть до Зайсана[4]. В рамках его реализации в 1777 г. для закрытия от китайского проникновения в Прииртышье была основана Бухтарминская линия.

Из Инструкции, данной императрицей Екатериной II генерал-поручику Шпрингеру, командующему войсками по Сибирским линиям

ИНСТРУКЦИЯ

Нашему Генералу Порутчику Шпрингеру

Поручается в команду вашу все сибирские линии, с находящимися на оных войсками, и потому имеете вы к сей порученной полев[ой] команде ехать немедленно.

По тамошним границам нас во время кочевания за оными Зенгорского народа

1-е

По разсмотрении всех произходивших до ныне дел[,] касающихся до сего полезного намерения, лучшим к тому средством

[1] Ерофеева И. В. Хан Абулхаир… С. 263–264.

[2] РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 333 об.

[3] Моисеев В. А. Взаимоотношения Джунгарского ханства с Казахстаном, Средней Азией, народами Сибири и политика России. XVII–XVIII вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Новосибирск, 1990. С. 39.

[4] РГАДА. Ф. 248. 1758 г. Оп. 113. Д. 889. Л. 2–7 об.

от признаваемости, чтоб при устье реки Бахтурмы, в реку Иртыш выше Усть Каменогорской крепости в 86 верстах впадающей завесть крепость… воспретить ход из Зайсан озера по реке Иртышу судам неприятельским, которого ныне с китайской стороны предостерегать полезно…

6-е

По основании сей крепости необходимо нужно будет меж оной к Усть Каменогорской, для удобнейшей между обоими коммуникации, учредить на половине дороги редут, чтоб от того редута к обеим крепостям и от них к редуту происходить могли разъезды: но в котором месте точно быть такому редуту, то оставляется равномерно в тамошнее ваше усмотрение. При сем толко примечай тоди по пристойности вещей ко всех тамошних линиям учрежденных форпостов, что хотя со оные для предосторожности от неприятельских набегов и усмотренной в том в военное время надобности…

7-е

Когда на реке Бахтурме возведена будет крепость, то надо здесь по учиненным давно разведыванием линией с одной стороны, где наперед зенгорский народ кочевал, никаких проходов внутрь здешних границ не останется, правою стороною по течению реки Иртыша, а буде паче чаяний и за построением при Устье реки Бахтурмы крепости, еще останется от озера Зайсана по той же стороне неприятельским военным людям проход, чем это возпрепятствовать, на пример[,] построением на другой вперед по Бахтурме крепости, или как здесь лучшее поставляется, по Иртышу вверх по горам подвинутся, и там такое укрепление зделать…

9-е

Наперед сего Зенгорские владельцы зделали время от времени претензии свои на здешния и равно и сибирския места, не имея к тому настоящего права, и хотя китайцы зенгорскими местами завладели, однако дальше от них такой претензии не возобновлено, может стать что удовольствовались они завладением внутренних Зенгорских мест, ни малого примечания не владеть, о заведении с здешней стороны крепости, в таких местах, которыя наперед сего, когда Зенгорский народ был в своей силе, лежали в пусте, по сим обстоятельствам надежда подается[,] не удастся ли со временем пристроить к здешнему

владению и тех мест до самого озера Зайсана простирающихся; которыя особливо уважаются в надежде получения там богатых рудников, толь наипаче что тамошние места (Л. 5) всегда ко здешнему владению принадлежавшими некоторым образом почитаемы были…

12-е

Напоследок из приложенной при сем представлении нашего действительного тайного советника Неплюева, усмотришь ты, что по заведении на реке Бахтурме крепости, немалая надежда к учреждению там торгу с Малою Бухариею, и другими в Великой Татарии лежащими областями, а чрез них и с Индиею, или Моголским государством, для споспешивания такому полезному намерению, и для толь лучшаго при охочивания, соизволяем мы тех, которые будут стараться из сей крепости торговать в вышеписанные места, или из оных в ту крепость приезжать, освободить от пошлин с товаров на десять лет, о чем вы имеете пристойным образом публиковать, а при том поручаем в ваше ведомство таможню, которая учреждена будет в сей крепости, сперва только для осмотра…

Подлинная подписана собственною
Ея Императорскаго Величества рукою тако
Екатерина
Санкт-Петербург
19 сентября 1763 года[1].

Сделать пограничные линии непроницаемыми для возможных проникновений казахов не удавалось. Кроме того, в Сибири и на Урале действовали разбойничьи шайки. Все это создавало реальную угрозу передвижению людей и грузов не только по мелким дорогам, но и по основным трактам. К защите дорог от линии к Тобольску были вынуждены с 1766 г. привлекать взятых в зачет за рекрут крепостных крестьян[2]. Сначала с той же целью в Сибирь направлялись и ссыльные польские конфедера-

[1] РГАДА. Ф. 248. 1753 г. Оп. 113. Д. 482. Л. 2–7 об.

[2] РГАДА. Ф. 248. 1772–1774 гг. Оп. 113. Д. 1380. Л. 7.

ты, но с 1773 г. специальным распоряжением это делать категорически запретили[1].

Вместе с тем плотность русского воинского населения все равно оставалась чрезвычайно низкой: на трех линиях – Горькой, Иртышской и Бухтарминской в 98 укреплениях проживало всего 7578 человек. Этого было явно недостаточно для выполнения возложенных на них задач охраны российских рубежей в Сибири. По настоянию И. И. Шпрингера в состав казачества, размещенного в этих поселениях, были зачислены также 138 запорожцев из партии Железняка и Жвачки, 200 преступников и около 2000 солдатских детей[2]. Таким образом, русское мужское население, способное к воинскому делу, было увеличено приблизительно до 10 тысяч человек, что составляло в среднем 100 человек на одно казачье поселение. На одной из наиболее протяженных – Горькой – линии в начале XIX в. проживало около 6 000 казаков[3]. В сибирском ведомстве в казачье сословие, приняв христианство, вступили в 1780–1790-х гг. несколько сот казахов[4]. На 1808 г. – год официального образования Сибирского казачьего войска – общая численность казаков в сибирском ведомстве определялась в 43541 человек[5]. В 1815 г. их численность непосредственно на линиях возросла до 9245 человек при протяженности Сибирских пограничных линий в 2360 верст, к тому же в Омске проживало 10330 человек, более 1,5 тыс. из которых относились к казачьему сословию, на Ишимской линии, включая жителей Петропавловска, проживало немногим более 14 тыс. человек. Служилое

[1] РГАДА. Ф. 248. 1773 г. Оп. 113. Д. 1386. Л. 32–32 об.

[2] Из воспоминаний первого омского областного начальника С. Б. Броневского. Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии А. В. Ремнева // Известия Омского историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 292.

[3] Ибраев С. И. Переселенческая политика царизма и изменение демографической ситуации в Северном Казахстане (конец XVIII – начало XX века) // Вестник науки ААУ (Акмола). 1996. № 7. С. 96.

[4] Из воспоминаний первого омского областного начальника… С. 293.

[5] Мусырманова А. Ш. Место и роль сибирского казачества в системе войск страны и управлении краем // Валихановские чтения-2. Материалы научно-практической конференции. Ч. 1. Кокшетау: Гылым, 1994. С. 16–17.

сословие составляло, таким образом, 19640 душ мужского и 17885 душ женского пола[1].

В силу особенностей формирования населения в демографической картине региона проявился резкий половой дисбаланс: женщин было гораздо меньше, чем мужчин. Это предопределялось характером искусственного прироста населения, источником которого были главным образом способные к военной и земледельческой деятельности лица, т.е. мужчины. Вплоть до 1830-х гг. правительство в качестве исключения позволяло приобретать женщин и девочек у сибирских народов, особенно у казахов.

Извлечение из сенатского указа, по Высочайшему повелению «О приобретении покупкою или выменом от сопредельных Сибири кочующих народов детей женскаго пола для вознаграждения недостатка в Западной Сибири женскаго пола»

«По соображении, представленнаго Генерал-Губернатором Западной Сибири сведения о числе народонаселения в том краю, находя, что действительно число женскаго пола в Западной Сибири несоразмерно в сравнении с числом людей мужескаго пола, на что для отвращения сего недостатка, невозможно никого приневолить туда ехать: ибо в Сибирь удаляются Правительством люди только за преступления и по приговорам Суда, положил: что не остается другаго средства, как предоставить Генерал-Губернатору Западной Сибири стараться, для приумножения в том краю женщин, привлекать таковых от сопредельных кочующих народов покупкою или выменом; для большаго же в том успеха, поручить и Оренбургскому Военному Губернатору, чтобы по Оренбургской линии он старался приобретать женщин и отправлял их к Г. Генералу от инфантерии Капцевичу…

Сибирскому Генерал-Губернатору к исполнению назначить: 1) чтобы он, получая таковым образом малолетних девочек, окрестил их в Православную нашу веру, размещал по семействам, в женском поле более нуждающимся, и избирал бы для онаго тех, в которыя они будут помещены, приказать ему определить для каждой потребное денежное и хлебное содержание до 15 летняго возраста. 2) По исполнении таковаго размещения, назначить

[1] Из воспоминаний первого омского областного начальника… С. 293–294.

Генерал-Губернатору, чтобы он приказал сих приобретенных и распоряжению его распределенных детей, вносить в ревижския сказки по тем семействам, к которым они будут сопричислены, и под собственным уже свои наблюдением имел бы верный от них счет до самаго их замужества. 3) Особенно предписать Генерал-Губернатору, чтобы он имел непременным правилом и за исполнением онаго строго наблюдал, дабы выдачею в замужество сих девок, на которую из них никогда не принуждать выходить замуж в те семейства, где она воспитывалась, а предоставлена бы была каждой о оном полная свобода»[1].

В то же время численность казахов, подведомственных Сибирскому ведомству, оценивалась властями в 0,5 млн человек[2]. Следует также отметить, что с увеличением численности казачества численность регулярных войск в Оренбургском ведомстве постепенно сокращалась, а в Сибири «число штатных крепостей уменьшено и полевые войска по вызову линейного начальника генерал-лейтенанта Лаврова вовсе выведены во внутренние губернии»[3], поскольку «по опыту многих лет [войск] оказалось слишком достаточно для сохранения тишины и порядка»[4].

Общий относительный прирост русского населения в Сибири в целом происходил чрезвычайно быстрыми темпами. Так, в 1709 г. все население составляло 152788 мужчин (и 74439 женщин), в том числе податное – 49856 мужчин (13728 женщин); в 1768 г. только податное население составляло 322546 душ мужского пола (далее – д.м.п.); в 1862 г. – 1081000 душ обоего пола только податного населения. Столь высокий прирост населения объясняется еще и значительным притоком беглых[5].

---

[1] ПСЗРИ. Т. XL. 1825 по 19 ноября. СПб.: Тип. II Отд-я ЕИВ Канцелярии, 1830. № 30. 224. С. 62, 65.

[2] Из воспоминаний первого омского областного начальника… С. 295.

[3] РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 319. Л. 5 об.

[4] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 9 об.

[5] Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М.: Прогресс, 1993. С. 496–501. Эти сведения незначительно отличаются от приведенных в: История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 183.

Прирост русского населения в казахской степи в это же время происходил значительно менее интенсивно. Однако здесь половой состав податного населения был более сбалансирован, что свидетельствует о проживании семьями. По данным Омского заказа, на рубеже XVIII–XIX вв. средний размер так называемой большой семьи, когда семьи детей проживали под одной крышей с родителями, составлял здесь около 10 человек[1], что в 1,5–2 раза ниже среднероссийского показателя[2]. Размеры крестьянских поселений на границе с казахами были несколько выше среднероссийских, и этот факт опровергает тезис ряда казахстанских авторов о преимущественно конфронтационных отношениях русских и казахов в этот период[3].

Продвижение укреплений в степь, постепенное образование новых линий, которые возводились без учета маршрутов сезонных кочевий казахов, способствовали изъятию из эксплуатации кочевников территорий кстау и джайляу в Западном, Северном и Восточном Казахстане и, как следствие, усиливали кризисные явления кочевого хозяйства. По мнению местных властей, это не являлось заслуживающей серьезного внимания проблемой. Большинство представителей колониальной администрации считали размеры земельных угодий, находящихся в эксплуатации кочевников, чрезмерными, а сами земли – «лежащими впусте».

Сенат и коллегии считали целесообразным развитие земледелия на азиатских окраинах. В первую очередь это обеспечивало бы местное служилое сословие относительно дешевым хлебом. Обучение хлебопашеству кочевников было мерой важной, но не первоочередной. В Оренбургском ведомстве по указу правительства с 1748 г. местное казачество получило разрешение на образование хуторов. Казакам рекомендовалось заниматься хлебопашеством

[1] Дискриты Омского заказа (1808–1836 гг.) // РФ музея им. Г. Н. Потанина. Рук. инв. № 0034. Л. 31–32.

[2] Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Пер. с англ. Тверь: ЛЕАН – М.: АГРАФ, 1997. С. 223.

[3] См., напр.: Романов Ю. И., Мажитов С. Ф. Разработка ИИЭ НАН РК основных проблем исторической науки // Валихановские чтения-2. Кокшетау: Гылым, 1992. С. 25–32 и др.

и сенокошением. Большая часть хуторов располагалась между Яицким и Илецким городками по Яику и по небольшим степным рекам по обе стороны от последнего. В 1770 г. по их многочисленным просьбам они были освобождены от несения пашенной повинности, но важность развития хлебопашества вынудила правительство вновь издать в 1773 г. указ «Об отводе из лежащих по Иртышской линии земель, на которых производить казенное хлебопашество тамошним казакам и посельщикам на каждую мужского пола душу по шести десятин». Кроме того, в 1769 г. Коллегия иностранных дел позволила хозяйственную эксплуатацию земель в десятиверстной полосе левобережья Иртыша[1].

«Что же касается до условий фактического водворения киргизов (казахов – А. Б.) на землях десятиверстной полосы, то первоначальное, по запрещении Шпрингера, кочевание их на этой полосе началось с давнего времени. Вместе с постепенным переходом киргизов, согласно разрешению Правительства, в конце XVIII столетия на правую сторону Иртыша на свободные казенные земли происходило и оседание их на свободной тогда 10-ти верстной полосе левого берега. Здесь же мало по малу возникали поселки (меновые слободки) разных выходцев из Средней Азии, селившихся главным образом ради торговых целей.

Первоначально пользование землей на 10-ти верстной полосе, как и на правой стороне Иртыша, не регулировалось никакими правилами и никакой платы за кочевание киргизов на завоеванных с Джунгарского царства не взималось. Но уже в 1800 году, по ходатайству генерала Нефедьева было разрешено «ради приучения киргизов к земледелию» взимать с них за кочевание в Сибирских пределах по одной голове со ста штук скота «для ремонта драгунских полков и содержания госпиталей». В 1815 г. «ремонтная» пошлина предоставлена Сибирскому линейному казачьему войску, принявшему на себя охрану линии после выхода драгунских полков в пределы Европейской России»[2].

[1] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 5 об.

[2] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 426 об.

Строительство линейных укреплений сопровождалось созданием форштадтов – сельских поселений. Так, в форштадте Петропавловской крепости в 70-х годах XVIII в. насчитывалось 200, а в районе Новоишимской линии – 795 крестьянских дворов. Специальные группы «мастеровых», обычно по 10–20 человек, направлялись вглубь степи для ознакомления казахов с земледелием и ремеслами. В районах рек Иргиз, Илек, Тургай, Нура и Ишим, а также в районе Оренбургской линии в результате культурных контактов с русскими земледельцами казахи-кочевники стали заниматься земледелием, а некоторая часть бедноты даже оседать[1].

О значении военных линий и линейных войск С. В. Бахрушин и Б. О. Долгих писали, что они явились «важным фактором не только в деле обороны страны, но и в развитии земледельческой культуры, так как в противоположность городским гарнизонам линейные казаки, занимаясь главным образом сельским хозяйством, представляли собою скорее вооруженных крестьян, чем регулярные войска»[2]. Эту мысль развил современный исследователь С. М. Андреев, подчеркнув, что сибирское казачество, благодаря сочетанию в его социальной организации боевого и хозяйственного начал, являлось эффективным инструментом освоения восточных окраин Российской империи[3].

Параллельно с желанием сблизить казахов с земледельческими этносами, входившими в состав Российской империи, такими как русские и татары, предпринимались шаги по ограничению их контактов с иными кочевниками. 17 октября 1760 г. по представлению сибирского губернатора Ф. И. Соймонова с целью усилить линию, отгородить земледельческими участками территорию кочевников-казахов от «зюнгарской землицы» (территории бывшей Джунгарии) и помешать казахам «войти в тесный контакт с магометан-

[1] Очерки истории СССР… С. 780–781.

[2] Там же. С. 665.

[3] Андреев С. М. Сибирское казачье войско как социально-территориальная система: организация и основные этапы развития (1808–1917 гг.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Кемерово, 2007. С. 3.

скими народами» началось поселение на Сибирской линии двух тысяч русских семей – вольных переселенцев, «годных к поселению и хлебопашеству»[1].

Политика введения непрозрачных для казахов-кочевников границ распространялась и на земли, условно относившиеся к Оренбургскому генерал-губернаторству. Казахам Младшего жуза запрещалось переходить Урал (тогда еще Яик). Российские власти полагали, что поскольку казахские ханы – подданные Российской империи, то обязаны выполнять запреты на перемещение по территории Российской империи. Именно в таком ключе трактовался запрет на переходы казахов через Урал и другие реки[2]. При этом российское правительство признавало, что запрет способен «отвратить» верноподданных казахов от приграничных территорий, так как тебеневка скота – главного источника жизнеобеспечения номадов – была сильно затруднена отсутствием достаточной кормовой базы. В указе Военной коллегии от 11 февраля 1759 г., в частности, отмечалось, что «на степной стороне Яика (левобережье Урала – *А. Б.*) нет для зимнего содержания скота удобных мест». Коллегия рекомендовала губернским властям попытаться использовать указанное обстоятельство как возможность ограничения кочевого способа ведения хозяйственной деятельности казахской знати. Для хана Нуралы рекомендовалось устроить на степной стороне «крытые скотные дворы с четырьмя избами по углам» и заготовить за казенный счет «для первой зимы» 10–20 стогов сена для его скота[3]. Учитывая значительные размеры стад и табунов хана, следует отметить, что такого объема корма было явно недостаточно для безболезненного содержания скота в течение всего зимнего сезона. Хан Нуралы вообще отказался подавать прошение о постройке ему «хором». Он в 1770 г. лишь обратился к властям с просьбой разрешить нанимать

[1] Крафт И. И. Сборник узаконений. С. 81. Док. № 230.

[2] Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: РАПО «Полиграфия», 1998. С. 12.

[3] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 62–63.

к себе «илецких казаков для обучения косьбе». Ходатайство было удовлетворено[1].

Чтобы предотвратить возможность перекочевки казахов в волжско-уральское междуречье, еще в 1740-х гг. оренбургские власти рекомендовали комендантам крепостей устраивать осенние палы в степи по левому берегу Яика[2]. Это решение местной оренбургской администрации было одобрено Коллегией иностранных дел, причем ею было рекомендовано выжигать степи по обе стороны реки «в пристойных местах»[3]. Позднее этот указ был отменен, разрешался пропуск казахов для зимнего кочевания в период бескормицы на правую сторону Яика. Однако правительство полагало эксплуатацию казахами волжско-уральского междуречья временной и вынужденной мерой, и поэтому тайным указом Коллегии иностранных дел от 8 апреля 1763 г. было повелено, чтобы оренбургские власти более настойчиво рекомендовали казахам кочевать в Приуральских степях в летний период для потравы пастбищ, а если и это не даст желаемых результатов – то вновь «пускать в разных местах «будто ненарочно» огни для выжигания трав»[4]. (Казахи также пользовались поджогом степи близ российских поселений, чем, бывало, вызывали пожары и в самих населенных пунктах[5] .)

В 1764 г. Шпрингер вновь запретил пропуск казахов в десятиверстное пространство Сибирских линий, объяснив этот шаг возросшими обидами и столкновениями между русскими и казахами на внутренней стороне Иртыша: «… иные плуты крали у киргизов (казахов – *А. Б.*) скот, а они, сожалея своего, в возмездие подбегали к крепостям, да и в самые жилые места, отгоняли табуны в летнее время с пашен и сенных покосов, увозили людей и многие тем грабитель-

[1] Прошлое Казахстана в источниках и материалах… С. 156–157.

[2] См.: История Казахстана с древнейших времен до конца XVIII века. (Практикум – учебное пособие) / Под ред. Д. И. Дулатовой. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. С. 127–128.

[3] Крафт И. И. Сборник узаконений. С. 22. Док. № 83.

[4] Там же. С. 96. Док. № 266.

[5] Лобысевич Ф. Киргизская степь Оренбургского ведомства (Очерк). М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерева, 1891. С. 10.

ством наводили убытки»[1]. Следует отметить, что защита земледельческого промысла в данном случае также служила одним из мотивов запрещения перекочевки казахов. Запрет продлился до 1788 г.[2] Вместе с тем бесспорно, что прорывы казахов за пограничные линейные укрепления приводили к столкновениям с местным населением – подданными Российской империи, кроме русских на западе это были башкиры и калмыки, на востоке – алтайцы. Все это вело к формированию негативных межэтнических отношений в составе Российской империи.

Приведем лишь один типичный пример. В январе 1759 г. командующему на сибирских оборонительных линиях стало известно, что трехтысячный казахский отряд, следуя из Горного Алтая, переправился через Иртыш, ведя с собой большое количество пленных алтайцев. Выяснилось также, что половина казахского войска осталась зимовать в горах Алтая и продолжает грабежи и погромы местного населения. Не владея, видимо, информацией о принятии алтайцами российского подданства, 8 января 1759 г. старшина Кошкарбай лично прибыл в Семипалатинск и в подробностях рассказал русским властям о своем походе. Из его рассказа стало известно, что, вторгнувшись в Горный Алтай, казахи разделились на сотни и неожиданно напали на алтайские аилы, «кои разбивали и полон брали». По словам Кошкарбая, ему удалось пленить не менее 300 алтайцев[3].

Вопрос об изменении образа жизни кочевников и способа их хозяйственной деятельности поднимался во второй трети XVIII в. в правительстве, сибирском и оренбургском ведомствах неоднократно. Еще императрица Анна Иоанновна рекомендовала начальнику Оренбургской (Особой) экспедиции В. Н. Татищеву приучать казахов к сенокоше-

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3. Л. 423.

[2] Там же. Л. 423 об.

[3] Боронин О. В., Быков А. Ю. Исторические предпосылки складывания негативных элементов в восприятии казахов алтайцами // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в.: Сб. науч ст. / Отв. ред. Ю. М. Гончаров. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. С. 70.

нию и хлебопашеству, но Оренбургская экспедиция сочла невозможным претворение указанных изменений в жизнь[1].

Переписка с казахской знатью и сведения российских представителей укрепляли убежденность правительства России в варварских обычаях казахов. Так, российский посол А. И. Тевкелев во время пребывания в степи осенью 1731 – зимой 1732 гг. четырежды подвергался нападению. В донесении вице-канцлеру А. Остерману он писал, что «понеже три месяца был я под саблею, и на каждый день объявляли мне смерть»[2]. Представители так называемой «противной партии» (противники присоединения к России) совершили в этот же период в присутствии А. И. Тевкелева покушения на жизнь старшины Баймурата, Букенбай-батыра и даже на жизнь хана Абулхаира. Образ варвара усиливался и в результате переписки казахских владетелей с местными и петербургскими властями. Казахские ханы и султаны, оправдываясь за свое бессилие в случае нападения «подведомственных им» казахов на караваны и т.п., обвиняли свой народ в неразумности и других пороках, якобы присущих им по воле провидения. В 1733 г. хан Абулхаир, например, писал императрице, что «обещанные в ясак лисицы и корсаки… отправить не могли затем что народ наш подобно диким зверям», и «оной киргис-кайсацкой народ наш мне противны были». Хан при этом указывал на возможный вариант разрешения проблемы политического противостояния в казахском обществе. Россия, на его взгляд, должна была утвердить его авторитет как хана, построив город в устье реки Орь[3]. И тогда «все вышеописанные противники, подобно зверям, усмирятся»[4].

Если Абулхаир в качестве причины беспокойства в Младшем жузе для правительства представлял необузданность и дикость нравов казахов, то оренбургская администрация имела другое мнение. Причины, с их точки зрения, крылись в безнравственности и корыстолюбии самого хана.

[1] Кузьмин А. Г. Татищев. 2-е изд. М.: Наука, 1987. С. 202–204.

[2] КРО-1. С. 87.

[3] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1731 г. Д. 1. Л. 66.

[4] КРО-1. С. 97.

Так, в 1747 г. в рапорте в Коллегию иностранных дел губернатор И. И. Неплюев докладывал, что «злодейства единственно от Абулхаирова возбуждения произошли, и здесь народ и протчие знатные владельцы и старшины в тех поступках не только участия не имели, но большая часть про то и не знали, а узнав немало о том сожалели и помянутому хану не только постороннии, но и дети ево непостоянством злобясь уже на него попрекали и ныне тем ево укоряют, да в народе как то приехавшие ныне из орды объявляют об оном хане с неудовольствием, уже говоря, что он поступками своими приводит их в раззорение и будто некоторые так озлобились, что уже убить ево намеряются»[1]. Факт убийства хана Абулхаира в 1748 г. и попытки кровной мести[2] лишь усилили мнение российских властей о «дикости и необузданности народа сего».

Помимо внутренних казахских противоречий отрицательный имидж казахского этноса в глазах российского правительства складывался и в результате многолетних взаимных набегов и барымты казахов, башкир и калмыков, а также неоднократных нападений казахов на русские поселения. Так, в донесении полковника Леонтия Парфеньева сообщалось, что казахи «его величества людей конечно разоряют, в полон уводят, побивают, скот отгоняют, пожитки грабят, дворы, хлебы, сены жгут»[3]. В этой связи в правительстве все чаще стали говорить о желательности изменения образа жизни кочевников, в частности, казахов.

К середине XVIII в. в правительственных кругах уже утвердилось мнение, что «спокойствие в степи будет достигнуто тогда, …когда киргизы (казахи – *А. Б.*) обратятся к лучшему человеческому житию»[4]. Казахов рекомендовалось приучать к «людскости», для чего следовало постараться их «изменять во нравах». Под «людскостью» правитель-

[1] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122/2. 1742–1793 гг. Д. 8. Л. 69–70.

[2] Письмо хана Нуралы А. И. Тевкелеву, 3 янв. 1753 г. // Басин В. Я. Указ. соч. Приложение (документы и материалы). С. 189–190.

[3] Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. 1713–1724. СПб.: Тип. МВД, 1885. С. 442–443. Док. № 106. Об этом же: Док. №№ 39, 92, 97 и др.

[4] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 18 об.

ство подразумевало мирный образ жизни с обязательным внутренним разграничением (размежеванием) казахских территорий. Одним из условий успешного проведения такого курса считалось постепенное налаживание фискальной системы, хотя бы путем легитимации и фиксирования времени и размеров сбора зякета и ясака[1]. Коллегия иностранных дел рекомендовала оренбургскому генерал-губернатору по возможности способствовать тому, чтобы казахи «переменили свой бродячий образ жизни и сделались оседлыми»[2]. Фактически на рубеже 40–50-х гг. XVIII в. зародились идеи возможности комплексного изменения нравов, обычаев и способа хозяйственной деятельности кочевников-казахов, причем процесс седентаризации и переход к земледелию должен был стать следствием трансформации менталитета кочевников. В то же время в правительстве признавали невозможность быстрого оседания кочевников-казахов. Средствами к осуществлению политического курса служили разнообразные меры, важнейшими из которых рассматривались постройка городов и крепостей и развитие торговли. Последняя, в частности, служила способом к изменению рациона питания номадов через приучение их к растительной пище посредством беспошлинной торговли хлебом с казахами, продажи хлеба в голодные годы по фиксированно низким ценам и выплаты части жалования зерновыми продуктами. Властями регулярно рекомендовалось расширять контакты крестьян, казаков и казахов для обогащения последних знаниями о русских обычаях и нравах, которые априори расценивались в качестве более прогрессивных.

Однако правительство и местные власти не были последовательными в реализации своих планов. Тактические задачи и боязнь возможного отложения казахов зачастую тормозили или обращали вспять реализацию стратегических планов проведения реформ. Так, после отказа предоставить ставку в Оренбурге ханы Абулхаир (Младший казахский жуз) и Абулмамбет (Средний казахский жуз)

[1] ГАОрО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 54–58 об.

[2] Там же. Л. 18 об.

обратились с просьбой о постройке им новых городов[1], но указом от 8 августа 1743 г. «города возводить запретили», обосновав отказ тем, что казахи «не только в городах, но и вообще на одном месте, жить не могут»[2]. Императрица Елизавета Петровна, правда, рекомендовала губернским властям не отвечать прямым отказом на просьбу казахских владетелей, а, напротив, «от времяни до времяни подавать надежду»[3]. Казахские владетели со своей стороны имели определенное представление о планах правительства и местных властей по продвижению Российской империи на юг до Арала и пытались использовать эти устремления для основания стационарных поселений. Но когда Абулхаир предложил основать город в низовьях Сырдарьи, как когда-то предлагал И. К. Кириллов, он вновь получил отрицательный ответ[4].

Местной администрации было рекомендовано не переносить города вглубь степи, а вместо этого строить пограничные крепости по Яику[5]. Постройку крепостей рекомендовалось использовать для привлечения казахских владетелей к кочеванию под защитой и контролем русской администрации, «чтобы оных владетелей ближе к новому Оренбургу и под руками иметь»[6]. Назначенный в 1759 г. оренбургским генерал-губернатором А. Р. Давыдов построил для султана Аблая на берегу Ишима деревянный дом[7], сумел добиться согласия на постоянное жительство при Эмбе

[1] См.: Кенесарин А. Султаны Кенесары и Сыздык: Биограф. очерки / Обраб. и примеч. Е. Т. Смирнова. Алма-Ата: Жалын, 1992. С. 55. Генеалогия и варианты упоминаний имен собственных казахских ханов и султанов, встречающихся в исторических источниках, проанализированы в работах: Ерофеева И. В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования / Материалы к Летнему Университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана (4–23 августа 1997 г., г. Алматы). Алматы: Изд-во Ин-та философии МН–АН РК, 1997. С. 46–144; Ерофеева И. В. Казахские ханы XVIII – середины XIX вв. // Восток. 1997. № 3. С. 5–33.

[2] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 18 об.

[3] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/1. 1742 г. Д. 5. Л. 41.

[4] ГАОрО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

[5] Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 10. Док. № 36. В 1775 г. Яик был переименован в Урал.

[6] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 11. Док. № 39.

[7] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 13.

от хана казахов Младшего жуза Нуралы, которому предполагалось построить «зимовку» или «крепосцу»[1], а позднее «подать пример сенокошения»[2]. Однако между Нуралы и его ближайшими родственниками, с одной стороны, и губернатором с другой сложились весьма «прохладные» отношения, вызванные неуважением А. Давыдова к традиционной казахской знати: он, в частности, написал султану Айшуаку (Айчуваку) (будущему хану) письмо «в крепких терминах». Воспользовавшись формальным поводом и получив поддержку «яко обиженные» со стороны знати кара суйек, зимой 1759–1760 гг. ханские аулы со значительной частью казахских семей различных родов и поколений Младшего и даже частично Среднего жузов перешли на зимнее кочевье за Урал, несмотря на многочисленные попытки остановить их силой[3]. В 1761 г. Давыдов, опасаясь жалоб, отказал Нуралы в просьбе отправить депутатов в столицу[4], но даже несмотря на этот запрет сведения о ссоре генерал-губернатора с ханом и султанами все же дошли до российского правительства[5]. Во избежание крупного конфликта Коллегия иностранных дел приняла решение, в том числе в качестве моральной компенсации, выдавать дополнительно жалование султанам Ералы и Айшуаку, которые к тому же «в народе имеют почти не меньше хана кредит», самому хану был увеличен безвозмездный отпуск муки[6], а губернатору Давыдову настоятельно рекомендовалось воздержаться от грубых и нецензурных выражений при

[1] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 74–75. Док. № 217.

[2] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1496. Л. 35 об.

[3] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 74–75. Док. № 217.

[4] Семенов В. Г., Семенова В. П. Указ. соч. С. 68.

[5] Ближайшие помощники Давыдова – Тевкелев и Рычков – считали, что в конфликте между губернатором и ханом виноват губернатор. Более того, они писали в Санкт-Петербург о его неправомерных требованиях к хану и, напротив, обоснованности претензий к нему со стороны казахского хана. См.: РГАДА. Ф. 248. 1764–1779 гг. Оп. 113. Д. 1287. Л. 35. Кстати, П. И. Рычков был уволен губернатором Давыдовым в 1761 г.

[6] По этому поводу представляет интерес свидетельство, зафиксированное А. И. Левшиным: в 1750 г. И. И. Неплюев послал хану Нуралы и его матери – ханше Попай (Бопай) «как редкость десять четвертей муки и десять четвертей круп». См.: Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 221 (прим. авт.). О выплате жалования хану и султанам см. также: РГАДА. Ф. 248. 1761–1762 гг. Оп. 113. Д. 1411. Л. 1, 3 об.

встречах и в переписке с казахскими владетелями[1]. В скором времени А. Р. Давыдова отстранили от занимаемой должности с формулировкой, что он «не нашел к себе расположения не только оренбургского общества, но и самой императрицы»[2].

Вероятно, в этот период сложился временный политический альянс между вторыми лицами в Оренбургской губернии и представителями казахской традиционной элиты Младшего жуза. Он был направлен против действующего губернатора. Не исключено, что обращения казахов в правительство с просьбой о смещении А. Р. Давыдова и назначении на его место А. И. Тевкелева[3] были подготовлены при участии Тевкелева и Рычкова. Более того, казахи угрожали в случае невыполнения их требований правительством начать военные действия («болшие конфузии»). Имперские власти приняли, как известно, половинчатое решение – Давыдова сместили, но ни Тевкелева, ни Рычкова новым губернатором не назначили. Около года высшая губернская должность оставалась вакантной, а затем ее занял Д. В. Волков, отправленный сюда фактически в политическую ссылку.

Конечно, одно из основных средств управления вошедшим в состав России населением – сила – также играла определенную роль, но чаще в качестве угрозы применения таковой. Еще князь Урусов после разграбления казахами нескольких торговых караванов и потенциальной возможности присоединения казахов к восстанию башкир Карасакала предлагал продемонстрировать решительные действия, «ибо много оказыванное к ним величайшее милосердие в нечувственных их воровских сердцах почитай никакой желаемой спокойности не учинило»[4].

В последние годы правления императрицы Елизаветы Петровны, и особенно во время правления Петра III и начало царствования Екатерины II инициатива в решении вопросов на восточных окраинах постепенно делегируется

[1] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 75.

[2] Цит. по: Уханов И. С. Указ. соч. 1996. С. 125.

[3] РГАДА. Ф. 248. 1761–1762 гг. Оп. 113. Д. 1411. Л. 2 об.

[4] Цит. по: Семенов В. Г., Семенова В. П. Указ. соч. С. 39.

петербургским правительством местным оренбургским и сибирским властям. Это было вызвано как географической отдаленностью региона от столицы империи, существенно затруднявшей оперативность коммуникации, так и пограничным положением губерний, где зачастую требовалась более высокая степень оперативности принятия решений. Сказывалась и частая смена правительственных кабинетов в этот хронологический отрезок.

Представляется, что проводившийся политический курс по управлению кочевниками-казахами до 1760-х гг. был гомогенен, так как против него никто не выступал, прерывист, так как акты, дублируя друг друга, исходили со значительными хронологическими интервалами; унифицирован, так как тон задавали представители правительства, и непоследователен ввиду слабого знакомства столичных политиков с конкретной социально-экономической, политической и культурной ситуацией на периферии империи и попыткой проведения достаточно однообразных мероприятий в различных географических и этнических средах, что не могло привести к желаемому результату. До этого времени не существовало и целостной концепции, каким именно образом можно успешно проводить реформы в иноверческой среде, тем более среди номадов. Поэтому правительство поддерживало и инициировало такие мероприятия, последствия которых были либо прогнозируемы в кратко- и среднесрочной перспективе, либо от которых можно было бы безболезненно отказаться. В целом, на наш взгляд, реформы первых трех десятилетий с начала присоединения, проводимые российскими властями среди кочевников-казахов, были нефункциональны, и правительство сознательно не стремилось к интенсификации социально-политических реформ в первую очередь из-за боязни международных осложнений.

§ 3. Взаимоотношения оренбургской администрации и высшей казахской знати в первой половине XVIII в.

Номинальное включение в состав Российской империи казахов Младшего и Среднего жузов потребовало организации местного управления. Первоначально оно существовало в форме комиссий, наделенных чрезвычайными и особыми полномочиями, а затем было создано Оренбургское генерал-губернаторство. Вместе с тем долгое время российские власти не распространяли структуры имперской системы управления на казахское население, сохранявшее широчайшую автономию во внутренних вопросах. Осуществление системы протектората с элементами вассалитета ограничивалось включением, и то зачастую тайно, в административные структуры лишь отдельных представителей традиционной казахской знати.

Во второй четверти XVIII в. из знати ак суйек наибольшей популярностью в казахском народе пользовались ханы Абулхаир и Абулмамбет, султаны Барак, Ералы, Нуралы и Аблай, а также представители знати кара суйек батыры Джаныбек, Букенбай и бии Казбек и Толе. Каждый из них в той или иной степени пытался усилить собственное влияние. Одним из средств этого являлись взаимоотношения (сотрудничество или противостояние) с российской администрацией.

Казахские ханы и султаны неоднократно обращались к правительству России с просьбой о постройке для них городов и укреплений, выделении им особых российских воинских подразделений для урегулирования внешних и внутренних вопросов и о снабжении огнестрельным оружием новейших образцов, артиллерией и боеприпасами[1]. Наиболее часто такие просьбы поступали от хана Абулхаира и от его детей. Несмотря на желание включить аллогенов в имперскую стратификацию, правительство и местная оренбургская администрация долгое время не поддер-

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 441 и др.

живали эти требования казахов, опасаясь их отложения[1], ограничиваясь присылкой посольств и подарков, а также оказанием дипломатического давления на внешних врагов казахов, в первую очередь на джунгар.

Определенную и немаловажную роль в становлении своеобразной системы протектората с элементами вассалитета играли и межличностные отношения представителей имперской администрации и традиционной казахской знати. Так, следует признать удачным выбор правительством главой комиссии по решению всех «казахских» вопросов этнического татарина, сохранившего конфессиональную принадлежность суннитскому исламу, генерал-майора А. И. Тевкелева[2], которого казахи почетно именовали Тевкель-мырза. Как отмечено выше, от казахских владетелей в 1750–1760-х гг. даже поступали предложения в правительство о назначении Тевкелева губернатором Оренбургского края, на что был получен ответ, что это невозможно «при настоящих его старых летах»[3].

Другой ключевой фигурой оренбургской администрации середины XVIII столетия, несомненно, следует считать первого генерал-губернатора И. И. Неплюева. Между ним и Тевкелевым сложились доверительные, конструктивные взаимоотношения. Так, Тевкелев, регулярно посещая ставку Абулхаир-хана и заверяя хана в личной дружбе и преданности, в отчетах обычно поддерживал позицию Неплюева, который полагал, что главной причиной внутреннего неустройства казахской степи являлся именно хан Абулхаир, постоянно интриговавший против российских подданных башкир, калмыков, а временами и против оренбургской администрации.

Абулхаир предпочитал вести дела именно с Тевкелевым, считая, что последний может в наибольшей степени содействовать удовлетворению его просьб. Связывали их и общие увеселительные застолья, также рассматривавши-

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 287.

[2] Арапов Д. Ю. Первый российский генерал – мусульманин Кутлу-Мухаммед Тевкелев. Сб. РИО. № 5(153). М.: Русская панорама, 2002. С. 32–37.

[3] РГАДА. Ф. 248. 1761–1762 гг. Оп. 113. Д. 1411. Л. 4 об.

еся российскими властями как средство удержания знати нерусских народов в зависимости от Российской империи. Так, 8 июля 1748 г. (т.е. за месяц до собственной гибели) Абулхаир писал Тевкелеву по приезде последнего из ставки хана: «А за ваше благополучное в Орск возвращение радуемся немало. Токмо за неимением вина куража нет. Я было о присылке того и пшеничной муки до прибытия вашего в Орск писал, только вразумил, что без воли вашей того чинить не могут»[1]. Диаметрально противоположным было отношение Абулхаир-хана к Неплюеву. Дело доходило до того, что в разговорах делался «выговор от Абул Хаира Неплюеву… в непристойных терминах»[2]. Тевкелев в этих условиях зачастую выступал в качестве посредника не только в русско-казахских, но и в их межличностных отношениях[3].

Власть хана Абулхаира достигла апогея в период джунгаро-казахских войн, когда он возглавлял всеказахское ополчение, но с ослаблением интенсивности военных действий (в том числе и благодаря приему казахов в российское подданство) авторитет правителя стал постепенно снижаться. Его претензии на признание общеказахским ханом не были поддержаны большинством представителей родовой знати. Помимо прочего, серьезным фактором в таком решении являлось генеалогическое происхождение Абулхаира, принадлежавшего к чингизидскому роду Осекидов, тогда как большинство казахских ханов происходили от Жадига. Власть Абулхаира признавалась к концу 1730-х гг. лишь значительной частью казахов Младшего жуза и, некоторое время, отдельными племенами Среднего жуза, султаном-правителем которых был сын Абулхаира Ералы[4]. По сообщениям представителей русской администрации 1743–1744 гг., хан Среднего жуза Абулмамбет предпринимал попытки утвердить султаном среди киреев

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 50–50а; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Карт. 15. 1748 г. Д. 3. 108–108 об.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 300 об.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 107.

своего сына Большого Булата, однако родовые старшины не признали его претензий, апеллируя к первенству Абулхаира перед Абулмамбетом и заявляя, что «Ер-Али не своим владеет, а по отце ево»[1]. Некоторое время власть Абулхаира признавали и приаральские каракалпаки[2]. Также недолго он был правителем Ташкента[3]. Однако иерархия статусов казахских владетелей не была статичной. С ослаблением внешней угрозы на первый план выходили уже не сила и доблесть, а иные качества, которые требовались в мирный период жизнедеятельности номадного социума. По-видимому, Абулхаир не сумел должным образом адаптироваться к изменявшимся условиям, в результате его позиции в казахской степи и за ее пределами ослабевали.

После смерти Семеке ханом Среднего жуза был избран Жадигид Абулмамбет, но его власть была номинальной. Он довольствовался управлением Туркестаном и внешними признаками почтения[4]. Реальную власть уже на рубеже 1730-х – 1740-х гг. сосредоточили в своих руках султаны Аблай и Барак при доминировании второго. «Абулмамет хан… удалился он в город Туркестан, смежной к Средней орде, и в правление ординское вступили тогда родственник его Барак, и помянутый брат его Аблай Солтан»[5]. По мнению М. П. Вяткина, значительную роль в ослаблении позиций Абулмамбета в Среднем жузе сыграли интриги и открытые вооруженные действия хана Абулхаира, поддержанные одним из сильнейших батыров Среднего жуза Джанибеком[6]. Альянс Абулхаира с Джанибеком сложился еще в период «Актабан шубырынды». Постепенно Абулмамбет потерял власть и над Туркестаном. Здесь в середине 1740-х гг. владельцами были его сын Пулат-султан и племянник

[1] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1743 г. Д. 3. Л. 120 об.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 9.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 9.

[4] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1769–1773 гг. Д. 19. Л. 36.

[5] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 8 об.

[6] Вяткин М. П. Историко-географический очерк Казахстана. Л., 1940. Неоконченная рукопись на 118 л. Л. 64 // Копия. Из личного архива автора.

Сеит-хан[1]. Лишь в конце 1740-х гг. при поддержке Барака Абулмамбет восстановил свою власть над Туркестаном[2].

Таким образом, власть казахских владетелей была весьма непрочной и обычно кратковременной, противостояние родов и жузов во многом дополнялось генеалогическими противоречиями, что создавало иллюзию междинастической борьбы. Власть представителей поколения Осека, полученная ими по праву личной храбрости и военно-организаторского таланта во время антиджунгарских войн, постепенно ослабевала. Происходило усиление позиций отдельных представителей поколения Жадига, но общей тенденцией являлся упадок централизации управления и ослабление полномочий султанов и ханов.

В Старшем жузе в это время власть была сосредоточена в руках различных султанов и старшин, но постепенно она переходила в руки представителей кара-суйек. Наибольшим влиянием пользовался Толе бий Алибек-улы. Значительная часть патронимических объединений Старшего жуза в 1735–1745 гг. признавала зависимость от Джунгарии[3], незначительная – от среднеазиатских владетелей. Вместе с тем межжузовые связи сохранялись, и позиция знати Старшего жуза существенным образом влияла на ситуацию в Младшем и Среднем жузах, а также на взаимоотношения их владетелей с российской администрацией.

Хан Абулхаир, надеявшийся при поддержке российских властей стать общеказахским ханом, не достигнув своей цели и стремясь поддержать свою силу, статус и вождистские позиции[4], постепенно стал предпринимать шаги, которые подрывали союзные отношения с Россией и не соответствовали условиям принятия в подданство в европейском понимании международного права того времени. Более того, Абулхаир неоднократно лично руководил нападе-

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 359–360, 377.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 9.

[3] Моисеев В. А. Трудные годы // История Казахстана: белые пятна / Под ред. Ж. Б. Абылхожина. Алматы: Казахстан, 1990 и др.

[4] Крадин Н. Н. Политогенез.. Архаическое общество: узловые проблемы... С. 147–150.

ниями казахов на пограничные российские укрепления, а также на кочевья калмыков и башкир[1].

Исследователи и многие современники обычно отмечали, что казахи имели слабое вооружение, преимущественно луки и копья. Так, В. И. Даль писал: «Не воображайте, впрочем, киргиза (казаха – *А. Б.*) горским наездником: он вооружен весьма плохо, но по свойству степного жителя, не менее того труслив, и пятисотенный полк уральцев (уральских казаков – *А. Б.*) может исходить все пространство Зауральских степей»[2]. В то же время на вооружении у казахов имелось огнестрельное фитильное оружие. Несмотря на то, что приводимые ниже данные, вероятнее всего, завышены, они же все ставят под сомнение устоявшееся в науке представление о чрезвычайно низком уровне вооружения казахов. Так, в отчетах за 1738 г. сообщалось, что казахи выступили против волжских калмыков на волжских разливах и между Астраханью и Кизляром двумя партиями в 2 тыс. и 30 тыс. человек соответственно[3], причем среди них были вооруженные огнестрельным оружием. Из донесения генерал-майора фон Штокмана следует, что казахи Младшего и Среднего жузов «при случае всеобщего их к какой[–]либо войне предвосприятия или замешания легко может собраться в обоих до 30 тысяч человек, и более дельных людей с огненным оружием»[4]. Через полтора десятилетия после этого оренбургский генерал-губернатор И. А. Рейнсдорп доносил, что только в Среднем жузе «народу на войну годного, как слышно, собраться может тысяч до 40»[5]. Имеются свидетельства, что прикаспийские казахи

[1] См.: Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Научное издание. Алматы: «Санат», 1999 и др.

[2] Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002. С. 57.

[3] О киргис касаках (книга Азиатского департамента № 21) // Красный архив. Исторический журнал. Т. 8(87). М.: Гос. социально-экономическое издательство, 1938. С. 137.

[4] РГАДА. Ф. 248. 1761–1762 гг. Оп. 113. Д. 1411. Л. 21 об. – 22. При этом по сведениям, переданным Тевкелеву казахскими владетелями, в 1730-х гг. самих казахов Младшего и Среднего жузов было около 80 тыс. д.м.п., т.е. около 160 тыс. человек. См.: там же. Л. 21 об.

[5] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1769–1773 гг. Д. 19. Л. 25.

владели и артиллерией, захваченной во время нападения на купеческие суда[1].

Россия не желала усиления технико-тактических качеств вооружения казахов, полагая, что оно может быть использовано не только против ее интересов, но и против собственно российских поселений. Неслучайно, что 26 августа 1739 г. хану Абулхаиру было отказано в присылке ему пушек и пушкарей[2], а в XVIII в. многократно запрещалась продажа железа и пороха в степь.

Крупные нападения на волжских калмыков были совершены 6 мая и 5 августа 1746 г. В последнем случае в набеге принимало участие свыше 1500 вооруженных ружьями казахов. Попытка донских казаков, дислоцированных в Кизляре, силой отбить добычу казахов привела лишь к частичному успеху «за множеством их киргиз-кайсак»[3]. Многочисленные требования российских властей различного уровня о возврате пленных, угнанного скота и имущества чаще всего успеха не имели[4].

Российские власти к тому же стремились сохранить русский воинский контингент, а для решения вопросов в степи должны были использовать существовавшие межэтнические противоречия. В частности, в секретной правительственной инструкции XVIII в., данной оренбургским властям, говорилось: «1) Надзирать за башкирами и киргиз-кайсаками (казахами – *А. Б.*), 2) если же те или другие будут волноваться, то употреблять один народ против другого, сберегая русское войско»[5].

Милитаристские наклонности Абулхаира, во многом обусловленные самой системой организации кочевого социума, в первую очередь ее экзополитарностью, не находили одобрения со стороны российских властей и способство-

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 434. Л. 4. Об участии казахов в нападении на купеческие рыболовецкие и суда, снаряжавшиеся для добычи тюленей на Каспии см.: ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 531; ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 174; ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 205 и др.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 287.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 386.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 386–391.

[5] Цит. по: Остафьев В. Колонизация Степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки ЗСО ИРГО. Кн. XVIII. Вып. 1. Омск, 1895. С. 54.

вали складыванию напряженных отношений между ханом Младшего жуза Абулхаиром и оренбургским губернатором И. И. Неплюевым. Это приводило к изменению отношений русской администрации и к иным представителям традиционной казахской аристократии.

Если первоначально российские власти рассматривали Абулхаира в качестве основного рычага реализации собственных интересов в регионе, приведения к присяге новых родов и этнических групп (хивинцев, каракалпаков, туркмен) и развития русско-казахской интеграции, то к 1740-м гг. он стал рассматриваться в качестве одного из основных препятствий для дальнейшего динамического развития этих процессов. Более того, Абулхаир сам усиливал формирование такого имиджа, нападая на принявших при его же непосредственном участии и посредничестве российское верноподданство казахов и каракалпаков. По сообщениям Гладышева, посетившего казахскую степь в 1740-х гг., казахи под предводительством хана Абулхаира, его сыновей – султанов Нуралы и Ералы, а также при поддержке Джанибек-тархана вторглись в кочевья каракалпаков. Объясняя причину этого, Абулхаир заявлял, что каракалпаки отказались платить «по прежнему обыкновению… на зимнее время запасу не малого числа». Каракалпаки мотивировали свой отказ тем, что «состоят уже в российском подданстве» наравне с Абулхаиром[1]. Несмотря на протесты представителей российской власти, казахи «ходили на них (каракалпаков – *А. Б.*) войною, и напав не чаянно побили из них не малое число людей, а многих побрали в полон, да и в протчем великое причинили им раззорение»[2]. В 1747 г. те же казахские владетели вновь планировали поход против верхних каракалпаков[3].

В такой ситуации оренбургские власти изменили свою позицию и перестали поддерживать претензии Абулхаира и его потомков на власть в Хиве, полагая, что это не только не будет способствовать привлечению среднеазиатских

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 253.

[2] Там же. Л. 252.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.

этнических групп в российское подданство, но, напротив, будет способствовать частичному отложению принявших российское подданство родов казахов. Кроме того, российские власти опасались осложнения внешнеполитической напряженности в регионе, в частности обострения отношений с Персией, также претендовавшей на среднеазиатские владения. В результате по рекомендации Неплюева, Найденова и Уразина в 1745 г. Сенат отказался поддержать претензии сына Абулхаир-хана султана Нуралы на власть в Хивинском ханстве, даже несмотря на то, что «хивинцы призывали ево Нурали к себе на ханство»[1]. Такое же решение было принято российским правительством и по отношению к потерявшему власть в Среднем жузе султану Ералы. Причем это было сделано, несмотря на ходатайство «персидского шаха сына… между Хивою и Бухариею обращающегося»[2]. Напротив, в 1747 г. российские власти благожелательно восприняли утверждение на ханском престоле Хивы противника Абулхаира, казахского султана Каипа. Каип происходил из поколения Жадига, был сыном султана Батыра, являвшегося правителем поколения алимулы (Младший жуз) и не признававшего власть Абулхаира.

Таким образом, российские власти не препятствовали ослаблению позиций Абулхаир-хана среди казахов, а зачастую даже прямо или косвенно способствовали этому. Абулхаир в таких условиях пытался найти иную внешнеполитическую поддержку, в том числе среди недавних врагов – джунгар.

Например, в 1742 г. хан Абулхаир, осознавая, что состоит в российском подданстве, демонстративно приехал на встречу с И. И. Неплюевым в окрестности Орской крепости в сопровождении джунгарских послов, явившихся за аманатами. С одной стороны, этим актом Абулхаир пытался продемонстрировать свою внешнеполитическую автономию, с другой, – открытую нелояльность по отношению к Российской империи со стороны своих противников – Жадигидов, поскольку сообщал, что хан Среднего

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 357–358.

[2] Там же. Л. 358.

жуза Абулмамбет и султан Барак склоняются к тому, чтобы признать над собой власть джунгарского хунтайджи. Дефакто же демонстрировал слабость собственной власти и непонимание восприятия оренбургского начальства, попросив в итоге укрытия для себя и ближайшего окружения в российских крепостях[1]. Российские власти давали возможность укрываться под защитой крепостей и (не всегда) даже внутри них. Более того, настоятельно рекомендовалось прикочевывать к Оренбургу и другим крепостям Приуралья для защиты от потенциальной джунгарской агрессии[2]. Одновременно оренбургские и сибирские губернаторы рекомендовали казахским правителям не давать аманатов джунгарам, хотя и не применяли никаких наказаний при отправке таковых к джунгарам и среднеазиатским правителям.

Абулхаир аманатов к джунгарам направил. По свидетельству посетившего Джунгарию поручика А. Левашова, датируемому 1745 г., у Галдан-Цэрена в аманатах[3] «в знак соседственной дружбы» содержался 17-летний сын Абулхаира[4]. Оренбургское начальство восприняло данный факт

[1] О киргис касаках (книга Азиатского департамента № 21) // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2(87). М.: Гос. социально-экономическое издательство, 1938. С. 140.

[2] РГАДА. Ф. 248. 1761–1762 гг. Оп. 113. Д. 1411. Л. 3.

[3] Аманат – от арбск. Amana – вещь, отданная на сохранение; заложник. В данном случае использовалось значение «заложник», причем привилегированный заложник – обязательно из знатных и/или влиятельных семей. Русские власти с момента присоединения казахских жузов к Российской империи до сер. XIX в. использовали институт аманатства в качестве гарантии верноподданичества и для воспитания будущих лояльных управленцев. «Казахские правители также стремились использовать институт аманатства для решения своих политических задач. Ярким примером этого является отношение к аманатству хана Аблая. Рассматривая институт аманатства как традиционную форму международного соглашения, он стремился добиться выгодных условий. В частности, в 1769 г. Аблай писал оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу следующее об условиях содержания сыновей: «…для (прославления) перед друзьями и врагами, чтобы мой сын в звании генерала был, когда он приедет (к вам), то пусть увидит благословенное (и) приятное лицо ее величества государыни, а также пусть местом пребывания его будет крепость Кызыл-Иар в Тобольской губернии… А обмен моих сыновей (атаманов) производили бы через два или три г., причем тот обмен осуществлялся бы по моему выбору… И чтобы каждый направляющийся (в аманаты) мой сын увидел благословенное государево лицо. (Если же) мой сын долго пробудет (в аманатах), то пусть он будет видеть (государево лицо) раз в три г. …А еще при моих детях находилось десять знатных людей из Среднего жуза»». Цит. по: Шалгимбеков А. Б. Колониальная дипломатия России и казахский правитель Аблай-хан // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 3(25). С. 102–103.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 385.

в качестве очередного нарушения ханом Младшего жуза своих обязательств перед сюзереном.

Одновременно Абулхаир пытался найти оппонентов представителям оренбургских властей среди членов российского правительства. Несколько раз он отправлял письма на имя императрицы Елизаветы и канцлера А. П. Бестужева-Рюмина с жалобами на действия губернатора И. И. Неплюева. Однако эти попытки были безуспешны. Напротив, они имели ряд нежелательных для Абулхаира последствий. Во-первых, высшие сановники и лично императрица безапелляционно поддержали позицию генерал-губернатора. Во-вторых, непоследовательные и, что особенно важно, вооруженные действия Абулхаира против российских подданных вынудили российское правительство в конце концов принять решение о применении против казахов, подведомственных Абулхаиру, военных сил посредством поддержки выступлений против них донского и уральского казачества, башкир, калмыков и неподвластных Абулхаиру казахов[1].

Внешнеполитическая ситуация в центральноазиатском регионе, в частности в Прииртышье, во второй половине 1740-х гг. для России осложнилась. Джунгары стали вновь угрожать российским поселениям в Сибири, и местные власти старались привлечь казахов к охране и защите сибирских линий[2]. Правительство, в частности, поддержало предложение фон Штокмана, постановив рескриптом за подписью канцлера Бестужева-Рюмина, в случае реальной угрозы нападения джунгар на сибирские укрепления «киргиз-кайсаков противу оных калмыков поднять»[3]. Более того, российские власти доносили, что казахи, стремясь обезопасить себя от набегов джунгар, производят поджоги травы, уничтожая тем самым пастбища, потенциально при-

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 41–45.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 380.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 292 об.

влекательные для последних, и косвенно этим защищают российские крепости по Иртышу[1].

Это было тем более актуально, что российским властям стало известно об агитации Галдан-Цэрена среди казахов с целью организации совместных военных действий против российских укреплений. Так, в 1744 г. правитель Джунгарии присылал «Барак салтану и к тамошним киргиским старшинам нарочных в тот образ, дабы они с ними были заодно, возбуждая их сим, что российские люди завоевали у них, зенгорцев (джунгар – *А. Б.*), реку Иртыш, а от них киргис-кайсак (казахов – *А. Б.*), отняли Яик и построили свои крепости; а впредь де могут и так далеко завладеть, что к кочеванию и места им не останется»[2]. Барак отказался от прямого ответа, затягивал переговоры, а сам параллельно приступил к переговорам с российскими властями. В итоге он заявил джунгарским послам, что подведомственные ему казахи не подвергаются притеснениям со стороны российских властей, что от торговли с Россией казахи извлекают значительные выгоды, «а такое неприятельское дело начав, надобно думать[,] как скончат; и тако, их отпустил от себя, не дав никакого писменнаго ответу»[3].

Часть принявших российское подданство казахских владельцев продолжала поддерживать достаточно тесные отношения с Джунгарией. Так, владетель одного из найманских родов Кучук-хан кочевал «смежно с джунгарами»[4]. Отказавшись от прямых переговоров со второй половины 1740-х гг., султан Барак поддерживал контакты с джунгарскими владетелями через Кучук-хана. Султаны Барак, Аблай и около двадцати казахских старшин в том же году отдали джунгарам своих детей в аманаты[5]. Более того, казахи Среднего жуза принимали участие в некоторых военных походах

[1] Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик. Отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул: АзБука, 2006. Док. № 54. С. 75.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 255.

[3] Там же.

[4] Там же. Л. 361.

[5] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 47.

западных монголов. Так, в декабре 1745 г. начальник Сибирских линий Х. Х. Киндерман доносил Сенату, что казахи совместно с джунгарами «абдыкаримовцов и раззорили де у оных три городка да владыческого их сына взяли в полон»[1]. По донесению оренбургского генерал-губернатора И. И. Неплюева Сенату, хан Среднего жуза Абулмамбет в это же время пытался при посредничестве джунгар вернуть себе управление Туркестаном, с той же целью ездил к хунтайджи и утвердившийся в городе Сеит-хан[2]. Вполне убедительным представляется мнение И. В. Ерофеевой, отмечавшей, что стремление ряда казахских султанов к сближению с джунгарами в середине 1740-х гг. определялось в значительной мере желанием вернуть утраченные владения в Семиречье[3].

В Ташкенте джунгары осуществляли управление через собственных ставленников, но, видимо, казахи также принимали участие в управлении городом и округой. Во всяком случае, к 1744 г. относится следующее сообщение Коллегии иностранных дел: «Находящийся в Большой Орде знатнейший Тюлябий… пребывание свое более в Ташкенте имеет и около оного и городки свои заводит»[4]. В 1745 г. город был захвачен персидскими войсками[5]. Затем власть над округой вновь перешла в руки казахских владетелей. Летом 1745 г. джунгары попытались восстановить свой суверенитет над Ташкентом и частью Семиречья. Галдан Цэрен призвал на помощь султана Барака и хана Абулмамбета. Хан Среднего жуза, надеясь на усиление собственного статуса в жузе и на получение в управление присырдарьинских городов, поддержал претензии джунгар. В то же время Барак прямого ответа не дал[6], а позднее и вовсе поддержал антиджунгар-

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 372.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 377–381.

[3] Ерофеева И. В. Русско-джунгарские отношения в 40-х годах XVIII в. и Казахстан (посольство К. Миллера) // Из истории международных отношений в Центральной Азии. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 65.

[4] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1744 г. Д. 4. Л. 120 об.

[5] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 36. Л. 42.

[6] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 321–325.

ские выступления Толе бия, отравившего направленных к нему джунгарских послов и заключившего союз с Абдулкарим беком[1]. Фактически уже с 1745 г. Толе бий восстановил свою власть над Ташкентом, хотя все же оставил свою ставку на некоторое время «недалеко от Ташкента [где] и свой городок имеет»[2]. Известно, что в 1748 г. управление Ташкентом и округой официально вновь осуществлялось Толе бием[3]. Часть казахов, независимых от Барака и Толе бия, также поддерживала антиджунгарское движение, лидером которого являлся правитель Ходжента Абдулкарим бек[4].

Султаны поколения Абулхаира также пытались в это время вмешаться в среднеазиатские дела, в первую очередь в вопрос об управлении Хивой и каракалпаками. Нуралы просил российское правительство оказать ему вооруженную поддержку воинскими командами и артиллерией против утвердившегося на хивинском престоле султана-жадигида Каипа Батыр-улы. В удовлетворении просьбы было отказано[5]. Как и в Среднем жузе, где часть казахов занимала про-, а часть антиджунгарские позиции, так и в Младшем жузе представители поколения алимулы выступали в поддержку Хивы сначала против хана Абулхаира, а затем и Нуралы. В этом они опирались на поддержку ряда казахских родов Среднего жуза.

Российское правительство продолжительное время официально не вмешивалось в среднеазиатские дела, ограничиваясь защитой «собственных» рубежей по Уралу, Иртышу и Горькой линии[6]. В одной из инструкций особо подчеркивалась необходимость «уклоняться от всякого вмешательства в взаимные распри владетелей Средней Азии»[7]. В то же

[1] Там же. Л. 325–326.

[2] Там же. Л. 326.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 148.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 377.

[5] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 181.

[6] Горькая линия получила свое название из-за значительного количества в районах дислокации крепостей и редутов горько-соленых озер, а не потому, как пытается интерпретировать ряд авторов, что принесла казахскому народу значительные горести и утраты.

[7] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 90. Л. 51.

время российские власти тщательно отслеживали динамику развития политических процессов в этом регионе, стараясь сохранить и упрочить собственные позиции. Попытки вмешательства Абулхаира в среднеазиатские конфликты были восприняты российскими властями как действия, наносившие ущерб интересам Российской империи. Попытки коренным образом изменить ситуацию, предпринятые Тевкелевым, возвращенным в 1747 г. после семилетнего перерыва в казахскую степь, к успеху не привели. Интересно, что императрица и Коллегия иностранных дел вполне осознавали многовариантный характер сложившейся обстановки. Именно поэтому Тевкелеву были даны две грамоты для вручения казахскому хану. В зависимости от ситуации он должен был самостоятельно принять решение, какую из них или обе отдавать (они не противоречили, но дополняли друг друга: в одной из них Абулхаиру «делался выговор», в другой хан только «обнадеживался»)[1]. Более того, Тевкелев по согласованию с губернатором и даже без такового имел право не вручать ни одну из грамот, если бы расценил поведение хана в качестве антироссийского. В таком случае «ему Тевкелеву старатся, Его Абул Хаир Хана от ханства от ставить[,] а вместо его выбрать ханом произвесть из доброжелательных старшин и протчая»[2]. Конечно же, любое из решений Тевкелева должно было рапортоваться в Коллегию иностранных дел.

Российские власти с этого времени стали рассматривать возможность поддержки притязаний на власть иных казахских султанов и ханов, особенно из владетелей Среднего жуза, как один из основных вариантов противодействия нежелательному развитию центральноазиатских дел. Появились даже проекты устранения Абулхаира от ханского достоинства. Так, после неоднократных предложений И. И. Неплюева 31 января 1747 г. Правительствующий Сенат направил в Коллегию иностранных дел рекомендации для Тевкелева, в которых, между прочим, предусматривалась потенциальная возможность отрешения Абулхаира от хан-

[1] РГАДА. Ф. 248. 1747 г. Оп. 113. Д. 181. Л. 122 об.

[2] Там же. Л. 98.

ского достоинства и что этого пока не следует официально вносить в инструкцию Тевкелеву, а нужно изложить в устной форме. Однако уже 1 мая 1747 г. было поручено такую письменную инструкцию Тевкелеву «отправить немедленно»[1]. Кроме того, в полученной 7 июля того же года Тевкелевым инструкции отмечалась необходимость напомнить Абулхаиру о его верноподданстве, о необходимости прекращения грабительских набегов на Яицких линиях и в Поволжье[2]. Если это не возымеет действия, рекомендовалось первоначально пригрозить применением силы, а затем, «если не прекратятся предерзости, придется к этой крайней мере приступить»[3].

Еще до принятия Барака в подданство Российской империи, но имея таковое в виду, начальник Оренбургской экспедиции В. А. Урусов рекомендовал оказывать поддержку подданным султана Барака в случае возникновения у них конфликтов с джунгарами[4]. В качестве оппонента Абулхаиру Неплюевым рассматривалось несколько кандидатур. Наибольший интерес и доверие вызывал у него именно султан Барак. Это определялось его политической силой в казахской степи, широкими связями со среднеазиатскими правителями и джунгарами. В июне 1747 г. Барак обратился к Неплюеву с просьбой об освобождении находившихся под стражей казахов Мухаммета и Давлет бая[5]. Этот повод, а также вопрос о разрешении казахам беспошлинной торговли на Сибирских линиях были использованы оренбургскими властями для расширения контактов с султанами-жадигидами Среднего жуза. Оба означенных вопроса были разрешены к «удовольствованию киргис-кайсацкому»[6].

---

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 13.

[2] Там же. Л. 32.

[3] Там же. Л. 34.

[4] Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик. Отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул: АзБука, 2006. Док. № 53. С. 74.

[5] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 36. Л. 27–30.

[6] Там же. Л. 37.

В патронимической родоплеменной структуре казахского общества в первой половине XVIII в. происходили серьезные изменения. Неоднократно роды переходили из одного племени в другое, под воздействием политических факторов формировались новые племенные образования. Этот процесс накладывался на типичное формирование новых родовых подразделений (ру), связанное с семипоколенной системой кровного (иногда мнимого) родства казахов. С другой стороны, эти же изменения вносили коррективы во внутриполитические коллизии в казахской степи.

Источники сохранили сведения, что в первой половине XVIII в. из трех казахских жузов «Средняя Орда признается здесь многолюднее и богатее протчих орд»[1]. Основой политической силы Среднего жуза во внутриэтнической иерархии являлось экономическое благосостояние ее населения. По сведениям И. Рейнсдорпа и П. Рычкова, «сия Орда пред Меньшею подлинно люднее и богатее, а особливо лошадьми, которые у них больше и лучше… да и народ в сей Орде посостоятельнее»[2].

В патронимической структуре казахского общества протекали важные процессы, оказавшие серьезное влияние на внутриполитические процессы. В Младшем жузе из трех племенных союзов – алимулы, байулы и жетыру – лишь первые два известны ранее XVIII в. Семиродцы (жетыру) как союз сформировались в начале XVIII в. из разрозненных родовых объединений для защиты от притеснений более многолюдных соседей[3]. Однако, несмотря на укрупнение, это патронимическое объединение являлось в Младшем жузе слабейшим. Инициатором такого объединения являлся хан Тауке. Ему же приписывается инициатива объединения в один союз племен в Среднем жузе уаков, киреев и тараkты. Причем, несмотря на численное доминирование киреев, реальная власть в новом объединении принадлежала уакам. Это следует как из семантики (уаки стоят на первом месте в словарном обороте), так и из письменных источников того

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 1 об.

[2] Там же. Л. 153.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 110–111.

времени, свидетельствующих, что племя уаков являлось самым богатым в Среднем жузе[1]. Есть сведения о попытке сформировать отдельный род из полузависимого сословия теленгутов, а также о том, что одно из племен Среднего – конрат – перешло в состав Старшего жуза. Причем источники отмечают силу этого племени и сохранившуюся его связь с племенами Среднего жуза[2].

В середине 1740-х гг. Абулхаир и его сыновья признавались правителями среди байулы (султан Нуралы), жетыру (султан Айшуак) и нескольких родов киреев (султан Ералы). Сильнейшее объединение Младшего жуза – алимулы – признало власть султана Батыра из поколения Жадига. В Среднем жузе аргыны (самое многочисленное племя) признавали власть Аблая и Барака, найманы, уаки и тараkты – Барака, кипчаки – Абулмамбета и Барака, конраты – Тауке и Барака. Из этого следует, что власть и влияние Абулхаира продолжали ослабевать, а возрастали власть и влияние Барак-султана. Вполне естественно, что их отношения обострились, а их интересы столкнулись. Более конструктивные контакты Барака с государствами Средней Азии и Джунгарией, поддержка его действий фактическим лидером Старшего жуза Толе бием, а также «ставка» на него в противовес Абулхаиру со стороны российской администрации сделали во второй половине 1740-х гг. Барака сильнейшим владетелем среди казахов. В этих условиях конфронтация между ним и Абулхаиром за вождистское преобладание была неизбежна.

Абулхаир, теряя, и Барак, приобретая влияние и политический вес, искали случая ослабить позиции соперника. Русские источники сообщают о многолетней вражде Абулхаира и Барака и «бывшим у них долговремянно междоусобным ссорам»[3]. В 1744 г. Абулхаир предпринял попытку силой отложить от Барака казахский род алтай из племени аргын Среднего жуза. Опираясь на поддержку найманского, аргынского и тарактинского племен, Барак нанес Абулхаиру поражение, уже в тот период серьезно

[1] Там же. Л. 107.

[2] Там же. Л. 109.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 10.

поколебавшее авторитет хана как среди казахов, так и в глазах российской администрации. Одной из предпосылок успеха Барака являлся союз со знатнейшим в Среднем жузе Казбек бием из аргынского рода каракесек. Бии и батыры самого алтайского рода также не поддержали претензий хана Младшего жуза на гегемонию. В своем «объяснении» И. И. Неплюеву они заявили, что «ежели впредь какие дураки у нас к воровству хотя мало склонятся, то увидим мы кто в правде состоять будет Абулхаир ли хан с Джамбеком или мы с Барак Салтаном да Казбек бием»[1]. После этого случая позиции султана Барака усилились настолько, что оренбургский генерал-губернатор в своем донесении Сенату от 10 июля 1744 г. отметил: «Тот Барак Солтан между всеми киргиз-кайсацкими владельцами за знатнейшего и многолюднейшего почитается»[2]. Сосредоточению еще большей полноты власти в руках султана Барака в этот период помешало джунгарское вмешательство. Однако его достаточно гибкая позиция с ориентацией на Россию, а затем и открытая поддержка антиджунгарских выступлений казахов Старшего жуза вновь повысили его авторитет. Более того, его власть стали признавать часть родов Старшего жуза и часть нижних и верхних каракалпаков. В результате возникли условия пролонгации перешедшего на некоторое время в латентную форму конфликта с Абулхаиром и его детьми, стремившимися восстановить свою власть над каракалпаками и утвердиться в поколении алимулы, кочевья которого к тому же граничили с Хивой, где также продолжалась борьба за власть, в том числе с участием различных казахских «партий».

После очередного вмешательства Персии в хивинские дела, свержения правившего незначительное время хана Карагузы, потомка хана Старшего жуза Жолбарса, и утверждения на хивинском престоле казахского султана Каипа Батырханова Абулхаир и Нуралы попытались вторгнуться в хивинские пределы, однако они не нашли поддержки со стороны родовой знати. В донесении Неплюева

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 206.

[2] Там же. Л. 211.

в Коллегию иностранных дел по этому поводу отмечалось, «что де Нурали салтан, Абулхаир ханов сын, потому что оной Карагузя ему Нуралею, был троюродной брат, на них хивинцов, для нападения собранием иттить хотел, токмо де киргисцы ево от того отвратили якобы тем, что ежели с ними поссориться, то им киргисцам в вымене их товаров способу не будет»[1]. В 1747 г. Абулхаиру пришлось отказаться и от похода против каракалпаков[2].

Опасаясь нового вторжения, как это уже было в 1742 и 1743 гг., часть нижних каракалпаков в числе 3200 семей, «отделясь от протчих, пошли уже сами в киргизскую орду кочевать», признав над собой власть султана Барака[3]. В ответ на это Абулхаир в ультимативной форме потребовал выдать ему каракалпаков[4], но Барак проигнорировал его требования.

Барак попытался к тому же заключить династический союз между Жадигидами и среднеазиатскими правителями, а затем поддержал личные претензии султана Батыра, отца хивинского хана Каипа, к Абулхаиру.

Барак-султан отдавал свою дочь замуж за Каип-хана. С согласия хана Абулхаира его племянник султан Досалы разграбил брачный караван, а нареченную невесту хивинского хана взял себе в жены[5]. Этот инцидент, а также решение «каракалпакского» вопроса стали поводом (а в определенной и мере и причиной) нападения Барака на аул Абулхаир-хана. В письме от 24 августа 1748 г. Тевкелев писал Неплюеву об убийстве Абулхаира: «Подлинно де старшина знают, что ево Батырь султана интригами сват ево Барак солтан ево Абулхар хана убил до смерти»[6].

Как отмечалось выше, Абулхаир и сам искал встречи с Бараком. Он направлялся в кочевья каракалпаков, под-

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 40; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1747 г. Д. 3. Л. 268–268 об.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.

[3] Там же. Л. 83.

[4] Там же. Л. 84.

[5] Там же. Л. 67.

[6] Там же. Л. 68.

ведомственных Бараку, с требованием «их от него к себе отдачи и персонального свидания»[1]. Барак выехал ему навстречу, имея численный перевес вооруженного сопровождения[2]. Суммируя материалы различных «сказок» и писем, Неплюев писал об этом событии следующее: Барак «седши з бывшими при нем киргисцами на лошадей, не сказав ничего, вдруг на него, хана учинил нападение, и при том де хан по несколькой драке с стороны Бараковой одним киргисцем так жестоко ударен копьем, что и с лошади упал, а Барак де султан, сверх того, слезши с своей лошади, ево, хана, уже лежачего раза с три в живот ножем приколол. И тако он, хан, того ж часа и умер, и Барак со своими людьми отъехал. Но у киргисцов, как с ево ханской, так и з Бараковой стороны драки при том не было…»[3]. Последнее свидетельствует, что Абулхаир потерял к этому моменту свой вес даже в глазах ближайшего окружения.

Смерть Абулхаира на время резко изменила ситуацию в степи, вновь сделав ее трудно предсказуемой для российских властей. С одной стороны, единственным сильным султаном, претендовавшим на верховную власть, был Барак. С другой стороны, свои претензии на общеказахское ханское достоинство предъявил старший сын Абулхаира Нуралы. Позиции Барака ослаблялись угрозой «отмщения» (кровной мести), грозившей перерасти в войну между жузами и родами. Позиции Нуралы сами по себе были непрочными, поскольку он прежде не пользовался доверием даже среди большинства родовых старшин и султанов Младшего жуза. (Забегая вперед, следует отметить, что неспособность Нуралы на решительные действия против Барака окончательно подорвала его авторитет, а сам он стал фактической марионеткой в руках оренбургских губернских властей, заключивших его в конце концов под домашний арест в Уфе и лишивших его даже номинального ханского звания).

Первоначально Нуралы заявил о своей решимости немедленно совершить кровную месть. Об этом же заявили

[1] Там же. Л. 83.

[2] Там же. Л. 67.

[3] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Кар. 15. 1748 г. Д. 3. Л. 228.

его братья Ералы, Досалы, а позднее и находившийся в аманатах Айшуак. Этот шаг был во многом вынужденным, поскольку таковы нормы обычного казахского права, и отказ от них привел бы к полной утере властных полномочий Абулхаиридами. Родовые старшины чиклы также заявили о необходимости совершения кровной мести против султана алимулинского поколения Батыра[1], но при этом часть этого рода, напротив, выступала в качестве охраны караванов Батыра. По более поздним сообщениям А. И. Левшина, казахи Младшего жуза алимулинского поколения рода каракете также выступили против Барака и Батыра на стороне Абулхаиридов и по приказанию хана Нуралы «ограбили на р. Сагыз многих хивинцев и туркменцев, шедших под прикрытием киргиз-казаков того же алимулинского поколения, но чиклинского рода»[2].

В 1749 г. на поминках по Абулхаиру собрание старших поколений байулы и жетыру постановило напасть на кочевья Барака. Однако, поскольку военная сила последнего внушала страх и уважение, необходимо было найти союзников против Барака. По донесению полковника Яковлева, в качестве основного союзника были избраны джунгары. Союз облекался в форму брачного. За хунтайджи решено было выдать «дочь Абулхаирову от калмычки рожденную». Переговоры об этом с джунгарами было поручено вести султану Карабашу[3]. Однако, пока велись переговоры, невеста умерла, а другую дочь Абулхаира, также рожденную от жены-калмычки Баяны по имени Намруна, несмотря на решение курултая, взял себе в жены султан Досалы[4].

Российские власти стремились предотвратить как союз казахов Младшего жуза с Джунгарией, так и убийство султана Барака[5]. Оренбургское начальство также старалось уменьшить вероятность раскола между Жадигидами,

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 68.

[2] Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / Под общ. ред. М. К. Козыбаева. Алматы: Санат, 1996. С. 226.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 143.

[4] Там же. Л. 154.

[5] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 79.

в частности, выступления султана Среднего жуза Аблая против Барака[1]. Причину такой позиции раскрыл в своем письме оренбургский генерал-губернатор И. И. Неплюев. Он указывал, что интересы России требовали, «чтоб оной Барак при нынешних обстоятельствах, как бы что ни было, спасся и устоял, для высочайших Е.И.В. интересов, а особливо на предбудущее время, не без потребности, ибо против фамилии Абулхаир хановой (ежели того нужда позовет) для баланса равного ему нет»[2]. В качестве одного из средств сдерживания оренбургская администрация использовала подарки к тризне по Абулхаиру его родственникам. Так, жене погибшего хана, ханше Попай, прислана была черная материя для траурного платья[3]. Однако важнейшим рычагом оказания влияния на ситуацию в казахской степи стал в этот период вопрос о конфирмации нового хана.

Уже в письме от 24 августа 1748 г., т.е. спустя всего несколько дней после гибели Абулхаир-хана, Тевкелев писал в донесении из казахской степи Неплюеву о необходимости оказать влияние на процесс избрания хана. А еще «лучше б домогатца главного хана указом зделать; понеже ежели кто у них указом зделан будет, тот может и милость помнить». Более того, этот вопрос рассматривался в качестве важного правового прецедента[4]. Использование впредь такого механизма предполагало усиление зависимости казахской аристократии от России. 14 сентября того же года Неплюев вошел в Коллегию иностранных дел с таким предложением. В качестве наиболее приемлемого кандидата рассматривался султан Нуралы, которого к тому же «все Малой Орды киргисцы почитают ныне за главного»[5].

Уточняя программу действий, Тевкелев и Неплюев, выплачивая хану регулярное жалованье, предложили пра-

[1] Там же. Л. 80.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Д. 7. Л. 81; АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1748 г. Д. 3. Л. 278 об. – 288.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 82.

[4] Там же. Л. 68.

[5] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 79–80.

вительству использовать корыстолюбие казахской знати и традиционный казахский обычай олжа. Стремление его получения должно было, по их мнению, способствовать тому, чтобы даже выбранные без ведома российского правительства ханы стремились к утверждению. «Тот солтан, ведая, что лишается е.и.в. милости и жалованья ханства не примет [без утвержденья], да и старшины не захотят, чтоб хан их был без жалованья, ибо у них древней обычай, яко полученное им должен он всем старшинам разделять»[1]. Неплюев к тому же предложил, чтобы хан получал положенные по штату 300–400 руб. при ежегодной личной аудиенции генерал-губернатора по приезде в Оренбург[2]. Коллегия иностранных дел одобрила этот проект, уточнив, что «хан для ежегодного свидания приезжать не обязан, но письма ежегодно присылать должен»[3].

Нуралы был избран ханом в 1748 г., а его конфирмация российским правительством состоялась в 1749 г. Официально он был провозглашен не ханом казахов Младшего жуза, а ханом казахов. Это формально поддерживало его претензии на общеказахское ханское достоинство, а практически было сделано для противопоставления Нуралы султанам и хану Среднего жуза, сохраняя потенциал напряженности и создавая, таким образом, более широкую опору губернской власти. Вместе с тем российское правительство не желало вооруженной борьбы и гражданской войны, а потому в качестве условия утверждения в ханском достоинстве потребовало от Нуралы помимо прочего прекращения вражды с Бараком.

Под воздействием политики оренбургской администрации, а также переговоров со старшинами Среднего и Старшего жузов постепенно стало меняться и отношение родовой знати Младшего жуза к Бараку. Если еще в августе-сентябре 1748 г. старшины готовы были поддержать военные действия против Жадигидов, а Барак вынужден был искать убежище в Старшем жузе, имея при себе постоянно

[1] Там же. Л. 63.

[2] Там же. Л. 64.

[3] Там же. Л. 66.

до 5 тыс. вооруженных джигитов[1], то теперь ситуация существенно улучшилась. На этот процесс оказывали влияние и иные факторы.

Посетивший ставку Барака в пригороде Ташкента – Икане – Матвей Арапов доносил, что тот, несмотря на опасения мести, не только сохранил значительные полномочия среди подвластных ему казахов Старшего и Среднего жузов, но и расширил их, приблизив к уровню организации государственной власти. Он «владеет ими так, как настоящий их хан и не только подати с них берет, но в Икане чрез них и дом себе построил и протчие работы исправляет, а сверх того… те улусы, в которых он Барак прежде убития ханского владельцем был, намерены прикочевать к нему Бараку и совокупясь иметь ево у себя по[–]прежнему владельцем»[2]. Подведомственные ему казахи из племен найманов, аргынов и конратов готовы были к началу крупномасштабных военных действий против казахов Младшего жуза в случае агрессивных действий со стороны последних[3].

Решительная поддержка Барака родовыми старшинами Среднего жуза привела к тому, что значительная часть знати кара суйек Младшего жуза перестала разделять идею вторжения в кочевья Среднего и Старшего жузов. Уже в 1748 г. российские власти доносили, что вероятность крупномасштабных военных действий в казахской степи невелика, а если и будет совершено покушение на Барака, то Абулхаириды попытаются «небольшою партиею напасть на него нечаянно»[4]. Летом 1750 г. Нуралы вновь предпринял попытку организовать нападение на аулы Барака и Баракидов, но поддержки среди родовой власти Младшего жуза не нашел. Более того, последние заявили хану, что «им с Среднею Ордою драться не для чего»[5]. Российские власти также неоднократно отклоняли просьбы Нуралы о предоставле-

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 146–148.

[2] Там же. Л. 150–151.

[3] Там же. Л. 147, 151.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 81.

[5] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 36. Л. 50.

нии в его распоряжение «войска для отмщений Бараку»[1]. Одновременно с этим власти Сибири и Оренбурга заверяли Барака в том, что не будут предпринимать никаких репрессий в его отношении в связи с убийством Абулхаира[2].

В конце концов дело было решено передать на суд съезда биев, который оправдал Барака[3]. Знать кара-суйек стремилась к окончательному примирению, и по предложению Джанибек-батыра между потомками Абулхаира и Барака было заключено несколько брачных союзов[4]. Впрочем, отголоски династических распрей ощущались вплоть до 1820-х гг.[5]

Власть хана Нуралы в Младшем жузе с течением времени становилась все более номинальной. Уже в середине 1750-х гг. в связи с башкирским восстанием Батырши письма о запрете поддержки «разбойников» И. И. Неплюевым направлялись Нуралы, но одновременно такие же по содержанию письма от имени сына генерал-губернатора рассылались напрямую казахским родоправителям. При этом Неплюев в своих «Записках» объясняет это именно слабостью власти хана Младшего жуза[6].

В период 1750–1752 гг. власть Барака все более укреплялась. Он установил собственный контроль над Туркестаном[7], подчинил своему влиянию Ташкент с округой, значительную часть родов Среднего и Старшего жузов, а также приаральских каракалпаков. Концентрация власти сопровождалась определенной централизацией управления, организацией механизма относительно регулярных фискальных сборов, попыткой переселения части казахов в наиболее плодородные места и их перевода на оседлость.

[1] Там же. Л. 62; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 181 и др.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 79–82; Д. 7. Л. 146 и др.

[3] Вяткин М. П. Казахское общество в середине XVIII в. // Известия казахстанского филиала АН СССР. 1940. Вып. 1. Сер. историческая. С. 15.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 9. Д. 36. Л. 50.

[5] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 9. Д. 23. Л. 277.

[6] Неплюев И. И. Записки // http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Nepluev/text2.phtml?id=989 С. 53–58 (дата обращения: 15.10.2023).

[7] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 55 об.

Происходило усиление и военного потенциала подведомственных Бараку казахов, тем более что постоянно «под ружьем» состояло не менее 4500 сарбазов, что привело к усилению внешнеполитического веса Барака. Подведомственные ему казахи стали реально угрожать Джунгарии. Осознавая возросшую силу и опасаясь дальнейшего распространения влияния Барака среди племен Центральной Азии, правитель Джунгарии Цэван Доржи не решился на открытые военные действия, но начал активно интриговать против казахского султана, а в 1752 г. приказал отравить Барака[1].

О статусе и фактическом влиянии султана свидетельствует то, что похоронен Барак был в усыпальнице казахских ханов в мавзолее хазрета Ходжа Ахмета Ясави в Туркестане[2]. После его смерти власть постепенно перешла в руки его двоюродного брата султана Аблая[3], последнего казахского владетеля, обладавшего существенной полнотой власти и значительной автономией в решении внутри- и внешнеполитических вопросов.

Таким образом, во второй четверти XVIII в. в казахской степи происходили процессы трансформации родоплеменной структуры, сопряженные с борьбой за верховную власть Чингизидов поколений Осека и Жадига. На первом этапе власть была сосредоточена в значительной мере в руках Осекидов. Наибольшим авторитетом и властью пользовался хан Абулхаир, руководитель антиджунгарского ополчения, первым принесший присягу на верность Российской империи. Однако по мере ослабления внешнеполитической напряженности он все более терял свои позиции. Ставка на укрепление собственного авторитета посредством агрессивных действий против калмыков, башкир, каракалпаков, хивинцев и неподведомственных ему казахов не оправдала себя. Все большее влияние среди казахов приобретали султаны-жадигиды, среди которых постепенно на первые роли вышел султан Барак. 1740-е гг. протекали в постоян-

[1] Вяткин М. П. Казахское общество в середине XVIII в. … С. 15.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 55 об. Кстати, Абулхаир-хан не удостоился чести быть захороненным в этом мавзолее.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 521. Л. 55 об.

ной борьбе между династическими ветвями за влияние на казахские племена и роды, а также за приобретение внешнеполитических союзников. Экономическое благосостояние Среднего жуза свидетельствует, что Барак решал эти вопросы более рационально, чем его основной конкурент Абулхаир.

Внешнеполитические шаги Барака также имели больший успех. В качестве одного из основных акторов внутриполитической борьбы в казахской степи выступала Российская империя. Абулхаир то сближался с оренбургскими властями, то шел на открытое противостояние с ними, в то время как Барак старался поддерживать достаточно ровные и дружественные отношения. Подвластные Бараку казахи совершали нападения на российские линии не столь часто, как это делали казахи, управляемые Абулхаиром. К тому же Барак постепенно от союзных отношений с Джунгарией склонился к конфронтации с ней и заключению союза с мусульманскими правителями среднеазиатских владений и правителями Старшего жуза, что рассматривалось российскими властями в качестве выгодного для них варианта развития событий. Позиция Абулхаира была менее последовательной, его решения многократно менялись. В отдельные периоды он пытался в противовес России ориентироваться на Джунгарию, вступая при этом то в союз, то в конфликт с Хивинским ханством. Все это способствовало повышению авторитета султана Барака и падению престижа Абулхаира в глазах представителей российской администрации. В комплексе эти причины предопределили конфликт Барака и Абулхаира. Вместе с тем такая вражда в целом ослабляла власть казахских владетелей и усиливала позиции российской администрации, которая стремилась управлять конфликтом, успешно отстаивая таким путем собственные интересы и расширяя сферу своего влияния.

§ 4. Управление казахами в период «просвещенного абсолютизма»: проекты и реформы

Отношение российских властей к юго-восточной окраине империи, в том числе к населенным казахами степям, качественно меняется в 60-х гг. XVIII в. На трансформацию российского правительственного курса оказал влияние ряд внутри- и внешнеполитических факторов.

К первой группе факторов (внешний кластер), оказавших влияние на функциональные изменения в колониальной политике, следует отнести следующие внешнеполитические сдвиги: исчезновение Джунгарского ханства и перенос центра противоречий между Цинской империей и Россией в Центральную Азию, в частности, в казахскую степь[1]; стремление России расширить свои владения в Европе, и лишь в качестве сопутствующего фактора – расширить свое присутствие на Востоке (за исключением русско-турецких отношений). Несомненно, что в конце XVIII в. на поведение политических акторов Российской империи серьезное влияние оказала Великая французская революция, ставшая одной из причин новых функциональных трансформаций колониальной политики.

Так, в 1758 г. Коллегия иностранных дел инструктировала оренбургские и сибирские власти о недопустимости развития контактов Аблая и других султанов с Цинами. По мнению правительства, такие взаимоотношения представляли угрозу безопасности сибирским границам и могли повлечь нежелательный для России переход казахов Младшего и Среднего жузов в китайское подданство[2]. Одним

[1] См., напр.: Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX века. 2-е испр. изд. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1983; Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Изд-во «Наука». Сиб. отд-е, 1983; Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. XVIII в. М.: Наука, 1983; Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. Научное издание. М.: МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999; Сыроежкин К. Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность в Центральной Азии. Алматы: ТОО «Дайк-Пресс», 2003 и др.

[2] Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука, 1988. С. 84.

из средств предотвращения перехода Аблая в китайское подданство рассматривалась возможность возведения его в ханское достоинство[1]. В то же время и китайские власти попытались установить вассалитет над казахами Среднего жуза[2].

Казахи, со своей стороны, опасались возможности начала одновременных военных действий против них России и Китая[3]. В такой ситуации они вынуждены были подчиниться одной из сторон, найдя таким образом защиту от второй. Большая часть казахов предпочла российское подданство[4].

Факторы внешнего кластера служили дополнительным стимулом реформирования колониального устройства и изменения статуса и хозяйственно-экономического состояния казахского населения, входившего в состав Российской империи. Китайское правительство, наоборот, полагало необходимым сохранение кочевого состояния казахов и их статуса «чужих людей» (вайгожэнь) и поэтому не предпринимало попыток изменения быта, постепенной урбанизации, развития земледелия и оседлости среди казахов-кочевников[5].

Ко второй группе (внутренний кластер), несомненно, следует отнести умеренно либеральный курс «просвещенного абсолютизма» правительства Екатерины II с его ориентацией на инкорпорацию «неустойчивых подданных»[6] в импер-

[1] Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука, 1988. С. 93–94.

[2] Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Изд-во «Наука». Сиб. отд-е, 1983. С. 23–25.

[3] Международные отношения в Центральной Азии… Кн. 2. С. 50, 69. Док. №№ 162, 169 и др.

[4] Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Изд-во «Наука». Сиб. отд-е, 1983. С. 39–40 и др.

[5] Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем., примеч. и послесл. С. И. Вайнштейна. М.: Наука. Гл. ред. восточной литер., 1989. С. 344.

[6] На наш взгляд, этот термин, введенный Н. Г. Аполловой, но не ставший общепризнанным, достаточно точно отражает характер зависимости казахов от Российской империи. См.: Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией. М., 1960. С. 94 и далее. О том, что статус казахов в российской социально-политической иерархии долгое время не был четко зафиксирован, можно судить, например, по тому, что в решении Государственного совета от 7 мая 1817 г. об образовании Астраханского казачьего войска казахи вместе с калмыками и татарами приравнивались к «иностранцам». См.: Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX века (Астраханское, Оренбургское,

скую систему. Это дополнялось изменением полномочий губернской администрации. Уделяя основное внимание европейским проблемам, кабинет Екатерины II передал часть своих полномочий губернским властям, тем более что ряд администраторов этого периода имели богатый опыт проведения реформ на общеимперском уровне, а знакомство местной администрации с обычаями и нравами кочевников было гораздо более полным, чем у приближенных императрицы. Более того, было признано, что в отношении различных этнических, культурных и экономических составляющих империи возможен вариативный подход даже в случае их географической и этнической близости. Место неравноправия по конфессиональному признаку постепенно занимала веротерпимость, во всяком случае, по отношению к мусульманскому населению[1].

Определение социального статуса индивида в имперской иерархии теперь гораздо более зависело от образа жизни (кочевник/земледелец), чем от конфессиональной принадлежности. А. Каппелер указывает на то, что со времен Екатерины I до вступления на престол Российской империи Николая I в определении социально-политического статуса ведущую роль играл жизненный уклад[2]. По его же мнению, с которым мы вполне согласны, «рецепция идеи прогресса и европейской mission civilisatrice увеличили разрыв между оседлыми русскими христианами и (кочевым) нерусским

Семиреченское, Уральское). Сборник документов / Сост. Н. Е. Бекмаханова. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 143–144. Док. № 32.

[1] См., напр.: Рыбаков С. Устройство и нужды Управления духовными делами мусульман России. Пг., 1917; Садур В. Г. Мусульмане в СССР: история и современность // На пути к свободе совести / Сост. и общ. ред. Д. Е. Фурмана и о. Марка (Смирнова). М.: Прогресс, 1989. С. 423–427; Ишмухаметов З. А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (Исторические очерки). Казань: Изд-во Татарского ун-та, 1979. С. 32–33 и др.

[2] Оседлость давала возможность занять более высокую статусную позицию по сравнению с кочевником. Во второй половине XIX в. возросла роль критерия принадлежности к православной вере и усилилась роль расовой принадлежности. Исследователь справедливо замечает, что в середине XIX в. кочевые инородцы были уравнены в правах с оседлыми туземцами. Автор приходит к выводу, что в политике Российской империи времен господства в ней критерия жизненного уклада проводился эволюционистский цивилизаторский курс, на конкретных проявлениях которого автор в данной работе не останавливается. Каппелер А. Мазепинцы, малоросы, хохлы: украинцы в этнической истории Российской империи // Россия–Украина: История взаимоотношений / Отв. ред. А. И. Миллер, В. Ф. Репринцев, Б. Н. Флоря. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 125–145.

населением степей и лесов. Аристократия кочевников уже не рассматривалась как равноправный партнер»[1].

Еще одним серьезнейшим шагом, повлиявшим на политику метрополии по отношению к казахским степям, явилось осознание правительством необходимости изменения системы отношений: от той, которая была характерна для межгосударственных отношений, к той, которая характерна для отношений внутри одного государства. Выражением этого в конечном итоге стала передача в 1782 г. всех дел, касавшихся Младшего и Среднего жузов, из Коллегии иностранных дел в ведение генерал-прокурора[2]. До этого времени даже на правительственном уровне существовало двойственное отношение к подчиненности Младшего и Среднего казахских жузов России. С одной стороны, на дипломатическом уровне – для других государств – подчеркивалась включенность казахских владений в состав Российской империи, с другой, указы казахским владетелям исходили из Коллегии иностранных дел, посланцы при дворе российских правителей именовались «послами», что было характерно для обращения с представителями иностранных держав. Лишь после указания на этот казус императрицы Екатерины II распоряжения какое-то время стали исходить из ведомства генерал-прокурора, а казахские посланники стали именоваться исключительно «депутатами»[3], а их делегации – «депутациями», а не «посольствами».

Вместе с тем следует учитывать, что Российская империя не стремилась к созданию ситуации межэтнического сотрудничества между нерусскими народами, она ориентировалась скорее на создание конструктивных отношений между русскими и нерусскими или даже между нерусскими народами и администрацией. Как отмечает А. Ш. Кадырбаев, «политика Российской империи в отношении кочевых на-

[1] Каппелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // Мусульмане в новой имперской истории: Сб. ст. / Отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, Могильнер, А. Семенов. М.: ООО «Садра», 2017. С. 229.

[2] ОР РГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Ф. 731. Оп. 1. Д. 490. Л. 12; Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 101 и др.

[3] Басин В. Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII в. // Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1971. С. 50.

родов и государств-наследников Золотой Орды, до тех пор, пока они еще не стали подданными российской короны, в частности башкир, ногайцев, крымских татар, казахов, во многом несла на себе печать страха, во всяком случае, до начала XIX века, еще со времен золотоордынского владычества перед возможным объединением этих народов»[1].

Петровские реформы имели следствием проникновение в среду чиновничества и дворянства Российской империи идей об обществе, вызванных к жизни философскими концепциями, господствовавшими в Западной Европе. XVIII в. недаром назван веком Просвещения. Идеи Т. Гоббса, Ф. Бэкона, Дж. Локка, А. Смита, Ф. М. Вольтера, Ж. Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье и др., теории естественного права и общественного договора становились доступными через непосредственный контакт (обучение в Западной Европе, личная переписка), а также через знакомство с их произведениями. Постепенно в среде высшего российского общества нашли отклик и своеобразное преломление либеральные идеи. Отчетливо их проявление прослеживается в деятельности императрицы Екатерины II и ее окружения. Воспитанная в Германии Екатерина находилась в личной переписке с Монтескье и Вольтером. Она неоднократно заявляла, что использует их воззрения при проведении реформ.

В первую очередь была воспринята одна из краеугольных идей просветителей – идея того, что общественный прогресс может быть следствием позитивного развития законодательства. Именно законы, по мнению Локка и Монтескье, являлись залогом и гарантом общественно-политического прогресса[2]. Провалы реформ трактовались в качестве следствия принятия неудачных законов и некомпетентности законодателей. Так, Ш. Л. Монтескье подчеркивал, что причины неудач законодателей крылись в том, что «большинство законодателей были людьми ограниченными… не считавшимися ни с чем, кроме своих предрассудков

[1] Кадырбаев А. Ш. Золотая Орда как предтеча Российской империи // Центральная Азия и Кавказ (Лулио, Швеция) // http://www.ca-c.org/datarus/kadirbaev.shtml (дата обращения: 23.05.2022).

[2] Локк Дж. Опыты. Т. 1–3. М.: Мысль, 1987.

и фантазий»[1]. Законодательные реформы должны предопределять реформы административные. Как отмечал М. П. Баскин, просветители полагали, что закон – это человеческий разум, управляющий всеми народами земли, а политические и гражданские законы каждого народа – лишь его частные случаи[2]. В политической сфере просветительская концепция общественного развития предполагала разделение властей, введение конституционализма и создание гражданского строя, основой которого должны являться лично свободные, наделенные гарантированными правами граждане.

Гражданство было тесно привязано к государственности, но гражданское общество было притом вычленено из него. Основные принципы либерального общественного порядка были сформулированы в Декларации прав человека и гражданина (1789 г.): свобода, равенство перед законом, частная собственность – как высшее проявление цивилизации[3], право на сопротивление незаконному насилию (в том числе и со стороны государства). В экономической сфере либерализм предусматривал рост индивидуалистской деятельности, резкое ограничение вмешательства государства и корпораций в торговую и промышленную деятельность, законодательные гарантии неприкосновенности частной собственности на движимое и недвижимое имущество и свободной конкуренции. В правовой сфере утверждались принципы невмешательства государства в личную жизнь и презумпция невиновности. Еще одним важным критерием, который стал краеугольным основанием концепции просветителей, являлось понятие общего характера такого феномена, как нация, формирование которого осуществляется по объективным социальным причинам[4]. Наконец,

[1] Монтескье Ш. Л. О духе законов // Монтескье Ш. Л. Собр. соч. Т. 13. М., 1972. С. 274.

[2] Баскин М. П. Монтескье. М.: Наука, 1975. С. 56.

[3] Там же. С. 62–63.

[4] См.: Азакин Н. М. Монтескье. М.: Наука, 1988. С. 25–26; Кузнецов В. Н. Вольтер. М.: Наука, 1989. С. 265–267; Залкинд Е. М. Вольтер об империи Чингисхана // Памяти Е. М. Залкинда. Сб. науч. ст. / Отв. ред. В. А. Моисеев. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1998. С. 111–128 и др.

эпоха Просвещения сопровождалась как на Западе, так в Российской империи признанием прав за различными конфессиями, проведением политики веротерпимости со стороны государства и расширением религиозной толерантности в обществе[1].

В Российской империи осуществлялось привнесение либеральных идей, происходило их встраивание в модель абсолютистского деспотического общества. Распространение различных принципов либерализма варьировалось в зависимости от принадлежности к социальному слою, территориальной дислокации, этноконфессиональной принадлежности индивида. Причем зачастую жители периферии империи являлись пионерами внедрения и культивирования каких-то черт либерализма.

В период «просвещенного абсолютизма» правительством был предпринят ряд общероссийских реформ, затронувших и казахов. Именно с этого времени можно говорить о серьезном влиянии внутренних реформ в России на русско-казахские отношения и русской общественной культуры на ситуацию внутри казахского социума. Причем интенсивность давления на казахский социум была соразмерна тем трансформациям, которым подвергалось российское общество в целом.

Российская культура XVIII в. была во многом выражением интересов государства. При этом весьма спорно утверждение Г. Г. Косача, что она была производным от внешнего влияния, была внутренне противоречива и, содействуя вхождению народов империи в мировую цивилизацию, делала это абстрактно от действительно национальных начал в их жизни, а возникновение российской культуры, в том числе и политической, было лишь выражением специфики форм европеизации территории того государственного образования, частью которого стала и казахская степь[2]. Казахи-кочевники вызывали стремление властей «возвысить их

[1] Арапов Д. Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост., коммент. Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. С. 18.

[2] Косач Г. Г. Рецензия на работу: Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: «Санат», 1999. 335 с. // Восток. 2000. № 3. С. 196.

до уровня культурных народов». Как отмечал в конце XIX в. на заседании ИРГО Н. М. Ядринцев, характеризуя взгляд российских культуртрегеров, «все свойства кочевника выдаются как враждебные культуре и цивилизации. Кочевник считается варваром, угрожающим оседлому быту»[1]. Следует отметить, что такая позиция властей не распространялась исключительно на казахов, а относилась ко всем подданным-кочевникам[2].

Несмотря на попытки модернизации российского общества, предпринимавшиеся со времен Петра I и имевшие целью привнесение элементов европейского социального устройства, в России до 60-х гг. XVIII в. отсутствовал слой свободных граждан. Первыми по-настоящему свободными от государства гражданами России стали дворяне, которые в 1762 г. были освобождены Манифестом Петра III от обязательной государственной службы[3], став основой «гражданского строя». Это положение было подтверждено Екатериной II в Жалованной грамоте дворянству 1785 г. Причем сами понятия «гражданин» и «гражданская власть» вошли в повседневную лексику только после «Наказа» Екатерины II. По нему в качестве источника государственной и гражданской власти выступает государь, а сама гражданская власть приравнивается к законодательной власти. В этом же документе впервые в российском правительстве ставится вопрос о разделении властей. Речь, правда, идет не о разделении на законодательную, исполнительную и судебную, а лишь о различии властных уровней по вертикали – на верховную, среднюю и низшую. Из отраслей сельскохозяйственной деятельности примат в «Наказе» отдавался земледелию: «Земледелие есть самый больший труд для человека; чем больше климат приводит челове-

[1] Цит. по: Окладников А. О. Открытие Сибири. 2-е изд-е. М.: Мол. гвардия, 1981. С. 20–21.

[2] См., напр.: Астраханский край в истории России XVI–XXI вв.: сборник документов и материалов / Сост. В. В. Ишин, И. В. Торопицын, под науч. ред. В. В. Ишина. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. Док. № 1–4. С. 82–88.

[3] Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. С. 99.

ка к избежанию сего труда, тем больше законы к оному возбуждать должны»[1].

В период работы Уложенной комиссии появился ряд законодательных проектов, развивавших эти положения.

Особого внимания заслуживает «Проект Законов о Правах Жителей» или «Людей Среднего Рода»[2], в комментариях к которому прослеживаются екатерининские идеи. Определенное внимание в проекте было уделено и правам кочевников. Авторами этого проекта стали депутаты Большого Собрания Уложенной комиссии Унгерн-Стернберг (от Лифляндии), И. Рыдванский (от Дорогобужского дворянства), С. Титов (от Воронежского дворянства), А. Светушкин (от г. Епифани) и А. Анненков (от Ливенского дворянства)[3]. Проект предусматривал жесткое законодательное оформление принципа сословной стратификации в форме деления всех граждан на три «государственных рода». К первому были отнесены дворяне и церковнослужители, ко второму – мещане, к третьему предполагалось отнести земледельцев и кочующих.

Само определение кочующих народов не имело четко очерченных рамок, главным индикатором служило их отличие от земледельцев. «Кочующие – суть те, которые находятся в некоторых местах Российской империи, земледелия не производят, но главное их упражнение – в ловле всякого рода зверей, птиц и рыб, и тем как себя пропитают, так платят в казну положенные на них всякие подати». По проекту кочевники наделялись правами эксплуатации природных богатств, торговли движимым имуществом и пушниной беспошлинно. Также предусматривалось введение собственности на землю и защита правительством имущественных прав граждан в установленном законами порядке[4]. Прави-

[1] «Наказ» Екатерины II Комиссии по составлению проекта нового Уложения // http://his95.narod.ru/doc00/nak.htm (дата обращения: 07.05.2023).

[2] Краткий анализ этого проекта приведен в работе: Рубинштейн Н. Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще» // Исторические записки. Т. 38. 1951. С. 242.

[3] ИРИО. Т. 36. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1882. С. 247–289.

[4] Там же. С. 285.

тельство наделялось правом контроля за их деятельностью и правом ограничивать права «третьего рода граждан».

Формально земледельцы и кочевники объявлялись равноправными между собой российскими подданными, по отношению к которым должно было действовать единое законодательство. Проект предусматривал также возможность постепенного перевода кочевников на оседлость в разряды «земледельцев» или в «средний род государственных жителей». Основным условием изменения социального статуса являлось изменение имущественного статуса. Имущественный ценз, таким образом, должен был заменить господствовавший сословный принцип. Правда, при этом сохранялся проведенциалистский принцип социальной стратификации. Вот как, например, объяснялась существовавшая стратификация: «Третий – есть нижний род… и сей есть их жребий»[1]. Причем здесь почти дословно цитировалась идея Екатерины II из «Наказа». Сравните, например, с таким отрывком: «Земледельцы живут в селах и деревнях и обрабатывают землю, из которой произрастающие плоды питают всякаго состояния людей: и сей есть их жребий»[2].

В работе Уложенной комиссии, созванной по Указу Екатериной II от 14 декабря 1766 г., принимало участие 28 депутатов-мусульман, в том числе 3 – от Оренбургской губернии и Исетской провинции и 2 – от Уфимской провинции. Одним из наказов, данных им, было обращение с просьбой о поселении в русских селениях или хотя бы отдельно от бывших единоверцев тех, кто перешел в православие из ислама. И они были частично учтены в Указе о веротерпимости, изданном в 1767 г.[3]

Уже в екатерининском «Наказе» и позднее в проектах Уложенной комиссии нашел отражение принцип терпимости к магометанству. Екатерина II отмечала, что «весьма бы вредный для спокойствия и безопасности своих граждан

[1] Там же. С. 275.

[2] «Наказ» Екатерины II Комиссии по составлению проекта нового Уложения // http://his95.narod.ru/doc00/nak.htm (дата обращения: 15.05.2023).

[3] Уложенная комиссия 1767 г.: участие депутатов-мусульман // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. В. Мухетдинов; отв. ред. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: Издательский дом «Медина», 2023. С. 146.

был порок, запрещение или недозволение их различных вер»[1]. В развитие этих идей 17 июня 1773 г. был издан указ Синода «О терпимости всех вероисповеданий…»[2]. Закрепление прав мусульманской религии в структуре Российской империи также нашло отражение в Учреждениях 1775 г., включивших ряд отправителей суннитского культа в имперскую систему, а мусульман – в гражданские сословия[3].

Во время правления Екатерины II в государственной политике России происходит смена характеристик, отождествлявших «другого». Ранее «другой», обычно идентифицировавшийся с чуждой религией, теперь начал ассоциироваться с другим образом жизни, прежде всего с охотниками и кочевниками[4]. Таким образом, нецивилизованность, отсталость и пр. факторы негативного восприятия населения окраин Российской империи трансформировались в менталитете российской элиты от другого по вере к другому по основному роду занятий. Соответственно цивилизаторская миссия должна была направляться именно на эти слои.

Законодательные инициативы центра находили поддержку и дополнялись идеями представителей периферийной администрации Российской империи. Так, в 1760-х гг. появились долгосрочные проекты, направленные на седентаризацию кочевников-казахов, в значительной мере скорректировавшие прежний курс и заложившие основу дальнейшей политики по вопросам развития среди них земледелия и оседлости.

По нашему мнению, первым крупным проектом реформ, направленным на трансформацию кочевого уклада жизни казахов, который имел рациональное обоснование и предусматривал конкретный план реализации, следует считать проект начальника Сибирской линии генерал-майора

[1] Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост., коммент. Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. Док. № 5. С. 44.

[2] Там же. Док. № 6. С. 45–46.

[3] Там же. Док. № 12, 18. С. 51, 56 и др.

[4] Джампеисова Ж. Дискурсы о скотоводстве и хлебопашестве в «степной» колониальной политике России в XIX веке // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сборник научных статей / Отв. ред. Г. С. Султангалиева. Алматы: Қазақ университеті, 2015. С. 130–131.

И. И. Веймарна[1]. Он был подан в Коллегию иностранных дел и обсуждался в ней в марте – мае 1762 г.[2]

Для подчинения казахов-кочевников российскому правительству И. И. Веймарн предусматривал создание условий для привлечения казахов к российским линейным укреплениям в такой форме, чтобы казахи искали постоянной защиты и покровительства со стороны России. В этом проект не отличался от предложений И. И. Неплюева 1740-х гг. Однако в проекте предлагался новый, весьма конкретный алгоритм действий администрации:

1. оказывать всяческую «помощь и правосудие», разрешая кочевать близ российских границ;

2. возвращать казахам пленных, бежавших в русские поселения вместе с их имуществом;

3. знатным казахам возводить за казенный счет «хоромы» и разнообразные хозяйственные постройки;

4. заготовлять для скота казахов сено на зиму.

По мнению И. И. Веймарна, эти мероприятия должны были способствовать постепенному изменению образа жизни кочевников. В обосновании он, в частности, пишет: «Заготовка сена впрок отучит киргизов (казахов – *А. Б.*) кочевать зимой, в связи с заготовкой сена они будут заняты и в летнее время», скот, выращенный на сене, отвыкнет от тебеневок, постоянно проживая в стационарных жилищах, казахи «изнежатся» и станут вполне «способны к обучению к лучшему человеческому житию». Все это должно было создать благоприятные условия для реализации еще одного пункта программы:

5. «незаметным образом навести некоторую скудость в скоте и лошадях», так как чем меньше «у киргизов (казахов – *А. Б.*) скота, составляющих их главное довольствие и богатство», тем легче будет их перевести в разряд оседлых земледельцев и тем легче можно будет ими управлять.

Коллегия иностранных дел приняла указанный вариант административной реформы в качестве основы для

[1] См. о нем: Еремина Н. А. Веймарн Иван (Ганс) Иванович // Энциклопедия Алтайского края. Т. 2. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1996. С. 90.

[2] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 89–90. Док. № 253; КРО-1. С. 630–631.

дальнейших действий, отвергнув при этом предложение о выдаче всех пленных. Последние «по добровольному на то согласию» подвергались христианизации и зачислялись обычно в разряд свободных крестьян или в солдаты, часть из них рекомендовалось отправлять в столицу. Члены Коллегии вполне разумно сочли, что для достижения поставленной цели предложенных мер недостаточно. Казахи только «способами, предложенными генерал-майором Веймарном не только в короткое время, но даже в целые века изнежены быть не могут». Но даже несмотря на это замечание, указом от 14 мая 1762 г. Правительствующий сенат утвердил соответствующие распоряжения Коллегии и выделил на осуществление мероприятий, предусмотренных утвержденным планом, финансовые ассигнования[1].

В день утверждения Коллегией проекта реформ – 21 марта 1762 г. – на имя Сибирского генерал-губернатора Ф. И. Соймонова был отправлен указ, в котором подчеркивалось, что «для удержания их (казахов – *А. Б.*) при всегдашней к здешней стороне преданности нужно… непременным образом некоторую скудость в скоте и лошадях им навести»[2]. Для реализации этого местные власти могли предпринять следующие меры: занижать на торгах цены на скот и скупать его в крупных объемах[3]; не возвращать казахам скот, отобранный у них другими народами, находящимися в российском подданстве, и разрешать «воинские поиски» казачеству в степь с целью «отмщения» за отогнанный с линии казахами скот[4]. (Еще в 1747 г. И. И. Неплюев распорядился о том, чтобы если казахи не будут воспринимать устные запрещения о прекращении нападений на линейные поселения, то «по числу их собрать команду с пушками[,] самому туда следовать, и в удобном месте… не дожидаясь их [казахов] приходу[,] разными партиями атаковать, и паче смотреть[,]

[1] Там же. С. 90. Док. № 253.

[2] Цит. по: Аполлова Н. Г. Экономические… С. 72.

[3] См.: ИРИО. Т. 111. Ч. IV. С. 16, 52–53; Т. 126, Ч. IX. С. 21–22, 138–143; Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 109.

[4] Следует отметить, что, пытаясь искоренить барымту, которую правительство однозначно рассматривало в качестве конокрадства, русские власти фактически рекомендовали заниматься ею казачеству в отношениях с казахами.

чтоб на них ночною порою или как случай допустит [в]незапно напасть и поступить с ними как с прямыми злодеями и неприятелями». Сенатом это решение было поддержано[1]).

Впервые в историографии анализ проекта И. И. Веймарна был предпринят В. Я. Басиным. Он подчеркивал, что этот проект все же не предусматривал открытого и массового применения военной силы, и поэтому относил проект к так называемому «мягкому курсу» колониальной политики. Впрочем, сам ученый отмечал, что при всей «доброжелательности» проект И. И. Веймарна был рассчитан на использование казахов в интересах царизма, «ибо в этом случае, находясь в совершенно безвыходном положении, они были бы вынуждены выполнять любые повеления российской администрации»[2].

Уже указом от 21 марта 1762 г. было принято решение о строительстве в степи «покоя для султана Аблая и для знатнейших старейшин, а для скота их – дворы, причем два года заготовлять для них сено, а на третий год послать в степь опытных косцов, для обучения казахов сенокошению». Аналогичные меры в отношении казахов, кочующих при реке Эмба, было рекомендовано произвести указом Сената от 2 августа 1763 г. По высочайшему повелению с сентября 1763 г. была разрешена беспошлинная торговля хлебом с казахами, «дабы народ этот милость Царскую чувствовал и от подданства Империи пользу признавал». В записке, сопровождавшей указ, отмечалось, что за период 1760–1763 гг. казахами только по уральским линиям было приобретено 44891 пуд учтенного отчетами хлеба[3].

В это же время предпринимались попытки непосредственного обучения казахов земледелию. В 1764 г. была удовлетворена просьба султана Аблая о направлении к нему в степь десяти русских крестьян с земледельческими орудиями и сетями для рыбного промысла. В обмен в качестве аманатов были взяты десять казахов, которые

[1] РГАДА. Ф. 248. 1761–1762 гг. Оп. 113. Д. 1411. Л. 42–46, 49.

[2] Басин В. Я. Указ. соч. С. 203–204.

[3] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 17–18 об.

обучались в Сибири земледелию. Аналогичные действия предпринимались и по отношению к иным казахским владетелям. Позднее аманаты отпускались в степь с земледельческими орудиями[1]. Так, в том же 1764 г. предлагалось условиться с султаном Среднего жуза Султанмамбетом (Салтанмаметом) о постройке ему жилища[2]. Высочайшим указом в декабре 1767 г. было приказано построить «крепостцу» для султана Досалы и его окружения, рекомендуя «обучать киргизов (казахов – *А. Б.*) заготовлению сена, посеву хлеба и заведению огородов и садов»[3]. Можно привести еще не один аналогичный пример, относившийся к данному времени.

Практически одновременно с проектом И. И. Веймарна в правительство был подан проект тогда еще оренбургского вице-губернатора Д. Волкова[4]. (Указ «об определении» его губернатором последовал лишь 2 августа 1763 г.,[5] весной же он лишь исполнял обязанности отстраненного губернатора Давыдова[6].)

Новый оренбургский начальник полагал, что одними подарками и убеждениями казахских ханов и знать подчинить российскому влиянию в должной мере не удастся.

---

[1] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 18 об. – 19; РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 6. Л. 9–9 об.

[2] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 104. Док. № 279.

[3] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 19–19 об.; РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 10 об.

[4] Интересна оценка его роли в эволюции колониальной политики в казахской степи, данная известным советским историком М. П. Вяткиным: «сторонник «мирного завоевания» степи, понимавший необходимость в интересах царизма сохранить власть хана. Более того… учитывая враждебность многих старшин к царизму, он считал необходимым поднять авторитет русской власти в Орде путем тщательного воспитания содержавшихся в Оренбурге аманатов, с целью превратить их в агентов царизма в степи… усиливать влияние России в степи следует путем развития торговли с казахами и приучения их к земледелию». См.: Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. Л.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1941. С. 169–170.

[5] См.: Сборник указов Коллегии Иностранных дел за 1763 г. СПб., 1764. С. 110–122. Док. № 73.

[6] См.: Ухалов И. С. Указ. соч. С. 125–126 и др. Сам Дмитрий Васильевич не стремился получить это назначение, его более прельщала должность конференц-секретаря и президента Мануфактур-коллегии, которую он занимал незадолго до отправления в «почетную ссылку» в Оренбург. Д. В. Волков даже осмелился рекомендовать на должность генерал-губернатора «специалиста» по Восточным вопросам – генерал-майора А. И. Тевкелева, мечтавшего об этом назначении еще со времен образования Оренбургской губернии. Но А. И. Тевкелева, видимо, в силу его неправославного происхождения, отказались назначить.

По его мнению, необходимо было «приобучать их земледелию и хлебопашеству». Он полагал, что удобнее всего для начала таких мероприятий выбрать неблагоприятный для кочевников в климатическом отношении год. Зимой 1762–1763 гг. как раз и был такой период – после джута произошел значительный падеж скота у казахов Младшего жуза. «Померзли, например, – пишет Д. В. Волков, – нынешнюю зиму от холода и голода киргизы (казахи – *А. Б.*) и скот их, – вот случай… хлебом их разлакомить и к заведению лесов поощрить»[1]. Для предотвращения голода и приучения казахов к потреблению хлеба он распорядился в течение 1763–1765 гг. беспошлинно продавать казахам хлеб[2]. Социальной базой создания земледельческого слоя среди казахов, по мысли Д. В. Волкова, могли служить также новообращенные православные христиане[3], а также аманаты[4]. В качестве примера пользы развития земледелия оренбургский для Нуралы и Айшуака губернатор приводил жизненные условия и быт яицких казаков, которым «ни летом от зною, ни зимою от стужи далней нужды не бывает»[5]. Попытка построить дом для Нуралы завершилась с тем же результатом, что и прежде у Давыдова – хан от постройки в очередной раз отказался[6].

Согласившись с основными положениями проекта оренбургского вице-губернатора, Сенат разрешил расселять новообращенных в России, выдавая паспорта, либо, «кто пожелает, поселять для занятия земледелием» в оренбургской степи[7]. Одновременно планировалось начать заселение этой территории «великорусскими людьми» для защиты

[1] Цит. по: Земледелие у киргиз // Оренбургский листок. 1888. № 50–52.

[2] Басин В. Я. Указ. соч. С. 229.

[3] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122/2. 1763–1767 гг. Д. 15. Л. 28.

[4] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. I. Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в. / Сост. Н. Ф. Демидова. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Док. № 490. С. 447.

[5] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122/2. 1763–1767 гг. Д. 15. Л. 28 об.

[6] Семенов В. Г., Семенова В. П. Указ. соч. С. 78.

[7] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 111. Док. № 302.

территории от набегов кочевников и с целью обучения иноверцев земледелию[1].

После доклада Сената Екатерина II наложила на проект реформ разрешающую резолюцию, но оренбургским властям рекомендовалось не привлекать казахов к занятию земледелием близ Оренбурга и давался совет развивать его в степных зауральских районах. Кроме того, предложение об обучении русскими казахов земледелию также было признано не имеющим значения. Наоборот, было приказано «впредь искусственным образом удерживать, чтобы яицкие казаки меньше знакомились с киргизами (казахами – *А. Б.*)»[2]. Этим, несомненно, сокращалась возможность диффузии культур, но одновременно предотвращался возможный союз казачества и казахов, несший в себе, по мнению петербургских властей, потенциальную угрозу роста сепаратизма.

13 июля 1763 г. Екатерина II написала письмо Д. В. Волкову, в котором отметила, что перевод казахов на оседлость – реальная мера, способствующая обеспечению верноподданства казахов. Она констатировала, что применявшаяся прежде практика выплаты «жалованья киргизцам (казахам – *А. Б.*) не довольная еще политика к возбуждению их любви и склонности к России». В этом же письме было рекомендовано пытаться распространять на казахов имперскую систему судопроизводства, сохранив «словесный суд в мелких иноверческих делах»[3].

В своих проектах Д. В. Волков апеллировал к тому, что заинтересованность в развитии транзитной торговли не должна быть самоцелью, необходима интеграция региона в имперское пространство и экономическое освоение региональных ресурсов, и средством к этому должно служить развитие российской системы управления в казахской степи. Более того, он предложил начать обучение казахов «военному ремеслу», «гражданским наукам и благонравию», предлагая, чтобы казахи не из жажды наживы или опасе-

[1] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122/2. Д. 15. 1763–1767 гг. Л. 28.

[2] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 96. Док. № 266.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. I. Док. № 491. С. 452.

ния военного нападения со стороны башкир или яицких казаков, а «Россию собственно для России любили и помаленьку русели»[1].

Следует также отметить, что Д. В. Волков попытался применить к казахским землям положение о секуляризации земель, которое было произведено по его проекту на церковных и монастырских землях метрополии[2], но и этот проект, несмотря на его соответствие предшествующему политическому курсу, претворен на практике не был. Предложения оренбургского генерал-губернатора, таким образом, формально были одобрены правительством, но последующие указы Сената внесли в него столь серьезные коррективы, что он фактически остался на бумаге.

Одной из причин отказа правительства от реализации идей Д. В. Волкова в Оренбургском ведомстве стали значительные разногласия, а фактически – раскол в местной администрации по вопросу о характере и темпах проведения реформ в степных зауральских районах губернии. Еще одной причиной явилась личная антипатия к нему со стороны императрицы.

Такая же участь постигла и проект сменившего Д. Волкова на посту оренбургского генерал-губернатора князя А. Путятина. Развивая идеи своего предшественника, новый губернатор вошел в правительство с предложением о «заселении порожних мест великороссийскими людьми»[3], но оно было отослано для дальнейшего рассмотрения в специальную комиссию, которая так и не начала своей работы[4].

В отличие от Оренбургского ведомства, культурные контакты русского и иноверческого населения Сибири в этот же период не только не ограничивались[5], но, наоборот, поощрялись правительством, губернскими властями

[1] Там же. Док. № 490. С. 447.

[2] Русское православие: Вехи истории / Науч. ред. А. И. Клебанов. М.: Политиздат, 1989. С. 281.

[3] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 111. Док. № 302.

[4] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1496. Л. 37 об.

[5] Точнее, казачеству запрещалось «выезжать в степь», но это постановление действовало лишь в течение трех лет и было вызвано внешнеполитическими факторами.

и линейным начальством. Так, 1 июля 1766 г. по указу Сената на Иртышскую линию из иных сибирских поселений для ознакомления казаков, а при удобном случае и казахов Среднего жуза были вызваны мастеровые и «крестьянских работ художники»[1]. Для поощрения переселения на границу они наделялись фискальной льготой освобождения от всех податных платежей и несения повинностей сроком на пять лет[2]. Следует отметить, что в Сибирском ведомстве в рамках мероприятий, направленных на расширение культурной межэтнической диффузии, несомненно, использовались идеи Д. В. Волкова. Так, в инструкции 1765 г. командующего Сибирскими линиями генерал-порутчика И. И. Шпрингера комендантам крепостей, между прочим, говорится, «чтобы киргиз-кайсаки (казахи – *А. Б.*), как сами кочевкою, так и скотские их табуны держались своей стороны и до наших крепостей ближе десяти, а по крайней мере пяти верст, со взятием от них лучших людей аманатами, отнюдь не приближались»[3].

В качестве аманатов обычно находились в крепостях на линии, а иногда при доме генерал-губернатора молодые казахи из знатных, обычно султанских, семей. Время от времени по просьбе родственников и с согласия властей они заменялись на младших родственников, чаще всего братьев. Находясь среди русских, они, как отмечено выше, обучались земледелию и промыслам, иногда знакомились с военным делом, обычно обучались русской грамоте. Власти вполне осознавали, что молодежь в силу возрастных психологических особенностей должна была легче воспринимать инновации, и надеялись, что носители синкретичной культуры, заняв положенное им по праву генеалогического происхождения высокое место в традиционной потестарной структуре казахского кочевого общества, станут каналами трансляции новых ценностей и способов производства в степи.

[1] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1496. Л. 37.

[2] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 109. Док. № 298.

[3] МИПС-1. С. 272.

В крепостях Оренбургского ведомства с ноября 1740 г. официально султанские и ханские потомки были причислены к служилым людям – судьям и прочим мелким чинам[1]. Однако это была лишь внешняя форма. Как справедливо отмечал П. И. Рычков, «самое начальнейшее содержание ханских, салтанских и старшинских детей под имянем службы, а в самом деле оказалось верности аманатами… [где] их обучают российской грамоте»[2].

Надежды, возлагавшиеся на молодое казахское население иных социальных слоев в качестве носителей и распространителей идей земледельческой цивилизации, также были достаточно велики. Об этом, в частности, свидетельствует факт разрешения российским поселенцам купли у нищих казахов их собственных детей, которых они выдавали за калмыков[3]. Этим же фактически легитимировался процесс работорговли, с которым Россия начала активно бороться с 20-х гг. XIX в. Купленных детей по возможности крестили, обязательно обучали земледельческому промыслу и по достижении ими двадцатипятилетнего возраста давали вольную, а в случае вступления в брак с крепостным (крепостной) вольную получали оба супруга и их дети[4].

Далеко не всегда надежды колониальной администрации оправдывались в полной мере. «Бывает, что воспитанный попечением правительства киргиз (казах – *А. Б.*), окончив курс, отправляется в орду и в несколько недель вся полировка, все, что было к нему привито, сглаживается, он снова тот же киргиз»[5]. Но в ряде случаев подобная культуртрегерская практика приносила желаемые результаты. Так, султан Ширгазы Каипов был в конце XVIII в. адъютантом графа Платона Зубова, фаворита Екатерины II[6], и в таком качестве

[1] ГАОрО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 2 об.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 15 об.

[3] Назаров Ф. Записки о некоторых народах в землях средней части Азии / Прим. В. А. Ромодина и В. А. Урвалова. М.: «Наука». Гл. ред. восточной литературы, 1968. С. 26.

[4] МИПС-1. С. 272.

[5] КРО-2. С. 300. Док. № 188.

[6] Вяткин М. П. Батыр Срым. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 22, 29. Ширгазы даже на собственной печати имел гравировку двух львов, держащих корону, что является несомненным отражением влияния российской геральдики.

почитался казахами. Они его приглашали для урегулирования крупных конфликтов с колониальной администрацией и для решения внутриказахских споров. А воспитанный в русской дворянской среде султан Джангир, став ханом, принялся «перестраивать» Внутреннюю орду по российскому образцу.

Аманаты, со своей стороны, также являлись важным источником информации для российского правительства и местных властей. Иногда они же выполняли и дипломатические функции, представляя единолично или входя в делегации иноверцев к императорскому двору. Так, один из сыновей хана Нуралы, бывший аманатом оренбургского губернатора князя Путятина, встретился с императрицей Екатериной II во время ее приезда в Казань в 1767 г. В следующий раз казахская депутация уже в более широком составе имела аудиенцию у императрицы в 1787 г., во время которой ей были поданы прошения[1].

Несмотря на сведение всего многообразия политической власти в Российской империи того времени к власти государственной и на то, что только государство имело достаточно сил для реального влияния на общество, а также на то, что единственность государства на арене политической власти рождала с его стороны закономерное стремление к всеобъемлющему регулированию общественной жизни как в главном, так и в частностях[2], именно в рамках государственного аппарата разворачивалась борьба идей и борьба за индивидуальное лидерство (фактически – власть), которые позволяют рассматривать эту борьбу в качестве политической, а группировки, стоявшие за тем или иным лидером, – не просто кликами, но и своеобразными группами давления или противовеса. Причем противостояние во властных структурах было характерно как для центра, так и для регионов. Оренбургская и Сибирская губернии не являлись в этом отношении исключениями. Бо-

[1] Ибнеева Г. В. Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Казань, 2006. С. 31–32.

[2] Филиппов Г. Г. Социальная организация и политическая власть. М.: Мысль, 1985. С. 74.

лее того, для реализации своих инициатив на местах при противодействии со стороны вышестоящих чинов зачастую писались обращения на имя глав коллегий и даже самой императрицы.

12 октября 1767 г. оренбургскому генерал-губернатору в качестве приложения к указу Сената был направлен проект отставного вице-губернатора П. И. Рычкова – известного русского исследователя Востока, первого члена-корреспондента Академии наук. В нем предлагалось расширить мероприятия по развитию земледелия в Оренбуржье среди русских, калмыков и башкир[1]. В том же году в анкете Вольного экономического общества П. И. Рычков писал, что «Оренбургская губерния по великому множеству самых лучших и хлебных земель могла бы числиться между плодоноснейшими местами во всей Российской империи, ежели б умножены были в ней прилежные земледельцы»[2]. Далее в анкете он отмечал, что в регионе слабо развито районирование зерновых, бобовых и технических культур. Но все же огромное значение уже в тот период играла конъюнктура рынка. Петр Иванович Рычков указывал, что в товарооборот и товарное производство земледельческой сельскохозяйственной продукции вовлечены и местные тюркские народы, которые заимствуют у русских сельскохозяйственный инвентарь, а иногда и трехпольную технологию возделывания почв[3].

На казахов П. И. Рычков никаких надежд «в отношении к способности к занятию земледелием» не возлагал, считая, что их нравы не позволят им развивать земледельческое производство[4]. Первый историк Оренбургского края, как называли П. И. Рычкова позднейшие исследователи, по-

[1] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 19; Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 111. Док. № 304.

[2] Рычков П. И. Ответы на вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъясненные, в рассуждении Оренбургской губернии // Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. 7. СПб., 1767. С. 115.

[3] См.: Яровой Г. В. Анкета Вольного экономического общества как источник по истории сельского хозяйства и крестьянства Урала второй половины XVIII века // Историография и источниковедение / Отв. ред. А. Г. Козлов. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1976. С. 115–125.

[4] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 19.

лагал, что казахов необходимо первоначально «приучать» к перемене образа жизни, в первую очередь – к изменению бытовых условий. Он предлагал, например, попытаться склонить часть казахского населения к обзаведению жилыми стационарными постройками, где они могли бы жить «хотя бы только зимой». Таким образом, П. И. Рычков считал, что изменение быта не обязательно, или уж во всяком случае, не в краткосрочной перспективе повлечет за собой изменение хозяйственной структуры и типа хозяйственной деятельности, что до него воспринималось российскими администраторами в качестве незыблемой аксиомы. Ревизия Сената нашла доводы Рычкова вполне обоснованными[1]. По отношению же к башкирам и калмыкам проект начал приводиться в исполнение[2], и в 1847 г. правительством был даже принят закон об оседлости калмыков[3].

Негласно проект Рычкова был одобрен губернатором Путятиным, который, в частности, в течение двух лет отказывал хану Нуралы в неограниченном отпуске хлеба в казахскую степь. Правительство также поддержало этот проект рядом санкционированных мероприятий. Так, новому оренбургскому генерал-губернатору И. А. Рейнсдорпу, кстати, возвратившему П. И. Рычкова на государственную службу в должности начальника правления соляных дел губернии[4], было предписано «пустопорожних» земель в Оренбургской губернии не продавать, сделав их «описание»[5].

Одной из основополагающих общеимперских реформ екатерининской эпохи являлась губернская реформа, действие которой частично было распространено на казахов. 7 ноября 1775 г. были приняты «Учреждения для управ-

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 6. Л. 10.

[2] Аполлова Н. Г. Экономические… С. 128–129.

[3] Пашков Б. Г. Русь – Россия – Российская империя. Хроника правлений и событий. 862–1917 гг. 2-е изд. М.: ЦентрКом, 1997. С. 578.

[4] Уханов И. С. Указ. соч. С. 160. Автор ошибается в датировке губернаторствования И. А. Рейнсдорпа в Оренбургской губернии, принимая дату его приезда за дату его назначения.

[5] Архив РГО. Ф. 26. Оп. 19. Д. Описание Оренбургской губернии. Л. 33–120 об.

ления губерний»[1]. В работе над их созданием в течение нескольких лет принимали участие такие государственные деятели, как Сиверс, Завадовский, Безбородко и Десницкий[2]. Активное участие в составлении Учреждений приняла сама Екатерина II.

По Учреждениям 1775 г. империя была разделена на крупные местные административно-территориальные единицы – губернии, а те, в свою очередь, на более мелкие – уезды. Учреждения затрагивали вопросы управления городов и посадов. Екатерина желала предоставить особый устав и крестьянству, но не сделала этого, так что волости и сельские сообщества не затрагиваются ее законодательством. Для заведования местным благоустройством императрица создала всесословный «Приказ общественного призрения». Дворянство было признано местным обществом – корпорацией, причем территориальными пределами этого общества были признаны границы губерний. Оно получило право периодических собраний, выбора из своей среды губернского и уездного предводителей дворянства, секретаря дворянства, десяти заседателей верхнего земского суда. Подобным образом правительство стремилось из всех сословий создать ряд местных организаций – «сословных обществ», предоставив им известные права «по внутреннему управлению сих обществ», а также возложив на эти организации осуществление большинства задач местного управления. Разделив империю на губернии и уезды, поставив во главе губерний наместников и создав органы местного самоуправления, где заседали наряду с «коренными чиновниками и местные выборные люди», Екатерина II, по мнению Л. В. Гильченко, стремилась провести принцип децентрализации власти и создать на местах отдельные

[1] Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / Отв. ред. Е. И. Индова. М.: Юридическая литература, 1997. С. 167–320.

[2] О взглядах С. Е. Десницкого на государственность см. также: Моряков В. И. Поиск пути. Русская общественная мысль второй половины XVIII в. о государстве и обществе // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. / Сост. С. В. Мироненко. М.: Политиздат, 1991. С. 243–245.

самоуправляющиеся административно-территориальные единицы[1].

Учреждения 1775 г. официально урегулировали процесс купли-продажи земель, узаконив, таким образом, для определенных привилегированных социальных категорий граждан частную собственность на землю (ст. 346). Но и для них сохранялись определенные ограничения. Полноценной частной собственностью земля становилась лишь через два года после заключения сделки с недвижимостью[2].

Был учрежден и соответствующий аппарат управления. С целью урегулирования земельных отношений во всех губерниях по штату должен был состоять губернский землемер, не являвшийся членом губернского Присутствия, в уездах вводилась должность уездного землемера, имевшего «право присутствия»: «В каждом уезде или округе определяется… землемер присяжный один» (ст. 24) [3], это положение было дополнительно закреплено установленным составом правления (ст. 412.7)[4]. Наличие этих должностей в чиновничьей иерархии империи и их появление в Оренбургской[5] и Сибирской губерниях создавали предпосылки урегулирования земельных отношений между русскими, а также в так называемых внутренних округах между русскими и казахами. В 1820-х гг. этот акт был распространен и на внешние казахские округа. Его принятие создавало правовые условия интенсификации мероприятий местных администраций по освоению территорий.

Наряду с введением должности землемеров в конце XVIII в. на юго-восточные окраинные губернии было распространено генеральное межевание, которое должно было

[1] Гильченко Л. В. Местное самоуправление: Долгое возвращение. Вып. 1. М.: МОНФ, 1998. С. 10.

[2] Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. С. 253.

[3] Там же. С. 172.

[4] Там же. С. 294.

[5] В декабре 1780 г. Оренбургская губерния была упразднена, а ее территория и население были включены в состав Уфимского наместничества Астраханской губернии.

юридически закрепить акты покупки и самовольных захватов земель, совершенных к этому времени русскими помещиками и заводчиками. Межевое дело имело столь большое значение, что в открывшейся в 1789 г. в Омске «азиатской школе», где детей казахской знати обучали русскому языку и письменности, были открыты специальные топографический и землемерный классы[1].

Таким образом, политика культуртрегерства и связанные с ней мероприятия, направленные на изменение нравов казахов в 60–80-е гг. XVIII в., на наш взгляд, могут рассматриваться в качестве инструмента политики просвещенного абсолютизма по созданию элементов гражданского общества в Российской империи.

После выхода Учреждений А. А. Вяземский, И. А. Остерман, А. А. Безбородко и П. В. Бакунин в докладе императрице Екатерине II предложили провести комплекс мероприятий, способствующих, по их мнению, переходу ряда тюркских народов из кочевого состояния в оседлое посредством переселения их в район, ограниченный со всех сторон земледельческими поселениями. Основной целью оседания признавалась необходимость высвобождения территорий для иностранных колонистов. Оседающих предлагалось наделять землей в размере 8 десятин. В течение одного года предполагалось перевести на оседлость около 250 тысяч кочевников. Обоснованием необходимости перевода кочевников на оседлость также служила потенциальная угроза создания военно-политического союза между подвластными России кочевниками и Турцией. Оседание предлагалось проводить насильственными методами, а контроль за исполнением возлагался на регулярные российские войска[2]. Эта идея нашла поддержку в Коллегии иностранных дел, согласно инструкциям которой, предшествовавшим проекту, губернские власти предупреждались о недопущении пропуска казахов за Волгу, поскольку тогда может возникнуть вредный России союз кубанских и крымских татар

[1] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века / Гл. ред. М. Н. Дружинин. М.: АН СССР, 1956. С. 568, 796.

[2] ИРИО. Т. 26. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Ч. 1. 1747–1787 гг. / Сост. Н. Григорович. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1879. С. 466.

и казахов под эгидой Турции. К этому же союзу при случае могли примкнуть Хива и Бухара[1].

В результате реализации предложений высших государственных сановников предусматривалась возможность распространения общих законов Российской империи на кочевых иноверцев. В проекте, в частности, отмечалось, что «помещение татар (тюрков – *А. Б.*) между древними российскими подданными, упражняющимися в хлебопашестве, и лишение способа обращаться их с народами, в дикости им подобными, послужит не только к уничтожению какого-либо вредного от них покушения, но получится и та польза, что они, имея нужду по связи быть во всегдашнем обхождении с людьми, к порядочному общежитию преобыкшими, будут и сами приучаться к роду жизни своих соседей, к их трудолюбию, к нравам и к должному повиновению начальству»[2].

Екатерина II благосклонно восприняла проект своих придворных и постановила приступить к его претворению с 1786 г. Планировалось подвергнуть переводу на оседлость ногайцев, калмыков и часть казахов Младшего жуза. Территорией их локализации должен был стать район междуречья Большого и Малого Иргиза[3]. План оказался невостребованным в связи с начавшимися в 1783 г. крупными выступлениями казахов под предводительством С. Датова и ставшими во многом ответом на это протестное движение реформами уфимского губернатора барона О. А. Игельстрома, которые в тот период были признаны наиболее целесообразными.

Относительная автономия губернских властей в окраинных генерал-губернаторствах и многообразие форм управления в них вызывала определенное беспокойство правительства. Время от времени им предпринимались попытки сделать управление подвластным населением единообразным. В частности, казахские жузы в первые годы с момента формального присоединения рассматри-

[1] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 13 об. – 14.

[2] ИРИО. Т. 26. С. 467.

[3] Там же. С. 468.

вались российским правительством в качестве обособленных административно-территориальных единиц, управление которыми производилось независимо друг от друга. В 1759 г. его впервые попытались унифицировать, подчинив сибирские войска «по заграничным делам» оренбургскому генерал-губернатору[1]. В 1776 г. было провозглашено, что «для единства управления киргизами (казахами – *А. Б.*)… Сибирские начальники должны поступать по согласию с Оренбургским губернатором»[2]. Однако введения единой или единообразной системы управления и синхронизации мероприятий в Оренбургской и Сибирской губерниях в тот период не произошло. Это свидетельствует о возникновении в системе имперского управления механизма, пользуясь терминологией А. Д. Воскресенского, обратного «эффекту раскрутки»[3], когда региональная интеграция обеспечивает не интересы империи, а только интересы региональных групп. Единого курса в политике двух окраинных губерний выдержать в тот период не удалось, наоборот, на местах усилились противоречия, во всяком случае, в Оренбургском крае, где между «региональными лидерами» – представителями администрации шла борьба за должности, выражавшаяся в том числе в форме подачи правительству проектов различных реформ и контрреформ.

В конце XVIII в. появился проект князя Г. А. Потемкина-Таврического, который предусматривал принятие мер, способствующих переводу казахов на оседлый образ жизни. Объектом должны были выступить казахи Среднего жуза. По мнению автора, их оседание должно было способствовать усилению контактов России со Старшим жузом и созданию наиболее благоприятных условий, предусматривавших отказ от услуг иностранных торговых посредников, развития транзитной торговли со Средней, Восточной и Южной Азией[4]. В подобном ключе рассматривались

[1] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 49. Док. № 157.

[2] Там же. С. 123–124. Док. № 337.

[3] См.: Воскресенский А. Д. Россия и Китай… С. 69.

[4] Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII веках (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1971. С. 246.

перспективы и в донесении посетившего степные районы Сибирского ведомства генерал-майора Я. Боувера[1]. Эти проекты также нашли позитивный отклик в правительстве и у главы государства, однако их реализация натолкнулась на ряд серьезных препятствий практического характера. В результате и эти предложения не воплотились в реальные административные реформы.

Вообще высшие сановники Российской империи, включая императоров и императриц, долгое время находились под убеждением, что перевод на оседлость – это процесс недлительный, прогрессивный, им представлялось, что важно было убедить кочевое население в целесообразности перехода к стойловому животноводству и особенно земледелию, а в идеале доказать это наглядными примерами – заведением пашен, сенокосов и т.п. Здесь несомненно влияние философов-просветителей с их концепциями общественного устройства и умозрительной социально-экономической стратификации, разделявшей социальные слои в том числе в зависимости от видов хозяйственной деятельности и искренней верой в возможности законодательных реформ, якобы чуть ли не автоматически приводящих к трансформации общественного устройства, и опять же верой в безграничные возможности педагогики и обучения. Подобные штампы сохранялись и века после этого. Так, в одном из отчетов правительству РСФСР А. Байтурсынов указывал, что «жизнь киргизов (казахов – *А. Б.*) по своей оригинальности не подходит ни под одну форму европейской жизни, что приводит европейцев к самы[м] разнообразным заключениям, которые бывают тем резче и смелее, чем поверхностнее знакомство со степью и кочеванием. Для европейцев кочевая жизнь киргизов, как явление произвольное, бесцельное, похожее на бродяжничество. Согласно их мнению, ничего не стоит воспретить бестолковое метание по степи и прикрепить их к земле»[2]. Однако уже в XVIII в. мнение о скорости и целесообразности процессов перехода к оседлости или переводу на нее стали меняться в связи

[1] КРО-2. С. 143–148. Док. № 83.

[2] ГА РФ. Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 6. Л. 36.

со знакомством с реальной ситуацией на местах представителей местной администрации. Но в академической среде эти представления продолжали доминировать.

Наряду с появлением проектов, имевших целью трансформацию традиционного кочевого общества казахов, в последней четверти XVIII в. российскими учеными предпринимались попытки теоретического обоснования необходимости таких преобразований.

Один из составителей Учреждений 1775 г., ученик А. Смита, первый русский профессор права Московского университета С. Е. Десницкий попытался рассмотреть отношения кочевников к собственности, отталкиваясь от методологических принципов господствовавшей в европейской общественной мысли концепции естественного права. По его мнению, основным объектом отношений собственности у кочевников являлся скот, который находился в частно-коллективной собственности их «семейств» и «соседств». Вследствие такого «совокупного и нераздельного имения», с точки зрения С. Е. Десницкого, кочевники не имели «совершеннейшего понятия о праве собственности». Не имея постоянного жилища, без конца передвигаясь с места на место, они «не имеют собственности в земле» и «разделения оной никакого не бывает». С. Е. Десницкий пришел к выводу, что кочевники в тот период имели слабое представление и о праве «отчуждения»[1]. Естественный вывод, к которому пришел автор, заключался в том, что раз нет юридических актов, подтверждающих земельное владение, значит, у кочевников отсутствуют права на землю, и она им не принадлежит. С некоторой модификацией эта концепция была принята в качестве основы для обоснования объявления земель, населенных казахами, государственной собственностью Российской империи.

Одновременно с С. Е. Десницким к подобным же выводам пришел еще один профессор Московского университета – И. А. Третьяков. С его точки зрения, кочевники, чтобы

[1] Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в разных состояниях общежительства // Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. С. 60–61, 67–68.

получить права собственности на недвижимое имущество, должны осесть и перейти к земледельческому промыслу. Такой переход принес бы и экономические выгоды. По этому поводу И. А. Третьяков отмечал, что «в нынешние просвещеннейшие веки и последний земледелец несравненно пользуется выгодами большими, нежели народы, рассыпанные по степям, без утвержденных жилищ кочующие. Такой, будучи снабден и простыми орудиями, несравненно с большим успехом и большею удобностью отправляет свои дела, нежели другой, не достигший до его состояния человек»[1].

Такое мнение, сложившееся к 80-м годам XVIII в. в российских академических кругах, в целом отражало и политические настроения российских властей.

В конце 70-х – начале 80-х гг. XVIII в. правительство Екатерины II продолжило реформы, направленные на поиски оптимального варианта административного управления регионами империи. Уже в 1779 г. разделение России на губернии было «признано неудобным». Частично вместо них были созданы наместничества, области и провинции. Оренбургский край был преобразован в Уфимское наместничество «из двух областей: губернии Уфимской и провинции Оренбургской». Часть территории бывшей Оренбургской губернии вошла в состав Симбирского наместничества, открытого в 1780 г. Первым его наместником был назначен генерал-майор А. Д. Карпов. 17 мая 1782 г. была официально учреждена Уфимская губерния во главе с генерал-поручиком А. И. Апухтиным, 24 мая того же года ее губернатором стал князь М. А. Хвабулов. Общее управление Оренбургским краем было подчинено созданному несколько позже Симбирско-Уфимскому генерал-губернаторству во главе с генерал-поручиком И. В. Якоби. В 1783 г. Якоби был отозван в Петербург, обязанности генерал-губернатора были временно возложены на Апухтина. 1 сентября 1784 г. новым генерал-губернатором Симбирским и Уфимским,

[1] Третьяков А. И. Рассуждение о причине изобилия и медлительного обогащения государства // Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. С. 81.

а по совместительству еще и генерал-губернатором Астраханским был назначен барон О. А. Игельстром[1].

Еще до прибытия в Оренбургский край О. А. Игельстром получил от императрицы письмо, в котором было рекомендовано реформировать систему управления казахским населением, сделав ее более подконтрольной и регулируемой российскими властями. В частности, предлагалось создать аппарат «депутатов» из казахских старшин и хотя бы одного султана-торе, которые осуществляли бы постоянную связь губернской администрации с казахскими владетелями[2]. Однако О. А. Игельстром по знакомству с ситуацией в крае осознал, что такие меры проблем управления казахами не способны решить.

Во время назначения на должность генерал-губернатора Игельстром находился в Таврической области на переговорах с турецким посланником. Закончив переговоры, он отбыл в Оренбург, и уже 10 мая 1785 г.[3] подал первые проекты реформы управления казахским населением.

Реформы Игельстрома, на наш взгляд, можно разделить на три этапа:

1) 1785 г., когда Игельстром знакомился с ситуацией в наместничестве и в принципе придерживался прежнего курса, основные черты которого восходили к И. К. Кириллову и И. И. Неплюеву, но уже появились новые идеи, такие как идея «увольнения» Нуралы от «ханского звания»;

2) конец 1785–1789 гг. – период крупных административных реформ, ближайшей целью которых являлось прекращение военных действий на линиях, а основ-

[1] См.: Юдин П. Л. Барон О. А. Игельстром в Оренбургском крае (1784–1792 и 1796–1798) // Русский архив. М.: Тип. Московского университета, 1897. Кн. 1. № 4. С. 514–516.

[2] См.: Воропаева В., Джунушалиев Д., Плоских В. Из истории кыргызо-российских связей (XVIII–XX вв.). Бишкек, 2001. С. 21; Плоских В. М. Россия и кыргызы: развитие политических взаимоотношений (XVIII–XIX вв.) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир / Ред. кол. т.: С. Г. Кляшторный и др. М.: Вост. лит., 2003. С. 21 и др.

[3] В работах историков встречаются различные датировки начала управления, реформ Игельстромом Оренбургским краем. Уточнение хронологии методом сопоставительного текстологического анализа проведено в работе: Данилина М. В. Деятельность Осипа Андреевича Игельстрома в 1770–1790-х годах. Работа на Всероссийскую программу поддержки молодых исследователей «Шаг в будущее». Рукопись. Барнаул, 2000. Из личного архива автора. С. 9–10.

ным содержанием было противопоставление знати кара суйек и ак суйек и установление принципиально новой административно-территориальной системы управления; в период 1789–1796 гг. О. А. Игельстром был перемещен на другие должности, его преемник – А. А. Пеутлинг – отказался от большей части мероприятий, введенных в период правления О. А. Игельстрома;

3) 1796–1799 гг. – новые реформы по управлению казахами, в основе которых лежала идея сохранения ханской власти в марионеточной форме.

О. А. Игельстром предлагал ослабить ханскую власть, утвердив в Младшем жузе одновременно нескольких ханов. В качестве претендентов им рассматривались родственники хана – его сын султан Ералы и племянник – султан Ишим. Однако они не оправдали надежд губернатора на прекращение вооруженных действий со стороны повстанцев под предводительством батыра Срыма Датова. По этому поводу в письме к султану Ералы О. А. Игельстром отмечал, что, поскольку просьбы наведения порядка и спокойствия в Младшем жузе, обращенные к хану и султанам, не имели успеха, «осталось мне последнее средство – говорить с самим народом, к которому я и приступил»[1]. После того как введение триумвирата в степи было признано правительством нецелесообразным, губернатор вошел в правительство с предложением вообще упразднить ханскую власть.

В историографии сложилось мнение, что инициатива упразднения института ханской власти в Младшем жузе исходила от Екатерины II[2]. На наш взгляд, императрица лишь санкционировала идеи барона О. А. Игельстрома. Ее рескрипты о ликвидации ханской власти и реорганизации системы управления казахами последовали

[1] КРО-2. С. 118–119. Док. № 66.

[2] См., напр.: Вяткин М. П. Батыр Срым. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 117; Сабырханов А. Исторические предпосылки для ликвидации ханской власти в Казахстане (на материалах Младшего и Среднего жузов) // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. С. 160.

27 ноября 1785 г.,[1] тогда как О. Игельстром впервые высказал в качестве возможного варианта эти идеи в письме от 10 мая 1785 г., а затем уже более настойчиво рекомендовал правительству «удаление» Нуралы в сентябре того же 1785 г.[2]

Обосновывая свое мнение, Уфимский и Симбирский генерал-губернатор ссылался на позицию старшинской группировки (знать кара суйек), представители которой были недовольны деятельностью хана Нуралы. В своем донесении императрице от 31 октября 1785 г. О. А. Игельстром сообщал, что Нуралы-хан «немало не попечается о благе народном, но еще к удовольствованию своего корыстолюбия разные оному притеснения чинит»[3]. В конце ноября 1785 г. императрица одобрила идею упразднения ханской власти в Младшем жузе с условием «если начальники родов станут привыкать к беспосредственному руководству наших главных там начальников военных»[4].

Хана вызвали в Уральск, а затем в Уфу. Ему было запрещено возвращаться в степь. Для сторонников хана такая мера была объяснена необходимостью обеспечения его личной безопасности[5]. Это было оправдано, ведь Срым Датов неоднократно заявлял о своей готовности расправиться со своим зятем – ханом Нуралы. В окружении Нуралы в эти годы было не более 200 преданных сардаров. О численности казахов, примкнувших к движению Срыма Датова, можно судить по следующим данным: «Под предводительством известных воров[,] а именно при Сырыме 2700, при Бараке 2000, при Теленче 1500»[6].

---

[1] Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV. 1785–1828 гг. М. – Л., 1940. С. 192–196. Док. № 59; Казачьи войска в Азиатской России в XVIII – начале XX вв. (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). Сборник документов / Сост. Н. Е. Бекмаханова. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 138–139. Док. № 31.

[2] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/3. 1785 г. Д. 2. Л. 3–4.

[3] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1775–1786 гг. Д. 2. Л. 189.

[4] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. Оп. 122/3. 1785 г. Д. 2. Л. 2 об. – 3.

[5] КРО-2. С. 121. Док. № 66; С. 122. Док. № 68.

[6] Цит. по: Стеблин-Каменская М. И. Движение Марала Курманова / Машинописная рукопись на 5 л. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.

О. А. Игельстром оказался перед необходимостью решения целого комплекса проблем. Во-первых, необходимо было стабилизировать обстановку в регионе, охваченном действиями восставших казахов. Во-вторых, решить вопрос административного управления, и, наконец, требовалось создать такую систему взаимоотношений с местным населением, которая была бы жизнеспособной. Для управления Младшим жузом был создан Ханский совет, который возглавил руководитель повстанцев Срым Датов, причем власть нового административного органа базировалась исключительно на его личном авторитете[1]. Позднее в своем журнале муфтий Мухаммеджан Хусаинов сообщал, что Ханский совет был создан О. А. Игельстромом «в небытность хана»[2]. В Объяснении 1789 г. О. А. Игельстром отмечал: «при собраниях Сырым предлагает что Орде, народ верит и исполняет»[3]. Осознавая, что Ханский совет не являлся по своей сущности государственным органом управления, Игельстром начал создавать новую систему управления, основным звеном которой должны были стать расправы. О. А. Игельстром предлагал, чтобы управление осуществлялось в них чиновниками из русских и казахов, причем первые были бы назначаемы, а вторые – избираемы народом. Также он предложил привлекать к службе в расправах татар. Это предложение получило принципиальную поддержку императрицы[4]. 3 июля 1786 г. Екатерина II повелела создать расправы, «но на первое время довольно, когда оные из их самих (казахов – *А. Б.*) составлены будут… Расправам оным быть под апелляциею Пограничного Суда в Оренбурге учреждаемого»[5].

[1] [Мейер Л.] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.: Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. С. 18.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 218.

[3] АГС. Т. 1. Ч. 2. С. 843.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 16–20.

[5] Русский архив. 1886. Кн. 11. С. 355.

Состав новых органов управления формировался с учетом этнической пропорциональности. По предложению О. А. Игельстрома, в Пограничном Суде половина мест должна была принадлежать казахам, половина — русским. Реально же первоначально численный перевес имели казахские «приказные служители». Так, в момент основания в Пограничном Суде было 6 русских и 7 казахов[1], а спустя 2 года из 35 русские занимали 17 должностных мест[2].

К обязанностям Пограничного суда относились вопросы решения судебных тяжб между русскими и казахами, а также вопросы управления расправами. О том, что этот орган не мог в тот период функционировать в качестве регулярного, свидетельствуют данные об ассигнованиях на его содержание. На финансовое обеспечение всего нового аппарата (Пограничной комиссии и расправ) выделялось всего в 1,8 раза средств больше, чем на содержание под домашним арестом хана Нуралы[3]:

	Руб.	**Коп.**
На киргиз-кайсацкие расходы	8658	57
На искупление российских пленников	5798	58,5
На содержание хана	4607	53
А всего	19064	68,5

Расправы были созданы по родовому принципу, но предполагалось и их территориальное деление. Более того, правительством планировалось постепенное уравнивание обязанностей расправ и уездных правлений, «предполагая приноравливаться к учреждениям нашим о управлении губернии»[4]. Первые расправы были учреждены в поколениях байулы, алимулы и жетиру, несколько позднее –

[1] КРО-2. С. 120. Док. № 66.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 451. Л. 239–240.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 495. Л. 93.

[4] Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 76.

в кердеринском роде[1]. О функциях расправ можно судить по Правилам для руководства, данным О. А. Игельстромом расправе байулинского поколения:

«1-е. Должность расправы состоит в том, чтоб отправлять для киргизцов (казахов – А. Б.)… правосудие, как по уголовным, так и по гражданским делам.

2-е. Расправе надлежит иметь бдение, дабы в родах тех, которыя состоят в ея ведомстве, сохранены были благочиние, добронравие и порядок.

3-е. Расправе подчинены все рода… и начальники оных, которыя должны все определении ея безоговорочно и отлагательства времяни производить в действо и исполнять. Сама же расправа подчинена здесь ныне в Оренбурге существующему Пограничному Суду, почему должна исполнят все его требованья»[2].

Значительную часть казахов губернатором О. А. Игельстромом предлагалось перевести в разряд служилого казачества с оплатой им жалования «наравне с прочими нерегулярными войсками»[3] и привлечь как к охране внешних границ России, так и к наблюдению за спокойствием в расправах. Правительство поддержало эту идею, повелев «согласить киргизов (казахов – *А. Б.*), убедя их собственною пользою»[4].

Таким образом, основные реформы были направлены на проведение нового курса с целью включения традиционной родовой знати в российскую административную структуру. Способом реализации этого должно было стать, по мысли О. А. Игельстрома, устранение от власти хана и султанов и инкорпорация в имперские структуры казахской знати из нечингизидов.

Барон Игельстром отмечал, что причиной массовых выступлений казахов, вылившихся в конечном итоге в освободительное движение под руководством Сры-

[1] Юдин П. Л. Указ. соч. С. 522.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 58.

[3] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 133. Док. № 356.

[4] Там же. С. 132–133.

ма Датова, являлся, в частности, жесткий курс прежней оренбургской администрации. Основы этого курса были заложены И. И. Неплюевым в «запасном плане» 1744 г. и выражались в проведении «воинских поисков»[1]. Предшествовавшая О. А. Игельстрому администрация придерживалась именно этого курса[2]. Сам губернатор по отношению к казахам считал необходимым проведение более мягкого курса, ссылаясь при этом на распоряжение Екатерины II, гласившее, что «искусство правящаго генерал-губернаторскую должность не в том одном состоит, чтоб все распоряжать силою и властию военными, но кротким и твердым исполнением законами предписаннаго, поставить себя и правительство в таком почтении, чтоб и у дичайших народов приобресть доверенность в пользу Империи»[3].

Уже в 1785 г. О. А. Игельстром запретил «воинские поиски», выпустил из тюрем и отнял находившихся на положении рабов у казаков несколько сот казахов[4], начал «чистку» местной администрации. Несмотря на установление относительного порядка в отношениях с казахами, деятельность генерал-губернатора устраивала далеко не всех. В частности, реформы управления вызвали недовольство султанской группировки, отстраненной от власти. Также скрытую оппозицию генерал-губернатору составляла часть местной администрации и атаманов казачества, потерявших возможность грабежа казахского населения под предлогом «отмщения» за разграбленные казахами караваны и нападения на русские поселения. В правительство было отправлено несколько доносов с обвинением уфимского губернатора во взяточничестве. Атаман Уральского казачьего войска Данила Донсков направил рапорт, выражавший несогласие с проводимыми генерал-губернатором мероприятиями и, наконец, адъютант Осипа Андреевича Д. Гранкин подал записку князю Г. Потемкину, в которой

[1] АГС. Т. 1. Ч. 2. С. 817–818.

[2] Там же. С. 818.

[3] Там же. С. 820.

[4] Там же. С. 816.

доказывал несостоятельность действий своего начальника[1]. В 1789 г. дело О. А. Игельстрома слушалось в Тайном совете. Правительство в споре между генерал-губернатором и его противниками заняло компромиссную позицию. О. А. Игельстром был отозван из Петербурга и направлен главнокомандующим на начавшуюся русско-шведскую войну. Формально за ним была сохранена должность оренбургского генерал-губернатора, от которой он был освобожден лишь в 1792 г. В это время он был назначен Псковским, а затем и Черниговским генерал-губернатором. Здесь он в 1794 г. принимал участие в подавлении польского национально-освободительного движения под предводительством Костюшко[2]. Интересно, что, пресекая сепаратизм, О. А. Игельстром в Европе действовал «по-азиатски» (силовыми средствами), а в Азии – «по-европейски» (преимущественно дипломатическими средствами).

Заслуживает внимания мнение современного российского историка Д. В. Васильева, отмечающего, что управление казахской степью со стороны российского правительства следует воспринимать в качестве косвенного, на которое затрачивается гораздо меньше ресурсов за счет включения существовавших институтов, но «местные политические институты, на которых и зиждется косвенное управление, не могли выполнить роль фундамента и гарантировать стабильность в Казахской степи». Именно поэтому «обеспечить свое безусловное доминирование в регионе пограничная администрация пыталась за счет ослабления ханской власти и поддержания отношений с возможными претендентами на власть в регионе»[3].

Как отметил Р. Ю. Почекаев, российской администрацией в Оренбургском крае в XVIII в. опробовались разные методы влияния на казахов. Первоначально И. К. Кирилловым воздействие осуществлялось преимущественно путем введения

[1] КРО-2. С. 125–132. Док. № 70.

[2] См.: ИРИО. Т. 16. Бумаги князя Н. В. Репнина. Без выходных данных; АГС. Т. 1. Ч. 1. С. XVI.

[3] Васильев Д. В. Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – первая половина XIX в.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. М., 2017. С. 29.

новых законов, что успеха не принесло. Затем, особенно при И. А. Рейнсдорпе, – посредством военного нажима, что также вызвало преимущественно негативные последствия. Со временем стали применяться оба способа, но главным стала организация управления и взаимодействия с неверноподданными казахами через посредничество отдельных категорий казахов (султанов, батыров) и представителей поволжских мусульманских народов, в первую очередь татарских мулл. Ярким примером такой политики оказались реформы О. А. Игельстрома[1].

Практически все реформы О. А. Игельстрома после его фактического увольнения были отменены. В 1791 г. была восстановлена ханская власть. Ханом был избран непопулярный среди значительной части родовой знати султан Ералы (Эрали). В расправы были выбраны «низкие люди», которые в непродолжительное время дискредитировали этот институт, ханский совет был распущен, и, наконец, Срым Датов вновь был объявлен государственным преступником. В степи были возобновлены «воинские поиски», ответом на которые стало усиление вооруженного сопротивления казахов.

Созданные по проекту О. А. Игельстрома органы управления казахами просуществовали недолго. Расправы, создававшиеся для управления тремя основными союзами племен Младшего жуза, распались в 1804–1806 гг., не начав де-факто свою работу. Пограничный суд, хоть и приступил к работе, но был упразднен еще раньше – в 1799 г.[2]

Как показал проведенный С. В. Любичанковским контент-анализ направленных в 1787–1790 гг. в Государственный Совет предложений Игельстрома, в 44% случаев правительство корректировало предложения барона Игельстрома по реформированию управления Оренбургским краем. Решение по каждому четвертому предложению было от-

[1] Почекаев Р. Ю. Взаимодействие правителей казахского Младшего жуза с российскими центральными и пограничными властями: противоречия и способы их решения // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. С. 468–471.

[2] Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: РАПО «Полиграфия», 1998. С. 13.

ложено, еще в 13% случаев рекомендовалось замедлить темпы протекавших изменений и лишь в 9% – ускорить проведение реформ[1]. Возможно, в несовпадении взглядов генерал-губернатора и столичных чиновников крылась одна из причин неудач реформ О. А. Игельстрома.

Большинство исследователей все же видят причину неудач реформ Осипа Андреевича в том, что казахское общество еще не было готово к радикальному изменению механизма социального управления и политической организации. Однако, как было отмечено выше, политическая власть ханов была минимальной, а многие периоды своей истории отдельные казахские этнические подразделения вполне обходились без ханской власти. Сложнее дело обстояло с введением новой системы управления. С одной стороны – против него резко выступали Чингизиды, терявшие свои привилегии, с другой – знать кара суйек оказалась неспособной осуществлять властные полномочия в рамках российских административных стандартов. Новые отношения российских властей и казахов еще не приобрели такого важного системного качества, как устойчивость. Вместе с тем реформы О. А. Игельстрома, несомненно, стали важным этапом становления в казахской степи российской правовой и политической системы.

О восприятии казахами деятельности О. А. Игельстрома можно судить по их письмам в правительство с просьбой возвратить его на службу, отмечая, что его преемник А. А. Пеутлинг, придерживавшийся идей «жесткого курса», «желает довести их в рабство»[2].

Между тем восстание казахов Младшего жуза разгоралось с новой силой. Это усилило напряженность на юго-восточных рубежах, дополнявшуюся поступавшими донесения-

[1] Любичанковский С. Контент-анализ протоколов Государственного совета, посвященных донесениям Игельстрома по проблеме интеграции казахских земель в состав России (1787–1790) // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сборник научных статей / Отв. ред. Г. С. Султангалиева. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. С. 188–206.

[2] История Казахстана с древнейших времен до конца XVIII века. (Практикум – учебное пособие) / Под ред. Д. И. Дулатовой. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. С. 159.

ми о контактах Срыма с Османской империей и Хивой[1]. Опасность активизации вооруженных действий здесь была тем более высокой потому, что параллельно Российская империя вела войну одновременно с Турцией и Швецией, а в Польше вспыхнуло крупное восстание. В 1796 г. правительство было вынуждено вновь отказаться от репрессивных мер, применявшихся А. А. Пеутлингом в отношении казахов. О. А. Игельстром вновь был назначен генерал-губернатором воссозданной Оренбургской губернии. Разукрупнение Уфимского и Симбирского наместничеств было вызвано не только неспособностью администрации управлять столь крупными административно-территориальными единицами, но еще и угрозой создания конфедерации нерусских народов против империи.

Международная обстановка оказала непосредственное влияние и на административные мероприятия в Оренбургском генерал-губернаторстве. Антимонархические мероприятия жирондистов и якобинцев во Франции побудили Екатерину II, а затем и Павла I с большей осторожностью относиться к проектам ликвидации верховной власти наследственных правителей входивших в состав Российской империи этнических групп. Игельстром вполне осознавал, что настаивать на повторной ликвидации ханского правления у казахов преждевременно. Вместе с тем он понимал, что этот институт не вписывается в имперскую стратификационную матрицу, являясь неким рудиментом международных отношений прежней эпохи, перекочевавшим во внутриимперскую административную практику. О. А. Игельстром был вынужден смириться с восстановлением ханской власти в марионеточной форме. Однако он сумел добиться утверждения в этом звании слабого и безвольного Осекида Ишима (Есима)[2]. Кроме того, он по-прежнему настоятельно рекомендовал правительству проводить административно-территориальный раздел Младшего жуза.

[1] Ряжев А. С. Муфтий против губернатора: короткое противостояние // Журнал фронтирных исследований. 2022. № 1. С. 251.

[2] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. Л. 1–4 об.

Отказ от ликвидации ханского правления вызвал недовольство со стороны Срыма Датова, который попытался решить эту проблему по-своему. Однако после убийства Срымом Датовым хана Ишима казахи Младшего жуза уже не верили в его справедливость и, более того, попытались выбрать нового хана без согласия российских властей. Мухамметжан Хусаинов сообщает о выборе казахами ханом Каратая Нуралиева, которого к тому же поддержала «ханская фамилия», следующее: «Каратай султана ханом уже выбрала и посадя на белую кошму качала, то как смела ханская фамилия, когда нет повеления, одна сама собою и без всякого общества к выбору его приступить»[1]. По настоянию О. А. Игельстрома российские власти не признали такого избрания и инициировали в том же 1797 г. новые выборы и конфирмацию ханом султана Айшуака[2].

Особое место в деятельности оренбургского губернатора О. А. Игельстрома занимала конфессиональная политика. Основываясь на манифесте Екатерины II о веротерпимости, он сумел добиться создания в Уфе особого мусульманского управления – муфтиата, к ведению которого были отнесены и казахи[3]. Целью подчинения казахов его деятельности было предотвращение возможности интеграции казахов на почве мусульманства со среднеазиатскими государствами и Турцией. Более того, правительство и лично императрица Екатерина II рекомендовали не вмешиваться в вооруженные конфликты казахов со среднеазиатскими правителями, хотя и поддерживать действия казахов официально также было запрещено[4]. Это была ловкая международная политика. Однако, как верно заметил П. Л. Юдин, в данном случае имелись серьезные негативные внутриполитические последствия таких действий, поскольку одновременно это же способствовало усилению позиций ислама в казахской степи и укреплению влияния татарских

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 219.

[2] Там же. Л. 280.

[3] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. Л. 2.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 16–20.

мулл и купцов[1], становившихся посредниками в русско-казахской торговле.

В 1799 г. высшим управлением для Оренбургских казахов стала Оренбургская Пограничная комиссия, созданная вместо Пограничного Суда[2], однако здесь этнический состав членов был принципиально иным: «Заседатели из киргизов (казахов – *А. Б.*) не имеют даже совещательного голоса, а числом вдвое менее противу русских членов». Как ни казалось бы странным современному исследователю, но в тот период такое соотношение этнического представительства не вызывало у казахов негативной реакции и недовольства[3]. (Через сто лет казахи также были представлены в администрации Степного края в непропорционально меньшей доле по отношению к собственной численности, и это обстоятельство уже являлось одной из причин их серьезного недовольства внутренней политикой Российской империи[4], что помимо прочего отражает уровень их интеграции в имперские структуры, в которых они уже видели заинтересованность участия.)

В 1798 г. аналогичный Пограничный Суд для урегулирования споров с казахами Среднего жуза был учрежден в Петропавловске, однако и здесь он просуществовал только до 1801 г.[5] В 1804 г. расправы как орган управления также были официально упразднены[6].

В целом, на наш взгляд, реформы Игельстрома стали результатом странного сочетания колониализма и просвещения, деспотизма и либерализма. Именно Осип Андреевич

[1] См., напр.: Юдин П. Л. Барон О. А. Игельстром в Оренбургском крае (1784–1792 и 1796–1798). // Русский архив. 1897. Кн. 1. № 4. С. 517; Шевченко С. В. Распространение ислама в Среднем казахском жузе в XVIII – начале XIX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 133 и др.

[2] См.: РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 21 об. – 22; РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. 1844 г. Л. 3 об.; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. 1790–1868 гг. Д. 6334. Л. 2 об.

[3] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 58. Л. 3 об.

[4] Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. С. 84.

[5] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 20 об. — 21.

[6] РГИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 368. Л. 40 об.; Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. / Отв. ред. В. М. Кобзун. М.: «Наука», 1980. С. 92.

Игельстром явился автором так называемого курса «мирного завоевания степи», в основе которого лежали идеи постепенного введения административно-территориального деления в иноверческой среде, включение аллогенов в российскую социально-политическую и административную структуры с постепенным нивелированием их правового статуса с русскими аналогами. Именно эта политика была применена российским правительством сначала в качестве эксперимента в Букеевской орде, а с 1820-х гг. постепенно распространена на всех казахов оренбургского и сибирского ведомств[1] .

[1] В 1824 г. Александр I писал: «Только мирным управлением, осторожностью, строгим и справедливым обхождением с киргизами (казахами – *А. Б.*) можно достигнуть цели, но отнюдь не оружием, которое должно употребляться в крайнем случае». Цит. по: Из истории колонизации Сибири. 1840 г. / Публ. документов и предисловие М. П. Малышевой и В. С. Познанского // Исторический архив. 1997. № 2. С. 200 (прим.).

§ 5. Переориентация на Восток: транзитная и приграничная торговая политика России в Степи во второй половине XVIII – начале XIX в.

В середине XVIII в. одновременно с установлением относительной стабильности в Степи российские власти стали предпринимать первые попытки промысловой и промышленной колонизации Оренбургской губернии. Поводом к этому послужило освоение соляных месторождений, а соль, как известно, в этот период оценивалась в империи весьма высоко. Уже с 1765 г. илецкая соль начинает переправляться в Россию. Потребности рынка Оренбургской губернии были удовлетворены к середине 70-х гг. XVIII в. за счет Эбелейского и Илецкого месторождений. С 1806 г. была «разрешена вольная продажа соли» ввиду перенасыщения местного рынка и перспективы получения высокой экономической прибыли[1]. Выгода достигала 50% чистой прибыли. С целью получения дополнительных поступлений в бюджет в 1822 г. правительством была введена таможенная пошлина при вывозе соли в Европейскую часть империи – 60 коп. с каждого пуда[2], и даже несмотря на это добыча соли оставалась рентабельной. Более того, с 1748 г. фиксировались контрабандные поставки соли из Оренбургской во внутренние губернии[3].

По Сибирским линиям добыча соли началась гораздо раньше – еще в 20-х гг. XVII в., и это в определенной степени стимулировало торговую и военную колонизацию региона Среднего Прииртышья русскими[4]. Введение государственной монополии на соледобычу в Степи вызвало протесты со стороны автохтонного населения, которое традиционно пользовалось ресурсами горько-соленых озер

[1] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 107, 131, 145. Док. №№ 290, 351, 424.

[2] Там же. С. 151. Док. № 153.

[3] ПСЗРИ. Т. XIII. Док. № 9573. С. 9.

[4] О начале соледобычи и торговли см.: Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М.: Наука, 1987. С. 80, 90–92.

беспошлинно. Несмотря на разрешение центральным правительством безвозмездной эксплуатации этих ресурсов, местные власти зачастую препятствовали этому, что создавало предпосылки для возникновения конфликтов[1]. Правительством особо обращалось внимание на то, что регулярные войска, дислоцировавшиеся в прииртышских крепостях, не допускались к добыче соли. Для обеспечения крепостей и соляных магазинов в Сибири на Ямышевское и Коряковское озера снаряжались специальные команды из казаков[2].

Российское правительство надеялось, что в казахской степи удастся обнаружить и другие полезные ископаемые. Уже участники экспедиции А. И. Тевкелева открыли на Эмбе нефтеносные месторождения[3]. В XVIII в. были обнаружены также месторождения меди, свинца, селитры, каменного угля и железной руды, гипса, асбеста, полудрагоценных камней, золота и серебра. Разработки носили временный характер, поэтому о запасах ископаемых властям судить было сложно[4].

Важнейшей статьей дохода в Оренбургском крае по-прежнему оставались доходы от транзитной торговли через степь.

По мнению авторов «Международных отношений в Центральной Азии», в XVIII–XIX вв. в центральноазиатском регионе существовала «транзитная рента», оказывавшая тормозящее воздействие на развитие внутренней торговли, ремесла и предпринимательства. Размеры этой ренты «теоретически не были ограничены ничем, кроме здравого смысла того или иного правителя. Государи или племенные вожди транзитных территорий могли по своему усмотрению менять ставку пошлин и налогов. Это обусловливало неустойчивость товаропотоков, тормозило торговлю и провоцировало иностранные державы на вмешательство

[1] Касымбаев Ж. К. Под надежную защиту России. Алма-Ата: Казахстан, 1986.

[2] ПСЗРИ. Т. XIII. Док. № 9823. С. 391.

[3] История Казахской ССР. В 5-ти томах. Т. 3. Алма-Ата: Наука, 1979. С. 111.

[4] Садыков Т. Из истории российских научных экспедиций в Казахстан в конце XIX – начале XX вв. // Вестник науки ААУ (Акмола). 1996. № 7. С. 23–26 и др.

в дела Центральной Азии с целью ее подчинения хотя бы правилам мировой торговли»[1].

В Оренбургской губернии официально действовало две таможни – Оренбургская и Троицкая. Существовала и Астраханская таможня, которой пользовались торговцы. В значительных размерах существовала и контрабандная торговля[2]. При этом контрабандой часто занимались те же лица, которые занимались торговлей официально, например, татарские купцы (часто одновременно и муллы), специально привлекавшиеся для торговли с казахами, восточными странами и народами, параллельно с легальной продукцией вывозили запрещенные товары – металлы, порох, оружие (при этом ружья уходили за границу по «пяти червонцев за ствол», что было кратно дороже их стоимости во внутренних губерниях)[3]. Контрабанда казахами золота и его вывоз в соседние страны продолжалась вплоть до 1860-х гг.[4]

Более половины зарегистрированного внешнеторгового оборота региона приходилось на Оренбургскую таможню. Этому в определенной степени способствовала сложная ситуация в центральноазиатском регионе[5]. После смерти шаха Надира и разграбления его сокровищ на несколько лет в Азии резко снизилась стоимость драгоценных металлов. Значительная их часть купцами была ввезена в Российскую империю. Точно общий объем поступления драгоценных металлов в Российскую империю из-за рубежа определить невозможно. Вместе с тем можно констатировать, что он был высок. Так, в период с 1748 по 1755 гг. только «через Оренбург вывезено от азиатцев

[1] Международные отношения в Центральной Азии: События и документы: Учеб. пособие для студентов вузов. / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 82.

[2] Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. 2-е изд. / Под. общ. ред. М. К. Козыбаева, вступ. ст. и прим. И. В. Ерофеевой. Алматы: «Санат», 1996. С. 390–392.

[3] РГАДА. Ф. 248. 1755 г. Оп. 113. Д. 1057. Л. 1, 11.

[4] РГИА. Ф. 853 Оп. 1. 1861 г. Д. 82. Л. 1–14.

[5] Моисеев В. А. Взаимоотношения Джунгарского ханства с Казахстаном, Средней Азией, народами Сибири и политика России. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Новосибирск, 1990. С. 36–46.

золота около пятидесяти, а серебра пять тысяч пудов»[1]. Чтобы стимулировать торговлю драгоценными металлами, острый дефицит которых ощущался в России, правительством в 1770 г. был снижен таможенный тариф на них[2]. Для расширения товарооборота и привлечения торговцев на российскую границу бухарские и хивинские купцы наделялись в России торговыми привилегиями и им предоставлялись разнообразные социальные льготы: на проживание, домообзаводство, строительство мечетей. Купцы, приносившие казне наибольшую прибыль, могли рассчитывать на получение правительственных наград и земельных наделов безотносительно их гражданства и места проживания[3]. Казахские торговцы в Оренбурге также освобождались от уплаты торговых пошлин и налогов[4]. В отдельные годы именно торговля с казахами имела наибольший объем и приносила наибольшую прибыль. Так, в 1747 г. пошлины с казахов составили свыше 90% от общих пошлинных сборов[5]. При этом таможенная пошлина с 1744 г. была установлена для среднеазиатских купцов в размере 3%, торговля многими товарами казахам дозволялась беспошлинно[6].

Расширение транзитной торговли привлекало внимание местной администрации и купечества, более того, правительство также не исключало возможности расширения трансконтинентальной торговли через казахские степи. В период правления Екатерины II появились проекты создания российских ост-индских компаний. В частности, с таким предложением выступал оренбургский генерал-

[1] АГМ. Т. 6. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1902. С. 223.

[2] АГС. Т. 1. Ч. 2. Совет в царствование императрицы Екатерины II. (1768–1796 гг.). СПб.: Тип. второго отделения, 1869. С. 627.

[3] АГС. Т. 1. Ч. 2. С. 263–270; Касымбаев Ж. К. Под надежную… С. 35, 127 и др.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1 Д. 524. Л. 70.

[5] «С азиатских народов пошлин 4658 рублев 44½ копейки, в том числе от киргисцев (казахов – *А. Б.*) 4218 рублев сер. 60½ копейки». РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 901. 1748–1752 гг. Л. 1023. Пересчет наш – *А. Б.*

[6] РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 888. 1738–1747 гг. Л. 93 об., 97 об. и др.

губернатор Д. В. Волков[1]. С аналогичной идеей выступили П. И. Рычков и голландский морской капитан Вандемер[2].

Серьезным препятствием к расширению транзитной торговли служили регулярные грабежи караванов казахами, особенно алимулинцами. Проблему защиты караванов от набегов казахов Младшего жуза решали разнообразными способами.

Первоначальные усилия правительства по предотвращению грабежей со стороны казахов и хивинцев сводились к активному дипломатическому и военному нажиму[3]. Так, 15 января 1775 г. Екатерина II написала графу Н. И. Панину следующие строки: «Ныне, когда они (казахи – *А. Б.*) против обещаний своих, самых конвоиных весьма знатного каравана разграбили, кажется, должно дать им возчувствовать такой поступок наказанием; виновных от них требовать, а естьли то не сделать, то, захватя их в нашу сторону, и поступить по нашим законам со злодеями; а впредь должно послать из яицких или других казаков конвой на встречу, хотя с пушками, от чего, кажется у самих киргизов (казахов – *А. Б.*) охота к воровству пресечется»[4].

Воинские команды, сопровождавшие караваны, не всегда использовались владельцами для их охраны. Использование конвоя для удовлетворения долговых обязательств за розданный прежде под высокий процент

[1] См.: Матвиевский П. Е. О роли Оренбурга в русско-индийской торговле XVIII в. // История СССР. 1969. № 3. С. 106: Рябцев А. Л. Роль Ирана в геополитических планах России в XVIII в. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы VI Международной конференции, г. Волгоград, 28–30 ноября 2002 г. / Отв. ред. С. В. Голунов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 39.

[2] Русско-индийские отношения в XVIII в.: Сборник документов. М., 1958. Док. № 166, 168–169, 178, 197, 202–204, 209.

[3] Аналогичные требования предъявляли к казахам и представители других стран, считавших казахов своими подданными. Так, по сведениям английского купца Гока, относящимся к 1742 г., посол джунгарского правителя Галдан Цэрена требовал от казахов, «дабы проезжающим из России в Хиву и Ташкент и оттуда в Россию купцам, какие б они ни были, от касаков (казахов – *А. Б.*) отнюдь никаких обид не было». Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик. Барнаул: АзБука, 2006. Док. № 57. С. 80. Правда, большая часть требований джунгар казахами на съездах знати Среднего и Младшего жузов отвергалась. См.: Моисеев В. А. Взаимоотношения Джунгарского ханства с Казахстаном, Средней Азией, народами Сибири и политика России. XVII–XVIII вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Новосибирск, 1990. С. 27.

[4] ИРИО. Т. 27. Ч. 4. Бумаги императрицы Екатерины II. Без выходных данных. С. 21–22.

товар отмечалось целым рядом российских исследователей. Так, Н. И. Красовский писал: «При этих сборах не обходилось без притеснений несостоятельных должников, которых казаки и купцы грабили, а те отплачивали им тем же самым»[1]. Неэквивалентный обмен с казахами велся и среднеазиатскими купцами. Когда бухарские товары вывозились в казахскую степь, применялась торговля «в кредит». Должники оплачивали товары как деньгами, так и натурой – скотом. При обменной долговой операции за единицу оплаты брался ягненок – марка, и товары давались под ягненка. Долги собирались кредиторами осенью. Такая форма взаимоотношений давала купцам возможность получать большие прибыли[2]. С середины XIX в. аналогичную форму обмена стали применять русские торговцы и скотопромышленники. Вообще вопрос с разграблением ряда караванов не так уж прост в интерпретации, как может показаться на первый взгляд. В источниках существуют указания, что в грабежах или сообщениях о маршрутах движения и ценности грузов караванов могли принимать участие казаки и находившиеся на российской службе татарские муллы и купцы. Также имеются свидетельства, что разграбленное казахами имущество караванов затем ими сбывалось в русских же линейных укреплениях, что даже вынудило в 1814 г. Кабинет министров издать по этому поводу специальное распоряжение, запрещавшее продажу и скупку имущества разграбленных караванов[3].

Одним из наиболее действенных средств обеспечения сохранности имущества каравана в пути следования было признано привлечение казахов к охране караванов за особую плату. Первоначально они получали 1% от стоимости

[1] Цит. по: Кушпаева А. Б. Караванная торговля России со Средней Азией через Казахстан (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Социально-политическая история Приишимья (Тезисы выступлений на конференции) / Отв. ред. Н. В. Алексеенко. Целиноград: Изд-во обкома Компартии Казахстана, 1990. С. 61.

[2] Тулибаева Ж. М. Казахстан и Бухарское ханство в XVIII – первой половине XIX в. Алматы: «Дайк-Пресс», 2001. С. 101.

[3] ВПР. Сер. I. Т. 8 (1814–1815 гг.). М.: Политиздат, 1972. Док. № 83. С. 203.

имущества каравана[1], в 1789 г. процент увеличили до 5%[2], а с 1824 г. казахи могли получить до четверти таможенных сборов от караванной торговли[3], в последнем случае высокие дополнительные затраты компенсировались правительством за счет высокого «запретительного» протекционистского тарифа. Аналогичная ситуация существовала на Иртышской линии, где наибольший торговый оборот приходился на Семипалатинский рынок, который уступал по размерам товарооборота только Оренбургскому.

Правительство, как отмечено выше, придавало особое значение развитию торговли и с самими казахами. Еще в середине 60-х гг. XVIII в. И. И. Шпрингер поставил перед правительством вопрос о разрешении казахским купцам торговать во всех крепостях по Сибирской военной линии. После обращения с этой же просьбой сибирского губернатора Д. И. Чичерина просьба была удовлетворена. Благодаря активной деятельности местной администрации торговые обороты в это время стали возрастать[4]. Приведем данные динамики торговли с казахами только по двум крепостям Иртышской линии – Ямышевской и Железинской. В Железинке казахи продали в 1770 г. – 300, в 1778 г. – 5400, в 1780–15000, в 1784 г. – 28000 голов. Аналогичная тенденция роста объемов товарооборота между русскими и казахами фиксируется и в Ямышеве, где в 1780 г. казахи продали 44000, в 1781–50900, в 1782–82100, а в 1784–87500 лошадей[5].

Основными объектами сделок с казахами, естественно, были скот и продукты его домашней переработки – кожи, войлок и т.п. со стороны казахов, продукты ремесленного производства, в первую очередь металлические изделия и продукция мануфактурного производства, а также хлеб,

[1] Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1. V в. до н.э. – XVIII в.н.э. / Под ред. П. А. Кунте и С. Д. Асфендиарова. Алма-Ата, 1935. С. 178.

[2] АГС. Т. 1. Ч. 2. С. 825–827, 833–834.

[3] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 154. Док. № 463.

[4] Кожирова С. Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (Вторая половина XIX – начало XX вв.). Астана, 2000. С. 18, 114–116.

[5] История Казахстана в новое время: учебное пособие / Сост. Ю. А. Лысенко. Барнаул: АзБука, 2006. С. 48.

чай и ряд других товаров – со стороны России[1]. Запрещалось продавать «заповедные товары» – ружья, порох, свинец[2]. До 1808 г. действовали высокие таможенные тарифы на торговлю с казахами сталью[3].

Активно велась торговля в форме простого товарообмена между жителями прилинейных районов и казахами. П. И. Рычков сообщал: «Каждое лето для промену рассиянам пригоняют в Оренбург и в Троицкую крепость тысяч по полтораста и больше и получают за лучшую овцу товару по цене в 50 до 80 копеек. А по тарифу оренбургскому оценены большия по 40, а молодыя и ягнята по 25 копеек… Оренбургские обыватели и новых крепостей ближних к киргис-кайсацкой (казахской – *А. Б.*) степи кроме оных киргизских овец других весьма не много имеют»[4].

К торговле с казахами первоначально допускались все желающие, безотносительно сословной принадлежности. Относительно высокая активность крестьянства в торговом обороте с казахами приводила к определенной конкуренции и падению цен на ряд ключевых статей товарооборота, что вызывало протесты со стороны купечества. По этому поводу они писали в администрацию Оренбургского края, что «много убогих торгашей и крестьян наехало, и цену у товаров испортили». Отдельные купцы даже просили вовсе «закрыть азиатский торг», на что правительство, естественно, пойти не могло. Интересы купечества были все же частично защищены тем, что в 1755 г. крестьянам запретили вести торговлю в радиусе пяти верст от Оренбурга, и разрешалось торговать только продуктами собственного производства[5].

Говоря о торговле с казахами на линиях, очевидцы отмечали ее высокую рентабельность. Однако вследствие того, что скорость оборота капитала обычно была невысокой,

[1] См. подробнее: Касымбаев Ж. К. Верхнеиртышские крепости в системе азиатской торговли России во второй половине XVIII – начале XIX века // Вестник АН КазССР. 1988. № 2.

[2] ВПР. Сер. 2. Т. 3 (11). С. 439–441. Док. № 143.

[3] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 146. Док. № 428.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1 Д. 521. Л.56 об. – 57.

[5] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. / Гл. ред. М. Н. Дружинин. М.: АН СССР, 1956. С. 780.

стали развиваться разнообразные формы товарного кредитования. Д. Гурьев, например, свидетельствовал: «противу получаемого числа вещей от них в отпуск к ним (казахам – *А. Б.*) едва ли отходит оных по цене на половину суммы и той… большей частью грубого искусства»[1]. Торг (обмен) в степи в начале XIX в. был еще более выгоден, где «на пять грошей[2] медной монеты дают одну мерлушку, стоющую на линии более рубля»[3], т.е. прибыль могла достигать 4000%! В силу неразвитости рыночных и товарно-денежных отношений эти формы кредитования становились дополнительным источником неэквивалентного обмена и извлечения сверхприбыли, консервировавшей патриархальные обычаи внутри казахского общества, а отнюдь не современнейшей для того времени формой развития капиталистических отношений.

Как неоднократно отмечалось, обычно происходил натуральный обмен. Денежные отношения в русско-казахской торговле приобрели регулярный характер лишь в XIX в. Вместе с тем и торговля «на деньги» не была чем-то совершенно неизвестным казахам. Чаще всего в таких операциях использовались российские деньги (преимущественно монеты). О разбросе цен на различные виды товаров в степи достаточно подробную информацию предоставляют материалы И. Сиверса[4]. Известны случаи использования в качестве средства обмена хивинских и бухарских монет. Источники фиксируют и применение при торговых операциях между русскими и казахами в качестве «разменной монеты» в последней трети XVIII в. чая и китайской хлопчатобумажной ткани (даба)[5]. Имеются свидетельства о том, что во втором-

[1] Цит. по: Кушпаева А. Б. Некоторые вопросы истории торгово-экономических связей Казахстана и России на рубеже XVIII и XIX вв. (На материалах Оренбургской губернии) // Вестник ААУ (Акмола). 1996. № 7. С. 15.

[2] Грош – 1/30 золотой или 1/2 серебряной копейки.

[3] ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2 доп. Д. 85. Л. 145 об.

[4] Сиверс И. Письма из Сибири, Фальк И. П. Описание всех национальностей России. Пер. с нем. Алматы: Галым, 1999. С. 12, 19–21.

[5] Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Среднею Азиею и Китайскими владениями. 2-е изд. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVIII–XX вв. Сборник статей и материалов / Под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. С. 24.

третьем десятилетии XIX в. в русско-казахской торговле использовались фальшивые европейские денежных знаки. Однако достоверность этих известий вызывает сомнения.

Правительство первоначально стремилось развивать оптовую торговлю. Так, уже председатель Известной экспедиции И. К. Кириллов ежегодно закупал на нужды правительства 5–10 тысяч голов лошадей[1]. Его преемник – В. Н. Татищев в 1739 г. закупил их на сумму 64 тыс. руб. по 4 руб. за голову[2]. В 1745 г. у казахов было обменено 5617 лошадей и около 14 тысяч овец[3]. В указах от 14 февраля 1738 г. и от 26 августа 1739 г. говорилось о целесообразности оптовой закупки у казахов верблюжьей шерсти, поскольку на нее есть спрос у англичан. В 1774 г. Коллегия иностранных дел вновь поставила этот вопрос перед оренбургскими губернскими властями, указывая на его актуальность[4]. Это весьма типичные распоряжения того периода.

Российские власти награждали посредников в развитии торговли – татарских купцов и мулл. Первый оренбургский губернатор И. И. Неплюев отмечал их роль в этом процессе, параллельно указывая на произошедший качественный рост товарооборота в середине XVIII в.

Из Записок И. И. Неплюева

«В сию посылку употреблял я магометан, татар слободы Сеитовой; и как сей народ легко ослеплен быть может корыстию, то я сих татар и наградил изобильно и обнадежил, по исполнении их комиссии с успехом, наградить еще более, кои, получа первое и льстясь последним, столь усердно по всем тем областям старались, что с 1745 году знатный торг в Оренбурге возымел начало, так что я уже в состоянии был, вместо получаемых от начала той экспедиции ежегодно до 30000 р.

[1] ИРИО. Т. 111. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны (1731–1740 гг.). Ч. 3 / Под ред. А. Н. Филиппова. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. С. 21–23, 145.

[2] ИРИО. Т. 126. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны (1731–1740 гг.). Ч. 9. Юрьев: Тип. К Маттисена, 1907. С. 282–283.

[3] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122/2. Д.8. Л. 70. Еще одним следствием развития торговли с казахами стала окупаемость Оренбургской администрации в этот период, о чем оставил свидетельства в своих воспоминаниях И. И. Неплюев. См.: Записки И. И. Неплюева. Факсимильное изд-е. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2004. С. 139.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 282 об., 287 об.

из казны, содержать оную от доходов пошлинных; а сверх того, ввезено торгом в Россию вошедшего в объявлении с лишком 5000 р. серебра, а более того числа вошло, кое не было в объявке, и не мало золота, а пошлинный сбор доходил до 50 тысяч в год. Прежде меня от бывшей коммерции никогда трех тысяч в год не приходило»[1].

О размерах только официальной торговли в период 1745–1820 гг. можно судить по материалам А. И. Левшина[2], который, в частности, отмечал, что реальные размеры меновой торговли были гораздо выше, превосходя зафиксированные в отчетах в иные годы в сотни раз[3]. По сведениям Л. Мейера, средний годовой объем привоза на Оренбургскую линию товаров от казахов в XVIII в. оценивался в 1780000 руб. сер[4]. По официальным данным, в 1781 г. казахам было продано на сибирской линии товаров на сумму 86750 руб. 68 коп., а от них получено на 108437 руб. 50 коп. Причем для торговли на линию приезжали купцы из среднеазиатских владений и из разных городов России, в том числе из Москвы[5]. В начале XIX в. совокупный объем поставленного казахами на российские рынки скота оценивался таким знатоком, как А. И. Левшин, в 1 млн голов овец и 50 тыс. лошадей[6]. Ежегодный российский импорт через Оренбург на рубеже XVIII–XIX вв. уже превышал 2 млн руб.[7] Для сравнения – это почти в 7 раз превышало импорт через астраханскую таможню и составляло половину всего китайского импорта в Российскую империю. По Иртышской линии в конце XVIII в. торговали казахи 220 отделений 40 родов, что почти втрое превышало численность казахов, представители ко-

[1] Записки И. И. Неплюева. Факсимильное изд-е. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2004. С. 138–139.

[2] См.: Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 391–399.

[3] Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 392–393.

[4] [Мейер Л.] Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. С. 187–193.

[5] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 46 об.

[6] Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 392.

[7] Рябцев А. Л. Указ. соч. С. 34.

торых вели в это же время мену с Китаем[1]. Развитие транзитной и русско-казахской торговли способствовало росту авторитета местных российских властей в глазах местного казахского населения. Развитие торговых отношений и отдаленность Оренбургского и Сибирского регионов от промышленных центров стимулировали к тому же появление зачатков местной промышленности, в первую очередь горнодобывающей и соляной, что становилось дополнительным стимулом к развитию промышленной колонизации степных районов.

Вовлечение казахского населения в активные торговые отношения, в том числе и в денежной форме, способствовало появлению новых социальных интересов, таких, как получение прибыли, усилению имущественной дифференциации и трансформации традиционных социальных отношений. По донесению оренбургского военного губернатора Н. Бахметьева, вовлеченные в товарооборот казахи «чрез мену на скот свой товаров в Оренбурге привыкнув к роскоши в употреблении вещей дотоле им неизвестных, зделались лукавы, корыстолюбивы»[2].

Еще в середине XVIII в. начался процесс усиления роли сибирских городов в торговле с казахами и среднеазиатскими купцами. Оренбургский генерал-губернатор И. А. Рейнсдорп в письме к канцлеру А. Р. Воронцову писал: «Здешняя с киргиз-кайсацким (казахским – *А. Б.*) и азиатскими народами ярмонка (оренбургская ярмарка – *А. Б.*), слава Богу, производится с желаемым успехом, токмо оная в Троицкой крепости и по причине учреждения на Сибирских линиях почти в каждой крепости с киргиз-кайсаками торгов пришла против прежняго в упадок»[3]. Процесс этот был во многом связан с противоречиями между Бухарой, Кокандом и Хивой. В зависимости от политической ситуации

[1] Анисимова И. В. Политика России в решении «казахского вопроса» // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: Материалы конференции / Под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2003. С. 61.

[2] Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4. 1775–1828 гг. М. – Л., 1940. С. 193. Док. № 59.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1 Д. 1185. Л. 2–2об.

караваны из Средней Азии шли то на Оренбург, то на Семипалатинск.

Начало XIX в., на наш взгляд, стало переломным периодом в русско-казахских и русско-среднеазиатских торговых отношениях. Это было связано, прежде всего, с упадком товарооборота русско-европейской торговли. В 1808 г. по сравнению с 1807 г. общий ввоз товаров сократился по России в целом на 10 млн руб., вывоз – на 20,5 млн руб. Вызванный Континентальной блокадой внешнеторговый кризис 1807–1808 гг.[1] коснулся и азиатского торга, но уже с 1809 г. торговое положение на сибирских линиях стабилизировалось, и начался постепенный прирост товарооборота. Наблюдалось также изменение соотношения ввоза и вывоза: если прежде преобладал ввоз[2] и за период 1745–1820 гг. он составил в стоимостном выражении по Оренбургской таможне 64,5 млн руб. (вывоз – 54,5 млн руб.), а по Троицкой – 39,5 млн руб. (35,8 млн руб.) соответственно[3], то теперь Россия приобретает положительное внешнеторговое сальдо.

Даже в кризисный 1807 г. вывоз товаров уменьшился лишь на 222 тыс. руб., тогда как привоз сократился на 1,5 млн руб. Импорт хлопчатой бумаги сократился на 663 тыс. руб., хлопчатобумажных изделий – на 424 тыс. руб., скота – на 262 тыс. руб.[4] Снижение импорта двух первых указанных статей связано с перенасыщением внутреннего российского рынка данной продукцией, последней – с тем, что в 1805 г. заграничная торговля лошадьми «как стратегическим военным товаром» вновь была запрещена. За период 1805–1810 гг. импорт на Иртышской линии составлял 1624566 руб. 81,5 коп., рос-

[1] См.: ВПР. Сер. 1. Т. 4. С. 447–454.

[2] См., напр.: ИРИО. Т. 3. Ч. 7. С. 453; Там же. Т. 27. Ч. 4. С. 352; Там же. Т. 111. Ч. 4. С. 138–143; АГС. Т. 1. Ч. 2. С. 631–660.

[3] Сумма дохода таможни составила 5,5 млн руб. Около четверти товарооборота рассматриваемого 75-летнего периода приходилось на 1818–1819 гг. См.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, гл. ред. восточной литературы, 1974. С. 40.

[4] ВПР. Сер. 1. Т. 4. С. 136.

сийский же экспорт через Иртышскую линию выглядел следующим образом[1]:

Год	Объем экспорта (в руб. коп. сер.)
1805	167318 руб. 56 коп.
1806	1762989 руб. 53,5 коп.
1807	1285456 руб. 01 коп
1808	112772 руб. 33,5 коп.
1809	1644833 руб. 23 коп.
1810	1746894 руб. 25 коп.
Всего	**8231253 руб. 32 коп.**

Наибольший оборот давали Петропавловская (4421430 руб. 83,5 коп.) и Семипалатинская (3620459 руб. 68 коп.) таможни. По сведениям Петропавловской таможни, оборот товаров за период 1800–1811 гг. выразился в следующих масштабах: привоз – 4114971 руб. 54 коп., вывоз – 4139360 руб. 20 коп., и кроме того, было выкуплено 1546 пленников – каракалпаков и калмыков[2].

Таким образом, центр транзитной и русско-казахской торговли из Оренбурга и Троицка переместился в Прииртышье. Одной из причин этого стало относительное спокойствие среди казахов сибирского ведомства. В то время как в Младшем жузе происходили выступления султана Каратая против российских и султана Арынгазы против хивинских властей, в Среднем жузе серьезных возмущений казахского населения не происходило. В 1812 г. генерал Г. И. Глазенап отмечал, что «Сибирская линия сделалась покойна, караваны наши с товарами… без всякого прикрытия ходят свободно»[3]. Немаловажно и то, что казахи Среднего жуза, преимущественно вступавшие в торговые отношения с русскими по сибирским линиям, были более обеспечены скотом и многолюдны.

[1] ВПР. Сер. 1. Т. 6. Прим. 350. С. 734–735; Государственная внешняя торговля 1812 г. в разных ее видах. СПб.: Изд-во департамента внешней торговли. Без года. С. 55–57.

[2] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 48.

[3] РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 19. Л. 4.

Во втором десятилетии XIX в. вновь был увеличен импорт в Россию среднеазиатских товаров транзитом через казахскую степь, но пропорционально возрос и российский вывоз хлеба, юфти, меди, железа, промышленных изделий. Одной из основных экспортных статей России в Казахстан и Среднюю Азию становится мануфактура[1]. Для защиты российских товаропроизводителей и торговцев от иностранной конкуренции во втором и третьем десятилетиях XIX в. повышаются таможенные тарифы на ввоз и транзит импортной готовой продукции и понижаются на ввоз сырья. На вывоз и ввоз российских товаров – наоборот[2].

Известно, что купечество морских колониальных империй постепенно захватило в свои руки торговлю между странами и регионами Востока, что и стало одной причин доминирования Европы в новое время[3]. Аналогичные тенденции характерны и для континентальной Российской империи. Например, сибирское купечество выполняло и посредническую функцию в торговле центральноазиатских народов между собой. Так, купец из Бийска С. И. Гуляев сообщал, что его предшественники покупали на Иртышской линии скот у казахов, затем выменивали его в Бухаре и Китае на ткани, на которые вновь выменивали казахский скот. Ввиду того, что цинские власти регулярно ограничивали и периодически даже запрещали торговать в своих пределах русским купцам, зачастую они приезжали туда под видом азиатских купцов[4]. При отправке в 1805 г. посольства в Китай министр коммерции Н. П. Румянцев прямо указывал императору Александру I на целесообразность развития русско-китайской торговли через Кяхту, дабы ослабить прямые торговые связи казахов и бухарцев с Китаем, привлекая их для приобретения китайских товаров на Иртышскую

[1] ВПР. Сер. 2. Т. 3 (11); Т. 4 (12).

[2] См.: ВПР. Сер. 1. Т. 8; Сер. 2. Т. 3 (11); Сер. 2. Т. 6 (14); Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.

[3] История Востока. В 6-ти томах. Т. 3. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999 и др.

[4] Боронин О. В. Из неопубликванного наследия С. И. Гуляева: «Замечание о китайской границе при вершинах реки Иртыша и об удобности торговли в сей части» // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: Материалы конференции / Под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2003. С. 134–136.

линию[1]. Вместе с тем доля азиатских купцов в транзитной торговле на протяжении первой половины XIX в. оставалась существенной. Показательно, что при подготовке первого хивинского похода В. А. Перовского на Оренбургском меновом дворе было задержано 372 хивинских купца, у которых было опечатано товаров примерно на полмиллиона рублей[2].

Меновый двор в Приуралье и бухарский квартал в Тобольске, а позднее поселения среднеазиатских купцов в десятиверстной полосе в значительной мере выполняли еще и функцию торговых консульств своих стран. Россия долгое время не решалась открыть свои представительства в среднеазиатских странах и приступила к этому лишь во второй половине 1850-х гг.[3]

Таким образом, в начале XIX в. Россия, фактически отрезанная от европейского рынка, нашла новый регион для применения торгового капитала – Центральную Азию, а европейский протекционизм[4] породил протекционизм российский[5], выразившийся, в частности, в увеличении внимания к Востоку. Финансовая переориентация на Восток стала одной из важных идей деятельности крупных российских администраторов Д. А. Гурьева, Н. С. Мордвинова, А. П. Ермолова и др. Так, в 1816 г., препровождая проект «Таможенных тарифов», председатель департамента экономии Н. С. Мордвинов подчеркивал: «Когда большая часть торговых источников в Европе, силою разных политических событий, закрылись, когда устрашенная торговая доверенность и на Балтийском море, и по всей европейской границе остановила изделия и капиталы, то, кажется, не было

[1] ВПР. Сер. II. Т. 3(11). С. 297.

[2] От составителей // Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002. С. 25.

[3] Юдин М. Л. Положение торговли со средне-азиатскими ханствами до занятия Туркестанского края // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. IX. Т. IX. Оренбург: Губернская типо-литография, 1902. С. 2.

[4] См.: Тарле Е. В. Континентальная блокада: Исследование по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона / С прил. неизд. документов. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1913.

[5] О дипломатической борьбе по вопросу об ограничительных тарифах см.: АГМ. Т. 4, 5, 6; ВПР. Сер. 2. Т. 3 (11), 4 (12), 6 (14).

еще более побудительной причины, чтоб ту же торговую доверенность приласкать на границе азиатской и богатым источникам ее дать возможнейшую наклонность и силу»[1]. На «Тарифах», фактически запрещавших ввоз из Европы, Александр I начертал: «Быть по сему».

Внешнеторговые интересы России потребовали изменения политики в окраинных губерниях. Местная администрация стала весьма действенным инструментом экономического регулирования. Административные должности предусматривали с этого времени обязательное составление торговых отчетов. Примечательно, что в инструкции, данной в 1819 г. председателю Оренбургской Пограничной комиссии В. Ф. Тимковскому, торговые обязанности предшествуют обязанностям политическим. Пункт восьмой инструкции гласил, что основной обязанностью губернатора и Пограничной комиссии являются «пособия и поощрения, кои торговле нашей с Верхнею Азиею могут дать всевозможное расширение»[2].

В результате в первой трети XIX в. торговый оборот по пограничным с казахами линиям возрастает, стоимость имущества отдельных караванов в этот период превышает иногда 320 тыс. руб. сер[3]., притом что общий внешнеторговый товарооборот России в 1814 г. составил всего 400 млн руб.[4] В дальнейшем Россия сохраняла и даже увеличивала объем торговли с казахами и Средней Азией, но в структуре импорта они составляли все же меньший процент[5].

Местные власти и позже настаивали на целесообразности роста транзитного внешнеторгового оборота на Востоке. Так, В. И. Даль – один из доверенных лиц оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского – отмечал возможность «переворота» в российской внешней торговле, осуществление которого, по его мнению, было возможно через

[1] АГМ. Т. 6. С. 219.

[2] ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 432.

[3] ВПР. Сер. 1. Т. 6. С. 617; Т. 7. С. 392–393.

[4] АГМ. Т. 9. С. 390; о таможенных сборах см.: Там же. Док. №№ 2086–2092.

[5] См.: Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией (40–60-е годы XIX века). М.: Изд-во АН СССР, 1963.

расширение объемов торговли и переориентацию товарного потока на иные рынки. В качестве одного из основных регионов, где российская торговля сможет совершить качественный скачок вверх, называлась Южная Азия. Притом в своем письме к Гречу он заявлял, что «мы достигнем цели сей не через Кавказ, даже едва ли когда через Астрахань и Каспийское море, но через Киргиз-Кайсацкие (казахские – *А. Б.*) степи»[1]. Он имел основания для таких рассуждений, учитывая стоимость транзитных грузов. Так, у задержанных на Оренбургском Меновом дворе 372 хивинских купцов было имущества примерно на полмиллиона российских рублей[2].

Таким образом, попытки политического продвижения России на Запад (Польша, Финляндия) и борьба за европейский рынок, с одной стороны, европейская система протекционизма, с другой, способствовали расширению внешнеторговой экспансии Российской империи на Восток. Качественные изменения проявились в резком увеличении объемов товарооборота на азиатских границах и изменении структуры торговли: в ней преобладание ввоза сменилось положительным для России внешнеторговым сальдо. Изменились и объемы торговли внутри региона – наибольший стал приходиться на Сибирскую линию, в то время как в XVIII в. больший объем экспорта и импорта приходился на Оренбургскую таможню.

Не ограничиваясь использованием казахских территорий в качестве удобного транзитного пути, российские власти санкционировали разведку полезных ископаемых, к чему стремились привлечь и казахов. К примеру, летом 1814 г. в степь, якобы для выяснения вопроса с казахами о разграбленных караванах, направляется специальная экспедиция. Ее членами было сделано топографическое описание местности. О важности этого описания свидетельствует факт повышения в звании их составителя – штабс-капитана Генса в 1815 г. На карты Генса были нанесены местности с веро-

[1] Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002. С. 52–53.

[2] Там же. С. 25.

ятным залеганием руд. Самим казахам «для побуждения… к расчету за разграбленные караваны поручено произвести изыскание металлов и минералов»[1]. Уже эта экспедиция открыла месторождения меди, серебряной и золотой руд, медного купороса и «разных дорогих каменьев»[2]. Запасы месторождений, по подсчетам специалистов того времени, были значительны. В 1816 г. Экспедиция Ивана Шангина открыла по Тургаю и Ишиму месторождения золота, серебра, меди и свинца. При определении месторождений также ориентировались на показания местного населения[3]. О добыче свинца казахами на продажу в этот период в казахской степи оставил сообщение Ф. Назаров: «Близ р. Сарысу нашли (мы) на кочующую Ченгар-Каракисецкую волость, из коей киргизы (казахи – *А. Б.*) вывозят на тракт к проходящим караванам выработанный свинец в слитках, который они достают поблизости гор сих в большом количестве»[4]. Аналогичных свидетельств, относящихся к первой четверти XIX в., достаточно много.

В связи с изменением взглядов ряда членов российского правительства на экономические возможности края усилилось стремление привлечь на государственную службу представителей казахской знати. Замещение казахами должностей сопровождалось привлечением их к оседлости и, по возможности, к земледелию. Была разрешена и постройка мечетей за казенный счет, но «нехристианскими руками»[5].

По данному вопросу возникли разногласия между губернскими властями и правительством. Против подобных мер выступил командующий войсками на Сибирской линии Г. И. Глазенап и часть членов правительственного комитета. На принятии этих мер к реализации настоял управля-

[1] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 148–149. Док. № 446.

[2] Там же. С. 149.

[3] ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1 доп. Д. 85. Л. 130 об. – 142; Артыкбаев Ж. О. История Казахстана в XIX веке. Караганда: Полиграфия, 1992. С. 36.

[4] Назаров Ф. Записки о некоторых народах Азии в землях средней части Азии. М.: Вост. литер., 1968. С. 29.

[5] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 149–150. Док. № 446.

ющий Коллегией иностранных дел. Император Александр I утвердил мероприятия указом от 18 января 1819 г.[1]

На казахов сибирского ведомства было распространено положение о разрешении селиться в русских селах с предоставлением льгот от податей и выдачей пособия на обзаведение имуществом. С 1821 г. по предложению М. М. Сперанского было повелено отводить земли для ведения как оседлого, так и кочевого хозяйства на внутренней части Сибирских линий. Отводимые земли подлежали предварительному измерению с целью размежевания: «земли отводить от казенных селений не ближе сорока, а от линии не далее восьмидесяти верст». В эти земли не включались отведенные в пользование и владение крестьян и казачества участки. Охране подлежали соленые озера, заводские селения, в округе Колывано-Воскресенских заводов, бывших Кабинетской собственностью, кочевание казахов вообще запрещалось[2].

Развитие торговли и попытки промысловой и сельской колонизации Казахстана отразились и на стремлении властей усилить мероприятия по оседанию кочевников-казахов на землю в самом начале XIX в., но внешнеполитические осложнения отвлекли внимание правительства от этих вопросов, а в деятельности местных оренбургских властей набирали силу тенденции, которые способствовали консервации существовавших в казахском обществе патриархальных отношений. Вместе с тем повышение экономической заинтересованности России в регионе (в первую очередь торговой) актуализировало вопросы правового статуса региона в составе империи и статуса различных категорий казахов в имперской стратификации.

Таким образом, отдаленность Оренбургского и Сибирского регионов от промышленных центров вкупе с позитивной динамикой торгового оборота в определенной степени стимулировали появление местной «промышленности», в первую очередь горнодобывающей и соляной, что одновременно стало дополнительным стимулом развития

[1] Там же. С. 149–150.

[2] Там же. С. 150–151. Док. № 452.

промысловой колонизации степных районов. Вовлечение казахского населения в активные торговые отношения, особенно в денежной форме, способствовало появлению слоя купечества, задействованного как в при-, так и в трансграничной торговле, но в целом пока не могло радикально сказаться на трансформации традиционных экономической и социальной структур казахского общества.

Глава II.
ИНТЕГРАЦИЯ СТЕПНОГО КРАЯ В СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ в XIX – начале XX в.

§ 1. Реформы во Внутренней орде: от ускоренной модернизации «сверху» к консервации обновленной традиционности

В начале XIX в. в связи с изменениями внешнеполитического положения Российской империи в целом, повлекшими смену политического курса, ситуация меняется и в Казахстане. Усиление экономической интеграции казахского общества российским в начале XIX в. в то же время не имело достаточной правовой базы, будучи в результате малоэффективным. Решение этого вопроса стало особенно актуальным для российской администрации в начале 1820-х гг.

Предпринимавшиеся в XVIII – начале XIX в. шаги правительства, направленные на трансформацию образа жизни кочевников-казахов, не приносили быстрых желаемых результатов, что с сожалением и было признано властями: «Земледелие, к развитию которого между киргизами (казахами – *А. Б.*) прилагалось столько забот и усилий со стороны правительства – слабо принималось киргизами. И в минувшем столетии (XVIII в. – *А. Б.*) киргизы-земледельцы составляли самое редкое исключение и то в степях сибирского ведомства»[1]. Назрела необходимость изучить ситуацию

[1] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 19.

на локальном уровне. Удобным к этому случаем стало очередное обращение казахов с просьбой о разрешении кочевать в Волжско-Уральском междуречье.

Здесь находят свое применение и развитие методы, использовавшиеся российской администрацией в своей деятельности с середины XVIII в., дополненные таким инструментом влияния, как институт частной собственности. Этот институт реально стал применяться как инструмент воздействия на колонизуемые территории и население со времени правления Екатерины Великой, но по отношению к казахам первые попытки его масштабного применения относятся ко времени правления императора Павла I.

По нашему мнению, в низовьях междуречья Волги и Урала в течение более четверти века проводился широкомасштабный административный эксперимент, не планировавшийся заранее, но к реализации которого подтолкнула благоприятная политическая конъюнктура в регионе: новое административно-территориальное подразделение Российской империи (известное как Внутренняя орда, затем – Букеевское ханство и, наконец, – Букеевская орда), населенное преимущественно казахами, со всех сторон было окружено российскими войсками и оседлыми поселениями. В результате появлялась возможность создания некоего «островка» для активного привития основных параметров российской цивилизации казахам. С одной стороны, реформы во Внутренней орде, казалось бы, имеют своими предшественниками реформы О. А. Игельстрома[1], с другой стороны, комплекс геополитических факторов предопределил их новаторский, пионерский характер. Само название – Внутренняя орда – свидетельствует о том, что она не была окраинной территорией и не являлась неким новым колониальным приобретением.

О функциональном сдвиге в политической и административной системе говорит сам факт разрешения казахам массового перехода через Урал на так называемую внутреннюю сторону. Этому способствовала откочевка в 1771 г.

[1] О преемственности реформ см.: Шахматов В. Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1947. С. 8.

значительной части калмыков в Джунгарию[1] и переселение оставшихся в российских пределах калмыков выше по Волге, а также отселение на Северный Кавказ значительной части кундровских татар[2]. В результате низовья междуречья Волги и Урала оказались «свободными». Лояльность, проявленная Букеем по отношению к имперскому правительству, и стремление властей распространить на казахов общеимперскую юрисдикцию создали условия для позволения султану Букею императорским указом от 11 марта 1801 г. в междуречье «кочевать там, где угодно»[3].

Актом «позволения» правительство однозначно определяло эту территорию неоспоримой и неотъемлемой частью Российской империи. Букей признал верховную власть российского правительства, но до определенного момента рассматривал себя собственником/держателем вновь населенных казахами территорий. В письме на имя военного министра Букей просил не возвращать часть территорий калмыкам (которые неоднократно ходатайствовали о возвращении им права кочевать в низовьях волжско-уральского междуречья, и их в этом вопросе перед правительством поддерживала астраханская администрация) ввиду того, что земля «всемилостивейше нам пожалована для кочевья моего»[4]. Правительство же до поры до времени само не определилось в вопросе, целесообразно ли введение здесь вотчинного или государственного землевладения.

Следует отметить, что Оренбургский генерал-губернатор князь Г. С. Волконский также выступал в поддержку нового варианта этнотерриториального деления, предполагавшего

[1] См., напр.: Вишнякова И. В. К вопросу о бегстве волжских калмыков в Джунгарию в 1771 г. // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. II. Сб. науч. ст. под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. С. 45–54 и др.

[2] Кундровские татары или карагаши (татары-карагачи, карагаш-ногайлар или астраханские ногайцы) – близкая к казахам по языку, религии и образу жизни этническая группа, выходцы из Малой Ногайской орды, переселенные подчинившими их себе калмыками в низовья Волги. В 1770–1780-х начался процесс их частичного возвращения на Северный Кавказ и перехода на оседлость среди оставшихся в низовьях Волги. Разграничение владений казахов с кундровскими татарами, оставшимися в низовьях Волги, длилось несколько лет и было завершено только в 1829 г. См.: ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 192.

[3] Крафт И. И. Сборник узаконений… Док. № 403. С. 141.

[4] Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Ч. 1. Л.: ОГИЗ, 1941. С. 214.

отнесение территории Внутренней орды к Оренбургскому генерал-губернаторству. Для того чтобы не создавать двойных стандартов управления в одном ведомстве и для успешного распространения на казахов положений, присущих внутренним губерниям, в административном отношении жители Внутренней орды первоначально были подчинены астраханскому генерал-губернатору. Лишь в 1808 г. «для избежания разности и недоумения по ордынским делам», управление вновь было передано Оренбургской Пограничной комиссии[1], однако в этом акте можно увидеть и попытку уравнивания в правах и формах управления всех казахов, но теперь уже, при удобном случае, по стандартам, которым подчинялись первоначально только внутриордынские казахи[2].

(Сама Оренбургская губерния в 1801 г. вновь получила статус пограничной[3], и лишь в 1859 г. была передана из ведения Министерства иностранных дел в ведение Министерства внутренних дел. При этом Зауральская степь была переименована в Область оренбургских киргизов, а Пограничная комиссия преобразована в Областное правление[4]. Несколько уездов из Оренбургского края были переданы в состав Самарской губернии. В 1865 г. были образованы Оренбургская и Уфимская губернии, причем в Оренбургской, занимавшей площадь около 17 млн дес., доминирующим этносом стали русские, составив около 73% от общего состава населения. Доля башкир составляла около 16% населения, казахи в трансформированной Оренбургской губернии стали составлять менее 1%. В 1868 г. Область оренбургских киргизов с доминировавшим казахским населением была разделена на две области без упоминания в названии этнонима – на Уральскую и Тургайскую[5].)

[1] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 146. Док. № 432.

[2] Эта возможность не была реализована еще и потому, что оренбургские губернаторы вообще не видели насущной необходимости в унификации системы управления русскими и казахами.

[3] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 141. Док. № 405.

[4] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1859 г. Д. 6. Л. 1 об.

[5] ГА РФ. Ф. Р5677. Оп. 5. Д. 218. Л. 46.

Внутренняя орда была передана в ведение Министерства государственных имуществ[1]. Актом переподчинения подчеркивалась принадлежность населенных казахами территорий Российской империи[2].

По Положению 19 мая 1806 г. право владения землей в Букеевском ханстве осуществлялось на основании законов внутренних российских губерний. По данному же Положению предполагалось разделение земель Букеевской орды по родовому принципу, чтобы «тем самым положить основание к некоторой оседлости и удобству разделения впоследствии казахов на волостные и сельские общества»[3]. В ханстве была учреждена постоянная торговля в гостином дворе. Предполагалось также по возможности создавать в Орде общественные запасы хлеба и сена. Помимо попытки учреждения внутренних границ, уже в 1806 г. были четко определены и внешние границы Букеевской орды в заволжской степи, а в 1828 г. они были расширены по высочайше утвержденному Положению Азиатского комитета участком «Уральской степи в Черноярском уезде до 670000 дес. Все пространство занимаемых киргизами (казахами – *А. Б.*) земель простирается до 7000000 дес.»[4]. Дольше всего шло разграничение владений казахов Внутренней орды с башкирами. Оно было завершено лишь в 1834 г.[5] Еще через три года в ходе размежевания Астраханской, Оренбургской и Саратовской губерний значительная часть границ была не только нанесена на карты, но и отмечена на местности[6]. Изменения административных границ Внутренней орды

[1] Горяев М. С. Установление системы попечительства в Калмыкии по Положениям 1834, 1847 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5(21). С. 37; Васильев Д. В. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 562.

[2] ПСЗРИ-1. Т. 19. № 17.998. С. 399.

[3] ЦГА РК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 153. Л. 10–12.

[4] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 18 об. М. П. Вяткин приводил в ряде своих исследований цифру 870 тыс. дес.

[5] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 171. Л. 341–343.

[6] ГААО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–165.

происходили неоднократно, причем чаще эта территория увеличивалась, чем урезалась[1].

Право перехода через Урал в Зауральскую орду, так же как и перехода в Букеевское ханство из Зауральской орды, серьезно ограничивалось, контроль за их соблюдением лежал на Астраханском и Уральском казачьих войсках. Для перехода требовалось разрешение оренбургских властей или (некоторое время) султана/хана Букея. Самовольная перекочевка рассматривалась в качестве грубого нарушения российского законодательства и приравнивалась к бунту. Именно так, например, трактовалась массовая откочевка казахов из Внутренней орды за Урал в 1827–1829 гг.[2] Вместе с тем в экстраординарных случаях правительство не просто рекомендовало, а активно содействовало таким временным перекочевкам казахов. Такой случай, например, имел место в 1808 г., когда в Астраханской губернии началась эпидемия, причем вернулось обратно в 6 раз меньше семей, чем откочевало[3].

О размерах уровня концентрации земельных владений во Внутренней орде в руках казахской знати в это время можно судить по данным С. Муканова: Джангир владел 400 тыс. дес., Мусагали и Шингали Ормановы – 700 тыс. дес., Караулходжа Бабаджанов – 390 тыс. дес., Мендигерей – 400 тыс. дес., Балка Кудайбергенова – 300 тыс. дес., дети султана Бегали – 200 тыс. дес., Шоке Нуралыханов – 170 тыс. дес., всего за период 1830–1845 гг. хан, его родственники и ближайшее окружение захватили в волжско-уральском междуречье 15117 тыс. дес. земли[4]. Во владении 25–30 семей находилось 85% всей территории орды[5]. Помимо концентрации власти и земельных владений в руках отдельных

[1] Бекмаханов Н. Многонациональная Букеевская орда // https://pricom.kz/aktualno/mnogonatsionalnaya-bukeevskaya-orda.html (дата обращения: 30.09.2023).

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

[3] Васильев Д. В. Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. С. 526–527.

[4] Муканов С. Казак адебиетинин тарихы (казактын XVIII–XIX гасырдагы адебиетинин тарихынан очерктер). Алматы: КБМБ, 1942. Б. 63.

[5] История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 3. Алматы: «Атамура», 2000. С. 238.

семей следует отметить, что она происходила и по родовому признаку. Во Внутренней орде дислоцировались казахи 15 родов, однако около четверти всех владений были сконцентрированы родом ногай[1]. Развитие новых для казахов систем землевладения и концентрации земель в руках узкой группы привилегированных лиц приводили к резкому росту отходничества среди малоимущих семей, аулов и даже подотделений родов казахов[2]. О развитии отходничества дают представление и данные о билетных сборах, собиравшихся за право найма казахов в русских селениях на линии (см. Приложение 1).

Конечно, возникали конфликты из-за владения территориями. Иногда они принимали форму династийной борьбы, в которой российские власти последовательно становились на сторону Букея и его потомков[3]. Осложнились отношения не только между казахами или между казахами и представителями других нерусских этносов. Крупные русские помещики также имели собственные виды на прикаспийские территории. В 1815 г. часть земель, отведенных казахам, пытались захватить граф Безбородов и князь Юсупов[4]. Даже сам хан Букей вынужден был обратиться с жалобой на притеснения[5]. Правительство вмешалось в конфликт и разграничило владения. Более того, казахам было разрешено зимовать на приморских дачах графов Безбородовых и князей Юсуповых[6], а с 1867 г. на зимовках в Прикаспии казахам – строить жилые дома и хозяйственные постройки, для чего по правобережью было дополнительно отмежевано 83 тыс. дес. земли[7]. О размерах арендовавшихся казахами-букеевцами земель в Прикаспии можно судить

[1] История Казахстана в новое время: учебное пособие / Сост. Ю. А. Лысенко. Барнаул: АзБука, 2006. С. 65.

[2] Кобландин К. И. К статистической характеристике отходничества во Внутренней (Букеевской) орде // Вестник АН КазССР. 1983. № 9. С 55–76.

[3] ГААО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 672.

[4] ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1122. Л. 1–10.

[5] ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 910. Л. 1–8.

[6] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 73. Л. 1–4.

[7] ГААО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 167. Л. 1–3.

по донесению Красноярского земского исправника майора Краснокутского астраханскому гражданскому губернатору А. С. Осипову, датированному 1829 г. Он сообщает, что на дачах князя Н. Б. Юсупова и графини А. И. Безбородко в тот период зимовало 6930 казахских семей, которые владели 859320 головами разных видов скота, в том числе 27720 верблюдами, 207900 лошадьми, 69300 голов крс и 554400 овцами[1].

Далеко не всегда основным аргументом при передаче земли казахам важнейшим оказывался аргумент о стремлении перевода их на оседлость, развитии просвещения и т.п. Иногда действовали от противного. Отсутствие какого-либо вида хозяйственной деятельности также могло повлиять на решение о наделении или ненаделении землей. Так, при разграничении приуральских кочевий между казахами и калмыками приоритет был отдан первым потому, что они практически не занимались рыболовством, а слово рыбак («балыкчи») имело у них уничижительное значение. Калмыки же рыболовством активно занимались. Чтобы не создавать конкуренцию с казачеством, для которого рыболовство на Урале было одним из основных промыслов и важным источником доходов, правительство решило отдать эту территорию в пользование казахам[2]. При этом к охране границ с зауральскими казахами (а переход через Урал в Зауральскую степь казахам Букеевского ханства был запрещен) еще ранее – в 1765 г. – были привлечены калмыки, но лишь те, что приняли православие[3].

На наш взгляд, именно в отношении Букеевской орды впервые в российском правительстве политика оседания казахов выдвигается в качестве первоочередной задачи. Определенная часть традиционной казахской знати, по отношению к которой проводилась активная русификаторская политика, восприняла идею оседания через введение

[1] Шотанова Г. А. Материалы астраханских научных обществ и учреждений как источник по истории Казахстана (II половина XIX в. – 1917 г.). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Рукопись. Алматы, 2007. С. 51–52.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 896. Л. 307–320.

[3] ПСЗРИ. Т. XVII. 1765–1766. СПб.: Тип. II Отд-я ЕИВ Канцелярии, 1830. Док. № 12.317. С. 13–14.

института частной собственности на землю. Более того, существовали проекты начала колонизационного освоения этой территории русскими земледельцами. Астраханский губернатор князь Тимашев доносил 31 декабря 1803 г. о положении в Букеевской орде между прочим и то, что среди казахов «заводить селении разве тогда можно будет, когда они (казахи – *А. Б.*) привыкнут и обрусеют… Букей султан просит выстроить ему деревянной дом на казенный щет для собственнаго его пребывания на Каспийском берегу»[1].

Уже Букей признавал эту землю «своей» собственностью, имея в виду общественную собственность[2], а его потомки и родственники официально закрепили за собой право владения территорией. Они сдавали землю в аренду и продавали ее, даже если она формально и не принадлежала им лично, но входила в состав Букеевской орды. За период 1830–1835 гг. только «хан (Джангир – *А. Б.*) выдал [за плату] разным лицам 1517 актов на владение земельными участками в орде»[3]. Важно отметить, что казахи рассматривали данные акты в качестве милости со стороны правительства, не считая данную территорию своей исторически обоснованной собственностью. Подобное изменение взглядов на землевладение у казахов позволяет предполагать, что такая политика могла иметь реальную перспективу дальнейшего применения. Таким образом, представляется чрезвычайно важной начавшаяся в конце XVIII – начале XIX в. трансформация ментальности казахов, важную роль в которой сыграло оседание, протекавшее в начале XIX в. во Внутренней орде сравнительно быстрыми темпами[4]. Однако, как показывают последующие события, этот процесс был обратимым.

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 376.

[2] ЦГА РК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 153. Л. 2.

[3] Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // ВИ. 1954. № 6. С. 75.

[4] См.: Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX вв. (Политико-экономический анализ). Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1971. С. 387.

В 1812 г. султану Ширгазы в Зауральской орде[1] и султану Букею во Внутренней орде российским правительством фактически присваивается ханское звание. Более того, до утверждения их в этом достоинстве с предварительного согласия властей традиционный обряд поднятия их на белой кошме был соблюден только в Зауральской орде. Букей же был поднят на белой кошме уже после прохождения конфирмации.

Во Внутренней орде процедура конфирмации, следуя описаниям Ханыкова и Харузина, не предусматривала поднятия на белой кошме. «Обряд совершился 7 июля 1812 года следующим образом: по прибытии князя Волконского и Букея на приготовленное место за городом Уральском, военный губернатор объявил киргизам (казахам – *А. Б.*) Высочайшую волю о возведении Букея в ханское достоинство; потом прочтены были на русском и татарском языках Высочайшия грамоты об утверждении хана и приступлено к приведению Букея к присяге на Коране. По окончании ея, сделано 12 пушечных выстрелов с троекратным беглым ружейным огнем и музыкою, новый же хан облечен высочайше пожалованными собольею шубою, саблею и шапкою и была ему вручена Высочайшая грамота на имя его»[2].

В. Ф. Шахматов абсолютно верно заметил, что введение у казахов Младшего жуза двух ханов одновременно в 1812 г. является воплощением на практике предложений О. А. Игельстрома, считавшего целесообразным ослабление или вообще уничтожение этого традиционного института власти[3]. Одним из факторов, способствующих ослаблению ханской власти, О. А. Игельстром рассматривал увеличение числа действующих ханов с целью «распыления» их власти и «размывания» граней между ханом и султаном. Несмотря на это, Букей получил большую по сравнению с предшествующим временем в бытность свою султаном власть.

[1] Так стали именовать казахов, живших по левому берегу Урала.

[2] Цит. по: Харузин А. Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнографический очерк. Вып. I. М.: Тип. А. Левенсон и Ко, 1889. С. 19–20.

[3] Шахматов В. Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата: Наука КазССР, 1947. С. 4.

Облеченный новыми полномочиями Букей начинает административные реформы в орде. Для их реализации им была предпринята попытка использовать в управлении как традиционные потестарные институты казахского общества, так и новые – чиновничьи структуры. Как показал В. М. Викторин, для достижения реформаторской цели использовались не только внутриэтнические, но и институты традиционных межэтнических взаимоотношений, присущих кочевникам Центральной Азии. Речь идет, например, о традиционных в кочевой среде отношениях или «приемных приговоров» («припущенничества») в отношении прикочевавших или взятых в плен чужеродцев. Среди приволжских казахов хана Букея и его потомков значительную роль играли «тюленгуты» (среди которых известны этнические элементы северокавказского и калмыцкого происхождения). Они исполняли при хане военно-полицейскую функцию. В дальнейшем она перешла к «нугай-казакам», потомкам бежавших в казахскую степь из-под Оренбурга служилых ногайцев. Однако верх одержало вновь потестарное устройство: «тюленгуты, тюленгиты» составили отдельный казахский род (с подразделениями) в Букеевской орде. А «нугай-казаки» в районе Жанибека оформились в группу родов (уйсен, кояс, костанбалы и казан-колак)[1].

Кроме того, в первой половине XIX в. появились группы калпаков и карагашногаев. Все они были близки по функциям к теленгутам, и из них также пытались создать отдельные родовые подразделения. Иногда всех вместе их именовали «новыми теленгутами. Хан даже определил для них особую тамгу в форме кириллической прописной буквы «м» (ногайской гребенки). Все эти принятые (или припущенные) служилые группы выполняли военно-полицейские функции[2], роль которых усиливалась в период протестов и откочевки казахов под предводительством Каип-Гали

[1] Викторин В. Этносы и социумы приволжских степей XVII–XX вв.: политика и потестарность (от кочевания к оседлости) // http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=print&sid=1845 (дата обращения: 14.01.2018).

[2] Ишмухамбетов Р. В. Положение «принятых» служилых групп во Внутренней Букеевской орде (XIX – начало XX вв.). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Астрахань, 2019. С. 54, 66–102, 191 (прил. 2).

Есимова, а также восстания под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. Но к 1860-м гг. эти группы, так и не превратившиеся в административные институты, утрачивают свое первоначальное значение, превращаясь в обычных шаруа.

Помимо потестарных структур, уже при Букее стали появляться официальные бюрократические учреждения, связанные с потестарным строем только лексически. При хане был создан аппарат управления, состоявший из канцелярии, депутатской группы, совета 12 биев (он же – Ханский совет, с 1829 г.), первоначально формировавшийся через систему выборов, а затем назначавшийся ханом, института есаулов (жасаулов – каз.), заимствованного у казачества, группы базарных султанов и ханских вестовых, выполнявших разнообразные поручения хана. Официальной резиденцией хана было признано поселение Ханская Ставка, где, кстати, проводились ежегодные ярмарки. В Ставке была открыта школа, имелся фельдшер и ветеринарный врач, в обязанности которых помимо прочего входила вакцинация местного населения для предотвращения массовых заболеваний[1].

Сохранялся и институт старшин, которые становились управителями отделений и родов и являлись чиновниками российской администрации, правоответственными по должности.

Свидетельство, выданное Искенину Толегену о возведении его в старшинское достоинство (1818 г.)

«Предъявитель сего Киргиз-кайсакской меньшей орды Кердаринского рода киргизец (казах – А. Б.) Толеген Искенин во уважение хорошего поведения его и усердия к российской стороне, вследствие предписания г. Оренбургского военного губернатора и кавалера утвержден Оренбургскою пограничною комиссиею в старшинское достоинство с представлением ему права управлять теми киргизцами (казахами – А. Б.), кои имеют к нему приверженность, а потому как народ киргизский равно и г.г. линейные коменданты[,] и начальники имеют признавать его

[1] Быков А. Ю. Административно-территориальные реформы в Букеевской орде (первая половина XIX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2001. С. 417.

старшиною и оказывать ему при приездах на линию пристойное уважение в справедливых же настояниях делать возможное удовлетворение, на противу чего должен и он[,] Искенин[,] сохранять верноподданническую свою к высочайшему престолу великого государя императора всероссийского присягу и всемерно стараться усугублять ревность свою к российской стороне и подчиняющихся ему киргизцев содержать в том порядке и приверженности, в каком озабочиваются видеть пограничное начальство и отнюдь не допускать их чинить противу стороны Российской и между ординцами дерзости и шалости, в противном случае малейшая какая замечена будет со стороны нерадивость и уклонение от предлежащей обязанности по службе, тогда подвергнет себя строгому взысканию и поступлению по законам, но если он[,] Искенин[,] усугубит к службе усердие, то[,] несомненно[,] может надеяться приобрести отличнейшее о себе со стороны пограничного начальства внимание. В засвидетельствование чего подписуется…»[1]

Букей оказался человеком весьма предприимчивым. Он использовал дислокацию подведомственной ему орды для личного обогащения. Одним из основных источников стало предоставленное ему право выдавать свидетельства для казахов, кочевавших в Зауральской орде, для перехода на внутреннюю сторону. Он это делал за плату, которая не контролировалась ни оренбургской, ни астраханской администрациями. Кроме того, стали происходить стычки между постоянно кочевавшими в междуречье Волги и Урала казахами и теми, что приходили сюда лишь на зимние кочевья. К решению этого вопроса был привлечен император Александр I, который именным указом в 1808 г. установил монополию на право выдачи билетов за перепуск зауральских казахов на внутреннюю сторону за Оренбургской пограничной комиссией, а букеевцам запретил кочевать зимой в Рын-песках, куда вкочевывали неподведомственные ему казахи Младшего жуза. Время их пребывания в Рын-песках ограничивалось осенью ле-

[1] Аспандияров Б. Образование Букеевской орды и ее ликвидация. Алматы: «Казак энциклопедиясы», 2007. Док. № 3. С. 190–191.

доставом на Урале, а весной, в марте, они обязаны были покидать указанные территории[1]. Позднее за нарушение правил билетного сбора и найм в работники на линию без приобретения соответствующего билета, а также за сам найм станичками казахов без билета был установлен фиксированный штраф[2].

О характере и направленности реформ хана Букея можно судить по следующему, типичному для того времени, факту. Старшиной джайковского отделения рода берш ханом в 1812 г. был назначен Исатай Тайманов. В связи с назначением хан выделил ему своим особым указом землю вблизи Каспийского моря[3]. Этот пример свидетельствует об изменении характера управления, укреплении власти хана и приближении способов реализации властных полномочий к институциональным (государственным) формам.

Все же реформы здесь не приобрели еще необратимого характера и были прерваны смертью в 1815 г. хана. После этого российское правительство назначает управляющим ордой (фактически – регентом) до совершеннолетия старшего сына Букея (султана Джангира) ханского брата – султана Шигая, который пытался узурпировать власть, но его намерения не нашли поддержки у российских властей. Таких прецедентов в степи до этого времени не было, во всяком случае, нам о них не известно.

В 1821 г. ханом в Букеевском ханстве был утвержден Джангир, воспитанный с детства на русской культуре. А поднят на белой кошме он был лишь три года спустя, в 1824 г. Одной из причин столь долгой затяжки с процедурой конфирмации стало разбирательство жалобы на Джангира. В 1822 г. его дядя – султан Шигай, являвшийся фактическим правителем в орде в это время, попытался добиться утверждения себя в ханском достоинстве, обвинив юного Джангира в антиправительственной пропаганде и сборе

[1] ПСЗРИ. Т. XXX. 1808–1809. СПб.: Тип. II Отд-я ЕИВ Канцелярии, 1830. № 23164. С. 435–438.

[2] РГИА. Ф. 853 Оп. 1. 1858 г. Д. 67. Л. 1–3.

[3] Бекмаханов Е. Б. Казахстан в XIX веке: Пособие для учителей. Алма-Ата: Мектеп, 1947. С. 36–37.

подписей у родоправителей в свою поддержку. Оренбургское и астраханское начальство стало на сторону прямого потомка хана Букея, а султану Шигаю «повелено было сдать ему как управление Ордою, так и все дела[,] у него производившиеся»[1].

При хане Джангире была создана весьма стройная система административно-территориального управления. Орда была разделена на округи, округи – на владения родоправителей, получавших их с санкции хана, владения делились на старшинства. Причем к концу правления все старшины назначались напрямую ханом[2]. Кроме того, хан стремился ввести систему дворянства среди казахов. Причем тарханными грамотами, помимо прочего освобождавшими их владельцев от необходимости уплаты налогов, награждал самостоятельно. Они лишь фиксировались русским чиновником в созданной при Джангир-хане канцелярии[3].

Джангир, содействовавший снижению роли родовой знати, помимо прочего преследовал и такую цель – «уничтожить вражду родов, объединить племя и под сенью мира сделать киргиза (казаха – *А. Б.*) оседлым, мирным жителем». При этом хан ограничил власть даже такой традиционной категории, как кожа[4].

Реформы Джангира 1727–1728 гг., усилив роль и значение хана, сохранили в то же время созданные еще при Букее институты. Так, институт есаулов был распространен на 14 из 15 казахских родов орды. Они теперь получали вполне официальные жалованье и приравнивались к старшинам Зауральской орды. При этом старшины не избирались представителями родов, а фактически назначались ханом, выполняя на местах его многочисленные поручения, значительная часть из которых транслировалась им, а была получена от астраханских и оренбургских властей.

[1] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1844 г. Д. 236. Л. 8–8 об.

[2] История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 3. Алматы: «Атамура», 2000. С. 241.

[3] См.: Харузин А. Указ. соч. С. 54; Аспандияров Б. Образование Букеевской орды и ее ликвидация // Простор. 2001. № 3 // http://prstr.narod.ru/texts/num0301/asp0301.htm (дата обращения: 15.03.2018).

[4] Харузин А. Указ. соч. С. 42, 52.

Для координации и оперативности управления есаулами при хане был создан институт вестовых, которых также было 14. Помимо этого при Джангир-хане в Ставке были образованы русская и татарская канцелярии, ахун – главное духовное лицо в ханстве, духовный судья, военная команда из 100 астраханских, 25 оренбургских казаков и 50 калмыков[1].

В 1827 г. Джангир добился у властей признания Ханского совета постоянно действующим органом. Будучи в значительной степени аналогом советов биев, существовавших в Младшем жузе и в Калмыцком ханстве[2], этот орган, якобы оставаясь традиционным институтом, постепенно приспосабливался к новым политическим реалиям, становясь судебно-совещательным органом государственного управления среднего звена.

При Джангире в орде появились школа, мечеть, медресе, оружейная комната, архивная служба. «Во Внутренней орде хан усовершенствовал государственную налоговую политику для тотального обложения налогом всего населения орды. Жангир хан ввел два вида налога, первый – зякет, когда с каждых 40 голов скота брали одну, и второй – согым на содержание ханской ставки, где каждые 15 хозяйств платили одну корову или 40 рублей деньгами. Неплательщики строго наказывались плетьми и должны были платить зякет в тройном размере»[3].

Оренбургская администрация пыталась препятствовать росту налогообложения, предполагая возможные антиправительственные выступления. Джангир же апеллировал к своему наследственному праву установления размеров взимаемых налогов. Помимо прочего, между честолюбивыми Джангиром и В. А. Перовским не сложились и нормальные межличностные отношения. Несмотря на огромное

[1] Абдулина А. Т. К вопросу о значении Бокей хана в истории казахского народа // Мир Большого Алтая. № 5(4). 2019. С. 502.

[2] Галиев А. А. Внутренняя Орда в свете сравнения практик управления империй // Мир Большого Алтая. 2019. № 5(3). С. 427.

[3] Ермекбай Ж. А. Хан Жангир: верноподданный России и реформатор Степи // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 125.

влияние оренбургского начальника, правительство встало на сторону хана[1].

Показательно, что Джангир отказался от предложения наладить регулярную почтовую связь с Оренбургом, но в начале 1840-х гг. было налажено регулярное почтовое сообщение между Ханской Ставкой и подведомственным Астрахани Черным Яром[2]. При своих нередких поездках (в Санкт-Петербург, Казань и др.) за пределы из Внутренней орды (ханства) Джангир-хан доносил именно астраханскому генерал-губернатору Попову, что до своего возвращения передал полномочия двум султанам, которые должны были отчитываться также астраханским властям[3]. К тому же Джангир был с Поповым очень близко знаком, ведь до назначения на должность астраханского губернатора он состоял на службе при отце Джангира – хане Букее[4].

О силе и влиянии хана Джангира можно судить хотя бы по такому случаю. По официальной просьбе хана Джангира в марте 1825 г. из тюрьмы был освобожден Аранбай Идилькеев[5].

Джангир сумел сосредоточить в своих руках столь значительную полноту власти, что это обстоятельство обеспокоило местную русскую администрацию. В 1827 г. по предложению начальника Оренбургской Пограничной комиссии Г. Генса при хане для ограничения его полномочий был образован Ханский Совет[6]. Уже в 1828 г. Совет был упразднен и по предложению сенатора Энгеля к хану был приставлен «попечитель орды», формально представлявший интересы русского населения в местном суде, а фактически осущест-

[1] Почекаев Р. Ю. Антропология властной коммуникации в российской политике фронтирной модернизации казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX в. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Оренбург, 2020. С. 301.

[2] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 388. Л. 1–11.

[3] История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сборник документов и материалов / Сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин. С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 251.

[4] ГААО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 2094. Л. 1.

[5] ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 54.

[6] Бекмаханов Е. Б. Казахстан в XIX веке… С. 37.

влявший контроль «за спокойствием и благоустройством всей Орды»[1].

Деятельность хана Джангира (Жангира) (1824–1845 гг.) служит ярким примером возможностей проникновения элементов русской культуры, а через нее и параллельно с ней – идеологии российского правительства в казахскую степь. Долгое время будучи аманатом, он воспитывался в домах астраханских генерал-губернаторов К. Кнорринга и С. Андреевского, затем обучался в военном училище в Астрахани и в Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге[2]. Помимо родного – казахского, он в совершенстве владел устным и письменным русским и весьма сносно – немецким языком[3]. Для него русская социально-правовая структура служила идеалом, образцом для подражания. В итоге, возвратившись в орду и став здесь ханом, он принимается за решение проблемы «превращения» кочевников-казахов в российских крестьян, в купцов и в представителей иных социально-политических страт. При нем впервые среди казахов появились аптека, оспопрививальные пункты, светская школа, где в том числе преподавался и русский язык, были созданы «образцовые» сады, огороды и многое другое. Более того, при нем примерно 1/6 часть казахов Внутренней орды обзавелась стационарными жилищами[4]. В 1840 г. Джангир был избран Почетным членом Казанского университета[5].

Справедливой представляется характеристика, данная Джангиру казахстанским историком Ж. А. Ермекбаем: «Хан Жангир, конечно, был честолюбивым правителем и целенаправленно стремился к усилению своей власти среди казахов путем расширения ханских полномочий и централизации системы управления во Внутренней орде и при этом ориентировался на хорошо известную ему

[1] Цит. по: Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX века. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. С. 210.

[2] Муканов С. Казак адебиетинин тарихы (казактын XVIII–XIX гасырдагы адебиетинин тарихынан очерктер). Алматы: КБМБ, 1992. Б. 53. В отношении К. Ф. Кнорринга данные не подтверждены источниками и другими исследователями.

[3] Харузин А. Указ. соч. С. 77.

[4] Там же. С. 56.

[5] Аманжопова Ш. Так где же хан Жангир?// Эпоха (Алматы). 18 июля 2002. С. 14.

модель российского самодержавного правления. В свою очередь, царская власть не вмешивалась во внутреннюю жизнь Букеевской орды и даже поддерживала нововведения Жангир хана с расчетом включения местного казахского населения в цивилизационный процесс Российской империи»[1].

Видимо, определенное влияние на усиление европоцентристских взглядов хана оказала его третья жена – Фатима, на которой он женился через два года после возведения в ханское достоинство. Она владела несколькими языками, любила современные ей европейские музыку и танцы. По мнению А. Харузина, именно она настояла на строительстве Ханской ставки и переходе хана к оседлому образу жизни с 1826 г.[2] Такого же мнения придерживался М. Я. Киттары, сообщавший, в частности, что в начале 1826 г. император в Санкт-Петербурге выделил ее мужу – хану Джангиру – 10000 руб. сер. «на устройство для Фатимы постоянного в степи жилища»[3].

Благодаря Джангиру и его потомкам импульс к развитию получила торговля в административном центре – Ханской ставке, где существовали постоянно действовавшие лавки и проводилась ярмарка, ставшая с 1833 г. ежегодной и проходившая дважды в год. Это привлекало сюда казахов, а впоследствии стало одним из стимулов расширения поселения. В течение первых пятнадцати лет в ставке было около 10 постоянных строений. Она стала разрастаться с 1841 г. В 1846 г. в ней насчитывалось уже 89 домов, 46 лавок и 19 складов. Известно, кому принадлежали дома: хану – 6, султанам – 4, русским – 10, оренбургским чиновникам – 4, казанским татарам – 13, армянам – 2, астраханским мещанам – 5, казахам – 41, еще 2 здания принадлежали казачьим кордонам[4].

[1] Ермекбай Ж. А. Хан Жангир: верноподданный России и реформатор Степи // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 128.

[2] Харузин А. Указ. соч. С. 77–78.

[3] Киттары М. Я. Ставка хана Внутренней киргизской орды // Журнал МВД. Ч. XVIII. Кн. 10–11. 1849. С. 2.

[4] Там же. С. 5.

На ярмарку в Ханскую ставку съезжалось до 5000 казахов. В 1846 г. они пригнали на продажу 75000 овец, 12000 лошадей и 500 верблюдов. На весеннюю ярмарку 1846 г. купцы привезли товаров на 1573567 руб. асс. Их было реализовано на сумму 767109 руб. асс. При этом прибыло 3883 человека, из которых казахов – около 2700[1]. Оборот купцов в Ханской ставке в 1846 г. составлял от 25 до 23000 руб. сер. в год на общую сумму 34130 руб. сер[2].

Кроме того, при Джангире казахи Букеевского ханства начали активно участвовать в торговле персидскими товарами в городах Астраханской губернии, расположенных на Каспии[3].

Намерения молодого хана-реформатора не реализовались в полной мере, так как в процессе столкновения инноваций с традиционной системой ценностей и поведенческих стереотипов (а последних придерживалось большинство не только шаруа, но и знать кара суйек) традиционализм продемонстрировал свои возможности функциональности и жизнеспособности.

Российский сенатор Энгель, посетивший орду с ревизией в 1828 г. и отменивший значительную часть преобразований Джангира[4] как не соответствующих обычаям казахского народа, но признавший стремление хана просветить и облагородить свой народ, дал следующую характеристику его преобразованиям: «Всеми средствами предполагалось положить основание к введению в Орде Русского [образа] управления; оно могло постепенно ознакомить киргизов (казахов – *А. Б.*) с выгодой нашей администрации и с теми улучшениями, которые впоследствии могли быть введены для пользы [всего] народа»[5].

Поспешная политическая модернизация, как и предполагал Энгель, привела к массовому вооруженному высту-

[1] Там же. С. 33–34.

[2] Там же. С. 28.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 179. Щп. 1. Д. 16. Л. 21–21 об.

[4] ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1321. Л. 3–23; Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 155. Док. № 474.

[5] АГМ. Т. 5. С. 197. Док. № 1083.

плению казахов против хана в 1836–1837 гг., известному как восстание под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. Выступления носили не только антиханский, но одновременно и антиправительственный характер, а это совершенно не соответствовало интересам правительства, которое согласилось отменить многочисленные нововведения. В результате в 1844 г. было принято решение о передаче с 1845 г. управления Внутренней ордой Министерству государственных имуществ на основании общих законов Российской империи[1]. В 1845 г. умер Джангир-хан, его наследником стал Сахиб-Гирей (Чингис), но он скончался уже в 1849 г. После его смерти и ханская власть во Внутренней орде была упразднена[2]. Власть в ханстве сосредоточилась в руках Временного совета[3].

Министерство государственных имуществ к региону особого интереса не проявляло, и попытки новых реформ здесь были прекращены. Более того, были сохранены введенные при Джангире налоги согым и зякет[4], а также судебные и административные институты, не ставшие переходными и в результате затруднившие распространение на букеевских казахов общеимперской налоговой, административной и судебной систем[5]. Сосредоточение власти в руках ставленников хана (чаще всего его же родственников) привело к многочисленным злоупотреблениям, требовавшим регулярного вмешательства оренбургских и астраханских властей[6].

Первым председателем Временного совета, созданного после смерти хана и носившего наименование «Особый временный стол для производства дел по управлению Внутреннею ордою», был брат умершего хана Джангира – султан

[1] ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 373. Л. 6 об., 14–14 об.

[2] Император Николай I заметил по этому поводу: «Двух монархов в одном государстве быть не может».

[3] Харузин А. Указ. соч. С. 21.

[4] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 22. Л. 43 об.

[5] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

[6] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 19. Л. 7; РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 23. Л. 9; РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 94. Л. 20 и др.

Адиль Букейханов. Кроме него в состав совета входили два султана и чиновник Министерства государственных имуществ[1]. Однако министерство государственных имуществ не устраивал такой порядок, и в конце концов управление Внутренней ордой было передано в руки Временного совета, который возглавлялся русским чиновником[2].

Эволюция этого органа весьма показательна. В 1850-х гг. в составе Совета вновь стали преобладать казахи, однако они выражали имперские взгляды в такой степени, что в 1857 г. Горчаков в записке на имя министра иностранных дел отмечал, что Совет «в последнее время стал действовать как правление чисто судебное и административное»[3], будучи приравнен в правах и обязанностях сначала с земским, а затем – с уездным судом[4].

Для закрепления складывавшихся социально-политических отношений российское правительство постепенно вводило институт потомственного дворянства среди традиционной знати, который способствовал ее фрагментации и превращению отдельных сегментов в официальные структуры, иные же просто исчезали.

Немаловажным фактором, повлиявшим на отмену нововведений Джангир-хана, были опасения, связанные с ростом концентрации власти в руках казахского правителя и некой централизации управления. Ряд чиновников расценивал это в качестве предпосылки роста казахского сепаратизма. Особо на этом акцентировалось внимание правительства в записке В. В. Григорьева об управлении во Внутренней орде, датированной 1845 г. Руководитель Оренбургской Пограничной комиссии выдвинул два аргумента, которые были восприняты на высочайшем имперском уровне:

[1] Так, первым председателем Временного совета, носившего наименование «Особый временный стол для производства дел по управлению Внутреннею ордою», был брат умершего хана Джангира – султан Адиль Букейханов. Кроме него в состав совета входили два султана и чиновник Министерства государственных имуществ. См.: Крафт И. И. Сборник узаконений… Док. № 613. С. 201.

[2] История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 3. Алматы: «Атамура», 2000. С. 243.

[3] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 58. Л. 2 об.

[4] Там же. Л. 3.

«1) В управлении, введенном Джангиром, киргизами (казахами – А. Б.), действовал он не как подданный Империи, не как правитель, поставленный от Царя русского, а как владетель самостоятельный, никакою властью неограниченный;

2) такое во всех отношениях превышение пределов Высочайше дарованной ему власти служило Джангиру не для блага подвластных, а для достижения его собственных корыстных и властолюбивых видов»[1].

Такая новая форма организации системы административного управления как дистанции[2], нашедшая позднее широкое применение в Зауральской орде, также впервые появилась в 1808 г. именно в Букеевской орде. Первоначально в Зауральской орде предполагалось ввести административно-территориальное деление по родовому принципу. Оренбургский губернатор князь Г. С. Волконский в 1803 г. поручил старшине джонбасовского (жапасовского) рода Кубеку Шукуралы-улы и казанскому татарину Галию Шахмуратову составить специальную записку о границах кочевий казахов Младшего жуза[3]. Преемники Г. С. Волконского на посту Оренбургского генерал-губернатора отказались от идеи административно-территориального деления степи по родовому принципу, признав более целесообразной дистанционную систему.

К 1828 г. дистанционная (дистаночная) административно-территориальная система стала здесь доминирующей[4]. С 1831 г. эта система была распространена на Зауральскую степь. Первоначально все территории, прилегавшие к Пограничной линии от Гурьева до Звериноголовской крепости, были разбиты на 32 участка – дистанции. К середине XIX в. было введено уже 56 дистанций,

[1] В. В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881 гг. // Сост. Н. И. Веселовский. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1888. С. 125.

[2] Дистанцией назывался участок степи между двумя крепостями на пограничной линии, условно ограниченный по меридиану линиями, идущими на юг параллельно от крепостей или иных российских форпостов. Четких границ эта административная единица не имела.

[3] Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 395–396.

[4] АГМ. Т. 5. Док. № 1083. С. 198.

из них в Западной части – 8, в Средней – 20, в Восточной – 28[1]. Во главе дистанций первоначально стояло русское линейное начальство, но через некоторое время русские были освобождены от этих обязанностей. Эти функции были возложены на старшин и султанов, назначаемых правительством, так называемых Управляющих родами[2]. Административно казахи – представители дистаночной администрации – были подчинены управлению султанов-правителей.

Таким образом, в первой половине XIX в. в Букеевской орде во многом руками ханов и их окружения проводился комплекс мероприятий, направленных на развитие торговли, товарно-денежных отношений, фискальной и административно-территориальной систем, образования и др. В ходе их реализации интенсивно вводились институты частной собственности, включая собственность на недвижимое имущество, централизация и бюрократизация управления, максимально приближенные к российским образцам того времени. Одним из эталонов служило управление казачьими войсками. Несмотря на прогрессивный в целом характер направленности реформ, их проведение сопровождалось сопротивлением народных масс, не готовых к восприятию инноваций, а в конце концов и российских властей. Итогом попытки ускоренной трансформации системы отношений в казахском обществе в рамках Букеевской орды стала их консервация в том виде, в каком оказалось общество к середине XIX в.

Реформы Джангир-хана носили, на наш взгляд, элитарный характер. И не только потому, что проводились «сверху». А в первую очередь потому, что охватывали имущие слои и слои, имевшие привилегии в традиционном обществе. Именно этим можно объяснить особенность перехода на оседлость в Букеевском ханстве первоначально представителей традиционной знати и зажиточной части казахов. При этом почти все они продолжали занимать-

[1] ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 392. Л. 37–38; Д. 3560. Л. 11–12.

[2] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852 г. Д. 24. Л. 2.

ся скотоводством[1]. То же самое можно сказать и об основной массе шаруа. По данным Г. Е. Маркова, на конец XIX в. в бывшем Букеевском ханстве стационарные жилища были абсолютно у всех казахских семей[2], но основным видом хозяйственной деятельности при этом оставалось полукочевое скотоводство, которое с 1820-х гг. регулировалось выдачей разрешений на землепользование со стороны российской администрации[3].

В 1849 г. был учрежден Совет по управлению Внутренней ордой, совмещавший административные и судебные функции, действовавший «на правах, с обязанностями и ответственностию земского и уездного судов», с жесткой правоответственностью его членов (как русских, так и казахов) по должности[4].

В связи с передачей управления Внутренней ордой из Министерства иностранных дел в Министерство государственных имуществ был поднят вопрос о преобразованиях в управлении подведомственных МГИ кочевых народов. В 1847 г. по инициативе министерства было принято Положение об управлении калмыцким народом, закрепившее систему попечительства. Суть ее заключалась в усилении бюрократического контроля за калмыками через создание соответствующего аппарата. Было создано специальное подразделение в составе астраханской губернской администрации, само ханство еще ранее было приравнено к области и в нем вводилась должность попечителя от правительства с широкими полномочиями, система судопроизводства максимально приближалась к имперской, вводилось новое территориальное деление, создавались предпосылки христианизации калмыков и др[5].

[1] История Казахстана в новое время: учебное пособие / Сост. Ю. А. Лысенко. Барнаул, 2006. С. 64.

[2] Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. С. 159–161.

[3] ГААО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 2394. Л. 1–11; ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 872. Л. 1–10; ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 694. Л. 1–170 и др.

[4] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

[5] Горяев М. С. Установление системы попечительства в Калмыкии по Положениям 1834, 1847 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5(21). С. 37–40.

Ревизия Внутренней орды, произведенная П. П. Гагариным в 1844 г., послужила основанием для создания проекта внедрения аналогичной системы управления у подведомственных МГИ казахов. Предполагалось создать должность старшего советника Ханского советника, который бы назначался министерством. Кроме того, «согласно желанию хана[,] учредить в орде управу под председательством русского чиновника из двух членов, одного из русских, другого из киргиз (казахов – *А. Б.*)». Также предусматривалось развитие торговли через расширение ярмарочной сети и создание гостиного двора; введение нового территориального деления, привязанного к родовому «с целью развития оседлости»; налоговая реформа предусматривала расчет натурального налога скотом, исходя из состоятельности не семьи, а рода; учреждение училища для обучения казахов русскому языку, продуктовых, в первую очередь хлебных, магазинов и складов, конюшни для улучшения местной породы лошадей, медицинской службы, включавшей врача, ветеринара, акушерки и оспопрививателя[1].

Оренбургская администрация во главе с А. П. Безаком сочла проект недоработанным, предложив в 1864 г. альтернативный вариант в свете произошедшей 19 февраля 1861 г. отмены крепостного права и оглашенных правительством и императором грядущих изменений в других сферах общественной жизни, судопроизводстве и административном управлении. Подробный анализ проекта проведен Д. В. Васильевым, который пришел к выводу, что он «представлял собой упрощенный и сокращенный в статусном, организационном и финансовом отношении вариант губернской администрации и предусматривал мероприятия, направленные на превращение субрегиона в ординарную часть государства (учреждение канцелярии управляющего ордой, превращение Совета в подобие губернского правления, введение института следствия, превращение биев в должностных лиц, придание особого значения идеологической поддержке в лице духовных лиц православного и мусуль-

[1] Васильев Д. В. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 562–563.

манского исповеданий, определение источников местных доходов и принципов их расходования и пр.)»[1].

Эта точка зрения заслуживает серьезного внимания, но едва ли может считаться бесспорной. Если в административном отношении стремление к некоторой унификации с общеимперской системой прослеживается на протяжении почти всего периода существования Букеевской (Внутренней) орды, во всяком случае с момента начала ханствования Джангира (хотя и здесь автономия сохранялась вплоть до Февральской революции), то в плане изменений в хозяйственно-бытовом и культурном развитии ситуация оказалась не столь однозначной. С середины XIX в. все сильнее стали проявляться элементы консервации существовавших к тому моменту социально-экономических отношений.

Более того, полукочевое скотоводство стало рассматриваться в качестве базового варианта занятия местного населения. Даже возникший внутри Букеевской орды русский поселок император Николай I повелел снести. В Отчете Сената за 1833 г. отмечалось, что при населении в 42 тыс.д.м.п. в Орде официально было около 0,5 млн лошадей, 0,1 млн крс и 2 млн мрс. Резюмировалось, что Букеевская орда «одна могла по роду своей жизни и занятий извлечь пользу из таких степей, которыя для хозяйства оседлаго вовсе неспособны: она доставляет оседлым жителям богатый источник промышленности меною своих степных произведений на хлеб и другия вещи, киргизам (казахам – *А. Б.*) нужныя»[2].

Со временем правительство и местные власти уже почти не интересовались вопросами, кем будут казахи Внутренней орды – скотоводами или земледельцами. И вызвано это было, на наш взгляд, двумя факторами: во-первых, реакцией на масштабное выступление казахов под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова из-за реформ хана Джангира; и во-вторых, тем, что, будучи внутри

[1] См.: Васильев Д. В. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 571–590. Цит.: Там же. С. 590.

[2] Крафт И. И. Сборник узаконений… Док. № 491. С. 163.

Российской империи весьма длительное время, не имея выхода к внешним границам и все менее имея возможность регулярной коммуникации с казахами Зауралья, букеевцы перестали представлять некую угрозу правительству, став просто региональной особенностью и без того нетипичной Астраханской губернии. В результате реформаторские проекты и сами изменения в других регионах, населенных казахами, стали догонять по темпам и охвату, а затем и превосходить то, что когда-то происходило в населенном казахами Волжско-Уральском междуречье.

Правительство даже после упразднения института ханской власти во Внутренней орде и реформ, усиливавших влияние русских чиновников на внутриордынскую жизнь, сохраняло систему управления, которую ввел еще Джангир-хан, даже с теми же названиями. Так, Временный совет продолжал собирать натуральный налог – согым, который раскладывался в зависимости от числа семей. С 15 семей ежегодно должна была быть отдана в бюджет 1 лошадь. При этом Временный совет обычно серьезно сокращал установленный размер подати. Так, в период с 1846 по 1855 г. полагалось по нормативам собирать ежегодно свыше 1500 голов, но Временным советом рекомендовалось сократить сбор почти вдвое, чтобы его среднегодовой размер составлял менее 800 голов[1].

Иная ситуация складывалась в отношении властей к административно-территориальному делению. Постепенно и административные единицы Внутренней орды начинали именоваться так же, как в соседних регионах и в Российской империи в целом. В 1855 г. образованные еще ханом Джангиром районы были преобразованы в округа, состоявшие из отделений по 300–500 семей[2].

В 1857 г. Министерство государственных имуществ вышло с проектом разделения Внутренней орды на уезды. При этом правоположение казахов-кочевников максимально приблизилось бы к статусу государственных

[1] Аспандияров Б. Образование Букеевской орды и ее ликвидация. Алматы: «Казак энциклопедиясы», 2007. С. 88–89.

[2] Васильев Д. В. Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. С. 548.

крестьян. Кроме того, предлагалось серьезно увеличить чиновничий аппарат, в том числе за счет расширения Временного совета, а также изменить систему судебных разбирательств, увеличив документооборот и время рассмотрения дел. Проект получил крайне негативные отзывы со стороны оренбургского губернского начальства и был отклонен[1].

В 1860 г. произошли, казалось бы, новые малозаметные административно-территориальные изменения во Внутренней орде, повторявшие предыдущие реформаторские действия. Помимо изменения внешних границ, увеличивших территорию образования и тем самым позволивших возрастающему населению заниматься полукочевым скотоводством, Внутренняя орда была разделена на 5 участков, формально по родовому принципу (в среднем 3 рода на участок), но фактически не учитывая его. Старшины теперь не назначались, а избирались населением. Причем оренбургская администрация все равно стремилась максимально контролировать и направлять процесс выборов, в результате только за 2 года (1862–1863) на 84 старшинских должностях сменилось около 100 кандидатов[2].

С учетом вошедших в ее состав двух приморских участков орда оказалась поделена на 7 частей: 1) Прикаспийскую I (Первый приморский округ); 2) Прикаспийскую II (Второй приморский округ); 3) Камыш-Самарскую; 4) Нарынскую; 5) Калмыцкую; 6) Таловскую и 7) Торгунскую[3]. И, как отмечал знаток региона А. Харузин, Внутренняя орда сохранила тем самым свою самобытность, не став областью или уездом, имея определенную автономию в решении вопросов внутреннего управления и хозяйствования[4].

[1] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1858 г. Д. 58. Л. 1–1 об., 5–6 об.

[2] Васильев Д. В. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 571–590. Цит.: Там же. С. 567.

[3] История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сборник документов и материалов / Сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин. С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 884.

[4] Харузин А. Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда): странички из записной книги. М.: тип. А. А. Левенсон, 1888. С. 19–20; Гуняев Е. А. Административно-территориальное и земельное обустройство Букеевской (Внутренней) орды в Российской

В то же время к концу 1860-х гг. степень интегрированности казахов оренбургского и сибирского ведомств в общеимперское пространство и характер трансформированных процессов оказались уже на порядок выше, чем интегрированность и трансформация социальных отношений в Букеевской орде. Именно это побудило власти распространить на нее в 1879 г. особую систему управления[1] даже в условиях ее унификации в Степном крае.

империи: дореволюционная историография // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 4–56. С. 8.

[1] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102 «б». Л. 40–107.

§ 2. Кодификация законодательства и поиск оптимального варианта управления казахами: западно-сибирская и оренбургская модели (20–50-е гг. XIX в.)

Начало XIX в. ознаменовалось существенными изменениями международного положения в Европе, затронуло оно и колониальные владения западноевропейских держав. Наполеоновская Франция вела в целом успешные военные действия против своих оппонентов. Формировавшиеся антифранцузские коалиции европейских государств не достигали своего окончательного успеха до 1812–1813 гг., а чаще вообще терпели крах. Россия в течение двух десятилетий несколько раз меняла свое отношение к союзу с Францией или ее противниками. Если Екатерина II, будучи ярой противницей Французской революции и всего, что было ею вызвано, выступала за разгром Французской республики, то уже Павел I не исключал возможности совместных с Францией антибританских действий. Более того, было достигнуто соглашение о совместных действиях России и Франции против британских колониальных владений в Азии. Российская империя должна была организовать военный поход через казахские степи и Туркестан в Индию[1]. Французы предполагали начать военные действия с высадки морского десанта на британском ост-индском побережье Индийского океана.

Смерть в 1801 г. российского императора Павла I и вступление на престол его сына – Александра I – резко изменили внешнеполитическую ситуацию. Российский корпус из донских казаков во главе с В. П. Орловым, находившийся на полпути между Оренбургом и Хивой, был отозван[2]. Однако даже эта демонстрация военного потенциала Рос-

[1] См.: Астраханский край в истории России XVI–XIX вв.: сборник документов и материалов / Сост. В. В. Ишин, И. В. Торопицын / Под ред. В. В. Ишина. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. С. 89–102.

[2] О важности такого решения свидетельствует то, что приказ о прекращении «индийского похода» был отдан 12 (24) марта 1801 г. – на следующий день после убийства Павла I. Рескрипт был получен через 19 дней. ВПР. Сер. I. Т. 1. Док. № 1. С. 11; Там же. Прим. 1. С. 697.

сийской империи имела весьма серьезное значение для роста влияния России в Центральной Азии. С 1801 г. вплоть до Тильзитского мира Российская империя вновь стала одной из активных участниц антифранцузских коалиций. В 1807–1808 гг. Наполеон предлагал Александру I совместный «индийский поход», но к его реализации в России никаких действий не предпринимали[1]. Даже после того как Россия примкнула к системе континентальной блокады Англии, торгово-экономические контакты с ней продолжались посредством контрабанды.

В общественном сознании высших российских слоев (дворянства и частично чиновничества) продолжалась эпоха подражания западноевропейским доктринам, которые становились «модными». Франкофильство соседствовало при этом с англофильством и даже русофобией. Вместе с тем проникновение просвещенческих концепций в российскую среду не было исключительно поверхностным. В деятельности ряда высших государственных сановников прослеживается серьезное влияние либеральных идей. Политические реформы, предлагавшиеся и проводившиеся в первой четверти XIX в. в Российской империи, зачастую несли в себе идеи конституционализма, а в экономической сфере концепции консюмеризма в это время дополняются и частично замещаются идеями государственного протекционизма.

На наш взгляд, начиная с 1830-х гг. до 1880-х гг. включительно, из комплекса внешнеполитических факторов самое существенное влияние на решение вопросов управления окраинными губерниями Российской империи, населенных казахами, играл фактор «большой игры» – противостояния на Среднем Востоке Российской и Британской империй. Кроме того, серьезное влияние на центральноазиатские дела оказывали взаимоотношения с Цинской Китайской империей и в гораздо меньшей степени – отношения со среднеазиатскими правителями Коканда, Хивы и Бухары.

Период либерализма Александра I подготовил последующие мероприятия по многим вопросам, в том числе по зе-

[1] См.: Баторский А. А. Проекты экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапартом Императорам Павлу и Александру I в 1800 и 1807–1808 гг. СПб., 1886.

мельному как в метрополии, так и в колониях. Огромную роль в проведении внутриполитических реформ играли члены Государственного совета. После основания этого органа в 1810 г. департамент государственной экономии в нем возглавил Н. С. Мордвинов.

Н. С. Мордвинов воспитывался при дворе Екатерины II вместе с наследником престола. В 1774 г. для продолжения учебы он был отправлен в Англию, где прожил три года, посетил Америку и ряд других государств. Мордвинов находился под влиянием идей западноевропейских политэкономов и просветителей – А. Смита, Ф. Бэкона, А. Фергюсона и др., с некоторыми из них состоял в личной переписке. Как показано В. В. Леонтовичем, в своей деятельности он пытался проводить экономический курс государства соответственно их взглядам на гражданское общество. В частности, адмирал Н. С. Мордвинов выступал за предоставление широким социальным слоям политических прав, неприкосновенность частной собственности, в том числе и на землю. При этом идея незыблемости естественных прав вполне уживалась у него с идеей невозможности немедленного освобождения российских крестьян от крепостной зависимости, которому, на его взгляд, должно было предшествовать укрепление гражданского строя[1]. Н. С. Мордвинов осознавал, что реформы не могут протекать синхронно. Более того, он подчеркивал, что «должно первоначально устроить во всем благолепии некоторые части, некоторые губернии, кои могли быть образцовыми для всех других»[2]. Не исключал он и того, что идеальными могут быть не только центральные, но и окраинные губернии.

Не обошел он вниманием и Азиатский регион империи. По его мнению, Россия была способна повысить свой внешнеторговый статус за счет расширения азиатской торговли[3]. Параллельно с развитием транзитной торговли здесь требовались и крупные социально-экономические преобразо-

[1] АГМ. Т. 5. Док. № 1079, 1104, 1111; Леонтович В. В. История либерализма в России (1762–1914). Пер. с нем. М.: Русский Путь, Полиграфия-Ресурс, 1995. С. 56–61.

[2] АГМ. Т. 9. Док. № 1766. С. 7.

[3] АГМ. Т. 4. Док. № 1925–1932.

вания. В соответствии с концепциями английских просветителей и вполне согласуясь с российской политической действительностью, он отстаивал идею цивилизаторской миссии России и иных европейских империй на Востоке. Однако, выбирая между позитивными политическими реформами, несущими просвещение туземцам, и экономической целесообразностью (равно рентабельностью колоний для метрополии), он делал выбор в пользу экономического роста. Вместе с тем он не исключал возможности и силового давления. Более того, для усиления роли России на Кавказе он вносил предложение о целесообразности развития торговли по Каспийскому морю, для чего, по его мнению, можно было бы даже «завладеть Хивою и сделать из оной сказочное место». Для создания инфраструктуры водного транспорта он предлагал изменить русло Амударьи и направить ее течение в Каспий[1].

От лица департамента государственной экономии Н. С. Мордвинов высказывался за необходимость ненасильственной интеграции в имперские структуры горских народов и казахов. Он отмечал, что при всей «своей степени дикости» эти народы вреда России не наносят, поэтому «нельзя их отвращать от империи» военными средствами. Известный реформатор писал: «На киргизской (казахской – *А. Б.*) степи завоевывать нечего, и мы напрасными ополчениями лишь только отогнать можем вовсе кочующие по ней орды»[2]. В силу сложившихся условий Н. Мордвинов полагал, что среди казахов целесообразно развивать экстенсивное и интенсивное коневодство. Лошади, как отмечено выше, рассматривались правительством в качестве стратегического военного товара.

В краткосрочной перспективе Н. С. Мордвинов не планировал крупных социальных преобразований, но для создания фундамента гражданского общества на окраинах империи в перспективе необходимо было, на его взгляд, провести комплекс способствующих изменению жизненного уклада и оседанию кочевников мероприятий. «Толь-

[1] АГМ. Т. 9. Док. 1854. С. 109.

[2] АГМ. Т. 4. С. 182.

ко тогда можно ожидать… успеха со стороны киргизов, трухменцев (казахов и туркмен – *А. Б.*) и прочих кочующих на востоке народов»[1].

Средствами проведения новой политики граф Н. С. Мордвинов считал следующее:

1) скупка и мена животноводческих товаров на земледельческие;

2) усиление «общения» между иноверческим и русским населением. После специального «обозрения степи» необходимо было выделить особые участки для переселения на них русских крестьян, которых предварительно следовало освободить от крепостной зависимости. С этой целью в степь отправлялись экспедиции и давались особые поручения дипломатическим миссиям. Так, в 1820 г. картографирование и обзор степных районов проводился сопровождавшим дипломатическую миссию А. Ф. Негри в Бухару Е. К. Мейендорфом[2]. Перед ним помимо прочего была поставлена задача «выделения [на карте] участков годных относительно к заведению хлебопашеством»[3]. Кроме того, начальник Главного штаба П. М. Волконский поставил перед Мейендорфом следующие задачи: выяснить возможность заселения казахской степи в междуречье Урала и Тургая земледельцами, произвести разведку и нанести на «общую генеральную карту» месторождения полезных ископаемых, определить удобные для строительства крепостей места и нанести на карту наиболее удобные маршруты караванного сообщения.

Несколько позже даже приступили к переселению крестьян из южнорусских в Оренбургскую губернию[4], но в 1835 г. по настоянию оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского оно было приостановлено, а затем и вовсе прекращено[5]. Несмотря на его возобновле-

[1] АГМ. Т. 4. С. 178.

[2] См.: Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Предисл. Н. А. Халфина. М.: Гл. ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1975.

[3] ВПР. Сер. 2. Т. 3 (11). Док. № 147. С. 453–454.

[4] РГИА. Ф. 383. Оп. 30. Д. 411. 1835 г. Л. 2.

[5] Там же. Л. 9.

ние в 1839 г., водворение новоселов шло медленно и с этого времени главным образом на правобережье Урала[1], где периодически возникали конфликты между крестьянами и казаками, которые не желали уступать войсковые территории, даже несмотря на большое количество «излишков» и «неудобной земли»[2]. (Крестьяне зачастую не выполняли требований казачества, поскольку имели особое управление[3], а государство не всегда становилось на сторону военного сословия);

3) усиление контактов между казахами и нерусскими народами Поволжья, в первую очередь, с татарами;

4) развитие иностранного землевладения в Сибири, которое способствовало бы увеличению поступлений в казну и развитию культурных контактов.

Вопросам иностранной колонизации российских окраин Н. С. Мордвинов и секретарь адмирала, будущий сенатор Ф. Энгель уделяли особое внимание[4]. Ими предлагалось привлечь в Пермскую, Оренбургскую и Сибирскую губернии «искусство и капитал из Англии» (симпатии к которой граф сохранил до последних дней). Для этого планировалось построить железную дорогу из Санкт-Петербурга в Екатеринбург и Оренбург, разрешить свободную продажу земли по низким ценам – «50 коп. медью за 1 дес. или даже даром»[5];

5) «назначить свободную продажу земель большими участками»;

6) развитие торговли и промышленности в окраинных регионах;

7) развитие образования, под которым подразумевалось, в первую очередь, сельскохозяйственное просвещение[6].

---

[1] РГИА. Ф. 383. Оп. 30. Д. 411. 1835 г. Л. 32. Возможно, такое отношение вызвано примирительной позицией В. А. Перовского по отношению к Кенесары Касымову и неудачным хивинским походом самого губернатора.

[2] Архив РГО. Ф. 26. Оп. 19. Д. Описание Оренбургской губернии. Л. 120 об.

[3] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2332. Ст. 378. Кор. 16. Л. 883.

[4] АГМ. Т. 6. Док. № 1194. С. 276–279. Интересно, что сопровождал Энгеля в его инспекции степных районов Оренбургской губернии Исатай Тайманов.

[5] АГМ. Т. 4. С. 152; Т. 5. С. 178.

[6] АГМ. Т. 9. С. 47, 195, 329, 476, 478.

Предполагалось, что в результате проведения такой политики «Сибирь перестанет быть дикою пустынею» и начнет приносить казне выгоду. «Просвещение и роскошь смягчили бы нравы, ныне дикие и, утончая вкус», изменили бы обычаи и менталитет коренных народов.

Долгосрочный план, по мысли Н. С. Мордвинова, должен был сопровождаться постепенным введением гражданского строя как в центре, так и на окраинах[1]. Ряд предложений Н. С. Мордвинова был одобрен императором Александром I[2].

Заинтересованность властей в продолжении реформ в Азиатской части империи проявилась в направлении сюда известного администратора и реформатора М. М. Сперанского, на формирование взглядов которого определенное влияние оказал Н. С. Мордвинов. Несмотря на то, что М. М. Сперанский рассматривал свое пребывание в Сибири в качестве временной меры, которая позволяла ему вернуться в столицу и стать членом им же учрежденного Государственного совета, его сибирские реформы[3] нельзя, на наш взгляд, рассматривать вне контекста его либеральных взглядов на общество и идеальное государственное устройство.

Выходец из второго сословия, М. М. Сперанский избрал для своей деятельности административную стезю. Не имея возможности обучаться в лучших европейских университетах, посредством постоянного самообразования он сумел стать одним из самых образованных чиновников Российской империи, во многом благодаря чему и сделал головокружительную карьеру.

Его взгляды были сформированы произведениями французских и английских просветителей. В духе их концепций общественного развития главным рычагом изменения общественных нравов М. М. Сперанский рассматривал право. Именно поэтому он уделял такое большое внимание в своей

[1] О понимании Н. С. Мордвиновым «гражданского строя» см.: Леонтович В. В. Указ. соч. С. 6–66.

[2] ВПР. Т. 3 (11). С. 439. Док. № 143.

[3] Сибирская эпопея, как назвал эти реформы современный биограф М. М. Сперанского В. А. Томсинов.

деятельности составлению законопроектов, уставов, уложений и т.д[1]. Надеясь подчинить исполнительную, включая монаршую, власть правовым нормам, он стал инициатором создания и публикации свода российских законов[2]. В его проектах в качестве безусловного (const.) рассматривалась необходимость разделения властей на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Он предлагал ввести единообразное управление по отношению ко всем регионам, но предоставить последним определенную автономию во внутреннем управлении. В «Кратком начертании государственного образования» (1809 г.) им предлагалось ввести представительную власть посредством создания в рамках «законодательного порядка в губерниях» волостных, окружных и губернских дум. В. В. Леонтович полагает, что М. М. Сперанский не рассматривал выборную систему в качестве обязательного атрибута нового государства, утверждая, что «демократический принцип всеобщих и тайных выборов (как и вообще политических прав) чужд Сперанскому»[3]. На наш взгляд, такое мнение ошибочно. М. М. Сперанский предлагал ввести в России выборную систему, которую он планировал распространить на представителей не только законодательной, но и судебной ветвей власти[4] посредством выборов депутатов, которые могли бы избирать суд, и даже исполнительной – посредством составления списка кандидатов на замещение должностей вплоть до губернского правления, решающее же слово, по его мнению, должен был иметь думский спикер – «канцлер»[5]. Это отражает отстаивавшийся большинством французских просветителей тезис о примате во властной триаде законодательной ветви.

[1] Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования) // http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm (дата обращения: 06.01.2023).

[2] Леонтович В. В. Указ. соч. С. 120–134.

[3] Там же. С. 72.

[4] Сперанский М. М. Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 229–230.

[5] Там же. С. 230.

Многие историки делят реформы Сперанского на два этапа. Рубежом обычно считается 17 марта 1812 г., когда Сперанский был уволен со всех должностей и сослан. Император так охарактеризовал его деятельность в это время: «Он никогда не изменял России, но изменял исключительно лично мне»[1].

Интересно, что уже на первом этапе своей реформаторской деятельности М. М. Сперанский обращал определенное внимание на необходимость развития окраин. Так, в § 10 Манифеста об общем учреждении министерств (проект 1811 г.) главной задачей Министерства внутренних дел определялось развитие и распространение земледелия и промышленности. Во второй части этого же параграфа М. М. Сперанский давал некоторые уточнения к средствам развития земледелия – таковыми должны были стать «колонии, внутренние переселения и разные ветви хозяйства, фабрики, внутренняя торговля, почты и публичные здания»[2].

В значительной степени благодаря участию М. М. Сперанского в 1808–1811 гг. широкую автономию получило Великое княжество Финляндское, где был учрежден особый порядок управления, введена система сословного представительства (в том числе крестьянства) и получили развитие институты местного самоуправления. В Финляндии был образован Правительствующий совет, и областной совет был относительно независим от генерал-губернатора[3]. Часть из этих идей, в первую очередь касавшихся автономии местного самоуправления, позднее была использована Сперанским в Уставе о сибирских киргизах.

Начало нового этапа деятельности М. М. Сперанского тесно связано с Азиатской Россией. В 1819 г. М. М. Сперанский был назначен генерал-губернатором Сибири[4]. Вместе

[1] Цит. по: Романов Н. М. (вел. кн.). Император Александр I. 2-е изд. М.: «Богородский печатник», 1999. С. 89.

[2] Политическая история России: Хрестоматия / Сост. В. И. Коваленко, А. Н. Медушевский, Е. Н. Мощелков. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 357.

[3] Петров Е. В. С. А. Корф (1876–1924): правовед, дипломат, общественный деятель. 2-е изд., стер. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2018, С. 152–153.

[4] О причине приезда М. М. Сперанского в Сибирь см., напр.: Кодак С. В. М. М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века. Сб. научн. трудов. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1988. С. 114–123 и др.

с рескриптом о назначении он получил письмо от Александра I. Император предписывал ему заняться ревизией местной администрации и параллельно «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и сделать оному начертание на бумаге»[1]. М. М. Сперанскому также было указано, что от успеха его деятельности в Сибири зависит возможность возвращения в Петербург[2].

Уже к концу 1820 г. была в основном завершена работа над проектом новых законов об управлении Сибирью и сибирскими казахами в том числе[3]. К 1822 г. М. М. Сперанский сумел заручиться поддержкой вновь назначенного министром внутренних дел В. П. Кочубея и самого императора Александра I. Противником его реформ первоначально выступал А. А. Аракчеев. В июне 1821 г. специально для рассмотрения проекта реформ М. М. Сперанского был образован «Особый комитет под названием Сибирского». В состав комитета вошли крупнейшие государственные деятели того времени: военный министр и председатель департамента военных дел Государственного совета А. А. Аракчеев, министр финансов Д. А. Гурьев, управляющий Министерством внутренних дел В. П. Кочубей, канцлер, член Государственного совета Б. Б. Компенгаузен и член Государственного совета М. М. Сперанский. Делопроизводителем по настоянию М. М. Сперанского был назначен Г. С. Батеньков[4]. Среди прочих законодательных «инициатив» были рассмотрены проекты Уставов о сибирских инородцах и о сибирских киргизах (казахах), ряд норм которых детализировал общие положения первого (Устав об управлении сибирскими киргизами, § 1) [5].

---

[1] Цит. по: Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986. С. 35.

[2] Томсинов В. А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 249–253.

[3] Абдрахманова Б. М. Разработка Сперанским М. М. Устава 1822 г. и социально-политические институты казахского общества // Вестник МГУ. Сер. История. 1991. № 6. С. 21–22.

[4] См.: Дамешек Л. М. Указ. соч. С. 35.

[5] МИПС-1. С. 109.

Существует весьма распространенная версия, что первоначальный проект «Устава о сибирских киргизах» был разработан Г. С. Батеньковым, а в Сибирский комитет был направлен именно его вариант, лишь правленый М. М. Сперанским. Однако, как показала Е. В. Безвиконная, ни правок Сперанского, ни самого проекта никем из исследователей обнаружено не было, что ставит под серьезное сомнение факт их существования[1].

В 1822 г. все проекты М. М. Сперанского без существенных изменений были приняты I Сибирским комитетом и утверждены Александром I.

О важности изменений, внесенных с помощью нового законодательства в политическую жизнь, право и жизненный уклад нерусских народов, в механизмы административного регулирования и др., свидетельствуют разнообразные данные. Трансформации подверглась даже административная лексика. Взамен бытовавшего прежде термина «иноверцы», выражавшего неправославное происхождение неславянских народов, было введено понятие «инородцы», отражавшее в первую очередь этническое, а не конфессиональное содержание. Вместе с тем применение «нового»[2] термина позволяло с этого времени принявших православие именовать единоверцами, даже не идентифицируя их с русскими[3].

По Уставу об управлении инородцами последние были разделены на различные социальные категории. Критерием социально-правового ранжирования служил хозяйственно-бытовой уклад: были выделены оседлые, кочевые и бродячие инородцы. § 15 определил равенство оседлых инород-

[1] Безвиконная Е. В. Политические и социально-экономические предпосылки административно-правовой реформы в Степном крае в 20–30-х гг. XIX в. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 4. С. 188.

[2] Единичные употребления термина «инородцы» встречаются в законодательных актах с XVI в.

[3] Следует согласиться с замечанием, что «объем понятия «иноверцы» в принципе охватывал все неправославное население империи аналогично тому, как «инородцы» в первом приближении соответствовали множеству всех «нерусских». Однако, как и во всех социально значимых категориях, при ближайшем рассмотрении такого рода «уравнения» включали массу оговорок и имели множество исключений и пограничных случаев. См.: Соколовский В. С. Понятие «коренной народ» в российской науке, политике, законодательстве // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 78–81.

цев с россиянами «в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступают». Управление оседлыми инородцами осуществлялось в соответствии с общими для империи «узаконениями и учреждениями». § 24 указанного Устава определял их правовое равенство с крестьянским сословием, но они «отличались от оного в образе управления». К бродячим инородцам были отнесены охотники и рыболовы Сибири.

Признавалось желательным ненасильственное привлечение кочевников также к земледелию и промыслам. Был разрешен переход из одной правовой страты в другую, разрешалось записываться и в купеческое сословие. § 25 Устава об инородцах подчеркивал необходимость внушения представителям автохтонных народов Сибири, что «с умножением хлебопашества они отнюдь не будут обращаемы в звание крестьян и вообще без соответственного их желания не будут включены ни в какое другое сословие». Всем кочующим инородцам выделялись «назначенные во владение земли» (§ 26), при переходе из одного податного состояния в другое им гарантировалась свобода от исполнения рекрутской повинности (§ 31) [1].

Учитывая международное положение того времени, М. М. Сперанский рекомендовал образовывать как можно меньше округов в пограничных районах для предотвращения конфликтов с соседними странами, в первую очередь с Цинской империей[2].

Казахи трех внутренних округов – Омского, Семипалатинского и Усть-Каменогорского – вообще подчинялись действию Устава о сибирских инородцах. Объяснение этого феномена находим у полковника С. Б. Броневского. Предлагая в 1824 г. открыть Омскую область, он доносил, что на неопределенное время целесообразнее «оставаться залинейным киргизам (казахам – *А. Б.*) на прежнем положении, по местному удобству, под зависимостью

[1] МИПС-1. С. 109.

[2] Безвиконная Е. В. Административное пространство «азиатского пограничья» Российской империи в XIX в. // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева / Под ред. Н. Г. Суворовой. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 134.

и надзором ближайших на линии окружных начальств, коим предоставлено действовать к сохранению между ними тишины и спокойствия кроткими и благоразумными средствами»[1].

Большая, по сравнению с другими азиатскими народами Российской империи, автономия во внутреннем управлении предоставлялась казахам внешних округов, что подтверждается принятием для их административного регулирования отдельного Устава об управлении сибирскими киргизами (казахами), который, хотя и декларировался в качестве детализирующего общие положения упомянутого выше законодательного акта, на практике представлял собой самостоятельный правовой свод.

Мы согласны с мнением, что Устав о сибирских киргизах имел целью внедрение вполне определенных элементов российской административно-судебной системы, в то время как Устав об управлении инородцев был более обобщенным, свидетельствуя о приоритете чисто фискальных целей самодержавия в Сибири в отличие от военно-стратегических в Степном крае[2]. Нами разделяется позиция, что М. М. Сперанский стремился к определенному уравнению правоположения центральных и окраинных губерний и упорядочению системы управления в последних. Заслуживает серьезного внимания мнение, что «в основе его подхода лежала идея перенести на новую почву института и принципы управления, утвердившиеся во внутренней России»[3]. В каких-то аспектах это четко прослеживается, но даже наличие различных уставов для сибирских киргизов и сибирских инородцев свидетельствует о том, что Сперанский не выступал адептом сплошной унификации системы управления во всей империи, «подтягивая» окраины к центру, более того, в ряде случаев на окраинах он

[1] ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 127. Л. 81 об. – 82.

[2] Безвиконная Е. В. Административная политика самодержавия в Степном крае (20–60-е гг. XIX в.). Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Омск, 2002. С. 18.

[3] Васильев Д. В. Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. С. 470.

пытался ввести такие нововведения, которые со временем могли бы быть восприняты центром.

Общие положения Устава, касавшиеся административно-территориального устройства, освещены в исторической литературе достаточно полно. Практически всеми исследователями признается, что созданная Область сибирских киргизов не имела изначально определенных южных границ. Границы области и ее частей – округов и волостей – определялись в процессе их создания, и то зачастую весьма условно. В каждый округ входило 15–20 волостей. Волость состояла из 10–12 административных аулов, объединявших 50–70 «дымов» или «юрт», т.е. каждый административный аул состоял из нескольких хозяйственных (собственно) аулов. Ханская власть – как должность – не была предусмотрена Уставом о сибирских киргизах[1]. На базе действовавшей с 1816 г. в Омске Пограничной комиссии, полномочия которой заключались в разрешении взаимных противоречий среди казахских кочевников по их просьбе, была создана окружная система управления[2]. Во главе окружного приказа стоял старший султан в чине майора, при нем находилось четыре заседателя – два русских и два казаха. Все указанные представители администрации со стороны казахов избирались последними сроком на три года (ага-султан, старший султан) и два года (заседатели) и были подотчетны областному начальнику и генерал-губернатору. Русские заседатели назначались генерал-губернатором Западной Сибири. Во главе волостей стояли волостные султаны, которые также избирались прямыми выборами сроком на три года. Как отмечает Г. С. Султангалиева, М. М. Сперанским была предложена вертикальную модель управления: аул–волость–округ–область–генерал-губернатор, которая должна была упростить систему документооборота, принятия решений и вообще прозрачность и качество управления[3]. Кроме того, такая система была вполне понятна правительству, а включе-

[1] ВПР. Сер. 2. Т. 4 (12). С. 661.

[2] Бабков И. Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859–1875. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. С. 309–310.

[3] Султангалиева Г. С. Понимание казахской волости русскими чиновниками XIX века // Былые годы. 2007. Вып. 46. Ч. 4. С. 1324.

ние в нее должностей, созвучных традиционным институтам, должно было облегчить ее восприятие казахами.

Вместе с тем особенность региона, включенность в его состав кочевников подчеркивалась даже на символическом уровне. Так, на гербе Омской области, утвержденном в 1825 г., «в щите, имеющем красное поле, изображен всадник в азиатской одежде на белом коне, скачущий в левую сторону и имеющий в руках лук, натянутый за стрелою, а за спиною колчан со стрелами»[1].

По Уставу о сибирских киргизах судебные дела делились на уголовные и гражданские, чего не существовало прежде. Наиболее серьезные дела изымались из компетенции суда биев. Кроме того, решения таких судов могли быть обжалованы в окружном приказе.

Устав зафиксировал размер ясака – натурального налога – в размере 1% от всего движимого имущества. От уплаты налога освобождались те казахи, совокупный размер стада которых в переводе на лошадь не превышал двадцати голов. Не подлежали обложению и верблюды, представлявшие особую транспортную ценность. В условиях отсутствия развитой инфраструктуры путей сообщения такое решение проблемы следует, видимо, считать оптимальным. От уплаты налогов освобождались лица, занимавшие административные должности, а также дворяне. Ряд категорий получали льготу в форме освобождения от уплаты налогов на пятилетний срок. Кроме того, на пятилетний срок в период с момента открытия округа от уплаты налогов освобождались вообще все казахи. На казахов также был возложен ряд повинностей: охрана караванов и торговых путей, гужевая и почтовая. На строительство приказов разрешалось мобилизовывать казахский скот (обычно верблюдов и лошадей) с позднейшим возвратом, но без оплаты его аренды.

Устав о сибирских киргизах состоит из 319 параграфов. Трансформации традиционного хозяйства и созданию стимулов для перехода в оседлое состояние посвящен 31 параграф, что составляет 9,72% содержательного объема

[1] ПСЗРИ. Т. XL. 1825 по 19 ноября. СПб.: Тип. II Отд-я ЕИВ Канцелярии, 1830. № 30.352. С. 286.

и позволяет заключить, что этот вопрос, занимая важное место в иерархии приоритетов реформ, имел для его составителей одно из определяющих значений. Это же позволяет утверждать о намечавшихся в целом функциональных изменениях в системе колониального управления сибирскими казахами.

Кодекс норм об управлении казахами 1822 г. касался и еще одной из значимых проблем – проблемы владения землей. Официально территория казахских кочевий не была признана государственной собственностью. Она была объявлена «находящейся под особым покровительством правительства России»[1]. Однако герменевтика текста демонстрирует следующие лексические особенности: земли для хозяйственной эксплуатации «выделяются», а права традиционной знати или общины на территорию не оговариваются вовсе (§ 273), в случае применения в исключительных обстоятельствах, предусмотренных Уставом, права частной собственности на землю она выделялась правительством из земель, данных прежде во владение. Таким образом, фактически территория Области сибирских киргизов (казахов) рассматривалась частью российских государственных земель.

Поборник идей гражданского общества М. М. Сперанский настаивал на упразднении рабства в казахской степи. В Устав были внесены положения о запрете приобретать новых рабов, касавшиеся казахов, а § 273 отменил и положение 1808 г. «о приобретении киргизов (казахов – *А. Б.*) в частное владение»[2]. Вместе с тем несправедливо рассматривать этот законодательный кодекс в качестве запрещающего рабство как таковое. Бывшие у казахов рабы до принятия Устава оставались в их собственности с правом эксплуатации, но без права отчуждения.

Позднее степной генерал-губернатор Колпаковский отмечал, что Сперанский стремился учесть в автономии управления казахами населенной ими территории существовавшие к тому времени в казахском обществе порядки, приспоса-

[1] ВПР. Сер. 2. Т. 4 (12). С. 552, аннотация.

[2] МИПС-1. С. 106.

бливая их к гражданскому обществу. Единственное, что он не смог учесть, вероятно, в силу слабого знакомства с традиционными устоями, – это положение султанов, которым по Уставу 1822 г. передавались широчайшие полномочия, хотя, как отмечал Колпаковский, к этому времени власть султанов была в большинстве родов номинальной, а реальной властью обладали «старейшины-родоначальники»[1] (бии).

По мнению членов Сибирского комитета, трансформация традиционного образа жизни казахов могла произойти только в результате комплекса административных мероприятий, направленных на изменение образа жизни кочевников. С точки зрения Б. М. Абдрахмановой, Устав о сибирских киргизах становился для этого прочной правовой основой[2]. Все эти мероприятия применялись российской администрацией и прежде, но они не носили системного и систематического характера. Последнее качество им придала кодификация законодательства.

Проблемный анализ текста позволяет вычленить основные составляющие указанной реформы:

1. Развитие хлебной торговли в каждом округе с постепенным увеличением ее объемов (§ § 150, 152, 155–160, 164). Определялась система льгот для беднейшего казахского населения (§ § 156, 158). Продажу хлеба было признано целесообразным производить единовременно «незначительными порциями» (§ § 158, 159), что создавало бы условия к систематическому обращению казахских шаруа через краткосрочные хронологические интервалы в хлебные магазины и позволило бы зафиксировать ареал их кочевий в ближайшей округе. С другой стороны, это же предотвращало возможность оптовых закупок зерна богатыми казахами с целью последующего ссужения сородичам. Последнему должны были препятствовать и фиксированные цены на хлеб, розничная стоимость которого должна заранее оглашаться и могла изменяться не чаще одного раза

[1] РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1886 г. Д. 85. Л. 20.

[2] См.: Абдрахманова Б. М. Органы власти и управления в Казахстане (1820-е годы – конец XIX века). Автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. истор. наук. М., 1989. С. 35, 37.

в квартал (§ 157) и быть «умеренной», т.е. доступной для малоимущего покупателя (§ § 155, 156, 160). Обязательным условием становилась исключительно денежная продажа хлеба. Это обстоятельство к тому же должно было служить побудительным стимулом к развитию торговли вообще, с одной стороны, и развитию товарно-денежных отношений, с другой.

2. Важная роль отводилась межэтническому взаимодействию. Увеличению размеров маргинальных зон, где такое взаимодействие протекало бы с наибольшей интенсивностью, должно было способствовать возрастание земледельческих и вообще оседлых поселений не только на границе, но и во внутренних округах. Стимулом перехода казачества во внешние округа рассматривалось увеличение размера пахотных угодий, отводимых в личное пользование. Так, на линии рядовые казаки получали в надел участок в 6 дес., а во внешних округах – 15 дес. (§ 171). Русским окружным заседателям отводился надел в размере одной квадратной версты (казахам – «двойная порция») (§ 170). § 181 прямо гласил, что «российские заседатели в приказах и казаки, составляющие стражу, должны подать пример в возделывании земель и хозяйственным заведением»[1]. Они были обязаны предпринимать усилия для демонстрации экономической выгодности и бытовой пользы применения земледелия, садоводства, пчеловодства, развития промыслов и т.п. (§ § 182, 183). Областное начальство должно было обеспечивать казахов земледельческим инвентарем, который приобретался последними «покупкою или меною» (§ 185). При всех командах, направляемых в степь, признавалось необходимым иметь кузницы (§ 186). «Обзаведение» казахов стационарными жилищами должно было особо поощряться местными властями (§ § 168, 264, 276).

3. Для казахов при переходе к оседлому образу жизни предусматривались следующие льготы: пожизненное освобождение от рекрутской повинности и пятилетнее освобождение от налогообложения (§ 272). Простым казахам полагался земельный надел размером до 15 дес. (§ 172),

[1] МИПС-1. С. 114.

то есть тождественный наделу служилого казака, переводчики приравнивались к казачьим офицерам (§ 180), султанам отводилась «тройная порция» (3 участка по 15 дес.) – 45 дес., старшинам – «двойная» – 30 дес. Султаны, находившиеся при исполнении служебных обязанностей, получали надел размером 5–7 квадратных верст (§ 167), избиравшиеся на должность старшего окружного султана трижды получали звание полковника русской армии, наследственное дворянство и их участок передавался им в полную частную собственность (§ 187), казахские заседатели в окружном приказе имели право на получение участка размером до двух квадратных верст (§ 169). В случае начала обработки территории с момента разрешения в пятилетний срок участок переходил в наследственное владение (но не в полную частную собственность). Аналогичная привилегия даровалась тем казахам, которые начали на выбранных самостоятельно или по рекомендации властей участках разрешенный промысел либо «обзавелись постройками», то есть стационарными жилищами. Срок владения определен не был, что превращало данное положение в своеобразную бессрочную аренду, но лишь до тех пор, пока на участках существовал промысел, жилые или хозяйственные постройки. В случае если в течение пяти лет с момента подачи просьбы об отводе участка хозяйственная деятельность, предусмотренная Уставом, начата не была и не было возведено построек, участок изымался и взыскивалась подать за все пять льготных лет. Для поощрения казахов к хозяйственным экспериментам первым, кто успешно займется хлебопашеством, ремеслом и т.п., полагались правительственные награды (§ 187) вплоть до вручения медалей[1].

4. Важным, если не важнейшим, принципом, способствующим изменению хозяйственного уклада кочевников-казахов Сибирского ведомства, следует, на наш взгляд, рассматривать введение внутреннего административно-территориального разделения. Все территории, населенные казахами, делились на внутренние и внешние округа. Округа делились на волости, волости – на хозяйственные

[1] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 291. Л. 7.

аулы. Переходить из одного округа в другой без особого распоряжения властей запрещалось. Это, несомненно, позднее отразилось на маршрутах кочевания казахов. Кроме того, из эксплуатации кочевников изымались и земледельческие участки, которые, по рекомендации властей, необходимо было огораживать для защиты от потрав скотом (§ 184). Самих земледельческих участков с течением времени должно было становиться все больше.

Автор проекта Устава о сибирских киргизах (казахах) М. М. Сперанский полагал, что округа необходимо создавать в границах «родовых кочевьев» казахов[1]. На практике же это выдерживалось не всегда, и округа создавались в местностях, удобных администрации, без учета традиционных кочевых маршрутов, нарушая их, внося путаницу в отношения между племенами, родами и родовыми подразделениями.

Сам М. М. Сперанский полагал, что подготовка к реализации его проектов должна проходить достаточно продолжительное время. В письме к своему преемнику на посту генерал-губернатора Западной Сибири[2], к которой была отнесена и Область сибирских киргизов (казахов), М. П. Капцевичу он, в частности, советовал «вводить новый порядок постепенно и по мере местных способов, не разрушая старого. Все они (Уставы – *А. Б.*) представляют более план к постепенному образованию сибирского управления, нежели внезапную перемену»[3]. Осуществлять введение окружной системы управления казахами предполагалось М. М. Сперанским приблизительно через десятилетие после принятия Уставов, т.е. примерно с 1832 г.[4] Реально процесс подготовки и открытия первых внешних округов занял всего два года.

[1] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 12. Л. 26.

[2] В формулярном списке генерала от инфантерии Капцевича Петра Михайловича его должность названа иначе – Тобольский и Томский Губернатор. Замещал он ее в период 1822–1828 гг. См.: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 179. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

[3] Цит. по: Томсинов В. А. Указ. соч. С. 264.

[4] Абдрахманова Б. М. Разработка Сперанским… С. 27.

Среди казахов положения Устава о сибирских киргизах были оглашены в 1824 г. во время основания первых окружных приказов, или, как их называли казахи, диванов. В прокламации генерал-губернатора Западной Сибири, адресованной казахам в связи с открытием Кокчетавского и Каркаралинского внешних округов и введением Устава о сибирских киргизах, между прочим говорилось, что целью введения нового административно-правового кодекса являлось стремление «водворить в народе сем благоустройство, утвердить в нем согласие, спокойствие, тишину и общий порядок, доставить всем и каждому безопасное и нерушимое владение собственностью, предотвратить единожды навсегда вкоренившиеся варварские обычаи, пресечь самоуправства… словом, устроить народу киргиз-кайсаков (казахов – *А. Б.*) и прочим пребывающим с ними племенам благоденствие и счастие»[1]. В оценках, насколько удачным оказалось внедрение новой административно-территориальной системы, очевидцы и исследователи существенно расходятся. Например, производивший открытие Каркаралинского внешнего округа С. Б. Броневский так оценивал значение введения округов: «Киргизы (казахи – *А. Б.*) платят ясак в казну и, конечно, получают желанную цивилизацию, если терпение и постепенность без торопливости соблюдаемы будут [и не будут отбирать у них кочевые места, которыми они дорожат]»[2]. Иначе оценивал последствия принятия Устава 1822 г. известный востоковед В. В. Радлов, который отмечал, что «введение Устава действительно внесло успокоение в степи и придало большую устойчивость и силу киргизскому (казахскому – *А. Б.*) управлению»[3]. Устав «устанавливал порядок и, кроме того, обеспечивал защиту оседлым земледельцам, живущим по соседству с киргизами

[1] КРО-2. С. 207. Док. № 207.

[2] Из воспоминаний первого Омского областного начальника С. Б. Броневского. Подготовка текста к публикации и комментарии А. В. Ремнева // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2000. № 8. С. 241. В квадратных скобках – замечания, сделанные С. Б. Броневским на полях рукописи.

[3] Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем. Примеч. и послесл. С. И. Вайнштейна. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1989. С. 343.

(казахами – *А. Б.*). Но нельзя отрицать, что с установлением порядка благосостояние народа уменьшилось»[1].

Проведенные в начале 20-х гг. XIX в. М. М. Сперанским административные реформы имели целью оптимизировать управление краем и привели к кодификации системы управления коренными народами Сибири, в частности, казахами.

Хотя открытие первых внешних казахских округов состоялось в 1824 г., процесс их повсеместного введения растянулся, как и предполагал М. М. Сперанский, на десять лет. В Среднем жузе последний округ открылся в 1834 г. (Алатавское приставство еще позже). Устав о сибирских киргизах (казахах) оказался настолько удобным, что его применение продолжалось до 1868 г., к тому же на его положения были переведены постепенно принимавшие российское подданство казахи Старшего жуза.

На наш взгляд, реформы, предложенные М. М. Сперанским для управления Сибирью, особенно Устав о сибирских киргизах, являются попыткой практической реализации им своих взглядов. К этому существовали определенные предпосылки. С одной стороны, кочевники-казахи представлялись ему чем-то вроде tabula rasa (чистой доски – лат.), с другой стороны, в их среде отсутствовало право личной зависимости, характерное для России в целом. По нашему мнению, в Уставе о сибирских киргизах 1822 г. проводились идеи разделения властей на исполнительную, судебную и представительную (но не законодательную в данном случае). Вводилась система выборности при замещении должности вне зависимости от генеалогического ранга[2], окончательно утвердившаяся в 1838 г., когда Чингизиды были лишены привилегий при занятии должности старше-

[1] Радлов В. В. Указ. соч. С. 344.

[2] Это положение трактуется современными казахстанскими учеными как попытка подорвать традиционную потестарную и обычноправовую судебную системы. См., напр.: Касымбаев Ж. К. Упразднение традиционной государственности как следствие военно-политических акций царизма // Вестник науки ААУ (Акмола). 1996. № 7. С. 38–39; История Казахстана с древнейших времен до наших дней (Очерк) / Гл. ред. М. К. Козыбаев. Алматы: Дауир, 1993. С. 200; Артыкбаев Ж. О. Казахское общество в XIX веке: Традиции и инновации. Караганда: Полиграфия, 1993. С. 255 и др. Нам кажется, что М. М. Сперанский предполагал установить институты гражданского общества, к которым ни суд биев и казиев, ни власть Чингизидов причислены быть не могут.

го султана[1]. Появилась возможность альтернативы решения судебных дел – по обычному праву или по имперским законам. Наконец, даже лексика и компетенция окружного и волостного начальств по проекту 1810 г. и Уставу 1822 г. свидетельствуют об их идейной близости, в частности, в стремлении введения гражданского права и иных институтов гражданского общества, основанных на естественных правах, защищаемых в Уставе.

Российское правительство обращало пристальное внимание на реакцию казахского населения на введение первых внутренних округов. Уже в 1824 г. при дворе императора были приняты казахские депутаты и заслушаны их жалобы и предложения. Западно-сибирский генерал-губернатор в 1825 г. отмечал, что введение первых округов и новой административно-территориальной системы управления у казахов было по-разному воспринято представителями различных социальных слоев казахского общества. Так, в среде традиционной знати им было замечено недоверие к нововведениям, в то время как большая часть кочевников-шаруа отнеслась к нововведению индифферентно[2]. В правительстве был возбужден вопрос об изменении Устава 1822 г. Поступившие в 1824 г. предложения от казахских депутатов об изъятии из Устава о сибирских киргизах § 243 и из Устава об управлении инородцами § 71, которые предусматривали привилегии переходящим в православие инородцам, были категорически отвергнуты Горчаковым, хотя по его поручению в это же время была построена каменная мечеть в Омске[3].

В июле 1830 г. в Азиатский департамент МИДа[4] России на имя К. К. Родофиникина поступили предложения о не-

[1] См.: Жиренчин К. А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. Алматы: «Жеті Жаргы», 1996. С. 29, 36 и др.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.

[3] Там же. Л. 10–11.

[4] В первой половине XIX в. В МИДе были: Азиатский, хозяйственный, церемониальный и департамент внешних сношений. В 1897 г. была проведена реформа, в результате которой в составе осталось два департамента – Первый (бывший Азиатский) и Второй (департамент внутренних сношений). См.: Якубовская И. И. Имперская политика великих держав и деятельность российского МИДа по обеспечению национальной безопасности России в конце XIX века // Государственная власть и общественность в истории

обходимости внесения изменений в Устав о сибирских киргизах от старших султанов Кокчетавского и Каркаралинского внешних округов. Предложения обсуждались на заседаниях I Сибирского комитета, но в итоге были признаны противоречащими интересам Российской империи. Что же именно предлагали высшие должностные лица из казахов? Во-первых, они предлагали возвести их в ханское достоинство (звание), если это невозможно, то предлагалось сделать наследственной должность старшего султана с последующей передачей по мужской линии старшему в семье. Ими предлагалось пожаловать княжеский титул потомкам ханов Аблая и Букея, освободив их от налогового бремени и предоставив им право собирать налоги с казахского населения[1]. Помимо этого, старший султан Кокчетавского окружного приказа Аблай Габбасов предложил предоставить окружному начальству право «владения землею, водою и лесом» в границах вверенного внешнего округа. Он рекомендовал запретить во внешних округах межевание земель, строительство домов и мечетей; категорически запретить земледельческий промысел в степи, снизить размер ясака (вместо взрослых животных принимать в зачет за единицу скота молодняк) и брать его исключительно в натуральной форме; «и позволить детей своих не отдавать учиться». Кроме того, предлагалось лишить казахов-нечингизидов права апелляции на решения султанов в высших инстанциях российской администрации[2].

Азиатский департамент МИДа, Омский областной совет и I Сибирский комитет, где рассматривались поступившие предложения, вынесли категорическое заключение, что просьбы о предоставлении прав владения землей исключительно казахами, о запрете межевания и основания оседлых поселений «уважить невозможно: ибо сие значило бы совершенно отказаться от нового устройства, узаконенного

центрального и местного управления России: Сб. статей памяти М. М. Шумилова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 122.

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 18.

[2] Там же. Л. 21.

уставом»[1]. Вместе с тем правительство настоятельно рекомендовало местным властям «переменить те параграфы устава, которые производят между киргизами (казахами – *А. Б.*) противуположные толки и потому оказываются неудобоисполнительными»[2].

7 сентября 1830 г. в I Сибирским комитете обсуждался новый проект Устава о Сибирских киргизах, предложенный генерал-губернатором Западной Сибири И. А. Вельяминовым. В нем предлагалось закрепить султанские должности в наследственном замещении султанским сословием, а право выборов старшего султана предлагалось делегировать исключительно торе[3]. В проекте сохранялось приравнивание чиновничьих должностей казахской туземной администрации к общероссийской системе чинов: «Старший султан – майор…, заседатели в приказах – считаются в 9-м классе. Султаны[,] управляющие волостями, имеют значение чиновников 12 класса. Старшины и бии… считаются наравне с сельскими головами». По предложению И. А. Вельяминова предполагалось усилить централизацию управления среди казахов, сделав местное управление более иерархичным с четкой субординацией. Так, старшего султана объявляли земским чиновником со всей полнотой власти[4], ему подчинены избранные родом султаны «на правах волостного головы». Старшим султанам и султанам предполагалось доверить самостоятельно формировать аппарат управления – «помощников по своему назначению сына или ближайшего родственника». Судебную власть предлагалось полностью изъять из компетенции султанской администрации, выделив в самостоятельные структуры туземного аппарата империи[5]. Кроме того, предлагалось ввести специальные миссии для проведения мероприятий, направленных на христианизацию и образование казахского населения[6].

[1] Там же. Л. 24.

[2] Там же. Л. 9–10.

[3] Там же. Л. 43–44.

[4] Там же. Л. 46.

[5] Там же. Л. 49.

[6] Там же. Л. 54.

По результатам обсуждения проект генерала И. А. Вельяминова был отвергнут. Несомненно, что казахская традиционная знать стремилась легитимировать свои должностные полномочия, полученные от российских властей, и расширить их. Так, даже относительно лояльный российским властям упомянутый выше старший султан Каркаралинского окружного приказа Турсун Чингисов стремился сконцентрировать большие полномочия, сосредоточив власть в руках своего семейного клана. В сентябре 1833 г. С. Б. Броневский сообщал М. М. Сперанскому, что на деятельность ага-султана поступила жалоба, подписанная более чем восьмьюдесятью «биями и почетними киргизами», в которой сообщалось: «Он, разделив между своими родными волости, овладел целым округом»[1]. Широкая автономия институциализированной власти казахов представляла угрозу целостности Российской империи.

Существовали и иные, реализованные и отвергнутые, проекты управления казахами. Наибольший интерес представляют проекты создания Степной Думы, подававшиеся казахами Прииртышья.

В 1834 г. казахи, кочевавшие на правобережье Иртыша (во внутренних районах), вошли в Омское областное начальство с проектом создания у них своеобразного местного самоуправления. Его авторами стали султан 8-го класса Бопы Татенев, султан Досан Джанибеков, старшина Ибрагим Джанкпаев и др. Они представляли общество из 8 тыс. казахов. Одним из пунктов этого проекта было предложение создать Степную Думу во внутренних округах Семипалатинской области «из главного родоначальника и двух или трех заседателей от киргиз (казахов – *А. Б.*) по выбору общества», нормативной базой для осуществления самоуправления они рассматривали отдельные положения Уставов о сибирских инородцах и о сибирских киргизах. В 1834 и 1839 гг. в район кочевания обратившихся были направлены чиновники Татаринов и Трофимов для выяснения возможности и целесообразности введения новой системы управления.

[1] Там же. Л. 104.

В 1842 г. было подано аналогичное прошение от «верноподданных» казахов внутренних Басентииновской, Уваковской, Кипчаковской и Киреевской волостей. Здесь уже главным был вопрос об их нежелании переселяться во внешние округа, чего они стали опасаться после административной реформы 1838 г., попытки чего уже предпринимались Алтайским горным управлением. Они также дважды просили создать у них Степную Думу.

Лишь в 1847 г. российские власти официально отказались от идеи создания такого органа во внутренних округах Западно-Сибирского генерал-губернаторства[1].

В 1822 г. оренбургским генерал-губернатором П. К. Эссеном был разработан проект Устава об управлении оренбургскими киргизами (казахами). Проект был принят за основу. Как указывает Р. Ю. Почекаев, «во многом его предложения были сходны с «Уставом» М. М. Сперанского, однако, желая, вероятно, внести в проект что-то свое, Эссен выступал в нем за сохранение ханской власти, предлагая, впрочем, разделить жуз между ханом и старшим султаном (в качестве последнего, несомненно, видя Арингази). Отдельные родоплеменные подразделения казахов должны были контролироваться командирами специальных военно-административных пограничных единиц – дистанций»[2]. Наиболее важными общими характеристиками обоих проектов были введение административно-территориальной системы управления и включение казахов в систему этим управлением на низшем и среднем уровнях в качестве чиновников российской администрации.

После существенной доработки, в результате которой исчезли, например, пункты о старшем султане, появились положения о народном суде и др., 31 января 1824 г. Устав был утвержден императором Александром I под названием «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относи-

[1] Кабульдинов З. Е. О попытках создания казахами Правобережья Иртыша самостоятельных органов национального управления // Вестник Карагандинского университета. Сер. «История. Философия». 2012. № 4(68). С. 23–26.

[2] Почекаев Р. Ю. Антропология властной коммуникации в российской политике фронтирной модернизации казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX в. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Оренбург, 2020. С. 282–283.

тельно преобразования управления Оренбургским краем». «Утвержденное мнение» не уделяло особого внимания проблеме трансформации традиционного общества, хотя и вводило некоторые нововведения: разграничение территорий без учета родовой дислокации, законодательное закрепление различий в управлении Внутренней ордой и тремя зауральскими частями орды (которые официально так же, как и в Сибири, именовались округами), не было предусмотрено внутреннего межевания в рамках частей, да и сами их границы не были определены. Уже в этом документе, правда, было предусмотрено подчинение кочевников комендантам пограничных крепостей, возможно – прообразу будущих дистанций у казахов, которые пока вводились для управления казачеством. Во главе частей становились султаны-правители (официально – так же, как и в сибирском ведомстве, – старшие султаны), которые должны были избираться, но было решено «для первого раза – назначить» их из числа преданных Российской империи султанов. Прецедент стал практикой. Казахский хан Ширгазы, не имевший к этому времени никакой реальной политической власти, был вызван в Оренбург и назначен «почетным председателем» – «первоприсутствующим Оренбургской Пограничной комиссии». Согласно «Утвержденному мнению», новые административные единицы – «аулы» управлялись старшинами, а племена – «частными правителями», которые выбирались на различные сроки. Общее управление казахами было отнесено к компетенции Пограничного управления и оренбургского военного губернатора[1].

Высшим звеном Пограничного управления являлась созданная в 1799 г. взамен ликвидированного Пограничного суда Пограничная комиссия. В 1818 г. Пограничная комиссия была реформирована. Была введена самостоятельная должность председателя, а с обер-коменданта Оренбурга эти функции снимались. Кроме того, был расширен штат Пограничной комиссии[2]. Пограничная комиссия ведала

[1] МИПС-1. С. 205–210.

[2] Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: РАПО «Полиграфия», 1998. С. 22–23.

линейным и степным управлениями, сосредоточив в своих руках, таким образом, власть не только над казахами (как было прежде), но и над русским крестьянством и казачеством Оренбургского края. В Зауральской орде вводилось административно-территориальное управление практически без учета родового принципа. Она была разделена на три «части» (официально четвертую часть представляла собой Букеевская орда): Западную, Среднюю и Восточную во главе с султанами-правителями. «Части» подразделялись на «племена» во главе с «султанами» (должность), «племена» были разделены на «аулы» во главе со «старшинами». «Старшины», «султаны» и «старшие султаны (султаны-правители)» официально считались «чиновниками» и «туземной администрацией»[1]. Через некоторое время «племена» были заменены «родами» во главе с «управляющими родами», утверждавшимися Пограничной комиссией. Однако их полномочия были больше формальными, нежели фактическими.

Согласно утвержденному «Мнению» Азиатского комитета, система пограничного управления казахами подвергалась серьезной трансформации. Она разделялась на три звена: высшее, линейное и степное. Роль высшего играла сама Пограничная комиссия, получившая официальное наименование «Оренбургское азиатское управление», и имевшая полномочия осуществлять судебную и исполнительную власть. Линейное управление делилось на 11 дистанций, с руководством со стороны командира линейной дистанции (в быту закрепилось название дистанционного или дистаночного начальника), которому подчинялись коменданты всех крепостей, кроме Оренбургской. Основной функцией линейного управления была военно-полицейская, где в зависимости от конкретных обстоятельств доминировала то военная, то полицейская составляющая. Степное управление, все представители которого официально именовались «чиновниками» (на практике – «туземной администрацией»), разделялось на три части и помимо султанов-правителей этих частей с командой включало также управителей племен и аульных старшин, функционал и взаимоотноше-

[1] Там же. С. 23–24.

ния которых с высшим и линейным управлениями были определены весьма условно[1]. Постепенно число дистанций и чиновников местного степного управления возрастало. К 1842 г. число дистаночных начальников достигло 52, а местных – 206[2].

Представляется справедливым вывод Д. В. Васильева, что «оренбургская администрация шла путем, отличным от сибирского. Путем постепенной и последовательной адаптации местных административно-политических и социально-экономических условий. Реализация этой модели сопровождалась чрезвычайно интересными мероприятиями, среди которых обязательно следует указать на введение института попечителей, призванных стать защитниками коренного населения. Другой характерной чертой оренбургской модели управления стало особо осторожное отношение к народному суду – принцип, взятый на вооружение при дальнейших административных преобразованиях в Центральной Азии»[3].

С 1831 г. происходила организация дистанционной системы управления, которая предусматривала административно-территориальное разделение Младшего жуза по дистанциям – участкам степи, ограниченным по географической долготе линиями, параллельными двум российским укреплениями на пограничной линии. Новое положение должно было усилить административное влияние колониальных властей.

В 1852 г. в правительстве вновь поднимался вопрос об эффективности существовавшей административной системы управления казахами Младшего жуза. В записке чиновника особых поручений при председателе Оренбургской пограничной комиссии Ф. М. Лозаревского по этому поводу отмечалось, что «управляющие родами… никогда не пользуясь значительными правами и властию меж киргизов

[1] Там же. С. 23–26.

[2] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1844 г. Д. 236. Л. 16.

[3] Васильев Д. В. Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – первая половина XIX в.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. М., 2017. С. 41.

(казахов – *А. Б.*), с году на год они потеряли и то влияние, которое имели… Исключение остается за одним Байбактинским родом, управляющим которого назначен Пограничной Комиссиею… войсковой старшина бий того же рода Казы Сарымов»[1].

В вопросе возможности трансформации казахского общества позиции сибирских и оренбургских властей коренным образом расходились.

Кодификация законоположений о системе управления казахами, проведенная российскими властями в 20-х гг. XIX в., венчала процесс присоединения населения Младшего и Среднего казахских жузов к Российской империи. Юридически закрепленное присоединение населения не означало снятия с повестки дня земельного вопроса. Статус казахских территорий не был определен. Российское правительство, облагая налогами население, не облагало таковыми территорию. Введение округов и дистанций растягивалось на достаточно продолжительный срок. Это вносило неопределенность в маршруты кочевий казахов и приводило к долгосрочным спорам[2]. Один из наиболее длительных конфликтов о принадлежности Новоузеньского района и левобережной части поймы Урала продолжался с 1828 по 1865 г. и был урегулирован лишь после создания по повелению императора специальной комиссии под председательством генерал-лейтенанта Длотавского[3]. Помимо конфликтов с казачеством происходили и межродовые столкновения. Причем их интенсивность возрастала или снижалась вне зависимости от территориальной приближенности к российским укреплениям и поселениям. Ж. М. Джампеисова пришла к выводу, что чем ближе находились подразделения, чем чаще они контактировали между собой, тем выше была вероятность возникновения между ними конфликта. При этом генеалогическое родство

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 508.

[2] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2958. Ст. 168. Л. 15 об. – 16 об.

[3] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3213. Ст. 500. Л. 16 об.

также не оказывало практически никакого влияния на их возникновение и/или предотвращение[1].

Кодификация управления создала предпосылки и для решения земельного вопроса. Еще М. М. Сперанский отмечал, что «по действительному праву, может быть увеличено влияние Российского правительства на дела во внутренности занимаемых киргизских (казахских – *А. Б.*) земель»[2]. Неурегулированность статуса территорий стала осознаваться и казахскими владетелями. Часть из них избрала конфронтационный вариант решения проблемы[3], большая же часть пыталась решить земельный вопрос конформистскими мерами.

Во время обсуждения отчета западно-сибирского генерал-губернатора за 1825 г. в I Сибирском комитете было особо отмечено, что казахские депутаты из числа биев и султанов-торе с 1824 г. неоднократно ходатайствовали перед двором о желании «получить особую высочайшую грамоту о правах и обязанностях на всегдашние времена»[4]. Ряд казахских правителей стал осознавать необходимость изменения системы земельного владения, понимая, что земля уже фактически принадлежит России. Еще в 1757 г., в момент обострения российско-китайских противоречий по вопросу о подданстве казахов султан Ералы давал следующее объяснение китайским властям, пытавшимся привлечь казахов на свою сторону: «киргис-кайсаки (казахи – *А. Б.*) находятся в подданстве Ея И. В., следственно и земля Ея же И.В.»[5]. В период принятия Устава об управлении сибирскими киргизами казахи входили в правительство с предложениями о предоставлении земель в частно-коллективную собствен-

[1] Джампеисова Ж. М. Функционирование традиционных властных институтов в колониальной системе Российской империи. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Алматы, 2004. С. 17.

[2] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 8 об.

[3] Путь конфронтационного решения проблемы избрала фамилия Касымовых, считавших землю части Кокчетавского и Каркаралинского округов своей вотчиной.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 9. В сер. XIX в. сибирские власти помимо султанов стали специально выделять еще две социально-политические группы – биев и старшин. См.: ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2545. Л. 1–1 об.

[5] Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1989. С. 77. Док. № 173.

ность кочевой общине. Это, по мнению ряда находившихся на российской службе султанов, должно было повлечь изменение способа производства. При переходе к яйлажному скотоводству либо земледелию количество необходимых для жизнеобеспечения казахов земель должно было существенно сократиться. По мысли султана Ханхожина, минимально необходимые для воспроизводства земли должны были отойти казахам с позволения российских властей «в вечное потомственное пользование», а оставшиеся им предлагалось предоставить в пользу казны[1].

Законодательная и исполнительная инициатива во второй трети XIX в. на местах была сосредоточена в руках губернаторов, пограничного и окружного начальства. Следствием этого стала прямая зависимость внутриполитического курса от позиции местных властей, которые приобрели определенную автономию в решении как внутри-, так и внешнеполитических вопросов. В сложившейся ситуации контрастно обозначились два полярых подхода к решению комплекса вопросов, в том числе проблемы оседания и наделения землей казахов. В Оренбургском ведомстве данному процессу создавали искусственные преграды, в сибирском, напротив, всячески поощряли. И те, и другие объясняли свою позицию политической и экономической целесообразностью империи.

В сибирском ведомстве в качестве фундамента были приняты положения, зафиксированные М. М. Сперанским в Уставе 1822 г. Уже в 30–40-х гг. XIX в. появилось достаточно много административных актов, свидетельствующих об оседании кочевников.

Серьезных изменений в вопросы седентаризации, землевладения и принципов административного управления казахским населением не внесла и проведенная в 1838–1839 гг. административная реформа, по которой внутренние округа Омской области присоединялись к Тобольской и Томской губерниям, внешние образовывали отдельную Область сибирских киргизов[2], а Омское об-

[1] МИПС-1. С. 131.

[2] ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 568. Л. 231–236.

ластное правление было переименовано в Пограничное управление сибирскими киргизами, в соответствии с чем частично изменились и функции чиновников[1]. Пограничное управление сосредотачивало функции губернского управления, казенной палаты и губернского суда и состояло из трех отделов – исполнительного, хозяйственного, судного[2].

Местные власти в лице губернского, областного, окружного и казачьего начальства по-прежнему санкционировали казахское земледелие. Это находило одобрение в центральном аппарате управления. В рамках реформы управления государственными крестьянами казахи были приравнены к данной категории[3]. В инструкции графа П. Д. Киселева особо отмечалась необходимость «привлечь (казахов – *А. Б.*) к оседлости и земледелию и распространить торговыя их выгоды, с коими соединяется и польза правительства»[4]. Кроме того, граф П. Д. Киселев предлагал наладить регулярное сообщение между разрозненными поселениями и аулами, а со временем в казахской степи «распространить промышленность»[5]. Для поощрения развития новых форм хозяйственной деятельности выделялись удобные пахотные угодья, пособия для строительства жилья и хозяйственных построек, а также беспроцентные ссуды на приобретение семян и земледельческого инструментария. Для местных православных приходов выделялись суммы до 1000 руб. специально с целью оптовой закупки сельскохозяйственного инвентаря, который необходимо было «без прибыли выменивать казахам на скот»[6]. Применялась и пятилетняя отмена налогообложения. Неоднократно было подтвержде-

[1] ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 3020. 1834–1870 гг. Л. 2 об.

[2] ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 6355. 1826–1857 гг. Л. 38–40.

[3] Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 58.

[4] Из истории колонизации Сибири. Инструкции графа П. Д. Киселева о ревизии в Западной Сибири. 1840 г. / Публ. документов и предисл. М. П. Малышевой и В. С. Познанского // Исторический Архив. 1997. № 2. С. 195.

[5] ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 615. Л. 62.

[6] Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 400.

но положение о свободе от рекрутской повинности казахов, переходящих к оседлому образу жизни, и т.п[1].

В рассматриваемый период в действиях сибирской администрации появляются элементы дифференциации льгот по отношению к различным социальным категориям, что было вызвано желанием привлечь представителей традиционной знати на государственную службу. Это же позволяет сделать вывод о стремлении перевести на оседлость различные социальные группы, но знать – в первую очередь. Так, потомкам ханов выделялось по 150 руб., султанам – по 100, биям – по 25–100 руб. и по десять пудов семенного зерна, простым казахам – только по пять пудов зерна[2].

Осознавая, что коренные изменения способа производства во многом связаны с изменением хозяйственно-культурного типа, сибирские власти стремились к изменению бытовых элементов жизни казахов. Для этого продавали в степь европейские костюмы и предметы обихода и роскоши. Большую надежду власти возлагали на постепенное изменение рациона питания кочевников, к чему стимулами могли послужить специальные правительственные акты. Так, в 1835 г. было «Высочайше повелено: 1) для поощрения киргизов (казахов – *А. Б.*) к разведению хлебопашества дозволить в течение десяти лет отпускать во внешние округи Омской области всякого рода зерновой хлеб и земледельческие орудия для киргизов без пошлин», для чего крестьяне, торгующие в степи, наделялись правами купцов третьей гильдии[3]. Продолжали функционировать и запасные магазины, созданные прежде.

Из-за спорных территорий кочевий между различными патронимическими подразделениями казахов периодически возникали разногласия, для решения которых они были вынуждены обращаться к колониальной администрации. Последняя в качестве третейского судьи не всегда занимала сторону сильного. Одним из факторов симпатий администрации было стремление кочевников к оседанию

[1] РГИА. Ф. 1281. Оп. Оп. 5. 1835 г. Д. 125; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5171. Л. 7 об. и др.

[2] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 20–22 об.

[3] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 167. Док. № 506.

и земледелию. Для абсолютной уверенности в закреплении за собой спорных территорий ряд кочевых сообществ приступал к обработке почвы и посевам, а также строил постоянные жилые дома. Такая практика в этот период еще не превратилась в доминирующую тенденцию. Зачастую окончательное решение споров происходило все же без вмешательства российских властей, как это зафиксировано в источниках 1824, 1825 и 1827 гг., когда, попросив администрацию выделить участки земель в пользование, казахские роды через некоторое время отказывались от полученных арендных прав[1]. Однако прецеденты апелляции к властям служили последним основанием для усиления административного давления, направленного на трансформацию традиционных отношений.

Сибирские власти объясняли правительству отказы казахов от отведенных им территорий и невысокую частоту обращений с просьбой об отводах земель боязнью со стороны казахов того, что если в течение пяти лет на отведенных землях не будет заведено хлебопашество, то землю отдадут другим, а с данного сообщества будут взысканы налоги за пять льготных лет. Нам представляется, что корни отказов лежали в несколько иной плоскости. Отказы обычно сопровождались следующим объяснением султанов и родоправителей: казахи «от него откочевали, и он без согласия их приступить к производственному хлебопашеству не может»[2]. Откочевка могла вызываться массой причин, но общей социокультурной составляющей следует, видимо, рассматривать стойкость традиционных стереотипов поведения, особенно в вопросах жизнеобеспечения, основой которого являлся ведущий промысел. Вместе с тем эволюционировавшее в квазигражданское право земельного захвата все чаще применялось как казахами, так и администрацией, подталкивавшей тем самым казахов к подобным вариантам решения проблемы[3].

[1] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1496. Л. 39.

[2] ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2385. Л. 62; ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1496. Л. 39.

[3] См., напр.: Асфендиаров С. Д. История Казахстана (с древнейших времен). 2-е изд. / Под ред. А. С. Такенова: Учебное пособие. Алма-Ата: Казак университеті, 1993. С. 195–196, 213–223.

В 1839 г. центр Области сибирских киргизов был перенесен из Тобольска в Омск, а губернский центр – в Томск. В 1844 г. Омская областная администрация, подводя итоги развития земледелия и оседлости среди казахов сибирского ведомственного подчинения, отмечала: казахи, «через обращение их с русскими время от времени смягчаются в нравах, имеют больше наклонности к оседлой жизни, между ними постепенно увеличивается хлебопашество… от избытка урожая они снабжали русских, живущих в селениях на деньги и промен товаров, даже возили на линию»[1]. В начале 40-х гг. XIX в. П. Чихачев, посетивший с целью геологического изучения районы Восточного Алтая, так писал о влиянии опыта казаков на изменение быта и способа производства соседствовавших с ними казахов Среднего жуза: «Каждому [казачьему] пикету предоставляется право пользования известным количеством земли. Ее обрабатывают сами казаки. Для казахов эта картина очень поучительна, так как служит для этого отважного кочующего народа живым примером преимуществ трудовой оседлой жизни и европейского способа ведения хозяйства. Казахи видят колоссальное превосходство русских и отыскивают его причины в разнице социальной организации обоих народов. Ими невольно овладевает желание принять участие в этой жизни, и чем чаще попытки их увенчиваются успехом, тем больше находится подражателей. Каждый казачий пикет уже издали можно распознать по некоторому количеству казахских юрт, сгруппированных вокруг жилищ воинов-земледельцев, что создает впечатление зеленеющего оазиса среди пустыни. Некоторые казахи, живущие вокруг казачьих постов, в конце концов, заменяют свою непрочную юрту крепким, солидным домом, построенным по русскому образцу. Они служили у русских, а теперь хотят соревноваться с бывшими хозяевами. То же можно сказать и о земледелии»[2].

[1] ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 3. Л. 649.

[2] Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М.: Гл. ред. вост. литер. изд-ва «Наука», 1974. С. 339–340 (прим. авт.).

Вместе с тем нельзя идеализировать положение переходивших к оседлости казахов. Зачастую они попадали в экономическую зависимость от казачества. Так, на Алтае, на Бийской линии «уборка казачьих полей производится киргизами» за незначительную плату. Казачество брало в аренду у войска землю для дальнейшей ее субаренды казахам «за увеличенную в несколько раз плату»[1]. Этот пример весьма типичен для отношений сибирского казачества и казахов середины – второй половины XIX в.

Путешественники и представители местной администрации неоднократно сообщали также о фактах начала пашенного земледелия в степи вдали от русских поселений и без санкций администрации, которая не предпринимала по отношению к самостоятельно приступившим к хлебопашеству никаких санкций, наоборот, поощряя их к этому. О масштабах новых видов хозяйственной деятельности, постепенно утверждавшихся среди казахов Среднего жуза, можно судить по, видимо, далеко не полным данным, приведенным М. Красовским[2]:

Год	Количество проданных в степь кос	Вырученная сумма (в руб.)	Средняя цена за 1 косу (в руб.)
1857	658	410	0,62
1858	795	667,80	0,84
1859	1175	867,80	0,74

Аргументацию политического курса сибирских властей по вопросу оседания казахов на землю и изменения их нравов можно свести к следующим положениям: осевшие казахи поддаются более точному учету и, соответственно, налогообложению; признание прогрессивности казахами земледелия, несомненно, отражает признание ими цивилизованности русского народа и прогрессивности российской политической системы; развитие земледелия экономически выгодно в данном регионе и будет способствовать посту-

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 39. Л. 299, 374 и др.

[2] Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб.: Главное управление Генерального штаба, 1886. С. 76.

пательному развитию иных отраслей хозяйства, включая промышленность; действия земледельцев, географическая мобильность которых в силу технологических особенностей способа производства гораздо ниже, чем у кочевников, поддаются лучшему контролю со стороны администрации, которая обеспечивает порядок и стабильность в регионе; и просто действия оседлых более понятны и предсказуемы (прогнозируемы) по сравнению с действиями номадов[1]. Кроме того, у сибирских властей доминировало мнение, что оседлый образ жизни является непременным условием просвещения.

Князь Горчаков уже в этот период предлагал ввести прямое российское управление казахским населением русскими чиновниками, ликвидировав внутреннюю автономию. Причем в условиях антироссийских выступлений Кенесары Касымова западно-сибирский генерал-губернатор предлагал заменить постепенное и добровольное введение между казахами нового управления принудительным. В этом вопросе правительство заняло твердую позицию, отклонив предложения западно-сибирского генерал-губернатора и согласившись лишь с его предложением о необходимости сосредоточения властных полномочий по управлению казахами внешних округов в руках Пограничного управления, а внутренних округов – в руках администраций Томской и Тобольской губерний, которым были переданы в ведение поселения упраздненной Омской области[2]. Это, кстати, предопределило в значительной мере территориальные различия в симпатиях коренного населения к колониальной администрации. В отчете западно-сибирского генерал-губернатора по управлению краем за 1850–1852 гг. между

[1] М. Вебер писал: «Единообразия в социальном поведении, прежде всего (но не только) в экономическом поведении, объясняются отнюдь не ориентацией на какую-либо считающуюся «значимой» норму, но и не обычаем, а просто тем фактом, что данный тип социального поведения, по существу, больше всего в среднем соответствует, по субъективной оценке индивидов, их естественным интересам и что на эти взгляды и знания они ориентируют свое поведение». Ниже он же дополнял, что «одним из существенных компонентов «рационализации» поведения является замена внутреннего следования привычным обычаям планомерной адаптацией к констелляции интересов». См.: Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 534–535.

[2] Жиренчин К. А. Указ. соч. С. 29–31.

прочим отмечалось: «Преданность Киргизов (казахов – *А. Б.*) Русскому Правительству, в ближайших к линии округах основана на расчете житейских потребностей и на торговых выгодах, а в отдаленных округах и волостях более на страхе, втайне они всегда готовы благоприятствовать прибывающим с Ташкентских пределов хищникам (кокандцам – *А. Б.*)»[1]. Вместе с тем, даже несмотря на ряд антироссийских выступлений казахов, к 1840-м гг. ситуация в казахской степи стала настолько управляемой и спокойной, что путешественники перестали бояться нападений на них со стороны казахов, делая акцент в описаниях своих путешествий на угрозы, исходившие от сил природы (морозы, бураны, пыльные бури и т.п.)[2].

В 1854 г. областное управление казахами сибирского ведомства вновь было частично реформировано. В связи с присоединением Семиречья и строительством линейных укреплений на Сары-Су и Сырдарье, открытием Алатавского приставства казахи внешних округов уже не рассматривались как приграничные жители. Соответственно и система управления претерпела изменения. Было ликвидировано Пограничное управление сибирскими киргизами, а административные функции перераспределены между Областным правлением созданной в том же году Семипалатинской области и начальством Области сибирских киргизов. В состав Семипалатинской области вошли Сергиопольский (с 1860 г. – Аягузский[3]), Кокпектинский, Семипалатинский, Копальский округа и Алатавское приставство (позднее приставство было преобразовано в окружное управление, включенное с 1867 г. в состав Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства[4]); в состав Области сибирских киргизов вошли Каркаралинский, Атбасарский, Кокчетав-

[1] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. 1852 г. Д. 2257. Л. 6.

[2] Сухих О. Е. Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX века. Автореф. диссер. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Омск, 2007. С. 14, 16.

[3] ЦГА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. 1835–1868 гг. Л. 1.

[4] ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 636. 1848–1867 гг. Л. 1. Открытие Алатавского округа не вызвало серьезного противодействия со стороны Китая, считавшего прежде приграничных с Синьцзяном казахов и киргизов своими вассалами. Причем это произошло в значительной степени после подписания Кульджинского договора в 1851 г. См.: Моисе-

ский, Баян-Аульский и Акмолинский округа[1]. В Семипалатинской области вводилось и гражданское, и военное управление, в Области сибирских киргизов – военное. Во главе Области сибирских киргизов стоял областной начальник, во главе Семипалатинской области – военный губернатор. В Семипалатинской области учреждалось Областное правление, состоявшее из председателя, пяти советников (один из которых обязательно должен был быть этническим казахом), асессора, землемера, двух чертежников и горного ревизора[2]. В Положении об управлении ею предусматривалась возможность привлечения к управлению в приказах представителей кара-суйек. Причем избиралось сразу два старших султана, один из которых оставался кандидатом и мог заменить действующего в случае недовольства его действиями вышестоящих административных органов или в случае совершения им преступления[3]. По Положению об управлении Семипалатинской областью также несколько видоизменялся размер сборов и повинностей с казахов. При этом сохранялся их натуральный характер. Каждый владелец кибитки с этого времени обязывался вносить «с 60-ти голов скота по одной штуке»[4]. Если же казахи переходили на земли Сибирского казачьего войска, то с них взималась еще и ремонтная пошлина[5].

Таким образом, сибирская административная практика, не будучи идеальной моделью управления казахским населением, являлась в то же время весьма адаптивным административным механизмом, действенным рычагом расширения российского влияния в казахской степи и расширения внешнеполитического влияния в соседних странах. Иной

ев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. С. 22–23, 26.

[1] ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 3020. 1834–1870 гг.

[2] ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 24. Л. 18.

[3] Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: РАПО «Полиграфия», 1998. С. 80–81.

[4] ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2580. Л. 330.

[5] Гужвенко Ю. Н. Развитие этносоциальных отношений в Восточном Казахстане в 1990 – начале 2000-х гг. Рукопись дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. М., 2007. С. 59.

вариант российского колониализма был представлен в это время в Оренбургском крае.

«Столпами» оренбургского политического курса 1830–1850-х гг. следует признать губернаторов П. П. Сухтелена и В. А. Перовского.

В одном из своих писем к императору Николаю I В. А. Перовский дал следующую, весьма лестную характеристику своему предшественнику: «Граф Сухтелен обладал всеми свойствами, необходимыми для управления отдаленною страною: правдив перед государем, справедлив и тверд с подчиненными, он был одарен предприимчивостью и меткою прозорливостью, при умении соблюдать тайну и постепенность в исполнении; но, к сожалению, рановременная смерть оставила его на одних почти предложениях»[1].

П. П. Сухтелен возлагал основные надежды в вопросе управления казахами Младшего жуза на российскую военную мощь. При этом он «считал вредным поощрять среди них хлебопашество и не дозволял им селиться», полагая, что казахи принесут большую пользу Российской империи, оставаясь скотоводами-кочевниками. Основной политической целью П. П. Сухтелена было продвижение России в Среднюю Азию, а казахи, даже в качестве кочевников, выступали в этом вопросе в качестве нейтральной стороны. Запрет в отношении занятия казахам земледелием обосновывался необходимостью отвода земель казакам для новых укреплений в ряде районов степи и в перспективе – необходимостью развития колонизационных мероприятий в крае в целом.

В отличие от сибирских чиновников, которые создавали для казахов льготы с целью развития среди них земледелия, оренбургский генерал-губернатор само земледелие считал для кочевников такой льготой, «которой они не достойны»[2]. В историографии сложилась негативная оценка позиции П. П. Сухтелена по вопросу учреждения колониальной системы в Западном Казахстане. Так, Е. Б. Бекмаха-

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 451.

[2] Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Тверь: Типо-Литография Н. М. Родионова, 1902. С. 298–299.

нов приводил в доказательство этого тезиса следующий факт: один из ближайших помощников П. П. Сухтелена высказался по этому поводу весьма откровенно: «Я не завлекаюсь гиперболическими желаниями филантропов устроить киргизов (казахов – *А. Б.*), просветить их и возвысить их на степень, занимаемую европейскими народами. Я от всей души желаю, чтобы никогда они не сеяли хлеба и не знали не только науки, но и даже ремесла; но вместе с тем, всемерно желал бы научить их кушать наш хлеб и употреблять наше простое сукно и другие грубые изделия России»[1]. Следует отметить, что цитата приведена дословно точно, но эпистолярный источник источниковедами неатрибутирован, и автор письма к П. П. Сухтелену неизвестен. Более того, выше и позже приведенной цитаты автор письма настаивал, что его предложение о консервации традиционных форм быта, натурального кочевого хозяйства и патриархальных социальных отношений – вынужденная тактическая мера, к которой приходится прибегать в условиях напряженных отношений России с Хивой, в сторону которой могли отложиться казахи в случае проведения радикальных реформ. В то же время в стратегическом отношении реформы допустимы и даже целесообразны[2].

На наш взгляд, мероприятия П. П. Сухтелена в целом соответствовали консервативному курсу в отношении оседания казахов. Но и в этом вопросе оренбургский военный губернатор не был столь категоричен, как представлен в большинстве исторических трудов. Более того, он вносил предложение в Азиатский департамент МИДа об образовании на линии из казахов, желающих заняться земледелием, двух-трех районов компактного проживания. В этих «удобных пунктах» или «колониях», как они были названы П. П. Сухтеленом, предлагалось ввести прямое управление российского линейного начальства, а размер территории их должен был быть таковым, чтобы мог

[1] Цит. по: Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века: Учебник. 2-е изд. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. С. 117.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 72–73.

удовлетворить потребности в развитии хлебопашества одновременно четверти всего казахского населения Оренбургского ведомства, не стесняя в то же время серьезным образом кочевых сородичей[1]. Однако в среде местных органов государственной власти имелись и весьма влиятельные противники подхода военного губернатора к решению вопроса о нецелесообразности оседания казахов на землю. Так, управляющий Оренбургской областью[2] В. В. Григорьев и его предшественник на посту председателя Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генс в вопросе отношения к оседанию казахов находились в прямой оппозиции к П. П. Сухтелену. Более того, В. В. Григорьев даже добился решения правительства о необходимости расширения хлебной торговли в Оренбурге с казахами, которую генерал-губернатор временно запретил[3]. Однако он изменил свою точку зрения и аналогичную позицию В. А. Перовского по тому же вопросу – запрету на казахское земледелие – уже поддерживал[4].

Однако на практике доминировала запретительная система в отношении занятия казахами земледелием. Отрицательное отношение к вопросу оседания казахов получило свое развитие в мероприятиях В. А. Перовского. По его мнению, необходимо было всячески препятствовать развитию земледелия среди казахов ввиду политико-экономических выгод России, которые полнее могли быть достигнуты из существовавшего хозяйственного состояния казахов. В своем отчете в Петербург он, в частности, писал: «Выгоды России требуют, чтобы земледелие между киргизами (казахами – *А. Б.*) не распространялось, ибо с производством собственного хлеба не будут они нуждаться в русском, вместе с чем уменьшится количество скота, променяемого в России, и за скот этот надо будет платить не хлебом или произведением наших фабрик, а чистыми деньгами, которые пойдут

[1] Там же. Л. 102–103.

[2] Добросмыслов А. И. Тургайская область… Т. 1. С. 392.

[3] ВПР. Сер. 2. Т. 4 (12). С. 254–255. Док. № 94.

[4] Добросмыслов А. И. Очерк истории Оренбургского края. Тверь: Типо-Литография Н. М. Родионова, 1902. С. 309.

в Хиву и Бухару за английские товары»[1]. Переход казахов к оседлому образу жизни, по его мнению, не привел бы к усилению зависимости их от Российской империи, напротив, усиливал бы их связь со среднеазиатскими владениями, где они на тот момент также начинали перенимать агрикультурные технологии[2].

В. А. Перовский считал, что потребность, испытываемую казахами в хлебе, необходимо удовлетворять не путем развития земледелия, а путем увеличения объема ввоза хлеба из центральных губерний, что к тому же являлось одним из «важнейших средств удержать народ этот в зависимости от России»[3]. Вместе с тем Оренбургский военный губернатор полагал, что казахи к тому моменту уже испытывали значительное стеснение со стороны казачества. Он пытался административными мерами воспрепятствовать процессу захвата Оренбургским и Уральским казачьими войсками земли, что отчетливо проявилось во время учреждения Новой линии.

Невзирая на Положение Комитета министров от 5 марта 1835 г., в котором рекомендовалось запретить казахам переходить на территорию между старыми и новыми линиями и советовалось удалить уже проживавших там кочевников-казахов[4], В. А. Перовский разрешил казахам переход в этот район[5]. Изъятие же огромной территории из хозяйственной эксплуатации кочевников, по его мнению, привело бы к стеснению кочевого ареала и подтолкнуло бы казахов к сопротивлению российским властям. Это также могло привести к увеличению расходов на содержание большего репрессивного аппарата, тогда как в середине 1830-х гг. с полицейскими функциями в казахской степи Оренбургского края вполне справлялись «несколько летучих

[1] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1857 г. Д. 66. Л. 56.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 29. Л. 72.

[3] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 68. Л. 5; Д. 62. Л. 56.

[4] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 169–171.

[5] ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5221. Л. 2 об.; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5242. Л. 2 об. – 3; РГИА. Ф. 383. Оп. 30. 1835 г. Д. 11. Л. 2–9 и др.

отрядов»[1]. Представляется спорным вывод российской исследовательницы Н. Е. Бекмахановой о том, что В. А. Перовский однозначно настаивал на выселении казахов из Новолинейного района[2]. Даже через двадцать лет после отмежевания района и многократных попыток атаманов Оренбургского казачьего войска добиться у правительства признания Новолинейного района собственностью казачества В. А. Перовский доносил, что здесь казахи «пользуются отведенными им зимовками бесплатно»[3]. В 1862 г. казахам было разрешено в Новолинейном районе оседать[4]. Снятие запрета на оседание, поддерживавшееся В. А. Перовским, сразу увеличило численность зимующих в Новолинейном районе казахов до 45 тыс. человек[5].

Из Отчета «о деятельности Областного правления Оренбургскими киргизами за 1861 г.

Кочевание киргизов в Новолинейном районе

В 1835 г. по Высочайше утвержденному положению Азиатского Комитета проведена была по киргизской (казахской) степи от Оренбургской крепости на реку Уй по прямому направлению линия, все пространство между этой линией и Старою Оренбургскою, приблизительно в 4.1/2 миллиона квадратных десятин, отчуждено было у киргизов (казахов – А. Б.) и отдано под Оренбургское казачье войско, а в отношении к кочевавшим там киргизам постановлено: все действия направлять к тому, чтобы со временем совершенно за черту Новой линии, исподволь приготовляя их к этой мере.

После того, по Высочайше утвержденному 12 декабря 1840 г. Положению об Оренбургском казачьем войске[,] весь район между Старою и Новою линиями предоставлены войску на одинаковом основании с прочими дарованными ему землями. Вслед за тем,

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 29. Л. 93.

[2] Бекмаханова Н. Е. Яицкое (Уральское), Оренбургское, Сибирское, Астраханское, Семиреченское казачьи войска: проблемы исторической географии и демографии XVII – начала XX века // Казачьи войска Азиатской России… С. 16.

[3] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2631. Ст. 1062. Л. 76.

[4] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3022. Ст. 244. Л. 20 об. – 21.

[5] ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5282. Л. 4–4 об.

однако, признано было невозможным выселить районских киргизов в степь, и потому в 1842 г. последовала Высочайшая воля, чтобы впредь до особого повеления, киргизы, которым принадлежал прежде район, были в оном оставлены. Таким образом, районные земли состоят до сего времени в общем пользовании казаков и киргизов, на следующих главных основаниях:

а) все свободные от казачьего заселения участки предоставляются киргизам;

б) киргизам дозволяется кочевать там только зимою, на лето же они обязываются выкочевывать в степь за Новую линию»[1].

Поддерживали позицию оренбургского военного губернатора по земельному вопросу и его подчиненные. Так, В. И. Даль писал: «Земель здесь нельзя межевать по-христиански, сказав: вот это твое, это мое, а это его, – здесь надобно только установить, кому, когда и куда приходить. Казак в урочное время скашивает траву, киргиз (казах – *А. Б.*) прикочевывает вслед за ним и уходит на зимовку в камыши, и так далее»[2]. Позиция военного губернатора по земельному вопросу находила поддержку у иных представителей местной администрации. Так, председатель Оренбургской пограничной комиссии, знаменитый востоковед В. В. Григорьев[3] также считал необходимым выделить в пользование казахам под сенокосы часть новолинейных земель. Казахи, по его мнению, при этом не должны были оседать, т.к. «кибиточная подать, которая весьма высока, приносит казне пользы не меньше, чем налоги с земледельцев, поэтому нет ни экономических, ни политических выгод от процесса оседания, приводящего к осложнению отношений их с российскими властями»[4].

[1] ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5242. Л. 2 об.

[2] Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002. С. 55.

[3] См. о нем: Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам / Сост. Веселовский Н. И. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1887.

[4] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 93. Л. 12.

Борьба с казахским земледелием успеха оренбургским властям не принесла. Стихийные акты перехода к оседлости и земледелию не могли контролироваться местными властями и становились известны в столице империи. С середины 50-х гг. XIX в. правительство неоднократно указывало оренбургскому начальству на необходимость поощрения земледелия и седентаризации кочевников-казахов.

Отступления от положений П. П. Сухтелена имели место и в 40-х гг. XIX в., когда после неудачного похода в Хиву 1839 г.[1] был отстранен от исполнения своих обязанностей В. А. Перовский[2], и новый генерал-губернатор В. А. Обручев[3] позволил казахам вступать в казачье сословие без каких-либо ограничений. Правительство, согласившись с его мнением, повелело указом от 14 августа 1844 г. зачислять казахов в казачье сословие с земельным наделом[4]. В 1857 г. данный указ был продублирован[5]. В 1846 г. было подтверждено и положение, разрешавшее, по добровольному волеизъявлению казахов, зачислять их в Сибирское казачье войско[6]. В. А. Обручев даже поднимал в правительстве вопрос о переводе всех казахов Оренбургской губернии в сословие служилых казаков, на что получил отрицательный ответ в связи с вступлением проекта в противоречие с действующим законом, якобы освобождавшим казахов от несения воинской повинности[7]. Хотя известно, что они были освобождены лишь от рекрутской повинности.

В. А. Обручев в качестве позитивного примера административных реформ края рассматривал реформы, проводив-

[1] См.: Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. 3. 1841 год / Сост. А. Г. Серебренников. Ташкент: Тип. Шт. Туркест. воен. окр., 1912. С. 63–67. Док. №№ 35, 36; История XIX века. Т. 4. Пер. с фр. 2-е изд. / Под ред. Э. Лависа и А. Рамбо. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 359–361 и др.

[2] Позднее В. А. Перовский вновь был назначен оренбургским военным губернатором.

[3] В. А. Обручев помимо административной деятельности являлся одним из известнейших ориенталистов своего времени. См.: Обручев В. А. От Кяхты до Кульджи: Путешествие в Центральную Азию и Китай. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

[4] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 19 об.

[5] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1496. Л. 37.

[6] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 199. Док. № 610.

[7] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 21.

шиеся параллельно в Букеевской орде. В результате при нем в Оренбургской губернии был отменен запрет на контакты русского и казахского населения. Ввиду обнищания части кочевников по предложению губернатора и с разрешения Правительствующего сената было «дозволено всем казенным селениям… принимать киргизов (казахов – *А. Б.*) для водворения наравне со старожилами селений. Повелено прирезать землю селянам, которые примут киргизов, а самим киргизам предоставить десятилетнюю льготу от податей и служб и выдавать пособия»[1]. Исполнение указа было возложено персонально на директора Оренбургской таможни Величко, который с этого времени был включен в состав губернского Присутствия и Пограничной комиссии. Кроме того, правительство рекомендовало сибирскому генерал-губернатору распространить действие этого Положения на сибирских казахов.

Желая закрепить за кочевниками определенную территорию, местные власти приступили к сбору материалов о маршрутах кочевания казахов, последние также привлекались к сбору информации. Оренбургские власти предполагали учредить внутри степных районов административные границы по примеру Букеевской орды.

Вместе с тем мероприятия В. А. Обручева в означенных выше вопросах были малоэффективны из-за саботажа его деятельности многими его подчиненными. В. А. Перовский, испытывая личную антипатию к преемнику, дал ему следующую, во многом соответствующую действительности, характеристику: «Действуя наугад и между тем не принимая ничего на свою ответственность, генерал Обручев, беспорядочными одно другому противоречащими распоряжениями, поставил наилучших и добросовестнейших чиновников в невозможность продолжать службу под его начальством»[2]. Хотя мнение В. А. Перовского в середине XIX в. уже не удовлетворяло правительство, проводимая им линия не вызывала резкого протеста со стороны высших сановников во многом благодаря благожелательному

[1] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 146.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 453.

отношению к оренбургскому начальнику царя – ведь они вместе воспитывались и обучались.

В 1844 г. в Оренбургском ведомстве было введено новое Учреждение об управлении, официально объявлявшее казахские земли собственностью Российской империи[1]. В сибирском ведомстве уже в конце 50-х гг. XIX в. также велась подготовка крупной административно-территориальной реформы по управлению казахами. Помимо прочего перед местными властями ставились задачи определить правовую основу поземельного владения и собственности у казахов. Основой для выводов служили полученные научные данные, собранные многочисленными специальными экспедициями, большинство из которых приходило к заключению, что выделять земли казахам необходимо в районе их зимовок, т.к. лишь по отношению к данной территории у казахов сложились относительно устойчивые отношения владения[2]. Такие отношения, на наш взгляд, следует рассматривать в качестве рентных[3]. В отношении же остальных территорий, по мнению комиссий и комитетов, где обсуждались результаты работ полевых экспедиций, казахи не имели никаких прав собственности на землю[4]. Наиболее полную информацию удалось собрать экспедиции и обсудить комиссии, созданной по заданию тургайского военного губернатора Л. Ф. Баллюзека, материалы которой были опубликованы в 1871 г. и в целом подтверждали сделанные ранее выводы оренбургских властей[5].

Усиление политики по переводу кочевников на оседлость в значительной мере было вызвано стремлением расширить колонизацию степных районов Азиатской России. В сибирском ведомстве в 50–60-х гг. XIX в. даже появились новые административные органы, задачей которых являлось, в частности, способствование оседанию казахов

[1] МИПС-1.

[2] МКОП-1. С. 139–140.

[3] См.: Илюшечкин В. П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 332–333.

[4] МКОП-1. С. 140.

[5] Вторично материалы были опубликованы в МКОП-1. С. 159–221.

на землю. В результате проблема седентеризации переводилась из преимущественно законодательной в исполнительную сферу. Так, в 1854 г. постановили образовать при Семипалатинском областном правлении особый вспомогательный капитал на выдачу казахам пособий для начала хлебопашества, огородничества и ремесел. Также были увеличены льготы, предоставляемые казахам, приписывавшимся к городам Аягузу, Кокпекты, Копалу, Павлодару[1]. Были предприняты и иные меры.

Поэтому неслучайно, что «оренбургская» политика совершила еще более резкий поворот при сменившем В. А. Перовского на посту генерал-губернатора А. А. Катенине[2]. Правительство, правда, пыталось сохранить определенную преемственность в управлении Оренбургским краем, и А. А. Катенина некоторое время курировал по его поручению соратник и единомышленник В. А. Перовского В. В. Григорьев. В своем письме к Вельяминову-Зернову по этому поводу он писал: «Когда Катенин познакомится поближе со степью, и передам я ему мой взгляд на нее, и он усвоит его толком, а может и улучшит, тогда и мне легче будет оставить моих киргизиков (казахов – *А. Б.*)… Жаль было бы бросать их на руки какого-нибудь дурака или скота»[3].

Став в 1857 г. генерал-губернатором, А. А. Катенин в скором времени совершил продолжительную инспекционную поездку по казахской степи, которая продолжалась с 15 мая по 10 сентября 1858 г.[4] По ее итогам он предложил отменить все запреты, препятствовавшие оседанию казахов и, напротив, «содействовать по возможности развитию хлебопашества и соединенной с ним оседлости»[5]. Аргументировал свое предложение перед правительством новый генерал-губернатор тем, что хлебопашество среди казахов

[1] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 19 об. – 20.

[2] К этому времени Оренбург вновь стал центром генерал-губернаторства.

[3] Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам… С. 159.

[4] Маршрут экспедиции: Урал–Эмба–Сырдарья–Мугаджарский хребет. См.: РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2751. Ст. 157. Кар. 35. Л. 137.

[5] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2751. Ст. 157. Кар. 35. Л. 142 об.

развивалось, а административные ограничения не привели к желаемым результатам.

Более того, он пришел к убеждению, что действовавшая в Оренбургском крае административная система менее отвечает интересам как Российской империи, так и казахского социума, чем та, что действовала в соседнем ведомстве. 7 июня 1858 г. А. А. Катенин отправил на имя министра иностранных дел Отношение, предложив перевести оренбургское ведомство по управлению казахами на позиции Устава о сибирских киргизах[1].

Правительство одобрило предложение А. А. Катенина, распространив на казахов оренбургского ведомства принятый в 1854 г. указ «о наделах», по которому было разрешено отводить казахам «по 15 дес. удобной земли на каждую мужского пола душу», предоставлялась отсрочка от всех податей и повинностей сроком на пять лет и подтверждалась свобода от рекрутства. «Султанам и волостным управителям под хозяйственные постройки отводится двойная порция, земли, отведенные для хлебопашества и заведений, переходят в наследство как недвижимая собственность». В указе также говорилось, что переводчики имеют право на земельный надел, равный с наделами казачьих офицеров, а султаны и «уважаемые в народе лица должны первыми подать пример к возделыванию земли…, чтобы и прочие киргизы (казахи – *А. Б.*) убеждены были в пользе такого заведения… Киргиз, который первый разведет значительное хлебопашество, пчеловодство и прочее… получает право на особенную награду». При этом российское правительство в очередной раз отметило, что «земледелие – самый верный способ к оседлости и гражданской жизни»[2]. Фактически данный указ с незначительными изменениями соединил в себе положения об оседании казахов Устава 1822 г. о сибирских киргизах. Это свидетельствует как об одобрении правительством идей генерал-губернатора А. А. Катенина, так и о стремлении правительства произвести унифика-

[1] Бекешева С. Б. Земледелие в Западном Казахстане в 50–60-х годах XIX века. Диссертация на соискание уч. ст. канд. истор. наук. Рукопись. М., 1991. С. 33.

[2] Земледелие у киргиз // Оренбургский листок. 1888. № 52.

цию управления казахами сибирского и оренбургского ведомств. Наконец, в июле 1861 г. «состоялось высочайшее повеление о разрешении киргизам (казахам – *А. Б.*) Оренбургской области прочно селиться и заниматься хлебопашеством», и вновь было подчеркнуто, что «дозволение это как первый шаг к введению между киргизами (казахами – *А. Б.*) гражданственности»[1].

О методах введения новой административной системы можно судить по характеристике, данной А. А. Катенину в книге, посвященной членам Военного совета: «Применение предшественником А.А. [Катенина], генералом Перовским, крутых мер к полудикому народу только обостряло положение и возбуждало ненависть к русским киргизов (казахов – *А. Б.*). Катенин принял совершенно другую политику… особенно много сделал для промышленности и распространения грамотности среди населения»[2].

Вместе с тем не все предложения А. А. Катенина находили поддержку правительства. Так, например, министром иностранных дел А. М. Горчаковым было отклонено предложение о проведении реформы местного судопроизводства в Младшем жузе посредством расширения компетенции традиционных судов биев, которым предполагалось передать значительную часть дел по гражданским и уголовным преступлениям в степи[3].

Следует отметить, что периодические попытки кодификации казахских адатов с целью их включения в судебную имперскую практику на регулярной основе предпринимались и ранее. Начиная с 1820-х гг. работало несколько комиссий по данному вопросу. Проект свода адата был представлен Высшему начальству Западной Сибири в 1854 г. По рассмотрении последовала резолюция на очередную доработку. Хотя, как справедливо отмечает О. И. Брусина, актуальность такой меры снижалась и уже «к окончанию

[1] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2958. Ст. 168. Л. 20 об.

[2] Столетие Военнаго министерства. 1802–1902. Память о членах Военнаго совета. Портреты и биографические очерки / Гл. ред. Д. А. Скалон. Сост. Н. М. Затворницкий. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1907. С. 289.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 27. Л. 310–314.

царствования Николая I… кодификация норм обычного права более не рассматривалась центральной властью как необходимая составляющая имперской политики на окраинах» Российской империи[1]. П. Сартори и П. Шаблей дополняют это положение тезисом о том, что в Российской империи не было унифицированного подхода к решению вопроса о целесообразности применения адатов и шариата в разных регионах империи. Сравнивая Кавказ и казахскую степь, они отмечают, что причины и формы воплощения оказывались различными. И «на примере попыток кодифицировать обычное право в Казахской степи, скорее можно говорить о том, что появление неких новых политических принципов в Санкт-Петербурге зачастую приводило к их столкновению с практическими соображениями местной колониальной администрации, а затем к "творческому переиначиванию их" разными группами интересов из числа местного населения»[2].

Из Записки оренбургского губернатора А. А. Катенина, подготовленной В. В. Григорьевым, на имя императора Александра II (1858 г.)

«Одно что еще отвращает полудиких степняков от русского управления, это медлительность нашего следственного и судебного производства; на Эмбе я присутствовал при разборе и решении, на которых тяжба по ордынским обычаям, судом выборных биев, и должен был сознаться, к сожалению, видя быстроту и толковость, с какою ведется дело, что киргизы (казахи – А. Б.) едва-ли не превосходят нас в этом отношении, ибо судопроизводство их и словесное, и гласное, и находится под контролем общественного мнения, т.е. соединяет в себе все те условия успеха, которых не достает нашему. Ознакомившись основательно со всем, что относится к этому предмету, я предполагаю ходатайствовать у В.И.В. о значительном расширении народного суда, к которому

[1] См..: Брусина О. И. Попытки кодификации казахского обычного права в Российской империи // http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/brusina.html (дата обращения: 21.01.2018); она же. Почему Николай I боялся легитимизировать казахские адаты // http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1340000580 (дата обращения: 21.01.2018).

[2] Сартори П., Шаблей П. Судьба имперских кодификационных проектов: адат и шариат в казахской степи // Ab Imperio, 2015. № 2. С. 98–99.

теперь прибегаем мы лишь в исключительных случаях, или в делах самых маловажных»[1].

Представляется весьма спорным утверждение современников, в том числе губернатора А. П. Безака, что «отсутствие радикальных реформ в период губернаторства А. А. Катенина способствовало нормализации русско-казахских межэтнических отношений и этим подготовило степь к новым кардинальным переменам (ведению Временных положений) без существенного сопротивления со стороны казахов[2]. Деятельность Катенина в значительной степени не являлась новаторской для российской политики в Степи, поскольку многие его изменения применялись в соседнем западносибирском ведомстве, но для Оренбургского края они были именно реформаторскими, и именно это способствовало снижению уровня межэтнической напряженности. В то же время Катенин и Григорьев предлагали использовать те наработки прежних оренбургских властей, которые могли быть эффективны в новых условиях в связи с проектировавшимся объединением двух административных систем в одну. Народный суд (в первую очередь адат и в гораздо меньшей степени шариат) – с условием его кодификации и фиксации – должен был стать одним из таких инструментов. И этот институт позднее был включен во Временные положения именно из оренбургской административной практики.

Идеи Катенина во многом перекликались с идеями, высказанными рядом членов II Сибирского комитета – высшего руководящего органа по управлению Западной и Восточной Сибирью, в состав которого входило более половины кабинета. Идея унификации системы управления казахами нашла поддержку и у императора. В 1864 г. император благосклонно отнесся к проекту сосредоточения управления всей казахской степью в одних руках. Центром управления предполагалось признать г. Омск.

[1] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1858 г. Д. 68. Л. 3 об.

[2] Лобысевич Ф. Киргизская степь Оренбургского ведомства (Очерк). М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерева, 1891. С. 11–12.

В его подчинение предполагалось передать области оренбургского генерал-губернаторства, Акмолинскую область Западно-Сибирского генерал-губернаторства, Семипалатинскую и Сыр-Дарьинскую линии, Туркестан, Уральское, Оренбургское и Сибирское казачье войска. Ряд округов Семипалатинской области, включая города Семипалатинск и Усть-Каменогорск, планировалось передать в состав Томской губернии. Против такого проекта активно выступил западно-сибирский генерал-губернатор, в результате император отказался от реализации намеченной на 1865 г. идеи[1].

Итак, к концу 1850-х гг. оседание кочевников-казахов уже однозначно рассматривалось в качестве необходимого условия для просвещения казахов и включения их в правовое поле империи в статусе, аналогичном статусу русских крестьян. Кроме того, с этого времени правительство рассматривало оседание кочевников как условие, предшествующее и способствующее крестьянской и промышленной колонизации Казахстана. Чиновники из казахов сразу отреагировали на это изменение курса местных властей, составляя донесения о переходе казахов к оседлости[2].

Таким образом, в 1822 и 1824 гг. российское правительство произвело кодификацию законоположений об управлении казахским населением Западно-Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств. Попытка, предпринятая М. М. Сперанским в Сибирском комитете по сближению правового положения населения губерний и определенной унификации законодательства в отношении коренного населения, успеха не имела. В указанных губерниях коренное население причислялось к кочевым инородцам и формально приравнивалось к гражданам Российской империи. Казахи получили право изменять свой правовой и социальный статус, вступая в казачество, приписываясь к купечеству, получив дворянский титул

[1] Волчек В. А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Автореф. диссер. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Томск, 2007. С. 21, 24.

[2] РГИА. Ф. 853 Оп. 1. 1860 г. Д. 95. Л. 1–5.

за службу или особые заслуги. На всех жителей были распространены новые судебные системы при сохранении значительной автономии в решении внутриобщинных вопросов.

Впервые достаточно ясно различия в подходах к управлению казахским населением Оренбургской и Сибирской губерний обозначились еще в начале 60-х гг. XVIII в., когда Правительствующий сенат с интервалом менее чем в один год утвердил два противоречащих друг другу проекта. В основу проекта генерала И. И. Веймарна (Сибирская губерния) была положена идея перевода кочевников-казахов в оседлое состояние. На наш взгляд, по причине личной неприязни со стороны Екатерины II к автору был отвергнут аналогичный проект оренбургского генерал-губернатора Д. В. Волкова и утвержден план действительного статского советника П. И. Рычкова, предусматривавший консервацию сложившихся в казахском обществе социально-экономических отношений и кочевого способа ведения хозяйственной деятельности.

С середины 20-х гг. XIX в. различия в управлении автохтонным населением указанных губерний стали отчетливо проявляться в административной и законодательной практике. Так, в сибирском ведомстве была создана система льгот с целью постепенного перевода казахов в «оседлое гражданское состояние» и предпринимались попытки «приобучать» их сенокошению, домообзаводству, ремеслам и особенно земледелию. Оренбургские власти, напротив, запрещали казахам заниматься земледелием, полагая, что это нанесет серьезный урон экспорту российского хлеба в степь и ослабит зависимость казахов от России.

Существенные отличия сложились и в принципах привлечения коренного населения на государственную службу. В оренбургском ведомстве практиковалось приоритетное привлечение традиционной казахской знати – султанов-чингизидов. В случае равнозначного их положения в административной иерархии с кара суйек султаны получали больший размер вознаграждения и земельного надела. Хотя юридически была закреплена выборная система занятия

должностей, на практике преобладала система назначения на должность. В казахских округах Западной Сибири существовала выборная система, и должности замещались вне зависимости от социального статуса в традиционном обществе, но обычно казахами все же избирались султаны, что позволило А. Букейханову сделать вывод о монополизации должностей родовитыми султанами[1].

По Уставу 1822 г. округа сибирских казахов должны были соответствовать родовым кочевьям. В законоположениях, относящихся к Оренбургу, этот принцип закреплен не был. Юридически зафиксированные различия в критериях административно-территориального разделения на практике не имели существенного отличия, т.к. и сибирские власти обычно игнорировали принцип «родовой территории».

Юридически налогоплательщиком в обоих ведомствах являлась семья. Однако система налогообложения имела принципиальные отличия. В Оренбургской губернии был введен кибиточный сбор в размере 1,5 руб. сер. без учета имущественного статуса. При этом значительная часть избегала налогообложения. Так, в отчете Н. А. Крыжановского за 1866–1867 гг. отмечалось, что менее 15% казахских семей платили ежегодный кибиточный сбор: «Сравнивая ежегодный сбор в 200 тысяч руб. с массою населения в 800 тысяч душ, оказывается, что в этой области собирается не с большим по 20 коп. с души, тогда как башкиры, будучи беднее киргиз, платят по 4 руб. с души, кроме косвенных сборов»[2].

О размерах кибиточной подати в этот период можно судить по отчетам оренбургских губернаторов (см. Приложение 4).

В Западно-Сибирской губернии действовала ясачная система. В качестве ясака вносился натурой сначала 1% от общей численности скота, позднее – 1/60 доля движимого имущества. С 1830-х гг. ясак собирался уже исключительно в денежной форме, причем цены за ясачный скот были за-

[1] Букейханов А. Книжное имя его Ибрагим (Авраам) // Слово об Абае. Алматы: Онер, 1994. С. 92.

[2] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3270. Ст. 252. Л. 43 об.

нижены властями по сравнению с рыночными в 1,3–2 раза[1]. От налогообложения здесь освобождались семьи, имевшие менее двадцати единиц скота в переводе на лошадь. С целью развития караванной торговли в западносибирском ведомстве верблюды были объявлены необлагаемой налогами статьей имущества. По Уставу 1822 г. предусматривалась уплата налога в натуральной форме – в лошадях. По просьбе казахских депутатов Азиатский департамент МИДа и западносибирский генерал-губернатор допустили замену одной лошади на двух жеребят[2].

Фискальные сборы в западно-сибирском ведомстве были на порядок выше не только потому, что Средний жуз был более многочисленным, но и потому, что собираемость налогов здесь также была выше. Расходы на бюрократический аппарат тоже имели существенные различия, но в данном случае содержание оренбургской администрации по управлению казахами обходилось «дешевле правительству», чем аналогичные расходы по содержанию сибирской администрации[3].

Различия в системах управления часто дополнялись личной неприязнью генерал-губернаторов, что наносило ущерб интересам государства. Показательным является пример отношения к руководителю восставших казахов внешних округов Западной Сибири Кенесары Касымову, получившему теплый прием и реабилитацию у оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского[4]. Он категорически запрещал отрядам, подчиненным западно-сибирскому генерал-губернатору П. Д. Горчакову, входить в административные границы Оренбургского ведомства, отвечая на соответствующие запросы в резкой форме[5].

[1] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 348. Л. 114–115 об.

[2] Лысенко Ю. А. Если можно, встроиться в ханское достоинство»: восприятие реформ 1820-х гг. этноэлитой Среднего жуза XIX в. (по материалам наместников казахских султанов в Петербурге) // Былое и думы. 2019. Вып. 52. Ч. 2. С. 619.

[3] Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-Киргизская степь. М.: Университетская тип. (Катков и Ко), 1867. С. 63.

[4] Подробнее см. об этом: Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е… С. 243–249.

[5] Почекаев Р. Ю. Антропология властной коммуникации в российской политике фронтирной модернизации казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX в.

Отличия в управлении и высокая естественная мобильность податного населения обусловили возникновение долгосрочных споров по вопросу о разграничении территории губерний в Степи[1]. В 1835 г. генерал от инфантерии И. А. Вельяминов внес предложение о делимитации административной границы окраинных губерний для того, чтобы иметь возможность «к учреждению линии впереди внешних округов, которые уже открыты… тем более что все верноподданные киргизы Средней Орды (казахи Среднего жуза – *А. Б.*) по объявлении им намерения и исполнения бывшей рекогносцировки не показывали ни малейшего неудовольствия, и вообще всякое новое неотяготительное для них действие наших войск внутри их округов, считают доказательством покровительства»[2]. Окончательно споры об административно-территориальной принадлежности земель, населенных казахами, подданными на тот момент Российской империи, были разрешены лишь в 1836 г. после повторного вмешательства правительства, но даже оно не сняло вопроса о податной принадлежности ряда родовых подразделений казахов Среднего жуза[3]. Граница между ведомствами в конечном счете была не просто нанесена на карты, но обозначена на местности, т.е. демаркирована[4]. А на карте 1825 г. Омская область отнесена к внутрироссийским губерниям, а земли, населенные казахами оренбургского ведомства – к заграничным (см. Приложение 11).

Вариативность систем управления казахами двух ведомств нашла отражение и в бюрократической терминологии. В административной лексике того времени оренбургская система управления казахами, сформировавшая

Дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Оренбург, 2020. С. 294.

[1] Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. 3. 1841 год / Сост. А. Г. Серебренников. Ташкент: Тип. шт. Туркестанского военного округа, 1912. Док. № 55. С. 100.

[2] ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 568. Л. 235 об.

[3] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 169–171. Док. № 515.

[4] Быков А. Ю. М. М. Сперанский и решение вопроса о границах территорий, населенных казахами // Карамзинские чтения. Вып. 4 / Под науч. ред. С. В. Чернявского. СПб: РГИА, 2022. С. 61.

по итогам реформ 1820-х гг., стала именоваться «пограничной», а сибирская – «приказной»[1].

Разница в управленческих практиках была столь существенна, что отразилась даже в международных отношениях. Купеческие караваны периодически меняли маршруты своего следования в зависимости от различий в тарифах, сборах и т.п. и от личности местных начальников, включая генерал-губернатора[2]. В правительственных кругах даже ходили слухи о том, что бухарский эмир предлагал западносибирскому генерал-губернатору военный союз против генерал-губернатора оренбургского[3].

Заслуживает внимания мнение Ю. А. Лысенко, полагающей, что различия в Уставах о сибирских и оренбургских киргизах были вызваны тем, «что у колониальных властей не было единого плана и четкой программы действий в регионе. Каждый из генерал-губернаторов в выработке колониального курса руководствовался собственными взглядами, наблюдениями и конкретной исторической действительностью»[4]. На наш взгляд, правительство занимало в вопросе о различиях методов управления казахами выжидательную (нейтральную) позицию, видимо, по той причине, что рассматривало сложившуюся ситуацию в качестве эксперимента, который позволил бы наглядно выяснить, чья точка зрения наиболее перспективна и чьи методы управления и приемы общения с местным населением наиболее адекватно ее отражали. Постепенно это привело к формированию двух подходов, которые В. А. Моисеев весьма удачно обозначил как общегосударственный и региональный, нашедших свое наиболее полное выражение в отношении к решению внешнеполитических во-

[1] Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: РАПО «Полиграфия», 1998. С. 126.

[2] Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Среднею Азиею и Китайскими владениями // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVIII–XX вв. Сб. статей и материалов / Под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. С. 25–29.

[3] Ремнев А. В. Проблемы административно-территориальной организации Степного края в 60-х – начале 80-х гг. XIX в. // Вестник науки ААУ (Акмола). 1996. № 7. С. 77.

[4] История Казахстана в новое время (XVIII – начало XX века): Учебное пособие / Сост. Ю. А. Лысенко. Барнаул, 2006. С. 80.

просов, в частности, вопросов расширения территории Российской империи на Востоке. Причем региональный подход не ограничился лишь различиями в подходах со стороны оренбургских и сибирских властей. Он проявлялся и после образования Степного и Туркестанских генерал-губернаторств. Одним из проявлений серьезных различий в подходах центра и окраинных губерний стало, например, отношение к возвращению территорий Илийского края в состав Цинской империи. Правительство поддерживало такой вариант, а губернские власти обоих губернаторств высказались категорически против[1].

Справедливым представляется вывод Д. В. Васильева, что оренбургская практика строилась более на постепенной адаптации местных традиций и обычаев к общеимперской практике, нежели западносибирская, опиравшаяся на более радикальные изменения. Вместе с тем и она имела конечной целью постепенное стирание граней между центром и этой окраиной Российской империи[2].

Лишь в конце 50-х гг. XIX в. оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин осознал настоятельную необходимость унификации системы управления коренным населением, с просьбой о чем и вошел в правительство, заявив, что «новые правила» необходимо строить в соответствии с «сибирскими началами». Процесс правовой унификации получил юридическое оформление в ряде указов, но окончательно – лишь с принятием в 1868 г. Временного положения об управлении степными областями Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, в котором нашли отражение и сибирская, и оренбургская административные практики и появился ряд принципиально новых положений.

[1] Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. С. 172–173.

[2] Васильев Д. В. Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. С. 519.

§ 3. Административно-территориальные реформы 1860–1891 гг. и унификация системы управления Степным краем

Как было отмечено выше, вопрос землевладения и прав земельной собственности у казахов неоднократно вставал в повестку дня как местных административных органов, так и правительства. В отдельные периоды он был увязан с внешнеполитическими вопросами, как это было, например, при выяснении подданства казахов. В иные периоды вопрос актуализировался в связи с ситуацией внутри Казахстана, однако наиболее часто он становился предметом особого внимания в тесной взаимосвязи с вопросами колонизации: казачьей, промыслово-промышленной или крестьянской. Не исключались и аспекты колонизации иностранцами. В середине XIX в. «земельный вопрос» становится узловым при решении целого комплекса проблем и вариантов развития российского колониализма в казахской степи.

Активизация деятельности степной администрации в это время совпала с подготовкой и проведением реформ в России в целом, где земельный вопрос также имел первостепенное значение. Это не было простое совпадение по времени, помимо синхронности следует отметить несомненную взаимосвязь и зависимость этих вопросов.

Во второй половине 50-х гг. XIX в. правящими кругами Российской империи были инициированы крупные социально-политические реформы. Несомненно, что в значительной мере они стали следствием внешнеполитических неудач России, в первую очередь поражения в Крымской войне и дискриминационного Парижского мира, по которому Россия потеряла возможность свободного прохода судов через проливы Босфор и Дарданеллы. Это существенно стесняло ее внешнеэкономические возможности и сокращало военно-политическое влияние.

Опасаясь возможного недовольства со стороны Великобритании и возникновения политического кризиса в Европе, Александр II приказал прекратить наступательные операции русских войск в Средней Азии[1]. Между Россией и Англией был заключен новый договор о создании в Туркестане «нейтрального пояса»[2]. Несмотря на это, местные власти и войсковое начальство продолжили территориальные захваты[3]. Причем они вынуждены были так поступать в том числе ввиду образования административного и законодательного «вакуума», возникшего вследствие трений между различными ведомствами.

Так, по вопросу о продвижении границ России на юго-восток Д. А. Милютин писал, что Военное министерство рассматривало проекты дальнейшего продвижения в Центральную Азию, в то время как МИД «успокоительными заявлениями связывал себе руки в дальнейших действиях»[4]. Местные власти пытались либо стоять в авангарде решения внешнеполитических вопросов военными средствами, как это делал М. Г. Черняев, в чем получали поддержку со стороны Военного министерства, либо пытались примирить на местном уровне внутреннюю и внешнюю политику, предлагая организовать на губернском уровне особые канцелярии, которые бы сочетали решение вопросов взаимоотношений с соседними государствами и управление местным нерусским населением. С предложением о последнем в МИД входил оренбургский губернатор Н. А. Крыжановский, но его предложение было отклонено А. М. Горчаковым, предложившим вместо канцелярии ограничиться введением в областной штат лишь одного чиновника. Позднее, с созданием

[1] Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 60–61.

[2] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 годы / Сост. И. В. Козьменко. Под ред. С. А. Адамова. М.: Полит. литература, 1952. Док. № 12.

[3] См.: Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М.: Изд-во вост. литер., 1960. С. 121–198.

[4] ОР РГБ. Ф. 169. Папка 15. Д. 1. С. 250. О противоречиях во взглядах министров финансов, военного и министра иностранных дел см., напр.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 10. № 17. Л. 246–247; Милютин Д. А. Воспоминания. М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский архив», 1997. С. 22; Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2 (1865–1876 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 60–61 и др.

Туркестанского генерал-губернаторства, де-факто такая канцелярия все же начала функционировать в Ташкенте[1].

Зачастую демарши на восточных окраинах Российской империи являлись стремлением отвлечь Британскую империю от вопросов на западных окраинах. В 1863 г. военный министр фактически санкционировал военные действия в Туркестане, позднее одобренные и императором, объясняя свое решение тем, что «путем демонстрации силы в Средней Азии внимание Англии будет отвлечено от Польши»[2].

В условиях внешнеполитического кризиса Александр II решился на проведение крупных внутренних реформ с целью политической модернизации государства. По возвращении из Парижа он обратился к представителям московского дворянства со словами: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу»[3].

В подготовительных комиссиях и комитетах крестьянской реформы, оказав существенное влияние на положительное решение вопроса об отмене крепостничества, большую роль играли российские администраторы, значительное время работавшие в Степи, – А. И. Левшин, П. П. Семенов, Г. Н. Потанин, А. К. Гирс и др[4]. Вероятно, что предшествующая служба наложила на них определенный отпечаток. При доминировавшем отношении к казахам как менее цивилизованному народу этот народ выгодно отличался от российских крестьян личной свободой своих

[1] АВПРИ МИД РФ. Ф. 159. Оп. 749/1. Д. 47. Л. 1–90.

[2] Цит. по: Булхак Н. В. Военно-дипломатическая деятельность государственных органов России по обеспечению приоритета своей страны в решении «Восточного вопроса» в XIX в. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. М., 2006. С. 23.

[3] В историографии утвердилось мнение, разделяемое и нами, о боязни Александра II социальных взрывов, следствием чего и стала отмена крепостного права. Однако весьма интересно и следующее замечание: «Обращаясь к дворянству, он (Александр II – *А. Б.*), естественно, должен был использовать доводы, которые на дворянство производили бы наибольшее впечатление». См.: Леонтович В. В. Указ. соч. С. 179, 190.

[4] Об их деятельности в период подготовки реформы по освобождению крестьян от крепостной зависимости см., напр.: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М.: Политиздат, 1991. С. 79–86; Попов Г. Х. Отмена крепостного права в России («Великая» реформа 19 февраля 1861 г.) // Истоки: (Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли). Вып. 2 / Гл. ред. В. А. Жамин. М.: Экономика, 1990. С. 39, 60, 74 и др.

представителей. Кроме того, несомненно, что уже в это время названными политическими деятелями рассматривалась взаимосвязь между процессами освобождения крестьянства, колонизации и реформами колонизуемых окраин. Реформы в Степном и Туркестанском крае, как известно, были подготовлены и проведены в 1867 и 1868 гг. под руководством членов «крестьянских комитетов» Д. А. Милютина и Ф. К. Гирса. О связи процесса колонизации Степи и Манифеста 19 февраля 1861 г. можно судить, например, по фактам открытия в 1863 г. в северных уездах Акмолинской, а затем и в других областях переселенческих партий. Временные партии учреждались постепенно: для южных уездов Акмолинской области в 1896 г., для Тургайской области – в 1898 г., для Уральской – в 1904 г., для Семиреченской – в 1905 г.[1]

С 1860-х гг. правительством стала особо поощряться инициатива местных властей по «учреждению» среди казахов оседлости. В июле 1861 г. Комитет министров поручил оренбургскому и самарскому генерал-губернатору составить правила о переходе казахов к оседлости. Перед А. П. Безаком был поставлен вопрос: «Не представится ли возможности, отводимые для оседлого населения киргизов (казахов – *А. Б.*) земли, предоставлять им в полную собственность», и «не представится ли потом возможность приобретать землю?»[2]

В январе 1862 г. Тургайское областное правление стало разрабатывать проект выделения земли казахам. Об этом были разосланы специальные циркуляры султанам. Практически сразу же стали поступать просьбы от казахов о выделении им земельных участков, но многие из обратившихся не собирались заниматься земледелием, желая лишь закрепить за собой территорию. В связи с возникшей ситуацией дважды создавались комиссии по рассмотрению поступавших обращений. В то время как А. П. Безак был в Петербурге, временно исполнявший обязанности генерал-

[1] Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб.: Дело, 1907. С. 41 и др.

[2] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 20.

губернатора полковник Ладыженко, не рискуя принимать важные решения, приостановил выдачу земельных участков, но возвратившийся из поездки А. П. Безак возобновил раздачу земель. Работа продвигалась быстро, и уже летом 1862 г. областным правлением был разработан проект правил «Об отводе киргизам (казахам – *А. Б.*) поземельных участков и о правилах пользования таковыми»[1].

Проект предусматривал отвод участка одновременно не менее чем пяти семьям, исключение составляли члены султанских семей. Участки выделялись под хлебопашество на летних кочевьях в размере 17 дес., на зимних – 20 дес. на кибитку; для султанов-правителей выделялось вдвое больше. Помимо кибиточной подати за предоставление земельных участков просители должны были уплатить по 1,5 коп. с дес. сер. на зимовках и по 1 коп. сер. с дес. – на летовках. Определение размера стоимости земли в случае ее перепродажи иным лицам было отложено.

Попытка областного правления образовать «особое межевое отделение» не увенчалась успехом. В результате в содержание проекта генерал-губернатор внес несколько дополнений:

1) позволять выделять землю и на одну семью с целью ослабления «родового единения», без различия на зимовках или летовках;

2) разрешать, с согласия сородичей, отвод участков в камышовых зарослях и лесах;

3) временно отменить плату за выделяемые участки;

4) обязывать казахов начать эксплуатацию земли в качестве пашни в пятилетний срок, в противном случае – участки конфисковать.

В соответствии с новыми правилами выделение земельных участков началось в октябре 1862 г.[2]

Генерал-губернатор А. П. Безак планировал обратить в оседлое состояние первоначально казахов, проживающих в Новолинейном районе, увеличив для них площадь

[1] Бекешева С. Б. Земледелие в Западном Казахстане… С. 31.

[2] Там же. С. 32.

отводимого надела до 30 дес. на душу мужского пола[1]. Однако данная инициатива была отменена Комитетом министров «ввиду важного для государства скотоводческого промысла, развитию которого более благоприятствует кочевой образ жизни» казахов. Вопрос же о введении института частной собственности на землю было решено дополнительно рассмотреть в правительстве[2]. В правительстве были серьезные оппоненты такого подхода. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1865 г. аналогичные предложения назначенного оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского (1865–1881 гг.) были правительством отклонены[3].

Самарский и оренбургский генерал-губернатор А. П. Безак высказывал предложения и по иным вопросам управления казахами оренбургского ведомства. Так, 31 января 1863 г. им было внесено в правительство «Соображение о преобразовании управления у прилинейных оренбургского ведомства киргизов (казахов – *А. Б.*)». В проекте особо оговаривалась нецелесообразность воссоздания института ханской власти. При этом отмечалось, что «ханы и народ в степи не только не составляют органического целого, но имеют различные, даже противоположные интересы и что существование ханов положительно вредно, как для самого киргизского (казахского – *А. Б.*) народа, так и относительно видов России на этот народ»[4].

В проекте также отмечалось, что было бы полезно «общественное управление и общественный суд у прилинейных киргизов (казахов – *А. Б.*) устроить в первое время на началах, установленных для крестьян, вышедших из крепостной

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1897 г. Д. 6. Л. 13.

[2] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 20.

[3] Формирование административного аппарата в окраинных губерниях заслуживает специального исследования. Заметим лишь, что назначение на высшую губернскую должность Н. А. Крыжановского в определенной мере случайно. Он стал губернатором по воле случая, так как назначенный генерал-губернатором Тимашев отказался от должности «по болезни». См.: Валуев П. А. Дневник… Т. 2. С. 21. А. А. Катенин, наоборот, рассматривался правительством в качестве оренбургского и самарского генерал-губернатора еще при жизни В. А. Перовского, причем последний должен был его «учить», выступая в качестве наставника. См.: В. В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881 гг. / Сост. Н. И. Веселовский. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1887. С. 153.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 28. Л. 76.

зависимости, сколько это возможно при современном быте киргиз»[1].

Стремление казахов к образованию и просвещению рассматривалось в качестве фактора противодействия расширению суннитского влияния: «При врожденной охоте киргиз (казахов – *А. Б.*) к обучению, можно полагать, что обучение русской и татарской грамоте пойдет успешно, особенно если школы будут у них под рукою, и для пребывания в школах дети не будут ни отлучаться от своей среды, ни переменять свойственный простому народу образ жизни. По мнению самих киргиз[,] устройство школ внутри округов скоро может перейти на иждивение самих киргизских обществ, также как и больницы. Правление признает заведение сих школ весьма необходимым, как противодействие влиянию учителей из магометанских мулл, за которыми в степи не всегда ныне возможно уследить»[2].

В Оренбургском крае проведение реформ в жизнь натыкалось на сопротивление сторонников прежнего курса. Во многом поэтому формирование комиссий и комитетов при А. П. Безаке осуществлялось исключительно на основе его самовольных решений из близких ему людей. Не исключена и коррупционная составляющая. Управление инородцами было передано родственникам генерал-губернатора. Одного своего зятя – Трубецкого – он назначил управляющим у башкир, сместив пользовавшегося уважением генерал-майора И. В. Чернова. Помощником В. В. Григорьева для управления казахами он назначил другого своего зятя – Галкина. После чего В. В. Григорьев подал рапорт об отставке, но назначить Галкина управляющим казахскими делами правительство не позволило. В результате несогласия с политикой Безака уволился генерал-майор Данзас, подали в отставку и другие чиновники, служившие при В. А. Перовском. В целом уровень образованности и компетентности чиновничьего аппарата оренбургского ведомства при Безаке резко снизился, воз-

[1] Там же. Л. 79.

[2] Там же.

росли взяточничество и иные злоупотребления губернских властей[1].

В Западно-Сибирском генерал-губернаторстве высшее начальство в пореформенный период стало выражать все большую обеспокоенность по поводу возможности усиления влияния политических ссыльных на кочевников. В общем виде эта мысль была сформулирована генерал-губернатором А. П. Хрущовым, который заявлял, что, оставаясь номадами и не будучи землеустроенными, значительная часть казахского населения «не имея домообзаводства и ведя бродячую жизнь, способна быть послушным орудием нарушителей общественного порядка»[2]. Теперь уже в этой связи ставился вопрос о переводе казахов в оседлое состояние.

Во второй половине XIX в. вопрос о возможности введения института частной земельной собственности в казахской степи параллельно обсуждался также и в связи с определением перспектив развития промысловой и промышленной колонизации. В 1856 г. при обсуждении вопроса о перспективах развития заводов купца Попова администрация констатировала, что «Киргизская орда (Средний казахский жуз – *А. Б.*) вступила в подданство России добровольно. Султаны и родоначальники упорно отстаивают права свои на земли. На поиски там рудных промышленников они смотрят равнодушно, потому только, что уверены в возвращении им окортомленных земель по выработке металлов, а также и потому, что промысел доставляет бедному классу киргизов средства к жизни, водворение же в степи заводских крестьян встревожит киргизов подозрением, что посягают присвоить их собственность на вечные времена»[3].

В связи с созданием Особой комиссии по пересмотру Горного Устава в 1861 г. для стимулирования развития частного предпринимательства и обеспечения его надежны-

[1] Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 1999. С. 245–246.

[2] Цит. по: Ремнев А. В. Генерал-губернатор Западной Сибири А. П. Хрущов и его омский дневник // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1994. № 3. С. 82.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 27. Л. 95.

ми гарантиями Министерство финансов возбудило вопрос о возможности приобретения земли либо у казахов, либо у государства. Для рассмотрения этого вопроса в Омске генерал-губернатором был организован Особый Комитет по пересмотру Горного Устава, в состав которого вошли члены сибирского губернского правления. Комитет пришел к заключению, что по законам Российской империи у казахов есть права на частный надел площадью до 15 дес. на зимовках[1]. По мнению членов Комитета, данные участки фактически уже находились в наследственном владении. Остальные земли «свободны для кочевания всех киргизов (казахов – *А. Б.*) одного округа»[2]. В связи с принадлежностью зимовочных территорий отдельным семьям в Комитете была высказана идея закрепления новыми законами и межевыми актами «существующего фактического владения частных лиц зимовыми стойбищами». Это было обусловлено отсутствием у казахов письменных свидетельств, подтверждавших право владения, что могло повлечь затруднения при дальнейшей аренде этих участков и приводило к злоупотреблениям со стороны местного чиновничества[3].

Комитет пришел к выводу, что существовавшие законодательные акты не позволяли с точностью определять юридического владельца земель. Помимо прочего, по существовавшему на тот период законодательству самовольные захваты территорий не могли рассматриваться в уголовном порядке, поскольку вопросы земельных отношений Уставом 1822 г. были отнесены к компетенции суда биев[4].

Вопрос землеустройства и землевладения увязывался также с перспективой постепенной русификации. В частности, для предотвращения инцидентов, связанных с самовольными захватами земель как российскими промышленниками, так и казахами, и «защиты прав киргизов» Комитет рекомендовал правительству предоставить казахам право добровольной продажи и сдачи в аренду земель,

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 7. Л. 1–1 об.

[2] Там же. Л. 4.

[3] Там же. Л. 6 об. – 7.

[4] МИПС-1. С. 162.

что к тому же должно было позволить «водвориться русскому населению в степи без оскорбления народного чувства киргизов (казахов – *А. Б.*), следовательно, послужит к сближению и слиянию их с русской народностью и привитию начал гражданственности, без всяких насильственных мер со стороны администрации»[1]. Вопрос землевладения стремились урегулировать в максимально сжатые сроки еще и потому, что в народе распространились слухи о насильственном переводе казахов на оседлость, введении рекрутской повинности и сплошной христианизации казахов. Правительство полагало, что эти слухи способны были «взволновать всю степь», и требовало немедленного их пресечения[2].

Дело было направлено на рассмотрение в различные инстанции: в Сибирский комитет (второй), Министерство финансов, Военное министерство и департамент полицейских исполнителей Министерства внутренних дел, где данный вопрос обсуждался еще до принятия Временного положения. При этом каждое ведомство имело свое особое мнение. Одним из итогов обсуждения стало создание в 1865 г. по инициативе министров Рейтерна, Валуева и Гирса и высочайшему повелению Александра II Комиссии по изучению быта казахов оренбургского и сибирского ведомств во главе с Ф. Гирсом, которая одновременно с этим занималась также и подготовкой проекта Временных положений по управлению степными областями[3].

Председатель Комиссии, вошедшей в историческую литературу под наименованием Степной комиссии, Ф. К. Гирс писал министру внутренних дел П. А. Валуеву, что многие вопросы у членов комиссии вызывали разногласия. Однако самым спорным, требовавшим осторожности при принятии окончательного решения, являлся «поземельный вопрос», который, «кроме экономического значения, имеет и политический характер»[4].

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 7. Л. 7 об.

[2] ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5171. Л. 7 об.

[3] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1862 г. Д. 7. Л. 47.

[4] ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5171. Л. 45 об.

В состав комиссии вошли представители Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, а также Военного министерства: оренбургский военный губернатор Л. Ф. Баллюзек, генерал-майор К. К. Гутковский, полковники А. К. Гейнс, А. П. Проценко и Л. Л. Мейер, а также делопроизводитель Н. И. Галдинский[1]. В результате полуторалетней работы и достигнутых в ходе обсуждений по целому ряду вопросов компромиссов Степная комиссия пришла к выводам, что на казахов распространялись две весьма различные системы управления – оренбургская и западно-сибирская. Параллельно действовали правила, распространявшиеся на казачество и русское население. Комиссией было признано, что такое положение сохранять нецелесообразно – необходимо стремиться к созданию единого законодательства для всего населения Степного края и, соответственно, выработки единых административных начал[2].

Члены комиссии отмечали, что казахи до того времени не имели еще полного представления о праве собственности на землю; у них в рамках обычноправовой традиции сложилось лишь понятие о полной частной собственности на скот, «составляющий их главное богатство», в связи с чем «им не было даже надобности думать о межевых планах и актах в подтверждение своих прав, когда земля, в их понятии, существует для того, чтобы кормить стадо»[3]. Ввиду стесненности кочевий казахи, особенно знатные, начали самовольные захваты общинных земель. Данное обстоятельство предопределило отрицательное решение комиссии по вопросу возможности введения института частной собственности на землю среди казахов. По мнению большинства членов Степной комиссии, введение подушных наделов окажется выгодным лишь родоначальникам и байской верхушке и приведет к обнищанию основной

[1] Подробнее о дискуссии в Степной комиссии между выражавшим интересы МВД Ф. Гирсом и представителем Военного министерства А. Проценко см. в работе: Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1963.

[2] Традиционное казахское общество в политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения / Сост. Ю. А. Лысенко и др. Барнаул: АЗБУКА, 2014. Док. № 20. С. 60–67.

[3] МИПС-1. С. 270.

массы коренного населения. Кроме того, подушный надел «не согласуется с кочевым бытом народа, и, нет сомнения, послужит к стеснению скотоводства, сохранение которого необходимо по важности его для развития народного богатства и торговому значению для России»[1]. Вместе с тем комиссия сочла целесообразным параллельное скотоводству развитие среди казахов земледелия и оседлости в тех местах, где для него существуют благоприятные климатические, почвенные и т.п. условия, «остальная же степь… удобна единственно для скотоводства»[2].

Сложным был также вопрос урегулирования владельческих и собственнических прав на землю, на которую одновременно претендовали представители казачества и казахских сообществ. Существует масса свидетельств эксплуатации казачеством казахского населения, переходившего к земледелию. Основой этой эксплуатации становилось земельное владение, причем, как сообщали современники, казахские джатаки[3] – «живущие во многих казачьих селениях батраки, находятся в положении значительно худшем по сравнению с бывшими в России крепостными»[4]. Главным средством эксплуатации становилась субаренда. Так, сибирские и семиреченские «казаки и станичные общества берут в аренду войсковые поземельные участки не для собственной потребности и нужды, а перепродают их, в свою очередь, за увеличенную в несколько раз плату киргизам (казахам – *А. Б.*), нуждающимся в угодиях»[5]. Аналогичным образом складывались отношения в оренбургском ведомстве. Уральское казачье войско под предлогом того, что казахи пугают в реках рыбу, пыталось изгнать их из прибрежной полосы. При этом «уральские казаки в сношениях своих с киргизами (казахами – *А. Б.*), продолжают

[1] Там же. С. 271.

[2] Там же. С. 273.

[3] «Джатак – от глагола джаттак – лежать, так называются в Сибири, в Оренбургском и Туркестанском краях киргизы, имеющие постоянную стоянку при русских селениях, иначе говоря, некочующие киргизы (казахи – *А. Б.*)». См.: Киргиз (псевд.). Киргизы-джатаки (Этнографический очерк) // Русская мысль. Август 1879. С. 318 (прим. авт.).

[4] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884 г. Д. 39. Л. 298 об. – 299.

[5] Там же. Л. 374.

смотреть на последних не как на подданных одного царя с ними, а как на врагов»[1]. Кроме того, оренбургские казаки в середине XIX в. пытались ввести акциз на пользование казахами солью и рыбную ловлю из степных рек и озер, собирая одновременно плату за использование пойменных покосов[2].

Местные власти в начале 1860-х гг. уже поднимали вопрос о необходимости перераспределения земельных угодий, находившихся в пользовании Оренбургского и Уральского казачьих войск в пользу казахов. В донесении А. П. Безака в МВД от 8 декабря 1862 г. была высказана просьба передать в пользование казахов 660 тыс. дес. земли из земель Оренбургского казачьего войска с уплатой в качестве аренды 2 коп. с десятины[3], поскольку, по мнению губернской администрации, Оренбургское войско в Новолинейном районе «имеет излишних земель 1270611 дес.»[4].

Вполне объяснимо поэтому, что одним из наиболее острых вопросов во время обсуждения стал вопрос о принадлежности и размерах казачьей территории, чей статус прежде также не был четко законодательно определен. В этом вопросе правительство настоятельно «требовало со стороны [членов Степной] комиссии осторожности [но] и положительных данных»[5]. Представитель Военного министерства настаивал на том, чтобы казачьи поселения и земли в степи оставались неприкосновенными в войсковой и частично в частной собственности[6]. Однако остальные члены комиссии считали, что необходимо урезать значительную часть земельных «излишков» казачества и передать высвободившуюся территорию для ее хозяйственной эксплуатации казахами, как земледельцами, так и скотоводами; часть территорий предлагалось передать в ведение правительственных органов для последующего экономи-

[1] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852–1860 гг. Д. 93. Л. 4 об. – 5.

[2] Там же. Л. 10–10 об.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 28. Л. 37.

[4] Там же. Л. 12.

[5] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1862 г. Д. 7. Л. 45 об.

[6] Там же. Л. 29 об.

ческого освоения переселенцами. Правительство было вынуждено признать требования Военного министерства завышенными, рекомендовав отмежевать часть пойменных территорий в пользу казахов. Однако размеры отмежеванных территорий не устроили в полной мере Министерство внутренних дел. И уже после разграничения приуральских пойменных земель комиссия генерала Длотавского, работавшая параллельно со Степной, констатировала, что «МВД настаивает на отделении еще некоторых угодий из долины в пользу киргиз (казахов – *А. Б.*)»[1]. Требования новых отводов были отклонены правительством.

Резюмируя свое отношение к земельному вопросу, комиссия рекомендовала правительству «построить» Временные положения на следующих основаниях:

«1) Земли, занимаемые киргизскими (казахскими – *А. Б.*) кочевьями, признаются государственными и предоставляются в общественное пользование киргизов»[2].

2) Признавалась частная собственность на землю за лицами, имевшими документированные свидетельства о законном праве на данную территорию, выданные российским правительством. Документы среднеазиатских правителей, которые считались имевшими юридическую силу в Туркестанском генерал-губернаторстве, в Степных областях объявлялись недействительными.

3) Казахские роды и общины должны были распределять землю «по существующему пользованию», а при возникновении споров – по количеству скота и размерам иного имущества.

4) Служащим по киргизскому управлению прежде отводились особые участки земли, которые находились в их пользовании в период отправления своих административных обязанностей. «Целью означенных наделов… было развитие в степи земледелия, скотоводства и других заведений, для чего служащие должны подавать первый пример, … увеличение средств содержания служащих». Так как ни первая, ни вторая цель при этом, по мнению комиссии,

[1] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3270. Ст. 252. Л. 29 об. – 30.

[2] МИПС-1. С. 271.

не были достигнуты, а данные «отводы стесняют киргиз», комиссия предложила отменить эту привилегию[1].

Таким образом, Степная комиссия не определила приоритет перспективного экономического развития региона, не отдав предпочтения ни земледелию, ни скотоводству. Это, казалось бы, противоречило тенденциям, которые набрали силу в период конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в., когда однозначно рекомендовалось преимущественное развитие земледелия. Однако нам представляется, что это лишь отражает политический прагматизм, который вынудил несколько иначе посмотреть на необходимость развития скотоводства в Российской империи.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости, вызвавшее некоторый рост товарного производства зерна в середине 1860-х гг., внешнеполитические осложнения, вызвавшие увеличение тарифов на российское зерно в европейских государствах, привели к падению цен на внутреннем рынке на продукцию земледелия, что было особенно заметно после их резкого роста в неурожайные 1860, 1862 гг. В это же время возросли спрос и цены на продукцию скотоводства на всероссийском рынке[2]. Все это, несомненно, было хорошо известно членам Комиссии, которые стремились защитить интересы различных социальных групп населения. Резкое уменьшение поголовья казахского скота, которое было возможно при насильственных мероприятиях по оседанию кочевников-казахов на землю и переходе их к земледелию, привело бы к скачкам цен на сельскохозяйственную продукцию, что могло вообще дестабилизировать обстановку в преимущественно аграрной стране, где параллельно происходила ускоренная модернизация политических структур.

По мнению А. К. Гейнса, интерес к проблеме оседания в Степной комиссии вызывался не экономическими, а скорее политическими причинами. Он полагал, что изменение судебно-административных и хозяйственных структур од-

[1] Там же. С. 271–272.

[2] См.: Струмилин Г. С. Очерки экономической истории России. М. – Л.: Наука, 1960. С. 163; Щупков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 25. и др.

новременно привело бы к изменению ментальности, позволило бы «последовательно уничтожить у них (казахов – *А. Б.*) всякую сильную выборочную власть, т.е. освободить их от гнета аристократических и родовых начал… тогда они не парализуют правительственную силу»[1]. На наш взгляд, у российского правительства были несколько иные цели. Посредством введения новой системы управления, сохранив право собственности на землю за государством, планировалось создать предпосылки к политической стабильности в Степных областях, что в комплексе создавало бы условия для интенсивной крестьянской и промысловой колонизации региона, хотя изменение административно-судебной системы, конечно, одновременно способствовало бы и трансформации традиционной системы ценностей автохтонного населения.

После введения Уставов 20-х гг. XIX в. российское правительство долгое время не решалось на проведение крупномасштабных законодательных реформ, позволяя казахам «привыкнуть» к существующему порядку как к данности (норме)[2]. Когда, наконец, по мнению властей, это произошло, последовало издание новых кодексов – Временных положений по управлению – в 1867 г. Туркестанским генерал-губернаторством, состоявшим из двух областей – Семиреченской и Сырдарьинской, а в 1868 г. – Степными Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областями, входившими

[1] Гейнс А. К. Киргизские очерки // Военный сборник. 1866. № 6. С. 53.

[2] В таком контексте просматривается аналогия с концепцией эволюции российского реформизма, высказанной А. Б. Каменским. Он утверждает, что развитие России XVIII в. было эволюцией реформ, которые протекали с различной степенью интенсивности. Периоды активного сменялись периодами замедленного реформирования. Последние давали возможность обществу «собраться с силами» для новых всплесков реформационной активности. В периоды замедления реформ население свыкалось с условиями, которые к следующему импульсу рассматривались уже обычным, постоянным, почти традиционным условием. Автор отмечает: не существовало «контрреформ», просто модернизация происходила в консервативной фазе. См.: Каменский А. Б. Реформы в России XVIII века в исторической ретроспективе // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Международная конференция – Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1994. С. 136–152; Каменский А. Б. Русские реформы как объект исторического исследования // Материалы для слушателей летнего методологического университета «Методология общественных наук в России и за рубежом на исходе века». Секция «История». Ярославль, 1997 и др.

в состав Западно-Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств.

Результатом подготовительной деятельности к реформам можно также считать деятельность Особого Комитета, созданного в 1867 г. во главе с Военным министром Д. А. Милютиным. Комитет представил на утверждение проект «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях», который был без изменений утвержден 11 июля 1867 г. одновременно с Указом об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства[1].

21 октября 1868 г. с некоторыми изменениями по сравнению с проектом Степной комиссии было высочайше утверждено «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств»[2]. Эти кодексы вошли в историческую литературу под сокращенным названием «Временных положений». Оформление новых отношений в качестве временных, что и отражено в названии законоположений, по мнению правительства, должно было помимо прочего ослабить противодействие коренного населения, создав иллюзию возможности их отмены в полном или частичном объеме.

Вместе с тем при вводе Временного положения 1868 г. Комитетом министров особо оговаривалось, что действие нового кодекса следует рассматривать «в виде опыта». Местная администрация должна быть нацелена на внесение своевременных корректив и была обязана «озаботиться составлением постоянного положения по управлению степными областями»[3]. Первоначально планировалось изменить Временные положения через два года после их утверждения, но эта замена произошла в степных областях, где проживало большинство казахов, лишь в 1891 г. Новое положение об управлении Туркестанским краем было принято несколько ранее – в 1886 г.

[1] МИПС-1. С. 281–282.

[2] Там же. С. 275–281.

[3] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884 г. Д. 39. Л. 4.

По Временному положению 1867 г. обе области Туркестанского генерал-губернаторства (Сыр-Даринская и Семиреченская) находились в ведении Военного министерства, но на казахов Семиреченской области с 1870 г. распространялось действие Временного положения 1868 г. По нему же Акмолинская и Семипалатинская области Западно-Сибирского генерал-губернаторства были отнесены к ведению Министерства внутренних дел, а Тургайская и Уральская области Оренбургского генерал-губернаторства административно подчинены Министерству иностранных дел. Еще в 1850 г. из состава Оренбургской губернии были переданы в распоряжение самарского генерал-губернатора три уезда. Центром Оренбургского генерал-губернаторства остался Оренбург, он же стал административным центром Тургайской области, но при этом не вошел в ее состав[1]. В соответствии с новым законом 2 января 1869 г. было ликвидировано Областное правление оренбургскими киргизами, а его функции были переданы образованному Тургайскому областному правлению, находившемуся в ведении МВД[2]. В 1868 г. была ликвидирована Область сибирских киргизов, а функции ее начальства по управлению казахским населением были переданы Акмолинскому областному правлению, подвергнувшись серьезным изменениям в связи с ликвидацией окружной системы и замены ее уездным управлением[3].

Еще накануне начала работы Степной комиссии правительство предлагало объединить управление казахами. В связи с подготовкой военной реформы в 1863–1865 гг. также был поставлен вопрос об учреждении Степного военного округа с присвоением начальнику округа прав генерал-губернатора. Проект был поддержан министрами внутренних дел и военным, а позднее – министром иностранных дел. По мнению правительства, нескоординированность действий западно-сибирской и оренбургской администрации наносила ущерб как внутриполитическим,

[1] ПСЗРИ. Т. XXV. Отд. 2. № 24708.

[2] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2. Л. 335.

[3] ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 3020. 1834–1870 гг. Л. 5.

так и внешнеполитическим интересам империи. С осуществлением плана унификации управления увязывался и вопрос перевода «окраинных губерний» на общероссийские законоположения. Мы согласны с оценкой, данной О. Шкапским, процесса правовой унификации устройства центральных и юго-восточных губерний Российской империи. Он отметил, что «деятели так называемой Степной Комиссии, работавшие в 60-х годах, в целях органического слияния Средне-Азиатской окраины с империей высказались за такую организацию местного управления, которая более всего подходила бы к организации в Европейской России»[1]. Это было генеральное направление эволюции российской имперской модели. Как отмечает историограф Л. С. Гатагова, отечественные и зарубежные авторы в значительной мере соглашаются с тезисом, что в XIX в. Россия почти непостижимым образом соединяла признаки как рыхлой, так и централизованной, бюрократической империи. И это придавало ей определенную устойчивость. Попытки все «выправить», унифицировать, облечь в общепринятую «цивилизованную» форму приводили к обратным результатам – дезинтеграции и хаосу[2].

Проект вызвал противодействие со стороны обоих генерал-губернаторов, которые стремились или сохранить существующее положение, или расширить свои полномочия за счет соседа. Так, оренбургский генерал-губернатор А. П. Безак предлагал соединить управление всеми войсками в степи в своих руках с учреждением Оренбургского военного округа. Западно-сибирский генерал-губернатор А. О. Дюгамель считал необходимым подчинить все управление ему, так как степные регионы экономически зависели от материальных ресурсов сибирских губерний. В такой ситуации правительство было вынуждено принять решение временно не изменять структуры высшего местного управления, рекомендуя Степной комиссии сосредоточить внимание на вопросах внутреннего административного

[1] Шкапский О. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // ВК. 1907. № 1. С. 39.

[2] Гатагова Л. С. Империя: идентификация проблемы // http://www.inci.ru/vestniki/vest24.html (дата обращения: 03.08.2021).

устройства[1], устранив различия, существовавшие в нем прежде. Правовая унификация предусматривала формирование общеказахского самосознания. Против этого также выступал ряд представителей правительства и местной администрации, указывая, что это приведет к постепенному росту казахского национализма. В частности, министр внутренних дел Тимашев отмечал, что прежняя система управления «содействовала разъединению киргизского (казахского – *А. Б.*) народа…, который в сознании своего единства был бы весьма небезопасен для России»[2], но представители военного ведомства настояли на унификации системы управления казахским населением[3]. Более того, была подчеркнута необходимость подрыва родового самосознания казахов, чему способствовала межродовая территориальная группировка волостей. «В такой искусственной волости несколько родов должны были, вопреки векового обычая, отказаться от родовой обособленности, отречься от интересов родовой общины и ея обычаев»[4].

Оценивая значение введения Временного положения 1868 г., депутат первой Государственной думы Российской империи Т. И. Седельников отмечал стремление российской администрации русифицировать казахов. По сравнению с проектом Степной комиссии Положение, по его мнению, резко усиливало роль фактора оседлости. «Желанием закрепить и усилить переход киргизов (казахов – *А. Б.*) к более или менее оседлому образу жизни было проникнуто положение 1868 года, разделившее степь и ее население не на родовые единицы, а на территориальные волости, общественная и хозяйственная жизнь которых должна была происходить под неослабным и ближайшим надзором русских чиновников и русских бюрократических учреждений… Это положе-

[1] Подробнее см.: Ремнев А. В. Учреждение Степного генерал-губернаторства (К истории «окраинной политики самодержавия») // Валихановские чтения (Тезисы республиканской конференции. 25–28. III. 1992). Кокшетау: Полиграфия, 1992. С. 212–213; Ремнев А. В. Проблемы административно-территориальной организации Степного края в 60-х – начале 80-х гг. XIX в. // Вестник науки ААУ (Акмола). 1996. № 7. С. 69–73.

[2] РФ НБ. Инв. № 257. Л. 167.

[3] Более подробно см.: Жиренчин К. А. Указ. соч. С. 78–84.

[4] РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1886 г. Д. 85. Л. 20 об.

ние было одним из решающих поворотных моментов: оно проводило резкую и определенную грань между прошлым степи и ее будущим»[1].

По Временному положению 1868 г. губернии делились на области, области – на уезды, уезды делились на волости, а те в свою очередь – на административные аулы. Во главе областной администрации стоял военный губернатор, во главе уездов – уездный начальник, назначаемый по представлению военного губернатора генерал-губернатором. Помощниками уездного начальника обычно назначались представители различных этносов – русский и казах. Посетивший казахскую степь в конце XIX в. С. Рыбаков отмечал, что с 1870-х гг. в казахской степи установилось относительное спокойствие. Понизился уровень межродовой и межэтнической вражды. Эту стабилизацию внутренней обстановки он связывал с установлением новых законов и вызванных ими порядка и предотвращением самоуправства со стороны традиционной казахской знати. Особую роль в этом вопросе, по его мнению, играл институт уездных начальников. «Уездный начальник для киргиз (казахов – *А. Б.*) – власть, с которой шутить нельзя и к которой они относятся с почтением»[2].

Во главе волостей становились выборные волостные управители из казахов, во главе аульной администрации – избираемые аульные старшины. Выборы происходили по двухступенчатой избирательной системе. В случае смерти, отстранения от должности или временного отсутствия по другой причине функции волостных управителей и аульных старшин возлагались на избранных одновременно с ними кандидатов[3].

Представители Министерства юстиции Российской империи подчеркивали, что выборность – один из базовых

[1] Седельников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 20.

[2] Отчет члена-сотрудника С. Рыбакова о поездке к киргизам летом 1896 по поручению Императорского Географического Общества // Живая старина. Вып. II. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1897. С. 163.

[3] Ералина А. Е. Из истории создания Тургайского уезда и местного самоуправления // «Орталық Азияның Оркениеттік кеңістігі: тарихи сабақтастық және құндылықтар». XX Халықаралық Еуразия ғылыми форумының материалдары. Астана: Еуразия Ұлттық Университеті, 2023. Б. 67.

принципов, легших в основу рекрутирования низовой администрации по Временному положению 1868 г. «В основу местного управления киргизами Временное положение ввело самоуправление с выборным началом, предоставив народу возможность принимать в управлении непосредственное участие через своих представителей»[1]. При этом предполагалось, что таким образом будет повышаться лояльность автохтонного населения Российской империи и их интеграция в имперские структуры. О выборности в качестве элемента гражданского общества говорилось редко. Однако на практике далеко не всегда ставившиеся задачи реализовывались.

Как отмечает Ж. М. Джампеисова, реальные функции волостных управителей, сохранившие статусные позиции в традиционной иерархии, выходили за рамки их официальной компетенции, в результате они зачастую блокировали внедрение в степи российской системы управления, особенно российского судопроизводства[2]. Кроме того, они представляли недостоверную статистику народонаселения, отчасти из-за стремления сокращения налогов и возможности удержания их части для личного обогащения, отчасти по причине низкого образования[3].

Казахи вообще в массе своей в значительной степени ассоциировали новый административный кодекс именно с ростом бюрократии, а само Временное положение в быту именовалось ими обычно словом «Штат»[4]. Даже аул стал не просто аулом, а «административным».

Административный аул включал обычно 200–300 юрт, волость – от 1000 до 3000 индивидуальных хозяйств. И волости, и административные аулы создавались по территориальному принципу, а в 1878 г. даже родовые названия административных единиц на уровне волости были замене-

[1] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102а. Л. 49.

[2] Джампеисова Ж. М. Функционирование традиционных властных институтов казахов в колониальной системе Российской империи. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Алматы, 2004. С. 5.

[3] Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-Киргизская степь. М.: Университетская тип. (Катков и Ко), 1867. С. 51.

[4] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1882 г. Д. 28. Л. 41.

ны топонимическими. Более того, аулам стали присваивать номера[1]. Как отмечалось Тургайской областной администрацией через несколько лет после Введения временного положения 1868 г., «искусственность административного деления степи особенно заметна в разделении волостей на аулы, которые названы даже по номерам, при чем Положение не только смешало понятие аула в его действительном смысле, как собрание родственных между собою кибиток (следовательно, как населенное место), с вновь созданным понятием аула в смысле административной единицы, но и совершенно как бы упразднило первое из них»[2].

Если для казахов сибирского ведомства выборная система была известна, широко применяясь с 1820-х гг., то для казахов оренбургского ведомства это явление в административной практике было новшеством. Как отмечал вице-губернатор Тургайской области, общественное управление у казахов по Временному положению 1868 г. становилось аналогичным общественному управлению у крестьян: «Основанием его служат съезды выборных – десятников в аулах и пятидесятников в волостях, причем аульные съезды соответствуют сельским сходам, а волостные съезды – волостным сходам. На съездах выборных происходят выборы во все общественные должности и решаются дела о разделе поземельных угодий между целыми аулами и отдельными членами общества»[3]. Казалось бы, введение в административную практику элементов демократического рекрутмента должно было произвести позитивные сдвиги в административном управлении, поскольку кооптация чиновников в администрацию находилась под своеобразным общественным контролем. Однако на практике такая форма привела к стремительной деградации традиционных институтов, которые сначала посредством политической мимикрии, а затем реально трансформируясь и встраиваясь в обще-

[1] До настоящего времени в Павлодарской области в быту поселок Ленинский называют Седьмым аулом, поселок ГРЭС – Шестым аулом, а старую часть г. Аксу (т.н. Старый Ермак) – Пятым аулом.

[2] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 151. 108 об.

[3] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1882 г. Д. 28. Л. 30.

принятые правила игры, становились инструментом роста коррупции. Как отмечали представители местной администрации, «люди более уважаемые и почтенные отстранились в настоящее время от участия в общественных делах не потому, что не понимали или не интересовались ими, а по нежеланию служить вместе с людьми, не достойными своего звания и избранными в общественные должности посредством подкупов и другими недобрыми путями»[1]. В результате выборность не стала демократическим институтом гражданского общества, став еще одним квазиинститутом.

Изменению подверглась и судебная система. Сохранялись суды биев и казиев, но с этого времени судьи становились правоответственными по должности, из их компетенции изъяли большую часть поземельных и уголовных вопросов. Была введена выборность судей с возрастным цензом в 35 лет в Степных областях и 25 лет в Туркестанском генерал-губернаторстве. Возрастной ценз, таким образом, здесь был выше, чем ценз для отправителей мусульманского судопроизводства, принятый в 1855 г. для других губерний Российской империи (от 21 года до 25 лет)[2]. Кроме того, казахи получили возможность по любому вопросу, относящемуся к юрисдикции народного суда, обращаться в имперский суд. Было подтверждено право апелляции в суде и состязательность сторон, а право применения «клятвы»[3] было сужено до семейно-правовых отношений. Еще одной особенностью было то, что Временными положениями предусматривался созыв волостных чрезвычайных съездов биев. Время и место съезда определялось теперь волостным управителем[4]. Налогообложение было принято такое, как ранее действовавшее в оренбургском ведомстве, – 1,5 руб.

[1] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 151. 109.

[2] Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост., коммент. Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. Док. № 92. С. 157.

[3] По адату, а затем некоторое время в рамках российского судопроизводства, казахи могли дать в суде клятву – «атын беру» (букв. «душедаяние» или «залог своего имени»), что принималось в качестве безусловного доказательства невиновности подсудимого или его поручителя.

[4] История Казахской ССР. В 5-ти томах. Т. 3. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. С. 229–230.

сер. с кибитки. Вместе с тем фиксировались неоднократные нарушения при взимании налогов, которые даже получили среди казахов название «карышыгын» («черные поборы»)[1].

Декларированное еще законодательством 1820-х гг. разделение исполнительной и судебной власти не всегда соблюдалось на практике, причем администрацией верно вскрывалась и одна из важнейших причин этого – совмещение функций гражданской и военной администрации в одном лице. Даже в конце XIX в. весьма типичным представлялся эпизод, описанный А. Бенкевичем: «Многие уездные начальники, набираемые в Акмолинской и Семипалатинской областях преимущественно из военных, плохо знакомых вообще с законами и пределами своей власти. Лично приходилось слышать от молодого уездного начальника из военных, что протокол, им составленный, должен иметь обязательное значение истины для суда»[2]. Областные правления уже в 1868 г. обратили внимание правительства на то, что Временное положение 1868 г. фактически соединяло в одних органах судебные и исполнительные функции. Однако решение этого вопроса выходило за рамки компетенции областных органов. Несмотря на это обстоятельство, 10 марта 1869 г. в Уральской области были приняты специальные Правила, регламентировавшие полномочия нижнего и среднего административного звена[3]. Позднее в Акмолинской и Семипалатинской областях по проекту П. Волкова – губернского секретаря при Главном управлении Западной Сибирью – в качестве временной меры были введены судебно-мировые съезды[4]. В 1871 г. параллельно Министерством юстиции и Министерством внутренних дел по запросу западносибирского генерал-губернатора был поставлен вопрос о необходимости более четкого разграничения компетенции административных и судебных

[1] Касымбаев Ж. К. Главный девиз: объективность. О проблемах истории Казахстана XIX – начала XX вв. // История Казахстана: Белые пятна: Сборник статей / Сост. Ж. Б. Абылхожин. Алма-Ата: Казахстан, 1991. С. 340.

[2] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. I. Л. 75 об.

[3] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102 «а». Л. 66.

[4] Там же. Л. 165.

органов[1]. Против расширения штата административных и судебных органов выступило Государственное казначейство, но его доводы были отвергнуты[2].

К октябрю 1872 г. было подготовлено два проекта «Об устройстве судебной части в степных областях». Первый из них был представлен Министерством юстиции и Главным управлением Западной Сибири, второй – генерал-губернаторами оренбургским, туркестанским и западносибирским[3]. Созданная тогда же Комиссия обсуждала проекты в период до 1877 г., но так и не пришла к решению о выборе наиболее приемлемого варианта. Главным противником внедрения реформы выступило Военное министерство, сознательно затягивавшее процесс согласования тех или иных документов[4]. И только Положение 1891 г. об управлении степными областями окончательно реанимировало принцип разделения судебной и исполнительной власти в Степном крае. Сохранившиеся элементы традиционного судопроизводства (народного суда) вкупе с использованием элементов дореформенного общеимперского суда сформировали весьма странную и во многом уникальную судебную систему в Степном крае[5].

Еще одним «шатким» постулатом судебного устройства Степных областей по Временному положению 1868 г. стало отсутствие интеграции между общеимперским судопроизводством и ставшим его составной частью народным судом. Высшие судебные органы не имели правовых возможностей контроля и пересмотра дел суда нижней инстанции, если преступление не относилось к разряду преступлений против государства или особо тяжких уголовных. В результате контролирующие функции до принятия Степного положения 1891 г. также были сосредоточены в администра-

[1] Там же. Л. 72.

[2] Там же. Л. 72 об.

[3] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102 «а». Л. 165.

[4] Там же. Л. 344.

[5] Анисимова И. В. Имперская судебно-правовая система в Степном крае во второй половине XIX века: особенности формирования и функционирования // Былые годы. 2018. № 47. Ч. 1. С. 271.

тивных органах различного уровня[1]. Правда, и здесь было принято промежуточное решение. Еще в 1875 г., была внесена поправка, согласно которой единоличное решение бия могло быть обжаловано и апелляция должна была быть рассмотренной в суде верхней инстанции[2].

Несмотря на существенные недостатки, новые судебная и административная системы позволили стабилизировать ситуацию в казахском обществе до такой степени, что произошло существенное снижение частоты уголовных преступлений по сравнению с предыдущими периодами российского управления в Степных областях[3].

В отношении земельного устройства также произошли существенные изменения по сравнению с действовавшим прежде законодательством.

Казахи были приравнены к сельским обывателям Российской империи (§ 243), при этом они освобождались от рекрутской повинности (§ 245) даже при условии перехода в иное сословие (§ 246).

Временное положение практически дословно восприняло положения, предложенные членами Степной комиссии, о признании земель государственной собственностью, предоставленных в общественное пользование без оплаты за их хозяйственную эксплуатацию (§ 210). Эти же положения оставляли возможность для превращения наделов в частную собственность, но лишь для оседлых казахов (§ 210). Официально признавалось право земельной частной собственности за лицами, имевшими на это акты российского правительства (§ 211). Сами земли казахов были разделены на летовки и зимовки (§ 212) и предоставлялись в пользование волости как коллективного арендатора. Разрешалось межевое разграничение территорий кочевий отдельных обществ, для чего предлагалось даже войти с предложением «об устройстве межевой части в степях» (§ 216, прим. 1, 2). Было разрешено занятие земледелием с выделением участков на зимовке или летовке (§ § 217, 219,

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1885–1888 гг. Д. 13. Л. 26 об. – 27.

[2] Там же. Л. 34–35.

[3] Там же. Л. 48 об.

223), при этом предоставлялась пятилетняя льгота от уплаты податей. Жилые и хозяйственные постройки получали статус частной собственности, а земли, занимаемые ими и пашнями, находились в бессрочном пользовании и владении до тех пор, пока существовали хлебопашество и указанные строения. В связи с усилением процесса колонизации размер земельного надела в данном законодательном акте не определялся, не разрешался также вопрос о спорных между казачеством и казахами территориях (§ § 225, 225 прим.). Казахам, как обществам, так и отдельным лицам, было предоставлено право субаренды – им предоставлялась возможность «уступать свои участки или части оных в пользование русских, по добровольному соглашению» (§ 220).

Текст Временного положения 1868 г., несмотря на значительные нововведения, демонстрирует генетическую связь и преемственность с Уставом о сибирских киргизах 1822 г. В обоих документах большое внимание уделено процессам оседания и трансформации быта казахов. Однако, в отличие от Устава, по Временному положению социальную базу седентаризации составляло все казахское население безотносительно положения в традиционной социально-политической стратификации. Новым законодательным актом российские власти пытались также стимулировать перевод казахского скотоводства на товарную основу, для чего был отменен билетный сбор за перегон скота через линию (§ 196), скотопромышленники наделялись правами свободного безвозмездного прогона по степи (§ 240). Правда, они несли ответственность за потравы пашенных угодий, чем дополнительно закреплялись права земледельцев на безусловное владение возделанными участками.

В целом, на наш взгляд, Временное положение 1868 г. создавало правовые предпосылки для усиления процессов колонизации степи и оседания кочевников-казахов на землю.

Подобная политика постепенно распространялась и на казахов Туркестанского генерал-губернаторства. Уже в проекте нового Положения об управлении Туркестанским краем, составленном в 1873 г., планировалось признать

все земли государственной собственностью, находящейся в постоянном пользовании населения. Однако данный проект не был утвержден, т.к. ревизия сенатора Ф. К. Гирса, брата бывшего председателя Степной комиссии, нашла предложенный в проекте принцип определения права собственности не соответствующим условиям и особенностям края, заключив, что «все земли… должны быть отведены на правах полной собственности»[1].

Многие ведомства не были согласны с выводами ревизии Ф. Гирса. Под их давлением император принял решение о создании новой специальной комиссии, которую поручили возглавить известному знатоку Востока, чиновнику Министерства иностранных дел Н. П. Игнатьеву. Состав комиссии был представлен преимущественно чиновниками Военного министерства. Комиссия, по их настоянию, приняла решение рекомендовать правительству признать земли государственной собственностью. Однако таковыми они официально были объявлены лишь в 1886 г. Статьей 260 Закона об управлении Туркестанским краем устанавливалось, что только постройки и насаждения признаются находящимися в полной собственности населения, чем дополнительно закреплялось Положение 1868 г., на которое и ссылались как на прецедент[2].

Во время волнений 1869–1870 гг., ставших ответом некоторой части кочевников (главным образом южных районов Оренбургской губернии) на объявление земель государственной собственностью, произошла массовая откочевка казахов в Хиву, Бухару, Афганистан и Китай. В Синьцзяне к этому времени мусульманское население свергло китайское управление. Ушедшие туда казахи были исключены из числа подданных Российской империи[3]. «Как только «бунтовщики» убежали на юг, верноподданные киргизы (казахи – *А. Б.*) поклонились начальству, да, записавши

[1] Сарыбаев К. Аграрный вопрос в Каракалпакии (конец XIX – начало XX века). Нукус: Каракалпакстан, 1972. С. 37.

[2] Там же. С. 37–38.

[3] Моисеев С. В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэттишар (1864–1877 гг.). Барнаул: АзБука, 2006. С. 26.

за собой лучшие места на покинутых непокорными кочевниками летовках, образовали новые оседлые волости. Бежать недовольным стало некуда потому, что нигде на юге не было достаточной для них площади свободных пастбищ: все было занято или оседлыми туземцами, или местными кочевниками. Проскитавшись одно лето, пришлось волей-неволей покориться Белому царю и поспешить оставить за собой хоть то, что осталось после захвата земель старыми и новыми оседлыми волостями»[1].

Неопределенность по Временному положению 1868 г. размеров земельных наделов позволяла желающим казахам заняться земледелием с официального разрешения местных властей, фактически присваивать себе лучшие участки на летовках и зимовках. Возможность подобных захватов и зачастую простая экономическая рентабельность земледелия для части населения служили сильнейшими стимулами к развитию земледелия и оседанию казахов на землю. В это время оседание происходило не просто отдельными семьями или обедневшими аулами, прецеденты чего можно встретить в источниках еще с начала XIX в[2]., а целыми родами. В обострившейся внутриэтнической обстановке поддержка российского правительства играла решающую роль в определении статусности социально-политической группы. Многие ранее бывшие слабыми роды, получив поддержку колониальных властей, становились политически выше сильных кочевых родов, а, пользуясь льготами и иногда «ножницами цен», зачастую и экономически сильнее их.

В XVIII–XIX вв. казахи и казаки из-за земельных угодий зачастую проявляли по отношению друг к другу враждебность. Оренбургская губернская администрация откровенно доносила по этому поводу еще в начале 60-х гг. XIX в., что «между уральскими казаками и киргизами (казахами – *А. Б.*) Малой и Внутренней орд издавна существуют поземельные споры… С развитием населения степи киргизы все более и более испытывают стеснения в кочевках, и потому с обеих

[1] Седельников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 21.

[2] КРО-2. С. 159–172 и др.

сторон возникают притязания на левый берег Урала»[1]. В отчете за 1864 г. генерал-губернатор А. П. Безак вновь отмечал, что «уральские казаки находятся в крайне враждебном отношении к Зауральским киргизам, по причине существующих у них поземельных споров. Вражда эта с каждым годом все более увеличивается, потому что казаки, при уменьшившихся выгодах в рыболовстве, ищут вознаграждения на лугах, лежащих по левую сторону реки»[2]. Однако местные власти принимали все необходимые меры к стабилизации ситуации. Большую роль в этом вопросе, несомненно, сыграло изменившееся общественное мнение. Внимание к региону и казахско-казачьим отношениям было привлечено статьей П. Небольсина в «Русском вестнике». В ней он, например, писал: «Уральские казаки нехристиански, негуманно смотрят вообще на мухамедан (магометан – *А. Б.*), а на киргизов (казахов – *А. Б.*) в особенности»[3]. Эта статья вызвала горячую дискуссию в прессе[4] и, несомненно, повлияла на решение спорных межэтнических территориальных вопросов, сохранив за казахами значительные приуральские угодья.

В период 1865–1867 гг. происходила работа комиссии под председательством генерал-лейтенанта Длотавского, которая разграничила левобережье Урала между казачеством и казахами, и «между ними прекратились всякие споры, доходившие до драки»[5].

В результате характер земельных споров постепенно переставал носить межэтническую форму. Как и по отношению к казачеству, к крестьянам-переселенцам со стороны казахского населения фактов агрессивного поведения известными нам источниками этого периода практически не зафиксировано.

---

[1] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2958. Ст. 168. Л. 20 об.

[2] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3098 «б». Ст. 579. Л. 21 об. – 22.

[3] Небольсин П. Путешествующий киргиз // Русский вестник. 1859. № 17. С. 1–2.

[4] См., напр.: Желунов И. И. Киргизомания // Русский вестник. 1860. Т. 30. «Современная летопись». № 1. С. 45–51; Плотников Л. По поводу статьи: Путешествующие киргизы // Там же. С. 145–277 и др.

[5] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3270. Ст. 252. Л. 29 об.; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3213. Ст. 500. Л. 16 об.

Таким образом, земельные споры в конце 60-х гг. XIX в. принимают форму преимущественно внутриэтнической борьбы. Аргументация сторонников и противников реформы базировалась на обычном и гражданском (публичном) праве. Интересно, что последнее использовалось кочевниками. Их отправным аргументом служил тезис: «Созданная Богом земля служила прежде одинаково для всех нас летним пастбищем, а теперь вы (земледельцы – *А. Б.*) называете ее своей. Земля не ваша. Она – во-первых – Божья, а затем – царская (государственная)». Осевшие казахи заявляли, что «теперь царской земли нет, а есть только людская земля. У каждого клочка есть свой хозяин»[1]. Несомненно, что аргументация оседлых базировалась на обычном праве русских крестьян, которые также выдвигали основным аргументом принадлежности земельных угодий принцип трудозатратности, выражавшийся в формуле: кто на земле работает, тому она и принадлежит[2]; у среднеазиатских земледельцев основополагающим был фактор принадлежности водных ресурсов[3].

Вопрос прав коренного населения на земли колоний рассматривался в тот же период и западноевропейской и североамериканской общественной мыслью, причем его решение было во многом аналогично российскому. Нам представляется, что признание земель государственной собственностью имело своим источником обычное право, трансформировавшееся в публичное. Так, П. Словцов писал, что «степь[,] не обрабатываемая и не представляющая знаков оседлости, по праву народному принадлежит первому, кто выставил пушку на плац-форме или провел там борозду сохой. Но знатная часть степи, киргизами (казахами – *А. Б.*) занимаемая, принадлежит

[1] Седельников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 22.

[2] Данилов В. П., Данилова Л. В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М.: РОСПЭН, 1996. С. 27–28; Яхшиян О. Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Там же. С. 101.

[3] Сейдалин Т. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая // ЗОО ИРГО. 1870. Вып. 1. С. 256–257.

России по лучшему и непоколебимому праву»[1]. Это же право на Западе фиксируется в середине XIX в. в качестве публичного права. А. Шопенгауэр приводил следующее рассуждение: «Право собственности возникает, на мой взгляд, только через обработку вещей. Эта, уже не раз высказанная, истина находит себе замечательное подтверждение в том, что она приобрела себе даже практическую силу – в одном заявлении американского экс-президента Дж. К. Адамса за 1840 г.: «Некоторые моралисты подвергли сомнению право европейцев селиться в землях американских туземцев. Но зрело ли они обсудили этот вопрос? По отношению к большей части страны право собственности самих индейцев имеет под собой сомнительную почву. Конечно, естественное право обеспечивает за ними их возделанные поля, их жилища, достаточное количество земли для существования и все, что сверх этого доставит каждому его личный труд. Но какое право имеет охотник на громадный лес, который он случайно обежал, преследуя свою добычу?»[2]

Санкционированные российским правительством межобластные съезды казахов отразили сложившиеся между казахами-кочевниками и казахами-земледельцами противоречия. Небезынтересным представляется проект казаха-кочевника Мурзагула Чиманова, который на одном из съездов в 1882 г. предложил в целях устранения антагонизма между оседлыми и кочевниками произвести территориальный передел: в каждой области, по его мнению, должна быть отведена сплошная узкая полоса земли по меридиану, «на юге этой полосы богатые киргизы (казахи – *А. Б.*) данной волости будут зимовать со своими стадами, а на севере будут жить оседло… проводя лето вместе с остальной кочующей частью своей волости»[3].

[1] Цит. по: Абдиров М. Ж. История казачества Казахстана / Под ред. Ж. Касымбаева. Алматы: Казахстан, 1994. С. 95.

[2] Шопенгауэр А. Идеи этики // Шопенгауэр А. Избранные произведения. Пер. с англ. / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. И. С. Нарский. М.: Просвещение, 1992. С. 141.

[3] Седельников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 26.

Как же решались эти вопросы правительством? На чью сторону становились представители царской администрации и т.п.? Ответом может служить судьба самого М. Чиманова, – по сведениям В.К. фон Герна, – «честного и бескорыстного человека»[1]. После подачи жалобы на имя министра внутренних дел и разбирательства ее Тургайской областной администрацией он был приговорен к шести месяцам тюремного заключения. Вообще обычно споры решались в пользу оседлых, вплоть до отмены решения казахских съездов. При этом даже султаны-торе лишались своих зимних стойбищ[2]. Разбирательство же таких дел «полюбовно», т.е. по обычному праву, без вмешательства российской администрации, доходило до кровопролития. Так, известно, что выдающийся казахский поэт Абай Кунанбаев был ранен при решении земельного спора, а это дело было пересмотрено в Сенате[3].

Таким образом, с 80-х гг. XIX в. часть казахов оказывается вовлеченной в орбиту политической деятельности, в первую очередь по так называемому земельному вопросу. В это время появляются первые проекты землеустройства, разработанные самими казахами в соответствии с российским законодательством. Разделение казахов во внутриэтнической (равно внутриполитической) борьбе на две партии, которые условно можно обозначить как «земледельческую» и «кочевую», создавало колониальной администрации новые возможности для усиления своего влияния, с одной стороны, и интенсификации деятельности по переводу казахов на оседлый образ жизни в связи с появлением обширной социально-политической и экономической базы, с другой. Центральные власти в это же время усиленно ориентируют местную администрацию на постепенное оседание казахов-кочевников и секуляризацию земель, лишь формально оставляя решение этого

[1] Фон Герн В. К. Характер и нравы казахов (Этнографические заметки) / Комм., предисл. и ред. Ж. О. Артыкбаева. Караганда: ТОО «Номад и Ко», 1995. С. 11.

[2] Седельников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 27–28.

[3] Асылжанов Б. Письмо Абая Сенату (Дела и дни Абая (Ибрагима) Кунанбаева) // Простор. 1982. № 5. С. 196–198.

вопроса в компетенции губернской и низовой администрации.

В соответствии с рекомендациями правительства в 1884 г. в Тургайской области было проведено обследование территорий на предмет возможного их использования в качестве земледельческих. Военный губернатор Тургайской области А. Проценко поручил провести данное обследование полковнику Яковлеву. В наказе, данном Яковлеву, отмечалась необходимость изыскания подходящих для колонизации территорий. После обследования Яковлев доносил начальству, что удобных для колонизации местностей в Иргизском уезде Тургайской области нет[1]. Однако военный губернатор настаивал на дополнительном обследовании и изыскании «свободных и удобных» для колонизации территорий. После такого административного нажима Яковлев вынужден был представить «соображение» о территориях, которые «могут быть заняты [колонистами], хотя и не с полной удобностью для населения»[2].

Подобные обследования начинались и в других Степных областях, обычно они производились так называемыми переселенческими партиями[3].

Параллельно проводились реформы административно-территориального управления. В 1882 г. было создано Степное генерал-губернаторство, объединившее области, населенные казахами. Инициатором его создания выступило Военное министерство. Было созвано очередное межведомственное совещание, которому было поручено пересмотреть всю административную карту Азиатской России. Возглавил это совещание на тот момент уже министр внутренних дел Н. П. Игнатьев. Большую роль в принятии окончательного решения сыграла позиция военного министра В. П. Ванновского, аргументировавшего необходимость введения нового административно-

[1] См.: Кауфман А. А. Отчет старшего производителя работ Кауфмана А. А. по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможности ее колонизации. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1896. С. 166–169.

[2] Кауфман А. А. Указ. соч. С. 167.

[3] См.: Седельников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 41 и др.

территориального деления внешнеполитическими факторами, в частности, разграничением территорий с Китаем и усилением российских позиций в Средней Азии настолько, «чтобы в случае надобности возможно было действительно угрожать Англии»[1]. Еще одной из причин создания нового генерал-губернаторства были противоречивые решения, принимавшиеся западно-сибирскими и туркестанским генерал-губернаторами в отношениях с Китаем[2]. В это время правительство уже не просто не поддерживало такой внешнеполитический автономизм, но выступало категорически против него.

Степное генерал-губернаторство было отнесено к западно-сибирским губерниям, переходившим под действие общих правил управления империей. Против создания Степного генерал-губернаторства выступали многие чиновники того времени. В частности, Ф. Гирс, которому было поручено реорганизовать управление на месте, отмечал, что одним из главных оснований «Временных положений» 1868 г. было ослабление родовых отношений у казахов посредством проведения русификаторской политики и разделения казахов в административном отношении. Реализация последнего фактора становилась невозможной при новом административно-территориальном устройстве[3]. Ведомственные споры происходили по вопросам о приоритетности развития земледелия и оседания, а также по вопросам судебного устройства коренного населения, податного обложения, управления и др. В связи с возникшей дискуссией и назревшими к концу 80-х гг. XIX в. проблемами управления Степными областями правительство приняло решение о пересмотре Временного положения.

На наш взгляд, также заслуживает внимания мнение Е. В. Безвиконной, полагающей, что на протяжении всего XIX в. в Степи «имперская администрация находилась

[1] РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1882 г. Д. 47. Л. 259.

[2] Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. С. 292.

[3] Ремнев А. В. Проблемы административно-территориальной организации… С. 75–76.

в поиске оптимального баланса между российскими технологиями управления и традиционными политическими и правовыми структурами кочевого общества, балансируя между областным и аульно-волостным уровнями власти»[1].

В 1875 г. произошло массовое переименование волостей. Если прежде, в соответствии с Уставом 1822 г., они именовались по названию рода, преимущественно кочевавшего на данной территории, то теперь они стали носить топонимические названия, чаще всего в зависимости от названия административного центра волости[2]. Топонимические изменения подчеркнули изменения в подходе правительства к решению административно-территориального вопроса в Степных областях и стремление к общеимперской унификации подходов к данному вопросу.

Поскольку принятые в 1867–1868 гг. Положения были Временными и заявлялось, что они будут действовать всего 2 года, на губернском уровне приступили к подготовке проектов новых Положений об управлении Степными и Туркестанскими областями. К.П. фон Кауфман уже в 1869 г. обратился к западносибирскому и оренбургскому губернаторам с таким предложением. Помимо недостатков, которые стали проявляться в несоответствии отдельных норм местным условиям, выявились и неединичные несогласования принятых Временных положений с имперским законодательством. Третьим фактором, который оказывал влияние на этот процесс, выступало настоятельное требование со стороны правительства унифицировать административно-территориальное управление на областном уровне. Как и при подготовке Временных положений, было образовано несколько временных органов, происходили многочисленные заседания, письменные обсуждения, возникали споры, в которых помимо государствен-

[1] Безвиконная Е. В. Административное пространство «азиатского пограничья» Российской империи в XIX веке // Азиатская Россия. Люди и структуры империи. Сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 139.

[2] Остафьев В. Колонизация Степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки ЗСО ИРГО. Кн. XVIII. Вып. 1. Омск, 1895. С. 32.

ных стремились реализовать и личные амбиции. Наконец, в 1871 г. появилось Положение об управлении в областях Акмолинской и Семипалатинской, в одном из вариантов предусматривавшее распространение его на Тургайскую и Уральскую области. Западносибирский проект был представлен в Санкт-Петербурге в 1872 г., но оказался невостребованным, и к нему вернулись лишь в 1875–1879[1] гг. в рамках работы по созданию Степного генерал-губернаторства.

Аналогичный проект по управлению Уральской и Тургайской областями возник в бюрократических коридорах чуть позже. И к нему также вернулись в правительстве лишь в 1879–1881 гг.[2]

Появление двух проектов в западносибирском и оренбургском ведомствах, отличных друг от друга, создававшихся без особого согласования между региональными властями, свидетельствует о том, что, несмотря на введение в административно-правовую практику Временного положения 1868 г., оренбургская и западносибирская административные системы де-факто продолжали существовать, что вполне объяснимо хотя бы потому, что значительная часть аппарата соответствующих ведомств осталась неизменной.

По мнению Степного генерал-губернатора Колпаковского, пересмотр Временного положения 1868 г. был вызван несколькими причинами: земельной потребностью, а именно необходимостью легитимировать доступ русских переселенцев на территории, населенные казахами, и потребностью унифицировать систему управления населением с учетом охраны внешних границ империи[3].

В 1873 г. Министерство юстиции со своей стороны инициировало процесс пересмотра Временных положений 1867 и 1868 гг. Инициатива была поддержана Министерством внутренних дел и лично министром Тимашевым.

[1] Более подробно об этом см.: Васильев Д. В. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 221–244, 268.

[2] Васильев Д. В. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 244–268.

[3] РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1882 г. Д. 58. Л. 4 об.

Однако она не нашла поддержки в Военном министерстве, указавшем на необходимость учета международного положения в свете противостояния Британской и Российской империй в регионе и особенно в связи с необходимостью серьезной переработки положений о народном суде биев и казиев и их взаимосвязи с русским судопроизводством[1].

В 1878–1881 гг. работала межведомственная специальная комиссия с целью создания постоянного положения об управлении Степными областями. Причем в основном ее варианте предполагалось образование единого Степного генерал-губернаторства с включением в него всех семи центральноазиатских областей и Внутренней орды и введением единой для всей этой территории системы управления и судопроизводства. Комиссия прекратила свою работу в связи со смертью императора Александра II[2].

Передача Семиреченской области из состава Туркестанского в состав образованного Степного генерал-губернаторства вновь актуализировала вопрос о необходимости разработки единого правового акта, унифицировавшего бы различавшиеся административные практики в Степных областях. С этой целью в 1883 г. по решению степного генерал-губернатора была создана специальная комиссия, которую возглавил семиреченский военный губернатор А. Я. Фриде. Проект нового Положения об управлении в областях Степного генерал-губернаторства был подготовлен этой комиссией в 1884 г., когда к его обсуждению и коррекции были привлечены представители других областных администраций Степного края. Более того, он был качественно переработан, и генерал-губернатором Г. А. Колпаковским была одобрена омская версия этого проекта. Но и она не была утверждена правительством[3].

[1] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102б. Л. 147 об. – 177.

[2] Там же. Л. 40–67, 132 об. – 147, 178.

[3] Васильев Д. В. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 466, 482–506.

Неутвержденные проекты по управлению Степными областями появлялись и позднее[1], но их по разным причинам ждала та же участь. Они не утверждались либо на уровне генерал-губернатора, либо тонули в министерских обсуждениях, либо отвергались верховной властью. Но они послужили в то же время сближению позиций региональных властей, налаживанию внутренней коммуникации их как между собой, так и с центральными органами управления Российской империей. И, как верно заметил специально исследовавший этот вопрос Д. В. Васильев, в значительной мере послужили источниками принятых Положений об управлении Туркестанским генерал-губернаторством 1886 г. и Степным положением 1891 г. Мы согласны с его выводом, что правительство активно направляло местные власти и министерства «к унификации административного и общественного управления во всех центральноазиатских областях государства и перспективу полной ассимиляции их административной системой империи»[2].

В 1884 г. с целью ревизии Сибирского и Семиреченского казачьих войск была направлена ревизия во главе с генерал-адъютантом Свистуновым. Он, в частности, предложил образованную в 1854 г. Семипалатинскую область ликвидировать, распределив ее территорию и административные единицы между Акмолинской и Семиреченской областями. В следующем голу последовало высочайшее постановление с целью рассмотрения данного предложения в министерствах и на губернском уровне. Позднее материалы обсуждения стали одним из источников рассмотрения образованной в 1885 г. Комиссии по пересмотру действующих постановлений об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской[3], а в конечном итоге и Степного положения 1891 г.

[1] Там же. С. 546–561.

[2] Там же. С. 561.

[3] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884 г. Д. 39. Л. 231, 238–238 об.; РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 27. 1885 г. Л. 10–25 и др.

Первые реальные шаги по изменению Временного положения 1868 г. были сделаны в 1885 г., когда после настоятельных требований степного генерал-губернатора Колпаковского глава правительства поручает М. Н. Островскому рассмотреть вопрос о создании некоего подготовительного к реформе органа и определить его персональный состав[1].

С целью подготовки нового кодекса была создана специальная комиссия во главе с товарищем министра внутренних дел сенатором В. К. Плеве. В состав вошли Кобеко – от Министерства финансов, государственный контролер Хмыров, от Министерства государственных имуществ – Гирирогов (позднее был заменен Малютиным), от Министерства иностранных дел – Лисовский, от Военного министерства – Соболев, от Уральского казачьего войска – Мартынов, от Сибирского и Семиреченского казачьих войск – Щербаков (позднее заменен Катанаевым), от Министерства юстиции – Щегловитов, от Министерства внутренних дел – Гирс, Ильин, Лазаревский, Балкашин и Стрелковский, от уральского областного правления – Кареев[2]. Таким образом, в состав комиссии вошли главы департаментов министерств и иные высокопоставленные чиновники империи. Комиссия рассматривала вопросы управления казачьим, русским и украинским переселенческим населением, а также управления автохтонным населением Степного края. Помимо прочих вопросов этой комиссией вновь был поднят вопрос о целесообразности оседания казахов-кочевников на землю и изменении их быта и образа жизни вообще.

Рассматривая на основе данных отчетов генерал-губернаторов и областных правлений результаты проведенных после принятия «Временных положений» местной администрацией мероприятий, комиссия пришла к выводу, что льготы, предоставлявшиеся казахам, чаще всего не использовались ими. Хотя процесс оседания и протекал относительно быстрыми темпами, но основная причина перехода – экономическая, а кочевой образ жизни по-прежнему для большинства представлялся более предпочтительным

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884 г. Д. 39. Л. 4 об.

[2] Там же. Л. 6–36 об.

и привлекательным. Кочевники не прибегали к использованию привилегий, опасаясь, что в случае возвращения в кочевое состояние с них будет взыскана не только пятилетняя подать, но и неустойка. Многие начинали земледельческий промысел и переходили к оседлому образу жизни с единственной целью – закрепить за собой земельные угодья. По этому вопросу комиссия пришла к заключению, что сохранение для казахов, переходящих в оседлость, пятилетней льготы по налогообложению нецелесообразно[1]. При этом комиссия решила, что оседание кочевников не вступает в противоречие с интересами правительства. Поэтому было рекомендовано сохранить в силе льготу освобождения от рекрутской повинности при переходе в иное состояние. Комиссией предлагалось сохранить права личного владения земельным наделом для оседлых казахов, но право субаренды планировалось существенно ограничить. Вопрос оседания рассматривался комиссией как предваряющий этап массовой колонизации Степных областей.

При обсуждении вопроса о возможностях колонизации в комиссии возникли существенные разногласия. Тургайский военный губернатор Барабаш считал, что «захват переселенцами удобных земель… сказался бы самыми пагубными последствиями на всей громадной массе киргизского (казахского – *А. Б.*) населения»[2]. Права и льготы переселенцев урегулировались иными административными актами, которые позволяли сохранять систему, названную позднее рядом авторов «запретительным клапаном»[3]. Но именно рекомендации комиссии Плеве легли в основу Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями, принятого 25 марта 1891 г. и известного в исторической литературе под названием Степного положения[4].

[1] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1496. Л. 37 об.

[2] Цит. по: Кауфман А. А. Отчет по командировке… С. 17.

[3] См., напр.: Ленин В. И. Последний клапан // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 16–21; Тресвятский В. К теории переселений // ВК. 1913. № 12. С. 52–65 и др.

[4] МИПС-1. С. 394–399.

Данное положение основную ответственность за проведение оседания возлагало на областные административные органы (в предыдущем – на губернские). Они должны были помимо поземельного вопроса и одновременно с ним разрешать вопросы просвещения, общественного призрения, обеспечения населения продовольствием, охраны посевов (ст. 157). Такой симбиоз разнообразных обязанностей свидетельствует, на наш взгляд, о стремлении российского правительства оправдать земельные изъятия цивилизаторской идеей. Хотя последней, несомненно, придавалось серьезное значение.

В Степном положении было закреплено предложение подготовительной комиссии об отмене пятилетней налоговой льготы. В остальном в отношении податного поземельного устройства и «вопросе перехода из одного состояния в другое» были сохранены пункты «Временного положения» 1868 г. Большое внимание в новом кодексе было уделено вопросу возможности сдачи кочевниками земель в аренду русским промышленникам и крестьянам-переселенцам (ст. 126–130, 136), категорически запрещалась сдача земель в аренду иностранцам и иным иноверцам, кроме своих сородичей (ст. 136). В этом, несомненно, прослеживались протекционистские «охранительные» экономические тенденции.

В ряд статей, касавшихся форм землепользования кочевников, не были включены такие кочевые участки, как летовки (ст. 126, 128, 129), а ряд статей и вообще создавал законодательную базу для возможного их изъятия, приравнивая их статус к «свободным казенным землям» (ст. 129, 132).

Особо оговаривалось, что «земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства государственных имуществ» (ст. 120, прим. 1).

Обращает на себя внимание тот факт, что подать для оседлых переводилась из разряда подушной (точнее – кибиточной) в разряд оброчной, взимаемой с сельских обществ по количеству удобной земли (ст. 149–152), практически полностью уравнивая таким образом оседлых «туземцев»

с российскими крестьянами в обязанностях, кроме несения рекрутской повинности.

Земли вновь признавались государственной собственностью (ст. 119). Для крупных скотопромышленников была сохранена льгота, введенная Временным положением, но была усилена охрана посевных площадей от потрав посредством увеличения ответственности за нарушение таковой (ст. 130).

В разъяснении Государственного совета к статье 120 Степного положения говорилось: «В основание постановлений, определяющих поземельное устройство кочевого населения степных областей, положено то общее начало, что все земли, занимаемые кочевьями, признаются государственной собственностью, и предоставляются кочевникам лишь в бессрочное общественное пользование, причем могущий оказаться излишек поступает в ведение Министерства государственных имуществ. Этим путем ограждаются в будущем (sic) права государства на всю обширную территорию степных областей»[1].

В вопросе отношения администрации к возможностям трансформации традиционного кочевого социума также происходили определенные изменения. Выдвигавшийся на первый план в начале 60-х гг. XIX в. вопрос о возможности введения института частной собственности у казахов был снят с повестки объявлением всех земель государственной собственностью, находящейся в бессрочной безвозмездной аренде кочевников и облагаемой земельными налогами в пользовании оседлых. Если в 1860-х годах решение проблемы оседания кочевников-казахов виделось как результат всевозможных экономических льгот и развития естественно-экономических потребностей коренного населения, то к 1890-м годам решение проблемы сужается до результирующих этих причин, к которым вновь добавляется усиление культуртрегерских тенденций, вызванных начавшимся процессом крестьянской колонизации. Вопрос о темпах оседания уже в 1880-х годах практически не поднимался, зато усиливалось внимание властей к степени

[1] Цит. по: Седельников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 33–34.

рентабельности земледелия и скотоводства[1]. В частности, в Объяснительной записке к Степному положению указывалось, что основным налогоплательщиком в Степи являются скотоводы. Средний размер стада казаха составляет от 16 до 30 голов «разного скота на кибитку». Всего же в пяти степных областях на момент принятия Степного положения насчитывалось около 13 млн голов скота, а их стоимость только в Акмолинской и Семипалатинской областях оценивалась в 78 млн руб.[2]

Основным итогом введения новых административной системы и правовой базы стало создание реальных условий для начала активной экономической эксплуатации Россией казахских степей. Именно в это время сборы в казну из Степи и Туркестана впервые превысили расходы на содержание местной администрации[3]. Вместе с тем в Степных областях средний суммарный размер налогов с крестьянина превышал в 7–8 раз средний суммарный размер налогов с казаха-скотовода. И отдельные представители колониальной администрации в период столыпинских реформ заявляли, что «нельзя же допускать, в самом деле, мысли о сохранении за киргизами (казахами – *А. Б.*)… той привилегии по отношению к русскому переселенцу»[4].

Таким образом, принятие Степного положения завершает процесс признания казахских земель государственной собственностью Российской империи. Этим была подготовлена почва для реализации на практике разнообразных политических и административных проектов. И хотя утверждение, что «это были законодательные поправки, создавшие прочную правовую основу для безраздельного

[1] Посредством его разрешения можно определить противников и сторонников оседания кочевников на практике, ведь в теории уже все – сторонники.

[2] Объяснительная записка к «Степному положению» 1891 г. // Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 420–421.

[3] Записка Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. // ВК. 1913. № 12. С. 361–363.

[4] Новоселов П. Основные положения землеустройства киргиз в Акмолинской области // ВК. 1907. № 1. С. 111.

политического господства царизма в Казахстане»[1], представляется несколько преувеличенным, однако вступление в силу данного законодательного акта фактически завершило еще один этап в истории становления российской политической системы в регионе.

В 60–90-е гг. XIX в. интерес к проблеме трансформации традиционного кочевого общества казахов на основе перевода их на оседлость, введения новой правовой и административной системы и просвещения фиксируется во всех структурах колониальной администрации. Инициатива реформаторской деятельности принадлежала и местным (губернские и областные), и центральным властям (министерства и ведомства). Обсуждение проектов не всегда было гласным, но все же общественность в этот период начинала оказывать существенное давление на власть, что в совокупности с альтернативностью рассматриваемых проектов создавало новую политическую палитру, трансформируя систему в целом. Отражением качественных изменений колониальной системы служило создание в 1882 г. Степного генерал-губернаторства с центром в Омске[2], главной целью которого признавалось единое управление казахами, максимально приближенное к общероссийским стандартам. Процесс расширения границ Российской империи в Азии и изменения административно-территориального устройства привели, таким образом, к политической, экономической, административной и культурной интеграции Степных областей в единое унифицированное общеимперское пространство.

[1] История Казахской ССР. Т. 3. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. С. 232.

[2] Впрочем, в период 1899–1912 гг. предпринимались неоднократные попытки ликвидировать и/или преобразовать Степное генерал-губернаторство. См.: Ремнев А. В. Степное генерал-губернаторство в имперской географии власти // Азиатская Россия. Люди и структуры империи. Сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 206–219.

§ 4. Землевладение и оседание кочевников-казахов в деятельности российских властей в конце XIX – начале XX в.

Важнейшим вопросом с последней трети XIX в. для российского правительства в юго-восточных генерал-губернаторствах стал вопрос экономического развития этих окраин. С конца XIX в. одними из основных вопросов, по которым шла острая полемика в рамках дискуссии о целесообразности колониального расширения Российской империи, становились финансовые вопросы. В частности, регулярно обсуждался вопрос «рентабельности» Туркестанского края. Местная администрация считала, что его существование покрывается снижением издержек на содержание армии, Министерство финансов не принимало этот аргумент и считало нерентабельным и нецелесообразным сохранение дотационной системы[1]. Суть дискуссии можно свести к тому, что Министерство финансов и ряд иных ведомств полагало нерациональным наличие таких колоний, где расходы на содержание администрации превышают доходы, получаемые от налогообложения. Их противники, в первую очередь Военное министерство и местные губернские администрации, отстаивали точку зрения, согласно которой расходы на содержание колониального аппарата компенсируются внешнеполитическими преимуществами, а в конечном итоге экономией на расходах на содержание пограничных служб и войск. Эти же вопросы, хотя и с меньшей интенсивностью, становились предметом обсуждения в отношении Степных областей. Поэтому весьма актуальным являлось именно экономическое развитие юго-восточных окраин.

С целью усиления экономической интеграции Средней Азии, Сибири и степных регионов в единое экономическое пространство российское правительство считало необходимым ускоренное развитие инфраструктуры в Азиатской

[1] Ананьич Б., Правилова Е. Имперский фактор в экономическом развитии России, 1700–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А. И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2004. С. 240–243.

России. Долгое время основным средством сообщения оставались караванные тропы и водные магистрали. Постепенно на их базе формировалась инфраструктура речных и морских транспортных коммуникаций, получившая наибольшее развитие в XIX–XX вв. на Каспии, Арале и Иртыше[1]. Важнейшим компонентом, несомненно, рассматривалось расширение инфраструктуры наземных путей сообщения. Здесь была создана сеть почтовых трактов, продолжали функционировать и караванные маршруты, конечные точки которых постепенно привязывались к железнодорожным станциям[2].

Огромное внимание в конце XIX – начале XX в. уделялось строительству железных дорог, как крупных, таких как Сибирская или Оренбург–Ташкент, так и дорог местного значения, подобных Риддерской или Воскресенской. Одним из первых обратил внимание на необходимость проведения железных дорог в степи В. В. Григорьев, который еще 1856 г. предложил ее строительство через Устюрт, объясняя важность социально-экономическими и военно-политическими причинами[3]. В 1857 г. на высшем уровне предложение о строительстве железной дороги, которая соединяла бы Каспийское и Аральское моря (озера), была поддержана, но из-за финансовых затруднений в казне реализация проекта откладывалась[4]. Внимание также уделялось и развитию водного транспорта, составлявшего с железнодорожным единый транспортный грузопассажирский комплекс.

Иногда, правда, расширение дорожной сети имело серьезных противников. Так, М. Г. Черняев выступил в «Новом времени» против строительства Закаспийской железной дороги, не имевшей, по его мнению, ни военно-стратегического, ни экономического значения для импе-

[1] Вяткин М. П. Историко-географический очерк Казахстана. Неоконченная рукопись на 118 л. // Из личного архива автора. С. 112.

[2] ГА РФ. Ф. Р3316. Оп. 18. Д. 241. Л. 27.

[3] РГИА. Ф. 853. Оп. 2. 1856 г. Д. 6. Л. 1–5.

[4] Лебедева О. В. История и эволюция дипломатической службы России. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. М., 2019. С. 264.

рии[1]. Хотя, видимо, он ошибался, поскольку только в 1899 г. торговый оборот по этой дороге составил 65 млн руб. Военно-стратегическое значение также было значительным, поскольку существовавшие до ее строительства возможности не позволяли передислоцировать из Оренбурга в Туркестан более двух рот солдат с интервалом в трое суток[2], что, между прочим, явилось одной из причин невозможности осуществления «индийского похода» во время кризиса конца 1870-х – начала 1880-х гг.

Существенный рост товаро- и пассажирооборота фиксировался статистикой и по иным железным дорогам Азиатской России. Так, дорога Оренбург–Ташкент во втором десятилетии XX в. приносила доход в 7–8 млн руб.,[3] что позволило на доходы от ее эксплуатации начать строительство железнодорожной ветки Арысь–Верный. Главными продуктами вывоза здесь являлись хлопок и зерно[4]. По Сибирской магистрали пассажиропоток за период 1900–1912 гг. возрос в 5 раз, составив 3 млн чел., оборот почтовых учреждений за период 1907–1912 гг. вырос вдвое, достигнув 11 163 3340 руб.[5]

Во время поездки по Азиатской России в 1910 г. П. А. Столыпин высказался за строительство железной дороги через весь Степной край с запада на восток от Уральска до Семипалатинска и соединение ее с европейскими дорогами через Саратов (Покровско-Уральская дорога), а также с Южно-сибирской и Амурской магистралью и Китаем. Целью строительства этой трансконтинентальной дороги ставилось «теснее связать нашу сибирскую окраину с мировым

[1] [Половцов А. А.] Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. 1887–1892 гг. / Под ред. П. А. Зайончковского. М.: Наука, 1966. С. 572.

[2] «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов. Сост., автор предисл. и примеч. Т. Н. Загородникова. М.: ИВ РАН, 2005. Док. № 83. С. 161.

[3] Якунин А. Ф. Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX века. Присоединение Средней Азии к России. Лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. М.: Высш. парт. школа при ЦК КПСС, 1954. С. 13; Записка Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. // ВК. 1913. № 12. С. 350.

[4] Записка главноуправляющего… С. 302–303, 348–349.

[5] См.: Полферов В. Сибирь и ея возможности // ВК. 1914. № 15. С. 3.

рынком, дать южным Киргизским (казахским – *А. Б.*) степям, богатым хлебом, скотом, золотом, медью и каменным углем, возможность сбыта этих богатств»[1].

Из дорог, не замкнутых в общеимперскую железнодорожную сеть, следует выделить дорогу от Экибастуза, где была начата разработка каменного угля и построен цинковый завод, через Майкаин, где были созданы рудники по добыче золота, к иртышскому порту Воскресенску, от названия которого и получила название Воскресенская железная дорога. Далее грузы шли речным транспортом до крупных железнодорожных транспортных узлов, в первую очередь Омска, находившегося ниже по течению. Предполагалось строительство железнодорожного моста через Иртыш и соединение данного участка с Южно-Сибирской железной дорогой. К Омской железной дороге должен был примкнуть участок пути от Петропавловска до Кокчетава[2]. Значительная часть планов по соединению железных дорог в единую транспортную сеть была осуществлена после сразу революции, а часть не реализована до настоящего времени.

Аналогичное значение имела также Риддерская железная дорога. Она была важна еще и потому, что на Бухтарме было богатейшее по тем временам месторождение серебра, окупавшее издержки на доставку гужевым и частично водным транспортом до Барнаула[3]. Удешевление логистики позволило бы существенно увеличить прибыль. Весьма точно была охарактеризована карта железнодорожных путей начала XX в. экспедицией, направленной в 1922 г. ВЦИК и НКПС: «Если мы посмотрим на карту Сибири, то увидим тонкий нерв[,] прорезывающий необъятные пространства степей и тайги, лежащий в стороне от основных хлебных оазисов и угольных месторождений Западной и Южной Сибири, протягивающий к ним короткие, но глубоко захватывающие щупальцы»[4]. О развитии железнодорожной

[1] Цит. по: Сидоровнин Г. П. П. А. Столыпин: Жизнь за Отечество: Жизнеописание (1862–1911). Саратов: Сарат. культ. центр им. П. А. Столыпина, 2002. С. 357.

[2] РГАЭ. Ф. 8001. Оп. 1. Д. 44. Л. 211, 215.

[3] Автобиография А. О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 5. С. 414.

[4] РГАЭ. Ф. 8001. Оп. 1. Д. 44. Л. 2.

сети в нач. XX в. в Азиатской России и ее приближенности/отдаленности от крупнейших месторождений можно судить по карте А. Н. Сидельникова (см. Приложение 13).

Вместе с тем, как точно отметил М. П. Вяткин, большая часть казахской степи была оторвана от железнодорожной сети Российской империи[1]. Это, несомненно, замедляло экономическую интеграцию региона. Кроме того, уровень развития инфраструктуры железнодорожного сообщения был низок. В результате в 1916 г. для того, чтобы подвезти до Сибирской железной дороги хлеб, закупленный в Акмолинской области, потребовалось мобилизовать у местного русского и казахского населения 48 тыс. подвод и 12 тыс. верблюдов, а стоимость такой доставки была сопоставима с расходами на строительство железнодорожной магистрали вглубь области[2].

Испытывала трудности и нарождавшаяся промышленность. Оборудование для Спасского медеплавильного завода пришлось доставлять с большими трудностями на волах за 800 км. При строительстве Карсакпайского завода оборудование перевозили со станции Джусалы в Карсакпай по перекидной узкоколейной дороге длиной 140 м; сзади эшелонов путь разбирался и настилался впереди. Переброска грузов на 350 км заняла около трех лет. До постройки узкоколейки «Спасский завод – Карагандинские угольные копи» уголь с копей вывозили с завода за 40 км в мешках на верблюдах. Медную руду везли с завода на расстояние 120 км гужом, постоянно курсировало до 1200 подвод. Кроме того, 1000 подвод подвозили лес из Макинки и Каркаралинска. Работа завода зависела от запасов сена, а также от всяких случайностей. Во время распутицы работа предприятий останавливалась вовсе[3]. Несмотря на серьезные проблемы, происходило неуклонное увеличение объемов грузоперевозок, что все более сильно привязывало азиатскую периферию к центру, превращая колонии в аграрно-

[1] Вяткин М. П. Историко-географический очерк Казахстана… С. 112–113.

[2] Журнал комиссии по вопросам переселения и колонизации // ВК. 1917. № 20. С. 138.

[3] Козина В. В. Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-е годы XX в.). Кн. 1. Алматы: Оркениет, 2000. С. 36–38.

сырьевые придатки, а Российскую империю – в неоднородное, но единое экономическое, политическое и социальное пространство.

Одновременно создавалась возможность возрастания социальной и географической мобильности российского крестьянства и промышленников, их перемещения на Восток. Возникли такие условия, когда переселение могло повысить социальный статус и финансово-экономическое положение. Таким образом, строительство железных дорог имело огромное государственное значение. Оно усиливалось ростом товарного производства в России и затруднениями с экспортом российской продукции в Европу, вызванными введением протекционистских тарифов правительствами европейских государств (и Россией в том числе), повлекшим за собой так называемые таможенные войны. Крупнейшей из них для России, по мнению Н. И. Бухарина, была таможенная война с Германской империей 1893–1894 гг.[1] Роль стабилизирующего фактора в таких условиях могли сыграть лишь рост внутреннего потребления и рост вывоза товарной продукции на Восток. Важную роль в этом играло включение степных районов во всероссийский рынок, развитие в регионе сети ярмарочной и розничной торговли[2]

[1] Бухарин Н. И. Мировое хозяйство и империализм. 1915 г. // Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. С. 60–63.

[2] См.: Щеглова Т. К. Формирование единого рыночного пространства Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана (на примере ярмарочной сети): позиция правительства и предпринимателей // Сибирь в структуре трансазиатских связей: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия. Документы и материалы международной научно-практической конференции (в рамках второй международной выставки-ярмарки приграничной торговли «Сибирь-Азия. Сотрудничество без границ», Барнаул, 31 октября – 1 ноября 2000 г.). Под ред. В. С. Бойко. Барнаул, 2000. С. 84–93; Щеглова Т. К. Этносоциальные факторы формирования ярмарочной сети Западной Сибири и Степного Казахстана во второй половине XIX в. (Акмолинская и Семипалатинская области) // Третьи Востоковедческие чтения памяти С. Г. Лившица: Материалы III региональной научно-практической конференции. 24 октября 2000 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. С. 32–42; Щеглова Т. К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001; Щеглова Т. К. Ярмарки юга Западной Сибири и степных областей второй половины XIX века и их роль в российско-азиатской торговле. Автореф. диссер. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Томск, 2002; Щеглова Т. К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001; Умурзаков У. А. Из истории возникновения и развития Куяндино-Ботовской ярмарки // Вестник АН КазССР. 1989. № 11 и др.

и расширение сети транспортных коммуникаций. Эти же факторы усиливали транзитологические возможности.

Вопрос строительства железных дорог и связанного с ним комплекса проблем обсуждался на различных административных уровнях, при этом правительство заняло жесткую протекционистскую позицию в отношении их развития[1].

Основная дискуссия по вопросу строительства железных дорог в Степных областях, для которых было необходимо изъятие земельного фонда из эксплуатации населения, перевода кочевников на оседлость и для целей колонизации, развернулась в специально созданном Комитете Сибирской железной дороги и образованной при нем Подготовительной комиссии. О важности этого вопроса и комитета свидетельствует его состав. Председателем комитета стал великий князь Николай Александрович, вице-председателем – Н. Х. Бунге (1893–1895 гг.). Рядовыми членами комитета были российские министры[2].

В комиссию были представлены законодательные материалы XVIII–XIX вв., материалы экспедиций по обследованию хозяйства казахов и их обычного права, данные о ситуации в регионах (областях и их составных частях). Были запрошены также мнения местной администрации, которую привлекли к обсуждению перспектив развития Азиатской России в связи с расширением железнодорожной сети страны.

В ходе обсуждения в Сибирском комитете и Подготовительной комиссии были заслушаны и обсуждены проекты, выработанные губернаторами Степных областей, которые прежде утверждались областными правлениями, отражая, таким образом, некую обобщенную позицию областного начальства.

---

[1] См., напр.: Худяков В. Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. С. 122–123; Ремнев А. В. Комитет Сибирской железной дороги в воспоминаниях А. Н. Куламзина // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века. Сборник научных трудов. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1988. С. 42–57 и др.

[2] См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1. Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 2000. С. 79–80. О работе подготовительной комиссии и комитета см.: РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 47; Д. 655.

В двух принципиальных вопросах позиции всех совпадали: во-первых, строительство железных дорог – необходимый процесс, который способствует экономическому развитию в целом, и, во-вторых, необходимо продолжать поддерживать начавшийся процесс перехода кочевников к оседлому образу жизни. Однако методы реализации этих пунктов программы в различных вариантах реформы имели существенные разночтения, которые представляют несомненный интерес с точки зрения становления новой технологии принятия решений, имевших всероссийское значение, посредством множественной административной экспертизы и обсуждения на разных властных уровнях: от уездного начальства до правительства.

Степной генерал-губернатор барон М. А. Таубе, сопоставляя Временное 1868 г. и Степное 1891 г. положения, пришел к выводу, что льготы, предоставлявшиеся первым, не могли способствовать переходу кочевников в оседлое состояние, потому что при этом, по его мнению, они теряли бы часть своих гражданских прав, а главной потерей он рассматривал утрату «права пользования земельным простором» и право пользоваться меньшим податным обложением, чем то, каким облагались кочевники.

Механизм сбора налогов был весьма неопределенным, способствуя росту взяточничества, казнокрадства и иных правонарушений. Вот как описывался процесс взимания податей с казахов: «Сначала доставлял сведения о числе скота волостной управитель, показывавший минимальные цифры. Затем ехал заседатель и прибавлял 5%; действия заседателя проверял непременный член приказа и набавлял еще 10%. В результате получалась цифра скота, все-таки крайне несоответствующая действительности. Но все-таки якобы, и чиновники были довольны, и киргизы (казахи – *А. Б.*) не шибко в обиде»[1].

Кстати, часто встречаемая в исследованиях мысль о том, что прямое налогообложение на казахов было кабальным, не подтверждается сравнительным анализом как в региональном, так и межрегиональном разрезе. По Степному

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. I. Л. Л. 88 об.

положению 1891 г. ежегодный кибиточный сбор составлял 3 руб., по Положению об управлении 1897 г. – 4 руб., тогда как средний размер налога с земледельца в регионе превышал 9 руб.[1] Таким образом, казахи подвергались меньшим фискальным поборам, чем переселенцы в Степном крае. Более того, казахи были в относительно привилегированном положении по отношению к иным кочевникам Российской империи. Так, по Положению об управлении калмыцким народом, утвержденному императором Николаем I еще 23 апреля 1847 г., с казенных калмыков взимались сборы в размере 7 руб. 58 коп. с кибитки, а с владельческих – дополнительно к тому еще по 44 коп. с кибитки[2]. Поэтому М. А. Таубе считал, что дальнейшее увеличение льгот и привилегий для оседающих казахов невозможно, так как тогда они превысят льготы, предоставляемые правительством и местными властями крестьянам-переселенцам, что, во-первых, вызовет возмущение со стороны последних, а во-вторых, «ущемит национальное достоинство великороссов», к которым оседлые инородцы были приравнены в правах. К тому же случаи применения ст. 246, предоставлявшей льготы, единичны, причем позднее часто наблюдался обратный переход – из оседлого состояния в кочевое. Из всего этого М. А. Таубе заключил, что поощрительные льготы для перехода в оседлое состояние не являются сколько-нибудь важным компонентом самого процесса оседания[3]. Вместе с тем правительство не пошло на уравнение фискальных повинностей русских крестьян и казахов. Даже перешедшие к оседлости казахи платили налогов в 7–8 раз меньше, чем крестьяне-переселенцы, что действительно вызывало возмущение крестьян, считавших себя дискриминированными[4].

По этим же соображениям М. А. Таубе считал невозможным распространение на казахов таких льгот, какие предусматривались Министерством внутренних дел для

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Л. 113 об. – 115.

[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 26. Л. 19.

[3] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 22–24; Д. 1496. Л. 39–41.

[4] Новоселов П. Основные положения землеустройства киргиз в Акмолинской области // ВК. 1908. № 3. С. 111.

переселенцев в Южно-Уссурийский край, так как льготы последних были ниже льгот переселенцев в степные сибирские области.

Касаясь возможностей побуждения казахов к оседлости, зафиксированных ст. 125 и 127 Степного положения, М. А. Таубе констатировал практически нулевой результат от их применения. Способствуя развитию земледелия, эти льготы не являлись побудительной причиной оседания. В то же время ст. 125 Степного положения позволила богатым казахам сконцентрировать в своих руках огромные площади путем рассеивания мелких обрабатываемых земельных участков на обширной территории и фактически захватить их. По мнению генерал-губернатора, все это могло иметь только отрицательные последствия и даже стать причиной социального взрыва.

На основании своих рассуждений он сделал вывод, что «не столько поощрительные, сколько принудительные меры могут содействовать переходу киргизов (казахов – *А. Б.*) к оседлости, и в направлении последних, именно действует постепенное стеснение пределов киргизского кочевания, вследствие прироста населения и образования среди киргизов крестьянских поселков»[1]. Принудительные меры должны были привести в конечном итоге к вытеснению кочевников с территорий, пригодных для земледелия и иных неномадных форм хозяйственной деятельности. Сужение ареала, по мнению М. А. Таубе, являлось самодовлеющей причиной, которая в комплексе с неблагоприятными природными факторами, такими как джуты и эпизоотии, была способна привести к сокращению поголовья скота, создав тем самым необходимые условия вынужденного оседания без применения специальных поощрительных мер. Социальной базой оседания М. А. Таубе рассматривал две категории казахского населения:

– казахов, принявших православное крещение,
– бедняцкие слои кочевого социума (байгуши, джатаки).

[1] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 23.

Он предлагал проводить такую политику в Степных областях, которая привела бы к резкому расслоению казахского общества и люмпенизации значительной части коренного населения, что непременно привело бы к массовому оседанию кочевников на землю.

В проекте правил для землеустройства казахов М. А. Таубе предлагал утвердить следующие положения: размеры ссуд, нормы наделов и т.п. должны соответствовать региональным нормам крестьян-новоселов. Если поступала просьба об отводе надела в местности, еще не обследованной хозяйственно-статистическим управлением, решение об отводе должно принимать областное правление с разрешения степного генерал-губернатора, в остальных случаях решение должно было выноситься уездным начальником после предоставления справок военному губернатору области. Таким образом, основным элементом «стеснения» кочевого ареала М. А. Таубе рассматривал все же не оседающих казахов, а колонистов, которым, кстати, он рекомендовал отводить лучшие участки.

Военный губернатор Уральской области генерал-лейтенант Максимович по вопросу о слабой частоте использования казахами льгот, предоставленных ст. 246 Временного положения, указывал, что в Уральской области ими никто не воспользовался, и этот факт «красноречиво указывает на несоответствие местным потребностям и безжизненность означенного правила»[1]. Максимович полагал, что переход к оседлому образу жизни уже совершался естественным путем под влиянием экономических условий. По его мнению, полевые работы и сенокосы удерживают казахов в районах зимовых стойбищ. Он отмечал, что именно места покосов считаются наиболее ценными среди казахов его ведомства, и «только они разделены между ними». Только по отношению к данным территориям фиксировались случаи применения ст. 125 и 128 Степного положения, на остальные земли в качестве объекта наследственного владения «претендентов нет». В то же время Максимович фиксировал возникновение владения сенокосами в пойме

[1] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 24–24 об.

ранее вступления в действие Степного положения, из чего он заключил, что «приведенный выше закон ничего нового в жизнь кочевников не внес, и значения, в смысле поощрения к оседлости, не имеет»[1].

Максимович считал необходимым и полезным развитие колонизации Степи. Для этого необходимо использовать «удобные излишние» территории, которые можно было отмежевать после дополнительного обследования степных районов. Колонизационные мероприятия, на его взгляд, требовалось проводить активно, но, в отличие от М. А. Таубе, лишь после того, как «решится землеустройство кочевников». При этом, исходя из природно-климатических и почвенных условий, развитию кочевого скотоводства Максимович отводил в экономике области ведущую роль. Оседание, на его взгляд, было целесообразно только в северных уездах Уральской области.

По последнему вопросу он даже вошел в правительство с особым мнением, где предлагал создавать отдельные районы из оседающих казахов и отдельные – из русских крестьян-переселенцев «во избежание антагонизма, обуславливаемого религиозной, бытовой и племенной (этнической – *А. Б.*) рознью туземцев и пришлого русского элемента»[2]. Для инородческих поселений Максимович предлагал не устанавливать особых льгот, оставив в силе Положение 1891 г.

На наш взгляд, предложение Максимовича о возможности создания особых поселений, основанных на моноэтническом принципе, отражало позиции консервативного крыла российской политической элиты того времени, стремившегося в национальных окраинах проводить политику с позиции силы и не верившего в возможность просвещения инородцев и изменения их хозяйственной культуры за счет взаимодействия с русскими поселенцами. Но не все представители губернской администрации были с ними солидарны в этих вопросах.

[1] Там же. Л. 25.

[2] Там же.

Соглашаясь с выводами М. А. Таубе о незначительных позитивных результатах, достигнутых с помощью льгот, военный губернатор Тургайской области генерал-лейтенант Барабаш все же считал, что отказываться от них в настоящих условиях нельзя. Наоборот, их спектр следовало расширить до такой степени, чтобы можно было обнаружить действительно значимые на практике привилегии. Такими Барабаш считал: «право на выкуп в общественную [негосударственную] собственность земель в необходимом для ведения хозяйства размере»; выдачу долгосрочных беспроцентных ссуд в размере до 300 руб. на семью на домообзаводство; гарантию освобождения казахов от воинской повинности «даже в том случае, когда инородческое население будет привлечено к [ее] отбыванию»[1]. В целом Барабаш считал продолжение проведения политики оседания кочевников-казахов на землю выгодным для России как экономически, так и политически.

Несмотря на разногласия в ходе обсуждения, Подготовительная комиссия на основании мнения степного генерал-губернатора М. А. Таубе выработала итоговый проект, на который император наложил следующую резолюцию: «обсудив этот вопрос, разработать соответствующие мероприятия… и внести в Сибирский комитет»[2].

Сибирским комитетом вопрос вновь был вынесен на обсуждение областных правлений с дальнейшим их представлением областными губернаторами в комитете. В нем Уральский военный губернатор Максимович и Тургайский военный губернатор Барабаш придерживались своих прежних мнений, но к дискуссии подключился военный губернатор Семипалатинской области генерал-майор Карпов.

Он считал, что вне зависимости от решения, каким образом будет происходить оседание казахов-кочевников, им необходимо уделять пристальное внимание правительства. Развитие скотоводства вообще и кочевого в частности имело в Степных областях огромную перспективу. А. Ф. Карпов отмечал, что «главный предмет местной торговли – скот

[1] Там же. Л. 25 об.

[2] Там же. Л. 26.

и продукты животноводства, они же являются и почти единственными предметами местной обрабатывающей промышленности». Возражая степному генерал-губернатору в вопросе принятия искусственных принудительных мер для оседания, Карпов заявлял, что исконных кочевников принудить перейти в оседлое состояние «невозможно никакими искусственными мерами, пока к этому их не побудит непреодолимая сила экономических условий». Именно эту точку зрения император нашел наиболее взвешенной, отвечающей интересам и империи, и коренного населения[1]. Анализируя ситуацию, сложившуюся в Степном генерал-губернаторстве, семипалатинский военный губернатор пришел к заключению, что значительная часть степных территорий пригодна исключительно для скотоводства, развитие же земледелия и оседлости имело политический, а не экономический интерес. Важнейшей причиной необходимости развития земледелия Карпов называет угрозу социальных потрясений в степи в случае чрезмерной «пролетаризации»[2] автохтонного населения.

Поясняя свою позицию, он вполне обоснованно говорил, что «под влиянием изменяющихся экономических условий кочевая среда начинает постепенно выбрасывать из своего строя слабый элемент, отставший от кочевания и непристроившийся к оседлости, люди эти… джатаки, при отсутствии поддержки, обречены на существование пролетариев и со временем могут сделаться опасными для общественного спокойствия и порядка»[3].

Таким образом, Карпов предполагал, что насильственные меры по учреждению оседлости среди казахов могут стать причиной люмпенизации значительного сегмента казахского социума; произошедшие по этой причине функциональные изменения в хозяйстве и образе жизни приведут к резкой трансформации менталитета; этот кризис выразится в нарастании антиправительственных настроений в обществе, где значительная часть будет представлять

[1] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 26 об.

[2] Карпов использовал термин «пролетарий» по отношению к казахским джатакам.

[3] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 27 об.

из себя маргинальный элемент[1]. Для избежания маргинализации общественного организма Карпов считал необходимым в краткосрочной перспективе провести следующие административные мероприятия: прочное землеустройство оседающих и кочующих; выдача денежных пособий и бесплатный отпуск казенного строевого леса; льготы от податей и повинностей наравне с крестьянами-переселенцами и, по возможности, даже большие в связи с более низкой агрономической культурой казахского населения и необходимости таким образом финансировать свое «обучение» посредством временного найма русских; сохранение льгот по освобождению от отбывания воинской повинности и др.

Эту точку зрения поддержал и генерал Барабаш, дополняя ее необходимостью введения ссудного капитала в степи на беспроцентной возвратной основе. Размер ссуд предлагалось определять местным властям и соответственно самостоятельно финансировать. В отличие от Максимовича, Барабаш считал, что льготы привлекут к оседлости не только земледельческие, но и комплексные – скотоводческо-земледельческие казахские хозяйства. Чтобы не «отвратить» их более высоким налогообложением, Барабаш предложил взыскивать со смешанных хозяйств 2/3 части земельной подати, взимаемой наравне с сельскими обывателями, и 1/3 кибиточной подати, взимаемой с кочевников. Такой компромисс был не только целесообразным, но и выгодным в фискальном отношении. Однако остальные члены Сибирского комитета отвергли последнее его предложение о двойной подати со смешанных хозяйств, не без основания полагая, что возможен не только переход к земледелию, но и регрессивное движение смешанных хозяйств в сторону кочевания[2].

По результатам обсуждения Сибирский комитет рекомендовал правительству временно применять по отноше-

[1] Такой подход представляет несомненный интерес в плане научной методологии. Здесь следует отметить, что у Карпова были такие помощники, как Н. Коншин, А. Кунанбаев и др. В Тургайском областном правлении, позицию которого отражал Барабаш и которая близка к положениям Карпова, большинство членов вообще были казахами. Наибольшее влияние на позицию Барабаша оказали А. Добросмыслов и А. Байтурсынов (Байтурсунов).

[2] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 28 об.

нию к казахам те льготы, какие были предусмотрены для крестьян-переселенцев. Различия допускались лишь в общественном управлении. Оседлые казахи сохраняли возможность использовать административную структуру, характерную для их кочевых единоплеменников. Предлагалось, правда, чтобы местное управление оседлым населением было поручено не аксакалам, а сельским старостам, нивелировав их правовое положение. В будущем планировалось организовать особые оседлые волости, на которые «возможно будет распространить общие правила об общественном устройстве и управлении сельских обывателей»[1]. В качестве сопутствующих факторов предлагалось расширить сеть светских общеобразовательных и сельскохозяйственных учебных заведений, а также показательных агрономических ферм[2]. Одновременно предлагалось запретить имевший место переход казахов из оседлого состояния в кочевое[3].

В 1897 г. императору был представлен отчет об итогах работы за два предшествующих года. Государь в Присутствии Комитета Сибирской железной дороги поручил дальнейшую разработку и реализацию данного вопроса Министерству внутренних дел с условием «озаботиться разработкою в возможно непродолжительном времени предложений о мерах, способствующих переходу кочевников-киргизов (кочевников-казахов – *А. Б.*) в оседлое состояние»[4]. Персональная ответственность возлагалась на министра внутренних дел И. Л. Горемыкина, управляющего отделом Г. Савичева и местных губернаторов.

В 1899 г. вновь был поднят вопрос о пересмотре существующего законодательства, действовавшего в Степном крае. Предлагалось существенно скорректировать Степное положение 1891 г. или заменить его новым Положением, причем в пояснительной записке к проекту «Положения об управлении Степными областями» особо оговаривалось, что изменения продиктованы важностью содействия «ко-

[1] Там же. Л. 29 об.

[2] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1897 г. Д. 6. Л. 24.

[3] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 30.

[4] Там же. Л. 2.

чевникам к переходу в оседлое состояние». Наибольшим изменениям предполагалось подвергнуть низовую систему управления (от аула до уезда)[1]. Проект был забракован как на губернском, так и на министерском уровнях, но его появление демонстрирует стремление властей ускорить процесс унификации управления окраинными и центральными губерниями.

Таким образом, обсуждение вопроса о мерах по переводу казахов на оседлость в Сибирском комитете не привело к изданию какого-либо специального законодательного акта. Решение вопросов передали на усмотрение МВД и губернских властей, однако при этом было высочайше рекомендовано ускорить проведение мероприятий, способствовавших оседанию казахов-кочевников на землю.

В соответствии с этими рекомендациями в 90-х гг. XIX в. Министерство внутренних дел приступило к разработке проекта унификации системы управления казахским и русским населением Степных областей, главнейшим элементом которой было признано введение в инородческой среде института крестьянских начальников[2].

Из Особого мнения Члена Присутствия Советника Областного Правления Акмолинской области Т. И. Тихонова (1899 г.)

«Киргизы (казахи – А. Б.) и крестьяне – это представители двух разных миров, религий и культур. Несмотря на всю осторожность при выделении земель из пользований киргизов под переселенческие участки, киргизы чувствуют себя обиженными и больше стесненными в землепользовании. Это наблюдается в массовом порядке. Настроении кочевников, с настроением необходимо считаться при повторном выявлении подозрительного поведения в уездах. Само название крестьянских начальников, которые будут вести киргизами на общем потоке крестьянами, проводить превратные и нелепые толки об оказании помощи их теми или другими мерами в крестьянском состоянии. Как ни нелепы эти толки, но с ними необходимо считаться и лучше,

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. I. Л. 50–95 об.

[2] Подробнее см.: Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986. С. 102–112.

конечно, не давать ни малейшего повода к месту их проживания. Поэтому я признаю название крестьянских начальников неудобным и политически опасным – правильнее, осторожнее и экологически опаснее было б Название земских или участковых участков начальников. В области сочетания земские повинности, введены уже земские сборы, не говоря уже о крестьянско-земельном населении области, прибывшем из разных губерний Европейской России, где занимается институт земских начальников, к каковому институту так или иначе привыкли уже крестьяне-переселенцы»[1].

Несмотря на то, что значительная часть чиновников местной администрации считала рискованным «производить крутую ломку существующей организации»[2], а массовые настроения казахов-кочевников не приемлют самого названия «крестьянский начальник» по отношению к себе[3], российское правительство пришло к заключению о настоятельной необходимости изменения всей системы управления инородческим населением Сибири, включая степные области. Основной целью реформ ставилось изменение административной системы и системы судопроизводства таким образом, чтобы в максимально сжатые сроки можно было провести русификацию коренного населения.

Уже в 1896 г. Государственный совет принял решение об упразднении поразрядной системы управления сибирскими аборигенами. Через два года было принято Временное положение о крестьянских начальниках. Первоначально в качестве эксперимента оно было распространенно лишь на несколько сибирских областей, но предполагалось его распространение на всю Азиатскую Россию. Активными сторонниками и вдохновителями этой реформы выступили министр внутренних дел И. Л. Горемыкин и делопроизводитель земского отдела этого же ведомства И. И. Крафт. Они были убеждены в необходимости полного нивелирования правового статуса коренного и русского крестьянского населения. Особое внимание ими уделялось реформе нижнего

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Л. 113.

[2] Там же. Л. 113 об.

[3] Там же. Л. 113.

управленческого звена: уездного, волостного и сельского. Основное содержание реформы сводилось не только к абсолютной унификации системы управления, но и к сосредоточению в руках местной администрации большей полноты власти, что якобы более соответствовало менталитету коренного населения, привыкшего к деспотической форме правления[1]. Противники столь резкого изменения системы управления отмечали, что полнота власти местных начальников достаточна, необходима лишь большая ее специализация с учетом местных особенностей. В Степных областях предполагалось изменить весь кодекс законоположений об управлении – Степное положение 1891 г., заменив его новым сводом.

В 1905–1907 гг. – т.е. в период Первой русской революции – появилась серия проектов, направленных на изменение административной и политической систем управления как империей в целом, так и Степным краем. Среди проектов этого периода обращают на себя особое внимание проекты упразднения института крестьянских начальников, введения особых совещаний из числа депутатов от казахов и представителей областной и губернской администраций для решения текущих вопросов, в том числе вопросов землеустройства, а также проект обязательного представительства великорусов, казаков и казахов в Государственной Думе от каждой из Степных областей. Все три проекта так и остались лишь проектами[2].

Один из противников преобразований в планируемой форме – А. Бенкевич – считал необходимым попытаться приостановить искусственные меры властей, направленные на стимулирование процессов оседания кочевников-казахов и крестьянского переселенческого движения в Степные области. На его взгляд, это могло принести более вреда, нежели пользы и коренному населению, и правительству,

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 38. Ч. I. Л. 59.

[2] Родионов Ю. П. Казахская степь и генерал-губернаторская власть края в контексте развития революции 1905–1907 гг. // Евразийский мир: история, культура, ценности: материалы международной научно-практической конференции (12 мая 2023 г.). Астана: Казахстанский филиал Московского государственного ун-та им. М. В. Ломоносова, 2023. С 167–174.

поскольку природно-климатические условия и почвы Степных областей непригодны для интенсивного земледелия. Главным аргументом Бенкевича служило положение об экономической и фискальной целесообразности сохранения скотоводства в кочевой форме. Он, в частности, отмечал, что земледелие здесь «имеет характер лотереи с минимальными шансами на выигрыш… очень немного мест безусловно годных и надежных для пахарей»[1]. Он полагал, что существовали экономические циклы, и периодически рентабельнее было скотоводство: «Сибирь уже теперь продуцирует, пользуясь новыми землями, массу хлеба, находившего себе сбыт в последние два голодные года (1891–1892 гг. – *А. Б.*) в России и за границей, но так как неурожаи бывают редко, то легко может случиться, что Сибирь за отсутствием сбыта задохнется от хлеба, потерявшего ценность»[2]. Другой причиной, вызывавшей скептическое отношение к планируемым реформам, являлись возможные экологические последствия массовой распашки степных территорий. Об этом же предупреждал член Тургайского областного правления А. И. Добросмыслов. По мнению последнего, тонкий плодородный слой почвы легко выдуваем и быстро истощим, следовательно, развитие земледелия будет происходить путем экстенсивного прироста (переложная система) как в среде русских крестьян-переселенцев, так и среди казахов-земледельцев. Вследствие постоянных перемещений интенсификация земледельческого производства будет происходить медленно, и рентабельность земледелия опять же будет снижаться, особенно по отношению к рентабельности земледелия в европейской части империи. Эрозия почвы пагубно скажется не только на земледелии, но и на скотоводстве, наиболее ценные угодья которого будут изъяты в пользу земледельческой колонизации, а брошенные земледельцами после трех-, пятилетней эксплуатации участки восстановят свой растительный покров, достаточный для ведения кочевого скотоводческого хозяйства, лишь через десять-двадцать лет. Появятся бросовые земли, которые так же, как и занятые

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 38. Ч. I. Л. 58.

[2] Там же. Л. 68.

под пашни, будут представлять серьезное препятствие для кочевого способа ведения скотоводства[1]. Альтернативой земледелию противники реформы рассматривали, помимо кочевого, интенсивное скотоводство, примером которого могло служить развитие такового в то время в Австралии, Аргентине и ряде других стран[2].

Обе стороны в доказательство своих выводов приводили статистический материал обследования территорий. Однако процесс колонизации не всегда предварялся землеотводными работами – самовольные захваты были обычным явлением в степи. Так, в 1909 г. заместитель министра внутренних дел П. Курлов в своем письме главноуправляющему землеустройством и земледелием отмечал: «Наряду с правильным, установленным законом переселением на изымаемые из киргизского (казахского – *А. Б.*) землепользования переселенческие участки, за последние годы участились весьма нежелательные случаи самовольного захвата отдельных киргизских угодий в таких местах, где по тем или иным причинам образование казенных переселенческих участков признается невозможным. Борьба с такими самовольными захватами чрезвычайно затруднительна, ибо если со времени захвата прошел уже известный срок, то выселение таких самовольных заимщиков может быть осуществлено только в судебном порядке. Между тем, пока тянется судебное дело, самовольные поселки разрастаются, и к тому времени, когда получается исполнительный лист на выселение, приходится уже выселять не только десятки, но сотни дворов. Ввиду обычного отказа самовольно подчиниться добровольно судебным решениям таковые решения обычно не приводятся в исполнение. Подобный унизительный для авторитета судебного решения исход этих дел, в большинстве случаев, оканчивается узаконением положения самовольных заимщиков путем отвода им захваченной земли»[3].

[1] См.: Добросмыслов А. И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895.

[2] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 38. Ч. I. Л. 67.

[3] РГИА. Ф. ДП, 4 дел-во. Д. 79. Ч. 1. Л. 5.

Сами обследования обычно проводились с субъективной установкой на желательность развития земледелия в Степных областях в крупных масштабах. О реакции кочевников на работу переселенческих партий можно судить, например, по следующему сообщению В. В. Бартольда: «Кочевники совсем не понимают командировок с чисто научной целью и всегда подозревают, что тут скрывается какой-нибудь неприятный для них административный проект. Киргизы (казахи – *А. Б.*) почти на всем пути принимали нас за землемеров, приехавших отнимать у них землю в пользу русских переселенцев»[1]. По этому вопросу – о темпах и формах обследования – земские статистики вступали в дискуссию с местной администрацией, примером которой может служить спор между представителем переселенческого управления, в будущем – членом экспедиции по обследованию Степных областей Щербиной, одним из лидеров партии конституционных демократов Кауфманом и тургайским военным губернатором Барабашем.

Губернатор полагал, что свободных земель в области нет, «все они разделены между киргизскими (казахскими – *А. Б.*) зимовками, тебеневочными и летовочными местами… Следовательно, захват переселенцами удобных земель в Тургайской области сказался бы самыми пагубными экономическими последствиями на всей громадной массе киргизского населения»[2]. Формально соглашаясь с мнением Барабаша, Кауфман все же «изыскивает возможность» выделения крупных земельных участков для колонизации. Соглашаясь, что развитие земледелия среди казахов не должно идти в ущерб развитию скотоводства, Кауфман нашел следующий выход: сократить размер земельного надела для возможного будущего оседания казахов. Барабаш настаивал на увеличении земельной нормы на 25%. Кауфман увеличил резерв, но всего на 5% (!). Подобная практика была характерна и для Уральской области, где Кауфман также рекомендовал выделить под колонизацию огром-

[1] См.: Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг. СПб., 1897. С. 2.

[2] Кауфман А. А. Указ. соч. С. 17.

ные участки земли, для чего ему даже пришлось вносить коррективы в собственный циркуляр по методике проведения землеотводных работ и, обследуя лишь наиболее благоприятные для земледелия уезды, выводы и рекомендации к масштабам возможного развития земледелия и колонизации распространить на всю территорию области. По мнению Т. Седельникова, земского статистика, члена экспедиции Ф. Щербины, депутата первой Государственной думы, ошибки методики исследований существовали и в экспедиции самого Ф. Щербины. Основной ошибкой было неверное представление исследователей о размерах минимально необходимой для ведения кочевого образа жизни территории[1]. Видимо, члены экспедиции понимали ущербность их методики, поэтому Ф. Щербина и А. Букейханов предлагали к норме (30 дес. на душу мужского пола или 90–192 дес. на «двор») добавить 25% резервного фонда, но правительство не одобрило это предложение и не внесло изменений в сложившуюся землеотводную практику[2].

Земельные нормы, разработанные экспедицией Ф. А. Щербины, исходя из среднего размера скота на хозяйство в 24 головы, оказалось таковыми (в зависимости от волости, почвенно-климатических особенностей, рельефа и концентрации оседлых поселений): для Омского уезда 168–199, Петропавловского – 191–510, Кокчетавского – 209–444, Атбасарского – 168–384, Акмолинского – 158–401, Павлодарского – 30–360, Каркаралинского – 266, Усть-Каменогорского – 177 дес[3].

С развитием колонизационного процесса нормы земельных наделов для переходивших к оседлости казахов также сокращались. В Уральской, Тургайской, Семипалатинской и Акмолинской областях она в итоге была зафиксирована на уровне 15 дес. на д.м.п. В Семиреченской области размер

[1] Кауфман А. А. Указ. соч. С. 5–6.

[2] Касымжанов А. Х., Атымтаева К. М. Идея национального самоопределения в общественной мысли Казахстана в начале XX века // Эволюция государственности Казахстана (материалы международной конференции, г. Алматы, 3–5 апреля 1996 г.). Алматы: Тип. МГП «ПРИНТ». С. 362–363.

[3] Лысенко Ю. А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения / Отв. ред. Ю. А. Лысенко. Барнаул: АЗБУКА, 2014. С. 136.

максимального надела был уменьшен до 10 дес. на д.м.п. Здесь в 1896 г. местная областная администрация приняла особые Правила, предусматривавшие меры регулирования процесса оседания. Помимо урезания минимального размера земельного надела по сравнению с иными Степными областями предусматривалось учреждение оседлых поселений с разрешения местной казенной палаты, а административное и судебное устройство должно было полностью копировать институты, которые действовали среди русских крестьян в Семиреченской области. За переходившими к оседлости сохранялась льгота, действовавшая в иных областях и предусматривавшая право использования ссуды на приобретение семян и земледельческого инвентаря с рассрочкой выплат на 10 лет[1]. Вместе с тем здесь не было гарантировано получение в случае ходатайства ссуды на домообзаводство, которая практиковалась в иных Степных областях.

Даже несмотря на допущенные ошибки, данные «Материалов по киргизскому землепользованию» позволили сделать ряд противоречивших официальному курсу заключений. Так, член Акмолинского областного правления Т. И. Тихонов пришел к выводу, что сохранение за казахами кочевого статуса не только рентабельнее для населения, но и выгоднее для фискальной службы. Он полагал, что процесс изменения форм хозяйственной деятельности должен происходить естественным путем, «не обставляя его никакими искусственно-поощрительными мероприятиями»[2].

Этапы и основные причины перехода к оседлости казахов-кочевников, по Т. И. Тихонову:

«Внимательное изучение наблюдаемых форм киргизского (казахского – А. Б.) хозяйства, из коих каждая соответствует определенной стадии его развития, позволяет восстановить картину его эволюции и проследить основные причины, управляющие ею. В чем же состоит процесс развития киргизского хозяйства?

[1] Чиркин Г. Землеотводное дело в Киргизской степи и необходимость землеустройства киргиз // ВК. 1908. № 3. С. 74.

[2] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 38. Л. 122.

– В постепенном падении примитивных, чисто кочевых форм и приближении к формам оседлой жизни. Первым шагом в этом направлении было устройство постоянных зимних жилищ /кстау/, вторым – развитие сенокошения, третьим – и может быть самым важным – занятие земледелием. В тесной связи с этим находится сокращение перекочевок во времени и пространстве, удлинение срока пользования призимовочными пастбищами, более интенсивное зимнее содержание скота. В конце концов получаются киргизские общины, сохраняющие только видимые формы кочевого быта: круглый год держатся около своих зимовок, откочевывая за лето не более 5–6 верст, зимою держат на подножном корму только гулевых лошадей, овец-же, крупный рогатый скот, и рабочих лошадей кормят всю зиму сеном, почти все занимаются земледелием. Еще одна ступень, и они ничем не будут отличаться от башкир, у которых летняя кочевка сохранилась в виде переживания, утратившего всякое экономическое значение. Богатые башкиры и до сих пор переселяются на лето в кошемную юрту /кош/, выставляемую где-нибудь на окраине обширного башкирского выгона.

Основными факторами вышеуказанного видоизменения форм киргизского хозяйства нужно признать естественный прирост населения, занятие киргизами северных окраин степей и русскую колонизацию, первоначально казачью, а затем крестьянскую»[1].

В период обсуждения вопросов о перспективах введения института крестьянских начальников в инородческой среде, развития крестьянской переселенческой колонизации и перевода кочевников на оседлость параллельно ставился вопрос о возможности привлечения инородцев, в том числе и казахов, к отбыванию воинской повинности, от которой они освобождались российским законодательством даже при условии изменения податного состояния. В начале XX в. эта идея нашла поддержку у представителей нарождавшейся казахской интеллигенции прорусской ориентации. Вместе с тем представителями Военного министерства осознавалась связь между созданием вооруженных национальных формирований и сепаратизмом. Так, начальник гене-

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Л. 115 об.

рального штаба Е. А. Генгросс подчеркивал: «Исторический опыт показал, что создание туземных инородческих войск всегда имело в конечном итоге один результат, именно необходимость их расформировывать, как только на данной окраине обострялось национальное самосознание»[1]. Местные власти также не настаивали на немедленном привлечении коренного населения к несению воинской службы, хотя и не возражали против таковой. В конце XIX – начале XX в. утвердилось мнение, что несение воинской повинности должно быть введено правительством после окончательного перехода к оседлости большей части населения и его обрусения[2]. Однако Первая мировая война вынудила правительство принять летом 1916 г. указ «О привлечении инородцев на тыловые работы», причем он был поддержан частью казахской интеллигенции, рассчитывавшей, что это станет залогом грядущей автономии[3], но вызвал массовые протесты основной массы казахов.

Результатом дискуссии явился своеобразный компромисс: Степное положение 1891 г. оставалось в силе, однако с 1 октября 1903 г. в Степных областях вводился институт крестьянских начальников (приказ Степного генерал-губернатора № 94 от 30 сентября 1902 г.[4]); главным образом среди крупных скотопромышленников было признано целесообразным развитие скотоводства как в интенсивной, так и в кочевой форме, одновременно рекомендовалось продолжать поощрение оседания разорявшихся кочевников; общие правила для оседающих казахов не были приняты, но было разрешено введение подобных положений областными правлениями; крестьянская колонизация Степного генерал-губернаторства продолжалась, однако было приня-

[1] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 15.

[2] См.: Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986. С. 113–116.

[3] Кертебаев Н. Т. Национально-освободительное движение 1916 года в Казахстане // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Сборник статей. Вып. II. Алматы: ТУДАП, 1994. С. 114; Алаш-Орда. Сборник документов / Сост. Н. Мартыненко. Алма-Ата: «Айкап». 1992. С. 5–9, 35 и др.

[4] Маркин С. Б. Казахстан. Начало XX века. Управление европейским населением // Эволюция государственности Казахстана (материалы международной конференции г. Алматы, 3–5 апреля 1996 г.). Алматы: Тип. МГП «ПРИНТ», 1996. С. 218–220.

то решение препятствовать самовольным захватам земель и выделять участки переселенцам лишь после детального обследования территории уезда и землеустройства коренного населения.

На наш взгляд, даже такой компромисс следует рассматривать в качестве победы сторонников политики оседания. Причинами этого служат не только и не столько экономические, сколько социально-политические мотивации, вызванные к жизни новыми тенденциями, проявившимися после освобождения крестьян от крепостной зависимости в центральной России, вызвавшими рост товарного сельскохозяйственного производства и, как следствие, усиление земельного «голода». Промышленный потенциал Российской империи был не в состоянии принять огромную массу обезземеленных крестьян, так как, несмотря на промышленный рост, структурная перестройка промышленности имела одним из результатов временное снижение темпов процессов урбанизации в целом и роста пролетариата в частности[1].

В период столыпинской аграрной реформы широкое распространение получила практика изъятия земель в Переселенческий фонд. Всего в период с 1906 по 1915 г. в его состав было отмежевано почти 30 млн дес. (см.: Прил. 6). Лишь незначительная часть из него оказывалась переданной в пользование крестьян-переселенцев, о числе которых можно судить по данным земской статистики того времени (см. Приложение 5). Имели место и факты прямого административного нажима для перевода казахов на оседлость и освобождения части земель, которые в результате этого оказывались «впусте». Так, в 1908–1909 гг. из землепользования казахов, кочевавших в Кулундинской степи, в переселенческий фонд была изъята значительная часть земель. Более того, казахов насильственно вынудили закрепить за собой участки из расчета от 25 до 40 дес. на семью. В соответствии с законами того времени в течение пяти лет они

[1] См., напр.: Миронов Б. Н. Социальная структура городского населения России во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. С. 197.

обязаны были построить дом, хозяйственные постройки и/или начать заниматься земледелием, т.е. перейти к полуили оседлому образу жизни. В случае отказа от получения надела, а таких оказалось около 20%, казахи выселялись за пределы Алтайского горного округа, чаще всего в Семипалатинскую область[1]. Следует понимать, что Кулундинская степь во второй половине XIX – начале XX в. стала вторым крупным казахским анклавом (после Внутренней орды), окруженным русскими поселениями со всех сторон (см. Приложение 12).

Таким образом, главной причиной продолжения политики перевода на оседлость казахов-кочевников являлась необходимость разрешения кризиса малоземелья посредством крестьянской колонизации, стимулировавшей изъятие из эксплуатации кочевого населения определенной части угодий и таким образом усиливавшей земельный кризис уже в Азиатской части Российской империи. Процесс колонизации сопровождался социально-правовым нивелированием статуса кочевников и крестьян, закрепленным судебной реформой среди нерусского населения империи 1890-х гг., изъявшей земельный и ряд других вопросов из компетенции туземного суда[2].

Строительство Сибирской железной дороги создало предпосылки для усиления промышленной и крестьянской колонизации Казахстана. В связи с необходимостью развития промышленности в Степном генерал-губернаторстве перед правительством в очередной раз встал вопрос собственности на землю.

Промышленники требовали гарантий своим капиталовложениям в форме введения института частной собственности на землю, что противоречило действовавшему Степному положению 1891 г., согласно которому государственные земли считались в аренде у кочевников

[1] Храмков А. А. Столыпинская земельная реформа в Сибири: общее и особенное // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: Материалы конф. / Под ред. Ю. Ф. Кирюшина, В. А. Скубневского. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. С. 194–195.

[2] Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб.: Изд. Переселенческого упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1914. С. 45–61.

и оседлых казахов на неопределенный срок. Одной из немногих легальных возможностей приобретения земель в собственность была покупка участков из пенсионного фонда Сибирского казачьего войска, более 1,5 млн дес. которого после наделения ею офицеров в конце XIX в. пустовали[1]. По закону о пенсионном фонде 1877 г. размер частного надела определялся рангом. Так, бывшие генералы могли рассчитывать на 2000–3000 дес., штаб-офицеры – 800–1000, обер-офицеры – 300–600 дес. Запасные войсковые участки, как правило, сдавались войсковым правлением в аренду[2]. Следует отметить, что нельзя преувеличивать размер такой формы частного землевладения – даже к 1917 г., т.е. через сорок лет после принятия закона, около 27% владельцев офицерских участков еще не получили крепительных документов на них[3]. Возможность приобретения помещичьей частновладельческой земли была еще меньшей, так как ее размер не превышал 0,2% территории генерал-губернаторства[4].

В годы столыпинских аграрных реформ процесс приобретения землей рыночной стоимости в ряде регионов Степных областей, где переселенческое движение было особенно активным, вышел из-под контроля администрации. Более того, с 1913 г. Сибирское отделение крестьянского поземельного банка стало отслеживать процессы сделок купли-продажи земельных участков в Акмолинской области, отметив, что в период 1913–1915 гг. цена за лучшие участки достигала здесь 120 руб. за дес[5].

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 428 об. – 429.

[2] Частновладельческие хозяйства в Семипалатинской области. СПб.: Тип. «Экономия», 1912. С. 7–8.

[3] Андреев С. М. Сибирское казачье войско как социально-территориальная система: организация и основные этапы развития (1808–1917 гг.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Кемерово, 2007. С. 25.

[4] Антонова И. В. К вопросу о складывании структуры обрабатывающей промышленности в г. Акмолинске (вторая половина XIX в. – начало XX в.) // Социально-политическая история Приишимья (Тезисы выступлений на конференции) / Отв. ред. Н. В. Алексеенко. Целиноград: Изд-во обкома Компартии Казахстана, 1990. С. 79.

[5] Тресвятский В. Необходимость пересмотра оснований земельного обложения оброчной податью в Азиатской России // ВК. 1915. № 17. С. 85.

С целью привлечения частного капитала Государственный совет в 1910 г. рассматривал законопроект о желательном развитии мелкой и крупной частной собственности в Сибири. По мнению членов совета, необходимо было выставить на торги земли, находившиеся в государственной собственности и эксплуатируемые казахами, которых предполагалось наделить правом преимущественного получения участков[1]. Планировалась также безвозмездная передача земли в частную собственность оседлым, включая в их число и русских крестьян. Эта мера должна была стать стимулом массового оседания казахов-кочевников. Введение частной собственности на землю позволило бы создать рынок недвижимости, что помогло бы как крупному, так и мелкому промышленному капиталу получить гарантии своего бизнеса. Помимо указанного проект предусматривал и иные пути развития частной собственности в Азиатской России, имевшие целью создать в Сибири «культурный слой общества, способный поставлять полезных для местного управления деятелей»[2].

Кроме собственности на землю и недра важным являлся вопрос владения водными ресурсами. 20 мая 1907 г. степным генерал-губернатором было созвано специальное совещание с участием двух представителей от каждого уезда Семипалатинской и Акмолинской областей. На нем обсуждался вопрос о материальном благосостоянии казахского населения края. В качестве главной проблемы для обсуждения здесь выступала собственность на источники воды, причем отмечалось, что 9/10 водных ресурсов сосредоточены в руках земледельцев, что пагубно влияет на развитие скотоводства. Предлагалось урегулировать юридическую сторону этого вопроса[3]. Однако ситуация водопользования и владения водными источниками преимущественно

[1] Рассмотрение сметы Переселенческого Управления на 1910 год в Общем Собрании Государственной Думы // ВК. 1910. № 7. С. 519.

[2] Там же.

[3] См.: Труды частного совещания, созванного 20 мая 1907 года Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. Омск, 1908. С. 16–31; Абдразаков Т. А. Колонизация // Абдразаков Т. А. Избранные произведения 90-х годов. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 2000. С. 184–187 и др.

земледельцами не являлась повсеместной в Степных областях. Например, в Семиреченской области источники водопользования были сосредоточены главным образом в руках скотоводов, и здесь уже земледельцы вынуждены были их арендовать[1].

Параллельно с развитием идеологии, обосновывавшей необходимость промышленной колонизации, создавались законодательные условия для ускорения темпов крестьянской колонизации Сибири. Правительство пыталось поставить этот процесс под свой контроль. Еще в 1904 г. была предпринята попытка жесткого государственного регулирования процессов отходничества и переселения за Урал. По закону от 6 июня уездным съездам земских начальников предоставлялись широкие полномочия в вопросах «опеки над переселением». По мнению кадета Виноградова, причиной неспособности закона удовлетворить потребности правительства и крестьянства стали объективные условия, сложившиеся в ходе русско-японской войны, аграрных волнений и общего революционного настроя населения[2]. Все это, а также продолжавшаяся «вольная» колонизация вынудили правительство приступить к кардинальным реформам в аграрной сфере.

6 марта 1906 г. вышел высочайший указ о разрешении выхода из крестьянской общины и свободного переселения в Азиатскую Россию. 9 ноября того же года появился новый закон, ставший началом столыпинских аграрных реформ. В этом же году были приняты новые правила, ограничивавшие свободу отходничества и переселения, еще более усиленные в 1910 г. путем введения «оценки имущественного положения и других, стесняющих крестьянство условий»[3].

Источники свидетельствуют, что в начале XX в. становятся массовыми обращения казахов в переселенческие управления и иные органы с просьбой о землеустройстве в связи

[1] Пространство, население и размеры киргизского землепользования в Туркестанском крае. (Официальная справка Переселенческого управления) // ВК. 1910. № 7. С. 314.

[2] Рассмотрение сметы… С. 449.

[3] Там же. С. 446.

с переходом к земледельческому промыслу[1]. Несомненной причиной данного процесса служило, в первую очередь, стремление закрепить за собой ту или иную территорию в связи с угрозой обезземеливания. Этот же вопрос стал основным в выступлениях нарождавшейся казахской интеллигенции, которая накануне и в период первой русской революции была вовлечена Россией в активную парламентскую и политическую борьбу в иных формах.

Идеи панисламизма части казахской элиты в тот период уживались с идеями эсеров, и сепаратистская идея единой мусульманской республики под турецкой или персидской эгидой соседствовала с идеями народного просвещения и развития гражданских свобод. Все это вызывало противодействие в первую очередь со стороны полицейского департамента МВД, руководитель которого Зуев настоятельно рекомендовал не только вести сбор агентурной информации о настроениях населения, но особенно следить за «деятельностью панисламистских издательств, а также за панисламистской литературой во всех ее видах»[2]. Местные власти неоднократно входили с предложением о закрытии «Мусульманских хроник»[3] и других изданий, но правительство обычно ограничивалось тайным надзором за авторами[4]. Так, даже за лояльным правительству популярным казахским акыном Абаем негласный надзор и следствие осуществлялись в течение десяти лет[5].

Представители западнического направления долгое время примыкали или даже являлись членами всероссийских либеральных партий[6]. Особой популярностью среди

[1] См., напр.: Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907–1914 годах. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Казгосиздат, 1957.

[2] Цит. по: Полосин В. С. (Али). Политический ислам: в поисках «земного рая». М.: Совет по исламскому образованию, 2023. С. 152.

[3] Рабочее и аграрное … С. 461.

[4] См.: ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1430.

[5] См.: Бекмаханов Е. Б. Новые материалы к творческой биографии Абая Кунанбаева // Ученые записки КазГУ. Сер. историческая. 1959. Т. 38. С. 163–169; Бейсенбаева С. 10 лет под следствием // Казахстанская правда. 14.09.1994 и др.

[6] Букейханов А. Киргизы. Формы национального движения современного государства / Под ред. А. И. Костелянского. СПб., 1910.

казахов пользовалась партия кадетов, в составе которой функционировала мусульманская фракция, а с 1906 г. в ней фактически существовала и «киргизская» (казахская) фракция, ставшая основой формирования партии Алаш. Как отмечает Д. А. Аманжолова, ее члены изначально ориентировались на идеалы конституционной демократии и буржуазного эволюционизма[1]. Базовым принципом формирования аграрной программы Алаш стал постулат о поддержке добровольного и постепенного оседания казахов-кочевников при сохранении общинного уклада жизни[2]. Весьма справедливо в отношении подобных национальных партий и фракций, активизироввшихся после 1905 г., замечание Ф. Хирша, что, несмотря на свою малочисленность, они приобрели непропорционально важную роль в политической жизни Российской империи[3].

Причиной поддержки нарождавшейся казахской интеллигенцией политической программы кадетской партии, несомненно, являлось программное положение конституционных демократов о необходимости введения федеративного устройства в Российской империи и предоставлении казахам национально-государственной автономии[4]. Программа партии народной свободы предполагала полное гражданское и политическое равноправие и право на культурное самоопределение, развитие национальных языков и местного самоуправления[5].

На территории Степных областей было создано два филиала кадетской партии – в Оренбурге и Семипалатинске, в составе которых активную работу проводили казахи. Один из представителей казахской интеллигенции – Али-

[1] Аманжолова Д. А. Алаш. Советы. Большевики // Отечественная история. 1994. № 1. С. 57.

[2] Аманжолова Д. А. Россия и казахский автономизм. История движения Алаш (1905–1920 гг.) // Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. М., 1995. С. 18.

[3] Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 24.

[4] Алаш-Орда. Сборник документов… С. 46, 55 и др.

[5] Программа конституционно-демократической партии (партии народной свободы) // Российские либералы: кадеты и октябристы / Сост. Д. Б. Павлов, В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. С. 52–56; Д. И. Шаховский. Союз освобождения // Там же. С. 193–194. О первом и втором обсуждении программы по вопросам автономии см.: Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С. 205–206.

хан Букейханов – даже вошел в состав ЦК кадетской партии. Вместе с тем абсолютного совпадения взглядов не произошло. Одним из пунктов программы кадетов, по которому возникли разногласия между русскими и казахскими депутатами, стал вопрос о землевладении в казахской степи и о перспективах переселенческого движения в Степные области. Первоначально по этим вопросам существовали непримиримые разногласия. Дело даже дошло до открытого подлога программы кадетов при ее переводе с русского на казахский язык. «Уральская группа киргизов-кадетов по земельному вопросу вместо официального текста вставила следующую самостоятельную композицию: «в основном законе должно быть написано, что киргизские (казахские – *А. Б.*) земли принадлежат на праве вечной собственности киргизскому народу без всяких других совладельцев. Законы о признании киргизских земель государственной собственностью и о переселении на них русских мужиков должны быть отменены, уничтожены. Без позволения самих киргизов, русские не должны отбирать земли, ни на временное пользование, ни на вечность»[1]. Газетное сообщение о подделке программы заставило представителей кадетской партии, в частности А. А. Кауфмана, выступить с официальным печатным опровержением. А. А. Кауфман при этом отметил, что «необходимо дать должный отпор ни с чем несообразным… притязаниям киргизов (казахов – *А. Б.*) на признание за ними исключительного права на занимаемые ими земли»[2]. Он же сделал сообщение на заседании ЦК партии народной свободы 2 марта 1907 г. по вопросу о позиции казахских депутатов во фракции, заявив, что нормы отводных работ для переселенцев и так минимальны, а северные уезды Степных областей – самые ценные полосы

[1] Отрывок казахского текста программы в переводе Т. Седельникова. См.: Седельников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 61–62; 2-е изд. С. 94–95. В выступлениях одного из лидеров казахской интеллигенции Ж. Акпаева вопрос ставился еще более радикально: «Прежде русские владели киргизами (казахами – *А. Б.*), а теперь киргизы будут владеть русскими». Цит. по: Кух-Мухаммед М. Жакып Акпаев. Патриот. Политик. Правовед. Политико-правовые взгляды Ж. Аннаева. Алматы: Атамура, 1995. С. 43. Сам материал см.: Акпаев Я. Наброски по обычному, в частности брачному, праву киргизов-khфзakhов // Записки ЗСО ИРГО. Вып. III. Семипалатинск: Типо-литография Торгового дома «Плещеев и Ко», 1907. С. 1–11.

[2] Седельников Т. Указ. соч. 1-е изд. С. 62.

для переселенцев[1]. На страницах журнала «Вопросы колонизации» появление требований по земельному вопросу и автономии края были объяснены П. Хворостанским тем, что попали в текст петиций и прочих документов «по недоразумению»[2].

Несмотря на позицию большинства членов партии, казахские депутаты внесли официальный запрос в Думу о необходимости прекращения переселения и передаче части земель из переселенческого фонда земскому самоуправлению, и лишь после беседы с одним из лидеров кадетов – И. В. Гессеном – отозвали его[3].

Во вторую Государственную думу кадеты внесли два проекта аграрной реформы, предполагавшие постепенное или немедленное введение института частной собственности на землю, передел всей земли по принципам либо введения высшей нормы земельного надела, либо трудовой нормы[4]. Оба проекта большинством голосов были отвергнуты. В конечном счете именно вопрос о введении института частной собственности на землю стал причиной выхода из кадетской партии казахских представителей. А. Букейханов так объяснял причину разногласий: «Кадетская партия выступает за передачу земли в частную собственность. Если наши казахи возьмут землю в частную собственность, то продадут ее мужикам, как башкиры, и через несколько лет останутся голыми и с пустыми руками»[5]. Вместе с тем нельзя согласиться с мнением современной казахстанской историографии, что представители казахской интеллигенции смогли еще до Февральской революции 1917 г. создать самосто-

[1] Протоколы ЦК кадетской партии периода первой русской революции. Окончание // ВИ. 1992. № 10. С. 183.

[2] Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // ВК. 1907. № 1. С. 103.

[3] Протоколы ЦК кадетской… С. 185.

[4] Там же. С. 180–181, 186. В 1912 г. в Думе поднимается этот же вопрос, но по отношению к землям Туркестанского края. Их результат см.: Рассмотрение сметы Переселенческого управления на 1912 год в Общем Собрании Государственной Думы / ВК. 1912. № 12. С. 356–410.

[5] Цит. по: Озганбай О. Государственная Дума России и Казахстан (1905–1917 гг.). Учебное пособие. Алматы: «Арыс», 2000. С. 137.

ятельную «казахскую конституционно-демократическую партию»[1].

Возможность участия представителей казахов в политических дискуссиях на самом высоком уровне, выработка собственных проектов и т.п. – все это втягивало в политическую деятельность новых представителей казахской интеллигенции. Одним из способов такого вовлечения можно без сомнения считать освещение вопросов колонизации и процесса оседания кочевников в периодической печати. Наибольшей популярностью среди казахов пользовались учрежденная А. Байтурсыновым газета «Казак», издававшаяся в Оренбурге, также чрезвычайно популярными были журналы «Айкап», «Алаш» и «Абай». В первых двух изданиях публиковались не только литературно-просветительские, но и политические материалы. За сотрудниками этих изданий властями был учрежден негласный надзор[2]. В 1916 г. в Ташкенте начала издаваться газета «Алаш», в 1917 г. – газеты «Уран» (в Ханской ставке) и «Сары Арка» (в Семипалатинске), которые, по мнению Г. Н. Потанина, вместе с газетой «Казак» ставили основной задачей пробуждение национального самосознания казахов[3].

Казахские авторы публиковались и в изданиях на русском языке. Так, касаясь вопроса о возможности различной трактовки размера надела при поземельном устройстве казахов, омская газета «Степь» 2 февраля 1910 г., в частности, писала: «Ни для кого не секрет, что Главное управление земледелия и землеустройства, выработав пониженную для киргизов (казахов – *А. Б.*) земельную норму, прилагает все усилия к проведению ее в жизнь в самом ближайшем будущем»[4]. Эта проблема волновала и русскую общественную мысль. Проблема переселения крестьянства, ход столыпинской аграрной реформы и ее негативные последствия, перегибы местной администрации, допущенные по отно-

[1] Озганбай О. Указ. соч. С. 90.

[2] Алаш-Орда… С. 17 и др.

[3] Потанин Г. Н. Киргизы после переворота // Потанин Г. Н. Избранные соч. в трех томах. Т. 2. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005. С. 416.

[4] Рабочее и аграрное … С. 205.

шению к коренному населению, вызывали протест части передовой русской интеллигенции.

В 1913 г. «Современник» писал: «Прочтите инструкции и циркуляры, всмотритесь в деятельность производителей работ, в деятельность временных комиссий, там под грудами цифр, статей и параграфов, якобы доказывающих справедливость и законность изъятий, скрыты: бесцеремонность, обман, …грубая спекуляция собственностью киргизов (казахов – *А. Б.*)»[1].

Несмотря на ряд ограничений, введенных правительством на возможность казахам заниматься политической деятельностью, процесс политизации национальной интеллигенции продолжался. Нельзя не согласиться с мнением, что важнейшим фактором в этом процессе стало просвещение[2]. Это осознавалось и представителями губернской администрации. Степной генерал-губернатор Е. О. Шмит попытался противопоставить «левой оппозиционной печати, заполонившей не только Омск, но и всю Сибирь», подконтрольные ему средства информации. Однако эта идея оказалась безрезультатной: население не приобретало «подручные» СМИ, и через некоторое время газета «Голос Сибири» была закрыта, так как приносила значительные убытки казне[3]. Другой формой борьбы властей с оппозиционными изданиями было их закрытие. Так, газета «Казак» до Февральской революции закрывалась 26 раз[4].

Летом 1917 г. казахи – лидеры мусульманской фракции[5] и часть примкнувшей к ней интеллигенции создали собственную партию Алаш, в основе идеологии которой сохрани-

[1] Цит. по: Сулейменов Б. С., Басин В. Я., Маликов Ф. М. Казахстан накануне и в период победы Великого Октября // Великий Октябрь в Казахстане. Алма-Ата, 1977. С. 5. О мнениях периодических изданий по данному вопросу в этот период достаточно полное представление дает, например, сборник документов «Царская колонизация Казахстана…» и др.

[2] Дулатова Д. И., Нуртазина Н. Д. К истории просвещения в Казахстане и Средней Азии в XIX – начале XX вв. // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Сб. статей. Вып. II. Алматы: ТУДАП, 1994. С. 55.

[3] Там же С. 55.

[4] 105 лет газете «Казак» // https://www.inform.kz/lenta/gazeta/ru (дата обращения: 20.06.2023).

[5] Алексеев И. Мусульманская фракция в Государственной думе (1906–1917 гг.) // Мусульманская газета. Февраль 2000. № 3. С. 6.

лись идеи кадетов о национально-государственной автономии, а требования сокращения территорий, населенных русскими крестьянами, и передачи их казахам были усилены. Пункт 10 программы, например, предусматривал: «Все ранее отобранные у киргиз (казахов – *А. Б.*) переселенцами земли должны быть возвращены обратно»[1]. Параллельно эти требования сочетались со стремлением «насаждения среди киргиз (казахов – *А. Б.*) культурной оседлой жизни»[2].

Местная российская администрация считала возможным проводить одновременно переселение и землеустройство коренного населения. Уездные власти полагали экономически и политически необходимым проводить землеустройство как кочевников, так и переходящих к оседлости. Большинство представителей низовой колониальной администрации при этом считало, что кочевое ведение хозяйства как для казахов, так и для казны более рентабельно.

Со второго десятилетия XX в. степной генерал-губернатор и военные губернаторы в земельных спорах практически всегда отдавали преимущество оседающему населению, отмечая, что переселение и начало землеустройства казахов доказывают «подготовленность массы киргизов (казахов – *А. Б.*) к переходу в оседлое состояние, вместе с тем, обнаруживается необходимость замены частичного оседания сплошным землеустройством киргизского населения»[3]. Для реализации намеченного Е. О. Шмит планировал применение директивных мер и введение дополнительных льгот переходившим в иное состояние. Он уточнял, что фискальные льготы – временная мера, и ко второму пятилетию после изменения податного и хозяйственного состояния размер оброчной подати казахов-земледельцев должен в большинстве районов превысить размер кибиточного сбора в среднем

[1] Программа партии «Алаш-Орда», напечатанная в киргизской газете «Казак» № 251 от 21 ноября 1917 года // Бочагов А. Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917–1919 гг. // Сафаров Г. Колониальная революция: Опыт Туркестана; Бочагов А. Алаш-Орда. Алматы: Жалын, 1996. С. 252.

[2] Алаш-Орда… С. 19.

[3] Рабочее и аграрное… С. 189–190.

в четыре раза[1]. Против такого решения выступали туркестанский генерал-губернатор Кауфман, запретивший переселение в Семиреченскую область, которая в 1897 г. вновь была подчинена Туркестанскому губернатору, и сенатор Пален, считавший политически необходимым первоначально полное землеустройство коренного населения вне зависимости от формы хозяйственной деятельности. К их мнению прислушивались местные военные губернаторы.

Описанная выше ситуация существовала относительно непродолжительное время. Уже в 1910 г. кабинетом П. А. Столыпина новым Туркестанским генерал-губернатором назначается А. В. Самсонов, а Семиреченским военным губернатором – М. А. Фальбаум[2]. Последний в 1910 г. предписал начать массовое изъятие земель[3].

Перестраивая систему управления на местах, правительство осуществляло реформы не столько посредством законодательного регулирования, сколько посредством ротации администрации. За период 1907–1912 гг. высшее губернское административное звено сменилось на 100%. Так, в 1907 г. Степным генерал-губернатором являлся Иван Павлович Надаров, Туркестанским – Константин Петрович Кауфман, военным губернатором Семиреченской области – Михаил Ефремович Ионов, Сыр-Дарьинской – Михаил Яковлевич Романов, Тургайской – Асинкрит Асинкритович Ломачевский, Уральской – Николай Владимирович Родзянко, Закаспийской – Петр Александрович Карцев, губернаторами являлись в Акмолинской области – Владимир Степанович Лосевский, Оренбургской – Владимир Федорович Ожаровский, Семипалатинской – Александр Семенович Галкин. Через пять лет персональный состав губернского начальства выглядел следующим образом: Степным генерал-губернатором, как уже отмечено, стал Евгений Оттович Шмит, Туркестанским – Александр Васильевич Самсонов, военным губернатором Семиреченской области – Михаил Александрович Фальбаум,

[1] Там же. С. 191.

[2] Рассмотрение сметы на 1910 г. … С. 489.

[3] Рабочее и аграрное… С. 226.

Сыр-Дарьинской – Александр Семенович Галкин, Уральской – Николай Васильевич Дубасов, начальником Закаспийской области стал Михаил Дмитриевич Евреинов, губернатором Акмолинской области – Александр Николаевич Неверов, Оренбургской – Николай Александрович Сухомлинов, Семипалатинской – Александр Николаевич Тройницкий, Тургайской – Михаил Михайлович Эверсман[1]. Нельзя не согласиться с мнением А. Ю. Бахтуриной, что падение престижа власти губернаторов в начале XX в. во многом являлось следствием их частой смены[2].

Персональные изменения в среднем звене управления привели к усилению реакционных тенденций в аграрной политике на востоке империи. Особенно четко эта тенденция прослеживается на материалах Тургайского, Акмолинского и Семипалатинского областных правлений, где управление приобрело преимущественно приказной характер. Тургайское областное правление, например, высказалось за пересмотр выводов комиссии И. И. Крафта. Новые члены правления настаивали на том, что они устарели, за истекшие 15 лет условия существенным образом изменились, и во втором десятилетии XX в. необходимо уже развитие земледелия любыми путями, даже в ущерб скотоводству, для чего и необходимо проводить земельные изъятия[3].

Резкий поворот вправо позиции местной российской администрации связан с усилением политической реакции вообще после третьеиюньского «переворота» 1907 г. Так, если в «булыгинскую» Думу часть казахов была лишена возможности избираться из-за введенного ценза оседлости, что объяснялось в том числе и политикой седентаризации, то в Третью и Четвертую Государственные думы казахам вообще запретили баллотироваться. Единственным депутатом

[1] См.: Ежегодник Министерства иностранных дел. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1907. С. 18, 19; Ежегодник Министерства иностранных дел. СПб..: Тип. Тренке и Фюсно, 1912. С. 18.

[2] Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РосПЭН, 2004. С. 286.

[3] Рабочее и аграрное… С. 204–206.

парламента – этническим казахом был Мустафа Чокаев[1], прошедший кандидатом от г. Казани.

В 1910 г. вопрос о способах развития колонизации Азиатской России и землеустройстве как коренного, так и пришлого населения специально рассматривался при обсуждении сметы Переселенческого управления в Общем Собрании Государственной думы и в Государственном совете.

Так, 16 марта 1910 г. главный управляющий Землеустройством и Земледелием А. В. Кривошеин утверждал, что переселение благотворно сказывалось на благосостоянии казахского населения. Им отмечалось, что в местах наибольших изъятий земель процент бедных семей сокращался, и поэтому, по мнению А. В. Кривошеина, следовало продолжить переселение, «не опасаясь за будущее киргизского (казахского – *А. Б.*) народа»[2]. Основываясь на том, что казахам по нормам оставлялось от 75 до 400 дес., а у переселенцев максимальный надел составлял 30–40 дес. на хозяйство, и констатируя, что «слишком велико несоответствие между запасом земель и спросом на них»[3], А. В. Кривошеин предложил ввести в ближайшем будущем частную земельную собственность в Степных областях, Семиречье и на Алтае с правом свободной продажи земель старожилами (включая нерусское население) новоселам. Руководитель Переселенческого управления утверждал, «что от прилива переселенцев в Степь не проигрывают и сами киргизы (казахи – *А. Б.*); утрачивая часть излишних земель, они не беднеют, так как оставшаяся у них земля впервые получает рыночную стоимость»[4]. Одновременно он подал в Думу представление о распространении на Туркестанское

[1] Мустафа Чокаев (Мустафа-бей Чокай-оглу, М. Чокай, М. Чокай-оглы, М. Шокай-улы) – впоследствии президент Туркестони мухториат (Туркестанской автономии). После поражения от Красной Армии эмигрировал во Францию. После оккупации Франции в 1940 г. фашистской Германией возглавил фашистский Туркестанский легион. Отстаивал идею Великого Туркестана под эгидой Германии и Турции. См.: Чокай-оглы М. Туркестан под властью Советов (К характеристике диктатуры пролетариата). Алма-Ата: Айкап, 1993.

[2] Рассмотрение сметы на 1910 г. … С. 432.

[3] Там же. С. 437.

[4] Там же. С. 432.

генерал-губернаторство земельных норм, предусмотренных в Степном генерал-губернаторстве[1].

В обсуждении этих вопросов активное участие приняли депутаты – представители фракций кадетов, октябристов, националистов и трудовиков. Практически все они стали в оппозицию к Переселенческому управлению: одни – полагая, что позиция управления слишком жесткая, другие – что позиция управления ущемляет интересы русского населения, ставя коренное население в привилегированное по сравнению с ним положение.

Например, председатель Переселенческой комиссии Думы князь Голицын считал необходимым постепенное введение в Сибири, в том числе и в районах, где проживало преимущественно казахское население, территориальных органов самоуправления без учета этнической и конфессиональной принадлежности его представителей. Кроме этого, он полагал необходимым введение института частной собственности на землю, процесс приобретения которой должен был служить, по его мнению, лучшим стимулом изменения социального состава переселенцев в сторону повышения их имущественного статуса и создавал благоприятные условия развития промышленной колонизации. В своем выступлении он пытался доказать, что развитие фермерства не только не приведет к кризису перепроизводства зерновых, но будет способствовать сбалансированному развитию земледельческой и скотоводческой отраслей сельскохозяйственного производства[2].

Представитель той же партии Виноградов, поддержав в целом позицию Голицына, сделал особый упор в своем выступлении на положении казахского населения. Он, в частности, настаивал на отмене инструкции МВД, согласно которой в случае, если 2/3 сообщества решило перейти к оседлому образу жизни, то это решение становится обязательным для всех его членов. Защищая права меньшинства, Виноградов заявил, что инструкция носит дискриминационный характер по отношению к «той 1/3 киргизов (каза-

[1] ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 16. Л. 56.

[2] Рассмотрение сметы на 1910 г. … С. 448.

хов – *А. Б.*), которая этого не желает»[1]. Он обратил внимание депутатов на нарушения, допущенные представителями Переселенческого управления. Было отмечено, что продолжение политики в том же направлении повлечет за собой негативные последствия как для местного населения, так и для правительства[2].

Позицию указанных депутатов поддержали большинство представителей «левого центра» Думы и ряд правых. К последним относился, например, депутат Савучинский, заявивший о необходимости развития в Степных областях овцеводства, которое пришло в упадок в Таврической области после ее распашки. Он предложил внести на обсуждение в Думу проект «назревших в переселенческом деле реформ», от себя предложив учредить долгосрочную аренду казенных земель богатыми скотоводами[3]. Однако думское большинство высказалось за продолжение и даже расширение переселенческого движения в степные и туркестанские области Азиатской России. Так, депутат Волков, протестуя против выступления Виноградова, заявил, что введение собственности на землю не просто изменит имущественный статус будущих переселенцев, но существенным образом сократит переселенческий процесс, чего, по его мнению, нельзя допускать. С точки зрения обеспечения стабильности на окраинах он полагал целесообразным увеличивать здесь процент русского населения вплоть до абсолютного преобладания[4].

Одобренные Думой законопроекты поступили через Государственную Канцелярию на рассмотрение общего собрания членов Государственного совета, где дело решалось простым большинством голосов. В 1910–1911 гг. здесь преобладали правые[5].

---

[1] Там же.

[2] Рассмотрение сметы на 1910 г. … С. 450.

[3] Там же. С. 502–505.

[4] Там же. С. 443.

[5] Бородин А. П. Усиление позиций объединенного дворянства в государственном совете в 1907–1914 годах // ВИ. 1977. № 2. С. 63–65.

Обсуждение означенного вопроса в Государственном совете носило спокойный характер. Его члены в целом поддержали идею введения частной земельной собственности[1]. Но это нововведение вступало в противоречие с существовавшей практикой и законодательством, так как уже имелось законоположение, предоставившее кочевникам государственные земли в бессрочное общественное пользование, поэтому Совет рекомендовал «кочевой быт киргиз (казахов – *А. Б.*) постепенно ликвидировать», но при этом предлагалось действовать осторожно и осмотрительно, и «некоторая отсрочка дела… предпочтительнее неудачного опыта»[2].

Парламентский вариант не устроил правительство. Оно опасалось массовой скупки крестьянских участков промышленниками и купцами в Сибири, Степном крае и Туркестане, что не соответствовало интересам государства, стремившегося сохранить за собой как можно более широкие права на недра[3]. Поэтому решения Государственной думы и Государственного совета по вопросам землеустройства в Степных областях были отменены.

Позднее октябристы и прогрессисты, имевшие большинство в парламенте, в вопросах продолжения колонизации занимали обычно противоположную кадетам позицию. Новая коалиция – Прогрессивный блок, возникшая в августе 1915 г., фактическим лидером которой стал П. Н. Милюков, в своей деятельности решением проблем Азиатской России практически не занималась. Легальная печать в период Первой мировой войны основную нагрузку также перенесла на вопросы внешнеполитического положения России. Кабинет министров и император в принципе считали проблему решенной, справедливо полагая, что продолжение колонизационной политики усилит уже начавшийся массовый переход кочевого населения в оседлое состояние по причине земельного голода. Определяющим становился

[1] Рассмотрение сметы на 1910 г. … С. 519–520.

[2] Там же. С. 513.

[3] Храмков В. Н. Столыпинская земельная реформа в Сибири: общее и особенное // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. 6–7 октября 1999 г. Материалы конференции / Под ред. Ю. Ф. Кирюшина, В. А. Скубневского. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. С. 289.

вопрос о необходимости русификации местного населения, и, как подчеркнул М. А. Фальбаум, именно поэтому «русское имя и русские интересы должны главенствовать»[1]. При этом стремление культурного самосохранения, выражавшееся в усилении мусульманизации в противовес государственной христианско-православной религии, рассматривалось правительством в качестве сепаратизма и стремления к государственной автономии.

Таким образом, в 1822 и 1824 гг. российское правительство произвело кодификацию законоположений об управлении казахским населением Западно-Сибирской и Оренбургской губерний. Попытка, предпринятая М. М. Сперанским в Сибирском комитете по сближению правового положения населения губерний и унификации законодательства в отношении коренного населения, успеха не имела. В результате была создана правовая основа функционирования двух административных систем.

Еще одним вариантом или, точнее, подвариантом российской системы управления у казахов стало образование Букеевской/Внутренней орды. В значительной степени оно повторяло оренбургскую, и не следует выделять его в качестве уникальной системы управления, вместе с тем несомненны некоторые его особенности, вызванные в первую очередь контролируемостью процессов, поскольку казахи Внутренней орды с момента своего основания стали, по сути, внутренней провинцией (в определенном смысле анклавом, хотя граничили и с казахами оренбургского ведомства), окруженной со всех сторон российскими поселениями и укреплениями. И отличия этого варианта системы управления сохранялись дольше и в более значительной степени вплоть до крушения Российской империи.

С середины 20-х гг. XIX в. различия в управлении автохтонным населением указанных губерний отчетливо проявились в административной практике. Так, в сибирском ведомстве была создана система льгот с целью постепенного перевода казахов в «оседлое гражданское состояние» и предпринимались попытки «приобучать»

[1] Рабочее и аграрное… С. 390.

их сенокошению, домообзаводству, ремеслам и особенно земледелию. Оренбургские власти, напротив, запрещали казахам заниматься земледелием, полагая, что это нанесет серьезный урон экспорту российского хлеба в степь и в результате ослабит экономическую зависимость казахов от России.

Лишь в конце 50-х гг. XIX в. оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин осознал настоятельную необходимость унификации системы управления коренным населением. Процесс правовой унификации завершился с принятием в 1868 г. Временного положения об управлении степными областями.

Текст «Временного положения» 1868 г., несмотря на значительные нововведения, демонстрирует генетическую связь и преемственность с Уставом 1822 г. о сибирских киргизах. В обоих документах большое внимание было уделено процессам оседания и трансформации быта казахов. В отличие от Устава по Положению социальную базу седентаризации составляло все казахское население безотносительно его положения в традиционной иерархии.

Неопределенность размеров земельных наделов позволяла желающим заняться земледелием казахам присваивать себе лучшие участки на летовках и зимовках. Возможность земельных захватов и зачастую более высокая рентабельность земледелия служили для части казахского населения причинами развития земледелия и оседания. В последней трети XIX – начале XX вв. оседание происходило не просто отдельными семьями или бедными аулами, как в конце XVIII – первой половине XIX в., а целыми родами.

Отражением качественных изменений колониальной системы послужило создание в 1882 г. Степного генерал-губернаторства с центром в Омске, одной из основных задач которого стало единое управление казахами, максимально приближенное к общероссийским стандартам. Процесс расширения границ Российской империи в Азии и изменения административно-территориального устройства привели, таким образом, к политической, экономической, админи-

стративной и культурной интеграции Степных областей в единое унифицированное общеимперское пространство.

В вопросе отношения администрации к возможностям трансформации традиционного кочевого социума также произошли определенные изменения. Усилились культуртрегерские тенденции, вызванные начавшимся процессом крестьянской колонизации.

Вопросы землевладения и развития оседлости обсуждались и в российском дореволюционном парламенте. Казахские депутаты выступали за проведение подобного рода мероприятий, но с учетом сокращения переселенческого земельного фонда и сокращения размеров колонизационного процесса в казахскую степь. По последнему вопросу они существенно расходились во мнении с кадетами, членами фракции которых долгое время являлись. Октябристы и прогрессисты, имевшие большинство в парламенте, в вопросах продолжения колонизации занимали обычно противоположную кадетам позицию в том смысле, что считали темпы колонизации недостаточно высокими. Определяющим для властей становился вопрос о необходимости русификации местного населения. При этом стремление местного населения к культурной автономии рассматривалось правительством в качестве сепаратизма.

§ 5. Решение властями Российской империи «мусульманского вопроса» у казахов

Проникновение ислама на территорию Казахстана – процесс длительный, протекавший с разной степенью интенсивности. Его начало относится к арабским завоеваниям Мавераннахра и центральноазиатского Семиречья. С IX–X вв. археологи фиксируют во многих городах наличие мусульманских кварталов, однако мусульманство не было в то время единственной или доминирующей конфессией. Значительная часть населения исповедовала христианство несторианского толка, появившееся в Центральной Азии в V в. Так, в домонгольскую эпоху значительная часть киданей (кара-китаев) в государстве Елюй Даци, кереитов (кереев), уйгур и гузов были христианами[1]. К христианам относилась часть населения Хазарского каганата, хотя здесь доминировали язычество у кочевников и иудаизм у горожан[2]. Путешествовавший под видом дервиша-паломника А. Вамбери оставил свидетельство, что даже в середине XIX в. в Средней Азии оставались несториане, которых именовали «гяурами» (иноверцами)[3]. Проникновение буддизма в тюркскую среду и в Мавераннахр начинается с VI в. Уже в VII в. буддизм стал государственной религией в Западно-Тюркском каганате. Он играл существенную роль в Восточно-Тюркском каганате, у уйгур, енисейских киргизов и присырдарьинских огузов[4]. Таким образом, в домонгольскую эпоху на территории современного Казахстана и за его пределами среди племен, сформировавших позднее казахский этнос, были представлены все мировые религии, а также иные как моно-, так и политеистические культы. Помимо мировых религий, среди населения имели хождение

[1] Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей) // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 269–294.

[2] Артамонов М. И. История хазар / М. И. Артамонов. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 262–264.

[3] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии / А. Вамбери; пер с нем. М.: Восточная литература, 2003. С. 111.

[4] Кляшторный С. Г. Казахстан: летопись трех тысячелетий / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. Алматы: Рауан, 1992. С. 151–152.

иудаизм, манихейство, широкое распространение получили анимизм, шаманизм и тотемизм. Пестрая этноконфессиональная картина Центральной Азии еще более усложнилась в раннемонгольскую эпоху в связи со значительными миграционными потоками, вызванными монгольскими завоеваниями.

В пантеоне богов ранних тюрков доминировал культ Тенгри (Неба), Умай (верховное женское божество), Ер (Земля), Ерклинг (подземное царство, часто олицетворявшее темные силы). Обожествлялись животные, особенно лошади, различные силы природы. Несомненно, культы предшествующего населения, а также религиозные представления этнических групп, из которых постепенно сформировался казахский народ, наложили определенный отпечаток на общественное сознание казахов. О том, что в рудиментарном виде у казахов в 20-х гг. XIX в. сохранились остатки иных религиозных систем, и об эклектизме религиозной системы казахов оставил сообщение А. И. Левшин: «Какой вы веры?» – спросил я однажды двух киргиз-казаков (казахов. – *А. Б.*). «Не знаем», – отвечали они. Ответ сей услышите от большей части их соотечественников. И в самом деле, трудно решить, что такое киргизы (казахи. – *А. Б.*) – магометане, манихеяне или язычники?»[1]. Следует отметить, что современные исследователи ставят под сомнение вывод «Геродота киргизской истории», или, во всяком случае, его следует рассматривать в качестве дискуссионного[2].

После закрепления ислама в качестве государственной религии при хане Узбеке в Золотой орде в непродолжительное время была исламизирована монгольская знать. К XV в. ислам стал доминирующей религией в оседло-земледельческих районах Поволжья и Средней Азии. В Средней Азии возникли два мусульманских суннитских ордена: Накшбандийя и Ясавийя. В этнических группах Мавераннахра появился новый аристократический слой – *ок-суйяк* (белая кость). Его составили верхние слои мусульманской знати, относившие

[1] Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / А. И. Левшин; под общ. ред. М. К. Козыбаева. Алматы: Санат, 1996. С. 313.

[2] Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии / Р. Круз; пер с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 219–242.

себя к потомкам Али, четвертого халифа первого халифата[1]. В Средней Азии сословие ак-суйяк делилось на более родовитых сейидов и менее родовитых ходжей. Среди казахов сейидов не было, в то же время существовал род кожа (в русских источниках часто – ходжа), которые, на наш взгляд, близки по происхождению, но не по социально-политическому статусу к сейидам Средней Азии. Эндогамный род кожа занимал привилегированное положение, составляя обособленное сословие асыл-суйек (хорошая кость). Вместе с тем казахи к белой кости (ак-суйек) их не относили. Ч. Ч. Валиханов замечал, что «кайсаки (казахи. – *А. Б.*) ходжей не относят к белой кости, а уважают их наравне с султанами, как лиц духовных, строгих исполнителей предписаний шариата и как потомков пророка»[2]. С 1860-х гг., что связано с присоединением среднеазиатских владений Российской империей, в казахской степи появляются именно среднеазиатские ходжи, которые обычно проживали в аулах султанов, где ходжи «приобретали и сами почет, передавая его в наследство детям, не оставлявшим по этому своей профессии и выгодного положения быть приближенными известного султана»[3].

Представители российского правительства в 1820-х гг. в то же время констатировали, что казахи о магометанстве «понятия не имели, почти и по имени[,] не считая себя мусульманами»[4].

Источники содержат и прямо противоположную оценку степени исламизации казахов. Например, в написанной на персидском языке рукописи 1725 г. Ходжамкули-бека Балхи «Т'арих-и Кипчак-хани» казахи названы «жестокими мусульманами», которые из всех представителей антид-

[1] Абашин С. Н. Потомки святых в современной Средней Азии / С. Н. Абашин // Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С. 63–79. В отношении генеалогического происхождения эндогамной группы ак-суйяк у узбеков и таджиков среди исследователей нет единого мнения. Высказывались три точки зрения: представители белой кости – действительные потомки арабских завоевателей, представители местной знати, приписавшие себе происхождение от пророка, и, наконец, ак-суйяк представляют собой смешанную группу из потомков арабских завоевателей и местной тюрко-иранской знати.

[2] Цит. по: Стрелкова И. Валиханов. 2-е изд., доп. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 51.

[3] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Область сибирских киргизов. Ч. I. / сост. М. В. Красовский. СПб.: Тип. Траншеля, Реттера и Шнейдера, 1868. С. 405.

[4] РГИА. Ф. 853. 1851 г. Оп. 1. Д. 23. Л. 46 об.

жунгарской мусульманской коалиции оказали самое сильное противодействие западным монголам и, в отличие от жителей Ташкента и Андижана, не стали платить захватчикам мусульманского хараджа[1].

Доверять подобным сообщениям историографии об уровне религиозности казахов следует с большой степенью осторожности. Гораздо более достоверными представляются свидетельства современников о том, что до включения в состав Российской империи казахи были слабо исламизированным народом. Так, например, ибн Рузбехан Исфахани, автор XV в., сообщал, что среди казахов «сохраняются идолопоклоннические изображения, которым они поклоняются, что несовместимо с мусульманством. Кроме поклонения идолам у казахов имеются и другие признаки неверия… при восходе солнца делают ему земной поклон и благодарность за то, что оно выращивает кормовые травы, которыми питаются домашние животные, дающие кумыс»[2]. Попавший в плен к казахам в 1774 г. Ф. Ефремов сообщил позднее, что они «вероисповедания магометанского, но понятия об оном имеют, по-видимому, весьма слабое, так что кажется будто бы совсем не имеют никакой веры. Муллы иногда приходят к ним для отправления богослужения, но и только не на долгое время»[3]. О том же оставил свидетельство И. Шангин, посещавший Средний жуз во втором десятилетии XIX в[4]., другие путешественники и представители администрации. Материалы археологических исследований свидетельствуют о применении в XIX в. в ритуальной практике казахов Мангышлака (Младший жуз, род адай) фресок с зооморфным орнаментом и скульптурок людей и животных различной величины[5],

[1] Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1988. С. 265–266.

[2] Цит. по: Момынова Ш. Р. Материалы по истории Казахстана (XIII–XVIII вв.). Вып. II. Караганда: Изд-во Караганд. гос. ун-та, 1993. С. 115.

[3] Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию. 3-е, вновь передел., испр. и умнож. изд. // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М.: Восточная литература, 1995. С. 194.

[4] ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2 доп. Д. 85. Л. 94.

[5] Медоев А. Камень и эстетика номадов // Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. Алматы: Ғылым, 1993. С. 255–263.

что несовместимо с догматикой ортодоксального ислама. Известно также, что из пяти основных догм ислама[1] казахи строго ни одной не соблюдали. Это объясняется особенностями способа хозяйственной деятельности казахов, основой которого являлось кочевое и полукочевое меридиональное скотоводство азиатского типа (см.: § 1.1). Даже в начале XX в. известный этнограф К. Ельницкий констатировал, что единственное предписание, относительно регулярно соблюдаемое казахами, – это пост в «рамазан, бывающий летом и продолжающийся целый месяц»[2].

Русские чиновники и путешественники XVIII в. многократно отмечали принадлежность казахов к мусульманской культуре, особо подчеркивалось почтение, оказываемое казахами мусульманским проповедникам и известным святым, уважение знатными казахами мусульманского образования и употребление арабской графики в письме. Вместе с тем отмечалось слабое проникновение этой религии в сознание большинства кочевников-казахов и ее незначительное влияние на решение экономических и политических вопросов. В «Известии о киргис-касацком народе, сочиненном в Коллегии Иностранных дел» отмечалось, что «народ содержит закон магометанской, … соблюдая только с небольшой рачительностью внешние обряды; причина тому, что весьма немногие из них умеют читать и писать, почитая знающих в том мудрецов, превосходных и некоторым образом за святых»[3]. Подобные сообщения коррелируются с известиями о гораздо более высокой исламизации традиционных аристократических слоев казахов по сравнению с основной массой шаруа[4]. Вместе с тем даже значительная часть султанского сословия не была знакома с основными канонами ислама. Альфред

[1] 1) Вера в то, что нет Бога, кроме Аллаха, а Мухаммед есть посланник Аллаха (шахада); 2) пятикратное ежедневное совершение молитвы (салят); 3) милостыня в пользу бедных (закят); 4) пост в месяце Рамадан (саум); 5) паломничество в Мекку (хадж), совершаемое хотя бы единожды в жизни.

[2] Ельницкий К. Инородцы Сибири и Среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. 2-е изд. СПб.: Изд. М. М. Гутзаца, 1908. С. 103.

[3] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 4–4 об.

[4] Юдин В. П. «Та'рих-и Шайбани» как источник по истории казахского и каракалпакского народов / В. П. Юдин // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1988. С. 210–212, 221.

Брем, посетивший казахские степи в конце XIX в., сообщал, что ни один из казахских султанов не знает текста Корана дальше «фаты» (Аль-Фатиха – первая сура)[1].

Кроме того, казахами почитались среднеазиатские ходжи. Иногда их позиция, которая зачастую определялась среднеазиатскими правителями, могла влиять на внешнеполитические акции казахов. Согласно донесению князя Максютова, одной из причин отказа от вторжения в Хивинское ханство в 1775 г. стал запрет со стороны некоего ходжи на военные действия против единоверцев-магометан[2]. Ходжами среди казахов XVIII–XIX вв. называли также отшельников, причем среди них преимущественно были выходцы из Мавераннахра, и существуют лишь единичные упоминания об отшельниках-казахах. Так, польский ссыльный Б. Залесский оставил рассказ о том, что на Мангышлаке он посетил могилу святого отшельника Далисмана, который, по сведениям казахов, был султаном. На вопрос о том, в чем проявилась святость Далисман-султана, казахи отвечали, что «он был набожен, помогал своим ближним, вел благочестивый образ жизни, соблюдал большие посты, никогда не пил кумыс, а пил только айран»[3]. А. И. Левшин отмечал, что среди казахов заслужить звание «святого» можно было просто строительством мечети, как это произошло, например, с Кара-Булатом из рода торт-кара[4].

Важную роль в религиозной жизни казахов, несомненно, играли муллы. До последней трети XVIII в. практически все они являлись выходцами из Средней Азии, лишь в редких случаях муллами были казахи, получившие образование в медресе Самарканда, Бухары, Хивы и Ташкента. Именно муллы были важнейшими проповедниками ислама среди казахов, отправляя основные обряды и выполняя образовательную функцию[5]. Посетивший кочевья Среднего жуза в 1794 г.

[1] Таштемханова Р. Путешествие Отто Финша и Альфреда Брема в Западную Сибирь // http://prostor.samal.kz/texts/num1203/tas1203.htm (дата обращения: 14.03.2022).

[2] Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 228.

[3] Залесский Б. Жизнь казахских степей. Пер. с фр. Алматы: Онер, 1991. С. 121.

[4] Левшин А. И. Указ. соч. 2-е изд. С. 298, прим. авт.

[5] Ельницкий К. Указ. соч. С. 103.

И. Сиверс писал в одном из своих писем: «Когда киргизам (казахам – *А. Б.*) нужны грамотные писари, то они обращаются к ташкентским муллам, которые в расчете и на эту услугу в определенное время появляются в степи. Они совершают обряд обрезания детям, отправляют богослужения, берут на себя роль врачевателей, у них же можно получить амулеты»[1].

Согласно административным документам российских властей, весьма незначительную роль у казахов играли мусульманские судьи – казии (аналог кадиев). Есть свидетельства о наличии таких судей при ряде ханов (Арынгазы[2], Кенесары и др.), существует также информация, что казахи давали присягу на священной книге мусульман – Коране, однако гораздо более достоверной у них считалась клятва именем, так называемый обряд «атым беру»[3], а ряд ханов (Тауке, Каратай и др.) содержали при своих ставках только биев[4]. Интересно, что ханы, имевшие в своих ставках казиев, одевались по-разному. Выступавший против России Кенесары Касымов носил мундир царского полковника[5], а выступавший против Хивы Арынгазы Абулгазиев – мусульманский наряд[6]. Вот как описывал его внешность Е. К. Мейендорф: «На голове у него была чалма, что совершенно не принято в этой пустыне, но счи-

[1] Сиверс И. Письма из Сибири // Сиверс И., Фальк И. П. Описание всех национальностей России. Пер. с нем. Алматы: Ғылым, 1999. С. 43–44.

[2] Арынгазы упорядочил сбор зякета и хараджа. Казием при Арынгазы был мулла. См.: Назаров Ф. Записки о некоторых народах Азии в землях средней части Азии. М.: Восточная литература, 1968. С. 69–70.

[3] «Атым беру» – с каз. букв. – «отдавать в залог имя», означает одновременно поклясться предками и родом. См.: Герн фон В. К. Указ. соч. С. 8–11; Джампеисова Ж. М. Функционирование традиционных властных институтов казахов в колониальной системе Российской империи: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Алматы, 2004. С. 18 и др.

[4] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 179. Оп. 1. Д. 11. Л. 6–7; РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. Л. 11.

[5] В 1841 г. Кенесары Касымов направил оренбургскому губернатору В. А. Перовскому прошение с просьбой «об исходотайствовании ему и его брату, султану Абул-Газы, чина с обещанием служить царю в качестве сардара». См.: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.

[6] Царская администрация понимала двойственность положения султанов, состоявших на государственной службе, и позволила старшим султанам и другим казахам – должностным лицам носить традиционный праздничный халат, на который на плечи нашивались офицерские погоны. Исключение составляли казахи – выпускники кадетских корпусов, обязывавшиеся носить мундир по Уставу службы. См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1847 г. Д. 200. Л. 5; ЦГА РК. Ф. И-345. Оп. 1. Д. 567. Л. 7.

тается признаком благочестия со стороны магометанина, стремившегося отличить себя от киргизской (*казахской. – А. Б.*) массы»[1]. Применение шариата – правовых норм, основанных на Коране, регулирующих культовое поведение и взаимоотношения людей – в традиционном казахском судопроизводстве было весьма ограниченным. Основой правовых отношений являлся адат[2] – обычное право, кодифицированное в ряде сводов. Вместе с тем исследования последних лет П. Шаблея и П. Сартори ставят под определенное сомнение устоявшийся тезис о незначительном влиянии шариата в судопроизводстве казахов. По их мнению, биями активно использовался не только адат, но и шариат[3].

Помимо мулл, казиев и кожа у казахов, возможно, имелись и некоторые другие категории отправителей мусульманского культа. Так, существует неатрибутированное свидетельство, относящееся к 1755 г., о грамотных мусульманах-йобызах: «…вера у всех у них (*казахов. – А. Б.*), как и протчих татар, магометанская, но понеже между ими грамотных людей ***йобызов*** (курсив и выделение наши – *А. Б.*) весьма мало, потому они и содержат закон сей слабо. И никаких мечетей в орде (*Младшем жузе. – А. Б.*) у них не имеется»[4].

Помимо различий, в мусульманской религиозности между слоями казахского социума существовали отличия в степени мусульманизации разных родоплеменных структур казахов в зависимости от дисперсности/анклавности проживания и уровня исламизации соседних народов[5].

[1] Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Предисл. Н. А. Халфина. М.: Восточная литература, 1975. С. 28.

[2] Шариат – от араб. «шариа» – прямой, правильный путь. Адат – от араб. «адат» – обычай.

[3] Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 158–228.

[4] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 524. Л. 70.

[5] См.: Быков А. Ю., Боронин О. В. Об этнических стереотипах населения Кулундинского района Алтайского края: восприятие русскими и казахами друг друга // Российская Западная Сибирь – Центральная Азия: новая региональная идентичность, экономика, безопасность: материалы Междунар. конф. Белокуриха, 24–25 мая 2002 г. Барнаул: АзБука, 2003. С. 485–494; Быков А. Ю., Боронин О. В. Региональные аспекты российско-казахстанского пограничья (на примере Алтайского края Российской Федерации) // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 1(25). С. 180–188; Октябрьская И. В. Казахская проблема. Этнополитическая и этноконфессиональная ситуация на юге Сибири // Россия – Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности: материалы семинара «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования

Объяснение дисбаланса в уровне религиозности исследователи видят именно в локализации населения. Казахи Старшего жуза традиционно кочевали значительную часть года в районах, близких к городам и поселкам Средней Азии. Эти роды гораздо чаще посещались муллами и мусульманскими миссионерами, значительная часть казахов Старшего жуза долгое время находилась под политическим господством среднеазиатских правителей Бухары, Коканда и Хивы. Этногеографический фактор в данном случае играет одну из приоритетных ролей. Вместе с тем он не может полностью объяснить дисбаланс в степени мусульманизации казахов XVIII–XIX вв., поскольку, помимо казахов Старшего жуза, в Юго-Восточном Казахстане имели зимние кочевья казахи Среднего и Младшего жузов. Более того, часть казахских родов Среднего жуза находилась в политической зависимости от Коканда, а часть родов Младшего жуза – от Хивинского ханства. Весьма вероятным объяснением этого феномена может служить локализация представителей кожа среди казахских родов. Не имея собственной родовой территории (так же, как Чингизиды), представители этого эндогамного рода были расселены среди всех казахских родов, не оставаясь постоянно в каком-то одном патронимическом звене. Однако концентрация представителей кожа среди казахов Старшего жуза и их влияние в этих родах соответственно были гораздо выше, чем среди казахов Младшего и особенно Среднего жузов, где гегемония принадлежала Осекидам и Жадигидам соответственно[1]. С середины XIX в. в Южном Казахстане даже стали образовываться отдельные оседлые поселения кожа, отразившиеся в топонимике[2]. В отличие от жителей среднеазиатских поселений, казахами даже Южного Казахстана крайне редко использовалась риторика религиозной нетерпимости. Практически все современники отмечали нефанатичность казахов-мусульман. Так, в конце XIX в. военный губернатор

этнополитических напряжений. Барнаул, 26–27 февраля 2002 г. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 167–176.

[1] Востров В. В. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Семиреченской области (XIX – начало XX в.) // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. С. 119–135.

[2] Вамбери А. Указ. соч. С. 114.

Ферганской области А. П. Чайковский в рапорте Туркестанскому генерал-губернатору С. М. Духовскому подчеркивал, что «инородцы степных областей, будучи мусульманами, в вероисповедном отношении относятся к своей религии индифферентно, инородцы Западного Туркестана – ярые фанатики, проникнутые убеждением о возложенной на них Кораном обязанности вести священную войну против христиан»[1].

Многие султаны, конечно, считали себя истыми мусульманами и даже апеллировали к мусульманству во время решения внешнеполитических вопросов. Так, известно, что в 1763–1764 гг. султан Аблай, правитель большей части родов Среднего и частично родов Старшего жузов, поддержал идею афганского правителя Ахмад-шаха о создании антицинской коалиции на основе консолидации усилий мусульманских стран Центральной Азии[2]. Апелляция к мусульманской традиции использовалась казахскими владетелями и в переписке с российскими властями, причем эта традиция весьма умело адаптировалась к имперским реалиям. Так, султан Барак в письме к оренбургскому генерал-губернатору И. И. Неплюеву, полученному 27 июня 1747 г., перечисляя титулатуру, обратился к российской императрице Елизавете Петровне, используя между прочими и следующий оборот: «Всего мусульманского закона старыя и младыя и все убогие люди у единого бога просят, дабы бог даровал всемилостивейшей государыне щастия и здравия яко Александру, царю Македонскому»[3].

Процесс присоединения Казахстана к России растянулся почти на полтора столетия, включив период с 30-х гг. XVIII в. до 60-х гг. XIX в. Российские власти должны были решать, какими способами и средствами наиболее удобно организовать управление вновь включенными территориями и населением. Одной из составляющих их решения являлось отношение правительства, губернских властей и местной, так называемой низовой, администрации к религиозной

[1] Востров В. В. Указ. соч. С. 80.

[2] ЦГА РУз. Ф. 1. Оп. 2. Д. 699. Л. 103.

[3] АВПРИ МИД РФ. Ф. 122. 1747 г. Д. 3. Л. 198.

политике. Государственной религией империи являлось православное христианство. Но новым подданным следовало предоставлять определенные послабления. И еще Анной Иоанновной было дано первое разрешение на строительство мечети казахам[1]. В 1744 г. правительством было согласовано строительство мечетей в «Астраханской и Сибирской стороне»[2]. И все же это не являлось правилом. Вплоть до времени правления Екатерины II в России предпринимались шаги, ущемлявшие права иных религиозных конфессий и толков, в том числе мусульманской религии. Боле того, практически до середины XVIII в. проводились мероприятия по сносу мечетей в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири. Так, только за период 1736–1747 гг. по татарской дороге из 192 имевшихся мечетей было разрушено 127, в Татарской слободе, Казани, у ногайцев и в ряде других мест «сломаны 418, не сломаны 118 мечетей», в Тобольском уезде снесено 66 мечетей, еще 4 были уничтожены «на нижнем посаде» в самом городе Тобольске[3]. К 1756 г. только в Тобольске, Таре и в уездах из имевшихся 133 мечетей было сломано 98, оставлено и вновь построено только 35[4].

В отношении казахов в антимусульманской религиозной политике Российской империи делались исключения. Об этом свидетельствуют многочисленные факты и документы. Так, еще в 1730-х гг. правительство рекомендовало строительство для казахской знати мечетей[5], а в 1734 г. была предпринята попытка распространить на казахов положения исламского права, для чего «переводится ныне на русской язык арабское уложение»[6]. Императрица Елизавета в 1744

[1] Добросмыслов А. Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. IX. Т. IX. Оренбург: Губернская Типо-литография, 1902. С. 62.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. 1745–1750 гг. Кн. 803. Л. 3–3 об.

[3] Там же. Л. 153 об. – 154, 280, 285.

[4] ПСЗРИ). Т. XIV. 1754–1757 гг. СПб.: Тип. II отд. ЕИВ Канцелярии, 1830. Док. № 10.597. С. 609.

[5] ГАОрО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 2 об.

[6] Смирнов Ю. Н. Сборник экстрактов именных указов 1734–1741 гг. (в комплексе материалов Оренбургской комиссии – источников по истории отношений России с народами Средней Азии) // Сб. Русского исторического общества / Под ред. Д. Ю. Арапова Т. 5(133). М.: Русская панорама, 2002. С. 19.

и 1747 гг. своими именными указами разрешила ремонтировать часть старых и строить новые мечети в Астраханской губернии, Тобольске, Тюмени и Таре для торговцев из Средней Азии, оседавших в городах, и приезжавших временно торговцев, в том числе казахов, из расчета одна мечеть на 300 постоянных жителей (мужчин). В результате в приграничных с казахами землях Сибирской губернии в 1747 г. действовало 23 мечети[1]. Параллельно с этим осевших в российских окраинах среднеазиатских купцов пытались привлечь в православие, а также к торговле с казахами в степных районах с одновременным выполнением функций слежения за внутриполитической ситуацией у казахов и их лояльности российским властям. Ярким примером этого может служить деятельность в середине XVIII в. осевшего в Тобольске выходца из Бухары Алима Шихова[2].

Оренбургская администрация пыталась использовать мусульманский фактор и в качестве средства борьбы с антироссийским движением башкир в середине XVIII в. В 1755 г., в период башкирского восстания Батырши, опасаясь распространения волнений на казахскую степь, оренбургский начальник И. И. Неплюев направил к Нуралы-хану переводчика из мусульман, которому помимо прочего были выданы письма «на татарском языке», якобы написанные находившимся в Оренбурге Ибрагимом Абдрахмановым, почитаемым казахами «знатным духовным» лицом. В этих письмах, в частности, сообщалось, что, хотя сам негласный мусульманский лидер «радуется подвигу своих одноверцев», восставших против России, но указывает, что башкиры, известные своим вероломством, после привлечения казахов к антироссийским выступлениям обманут их и «первою жертвою назначить их же, киргизцов» (казахов – *А. Б.*)[3].

Утверждение идеологии просвещения способствовало дальнейшему становлению и поддержке политики веротерпи-

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. 1745–1750 гг. Кн. 803. Л. 4, 5, 23 об., 278–278 об., 282–285.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. 1758 г. Д. 889. Л. 7.

[3] Записки И. И. Неплюева. Факсимильное изд-е. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2004. С. 149–150.

мости, которая была более приемлема ввиду полиэтничности и поликонфессиональности Российской империи[1].

Следует заметить, что указ от 17(28) июня 1773 г., в соответствии с которым было разрешено строительство новых мечетей, а мусульманские общины получали религиозную автономию, был принят после занятия русскими войсками Крыма, что демонстрирует тесную взаимосвязь религиозной политики в отношении ислама и мусульман уже в тот период не только с внутренней, но и с внешней политикой Российской империи[2].

К последней трети XIX в. вновь предпринимаются попытки усилить роль и влияние православия, что связывается со строительством государства-нации и угрозой сепаратизма на религиозной основе[3]. Эта схема – весьма условный рабочий инструмент историка. Она не имеет прямых казуальных зависимостей. В ней масса исключений, региональных особенностей и погрешностей. Однако (именно в качестве рабочего инструмента) мы принимаем ее за основу периодизации отношения Российской империи к неправославным культам.

Представляется справедливым заключение известного австрийского исследователя А. Каппелера о причинах амбивалентного отношения российских властей к так называемому мусульманскому вопросу. Он подчеркивает, что в «отношениях России с миром ислама постоянно существовали две разные линии: агрессивная, характеризовавшаяся стремлением к насильственной ассимиляции или к сегрегации мусульман на основе господствующих идеологий (христианской, европоцентристской, советско-атеистической), и прагматическая,

[1] Каппелер А. Мазепинцы, малоросы, хохлы: украинцы в этнической истории Российской империи // Россия–Украина: История взаимоотношений / Отв. ред. А. И. Миллер, В. Ф. Репринцев, Б. Н. Флоря. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 125.

[2] Аликберов А. К., Бобровников В. О., Бустанов А. К. Российский ислам: Очерки истории и культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИВ РАН, 2018. С. 100.

[3] См.: Ремнев А. В. Генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель // Изв. Омск. гос. ист.-краевед. музея. Омск, 1996. № 4. С. 136–144; Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX–начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения // Сибирская заимка. 2001. № 7; Ремнев А. В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими: к вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX – начала XX века // Сибирская заимка. 2002. № 3; Ремнев А. В. Географические, административные и ментальные границы Сибири. XIX–начало XX в. // Сибирская заимка. 2002. № 8.

гибкая, для которой характерно желание обеспечить стабильность в периферийных регионах империи»[1].

Принадлежность к мусульманской религии не являлась основанием для продвижения по служебной лестнице, но и не была существенным препятствием. Первым генералом-мусульманином стал А. И. Тевкелев[2], принимавший первые присяги о верноподданстве Российской империи от казахских правителей. Выбор правительством именно этой фигуры обусловливался во многом его конфессиональной принадлежностью – «единоверством»[3]. Первым казахом, дослужившимся в 1847 г. до чина генерал-майора, стал султан-правитель Западной части Меньшей орды Баймухаммед Айчуваков[4]. Согласно законодательству 1820–1840-х гг., казахские заседатели в диванах (окружных правлениях) имели чин майоров, старшие султаны и султаны-правители – полковников. Казахи, трижды выбранные на должность старшего султана внешнего округа, получали российское дворянство. Также дворянство давалось за особенные заслуги перед империей. Более того, мусульмане, в том числе казахи, получали ордена и медали Российской империи, однако для них существовали особые знаки – без креста[5]. Казахи получали княжеские титулы, в XIX в. возникло несколько казахских мусульманских дворянских родов – Баймухамедовых, Байтокиных, Бекмохамедовых, Беркимбаевых, Валихановых, Газиных-Букеевых, Джаикпаевых, Джантюриных, Кочеровых, Тезковых, Тяукиных, Шанхаевых, Чингисовых, Худаймендиных[6]. Некоторые казахи, начиная с середины XVIII в., время от времени жаловалось служилым дворянством.

[1] Каппелер А. Две тенденции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 1993. № 2. С. 130.

[2] Арапов Д. Ю. Первый российский генерал-мусульманин Кутлу-Мухаммед Тевкелев // Сб. Русского исторического общества. Т. 5 (153). М.: Русская панорама, 2002. С. 32–37.

[3] Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. С. 117.

[4] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Т. 10 / Сост. Л. Мейер. СПб.: Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. С. 69.

[5] Стрелкова И. Указ. соч. С. 16 (прим.).

[6] Казахское дворянство. XIX – начало XX вв.: моногр. в документах / Отв. ред. Г. С. Султангалиева. Алматы: Қазақ университеті, 2020. С. 73–325.

Следует отметить, что до периода реформ О. А. Игельстрома российские власти старались не артикулировать свое отношение к религиозности казахов. Во-первых, происходил процесс накопления знаний об этой этнической группе; во-вторых, степень включенности в имперские структуры даже принявших подданство казахов была низкой; и, в-третьих, сохранение *status quo* на первом этапе межцивилизационных взаимоотношений – один из наиболее приемлемых вариантов взаимодействия, и к 1730-м годам российскими властями уже была накоплена достаточная практика такого взаимодействия с иными этническими и конфессиональными группами. В начале XX в. Степной генерал-губернатор М. А. Таубе, оценивая тот период, отмечал, что «в начале нашего владычества в степи политические интересы требовали утверждения в киргизском (казахском – *А. Б.*) народе и во всей Средней Азии убеждения в неприкосновенности их веры»[1]. История российско-казахских отношений, таким образом, не была историей противостояния православного христианства и суннитского ислама. Даже на начальном этапе на практике не было сделано ничего, чтобы могло способствовать переходу казахов в православие. И это несмотря на то, что фактический основатель Оренбургской губернии В. Н. Татищев в теории признавал необходимость христианизации народов окраинных губерний посредством народного образования[2]. Пожалуй, единственным средством, которое попытались применить российские власти для поощрения казахов к переходу в православие, стало решение Сената, принятое в 1759 г., о выплате новообращенным казенного жалования в размере 20–25 руб. в год[3]. Однако этой льготой воспользовались лишь единицы казахов, главным образом те, кто сознательно перешел в казачье сословие и осел.

[1] Цит. по: Бекмаханов Е. Б. Реакционная роль мусульманства, духовенства // Вестник АН КазСС Р. 1949. № 11. С. 69.

[2] Киселева М. С. Книжник и ученый: Симеон Полоцкий и Василий Татищев // Человек между Царством и Империей: материалы Междунар. конф. «Человек между царством и империей: культурно-исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив». Москва, 14–15 ноября 2002 г. М.: Институт человека РАН, 2003. С. 215.

[3] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 73.

Первый оренбургский губернатор И. И. Неплюев считал целесообразным использовать татар, преимущественно из Сеитовой слободы, для налаживания торговых отношений с купцами из Средней Азии, Кашгара и казахами. Для этого он считал возможным и целесообразным разрешать представителям из татар проводить в казахской степи религиозные обряды[1].

Сибирские власти также полагали целесообразным использовать мулл для взаимоотношений с казахскими владетелями, причем «магометанские попы» направлялись для проведения религиозных обрядов только к казахам, проявившим верноподданнические чувства, в качестве некой награды или особого расположения властей. С этой целью при Главном генералитете Сибирской линии был создан специальный штат, состоявший из 6 мулл из служилых тобольских татар, которым с 1784 г. определялось ежегодное жалованье в размере 12 руб. и установленный специальным регламентом провиант[2].

Во второй половине XVIII в. отношение властей к религиозности казахов постепенно стало изменяться, и в соответствии с ним начала выстраиваться религиозная политика. Российская администрация полагала вполне вероятным, что одним из средств присоединения и дальнейшей интеграции Казахстана в Российскую империю может служить строительство мечей и иных культовых сооружений вблизи пограничных линий. Российское правительство считало, что строительством мечетей казахи будут привлечены «к границам нашим; сие и может послужить со временем способом к воздержанию их от своевольств лучше всяких строгих мер»[3]. Это же должно было способствовать созданию условий для организации упорядоченного регулярного налогообложения кочевников.

Религиозный плюрализм не был некой данью моде того времени. По мнению императрицы Екатерины II и оренбург-

[1] Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). СПб., 1893; Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2004 (факс. изд.). С. 134–141.

[2] ПСЗРИ. Т. XXII. 1784–1788. СПб.: Тип. II Отд-я ЕИВ Канцелярии, 1830. № 16.014. С. 160.

[3] Цит. по: Вишленкова Е. Заботясь о душах подданных: религиозная политика России первой четверти XIX в.// http://mion.sgu.ru/books С. 153. (дата обращения: 17.09.2021).

ского губернатора О. А. Игельстрома, веротерпимость являлась рациональным инструментом влияния, в ней видели вполне реальные политические перспективы.

6 августа 1785 г. О. А. Игельстром сообщил императрице, что построенные в Оренбурге и Троицке мечети начали функционировать. Ее ответ от 4 сентября того же 1785 г. в значительной степени раскрывает смысл политики веротерпимости по отношению к мусульманскому населению империи: «Не сомневаемся, что такое сооружение мест для публичной молитвы привлечет и прочих вблизости кочующих или обитающих на границах наших».

Постепенно стали рассматривать возможность строительства культовых сооружений не только в приграничных с казахами русских поселениях, но и в глубине казахской степи. Предполагалось, что это также будет способствовать развитию верноподданичества. Например, в своем путевом дневнике И. Шангин в начале XIX в. отмечал по поводу строительства мусульманского храма в Среднем жузе: «Я осмеливаюсь думать, что сооружение такавого храма всреди Орды с приличным понятием оной поразительными украшениями – сделает неминуемое, самопроизвольное покорение оной»[1]. В екатерининскую эпоху были построены временные и постоянные мечети в Оренбурге, Верхнеуральске, Троицке, Петропавловске и несколько мечетей вдоль линий на степной стороне, в том числе на могиле хана, первым принесшего присягу на верность и подданство Российской империи, – Абулхаира[2].

6 марта 1802 г. был издан специальный циркуляр, который регламентировал порядок прошений со стороны казахов на строительство культовых сооружений властями. Главнейшим условием являлось нахождение в российском подданстве не менее трех лет «на отведенных землях» на внутренней стороне. Первым, кому, в соответствии с новыми правилами, была построена мечеть на Иртыше, стал султан Чанчар Сул-

[1] ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2 доп. Д. 2. Л. 92 об.

[2] На могиле Абулхаира прижилось дерево, из-за чего покойного хана стали считать святым. Конечно, были и другие причины отнести его к святым. См. Левшин А. И. Указ. соч. Изд. 2-е. С. 341.

танмаметов[1], одним из последних – Казбек Байсынкареев, мечеть которому была возведена в 1818 г.[2] в районе крепости Становой. Кстати, в 1820 г. К. Байсынкареев ходатайствовал об отводе ему земель недалеко от построенной мечети для оседлого поселения[3]. Представляет интерес и тот факт, что инициатором строительства мечетей выступали в том числе знатные казашки. Так, примерно в 150 верстах от Пресновской крепости была построена мечеть по просьбе супруги хана Вали – Айганым Валиевой[4]. Переписка губернских властей с казахами, принимавшими российское подданство, свидетельствует, что посланные в казахские степи татарские муллы сыграли в ряде случаев в решении этого вопроса существенную роль. В частности, в письме к М. П. Капцевичу казахи найманского рода отмечали, что именно муллы Габдулнасыр Рафиков и Бийхурмет Мухамедаминов, «обучающие нас закону пророка Магомеда, во время нахождения в нашем владении они рекомендовали российского государя и империю, хвалили величество его и показали путь деланием народу нашему наставлений и советов ко вступлению в подданство, говоря, что народ сей чрез то получит многие выгоды»[5].

Строительство российскими властями сооружений для отправления обрядов мусульманского культа казахами зачастую тактически предопределялось внешнеполитической необходимостью. Так, строительство мавзолея на могиле Абулхаир-хана было выбрано одним из средств предотвращения брачного союза дочери хана Нуралы с джунгарским правителем Цэван-Доржи. Оренбургские власти полагали, что этот брак может послужить к усилению военных действий Джунгарского ханства против российских южно-сибирских городов, поскольку Джунгария будет определенным образом гарантирована от набегов со стороны казахов[6]. В качестве

[1] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 142.

[2] КРО-2. С. 186–187.

[3] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 318. Л 1–2 об.

[4] РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1811 г. Д. 84. Л. 1–8.

[5] ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). М.: Наука, 1979. С. 500.

[6] Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке… С. 126.

аргументов по предотвращению этого брачного контракта российские власти приводили последовательную антиджунгарскую позицию отца Нуралы – Абулхаир-хана, а также конфессиональные различия казахов (мусульман-суннитов) и западных монголов (буддистов ламаистского толка). Аналогичным образом сибирские власти поступили, потратив около 5 тыс. руб. на строительство мечети для вдовы хана Вали с целью предотвратить попытки ее сына – султана Габайдуллы добиться собственного утверждения в ханском достоинстве со стороны цинских властей[1].

Со стороны среднеазиатских государств также прилагались усилия по использованию мусульманской религии для организации подчиненного казахского населения. В частности, Хива и Коканд ввели по отношению к кочевым казахам традиционный мусульманский сбор – зякет (закят) – в качестве регулярного налога. Только в Хиве размер его в начале 1840-х гг. доходил до 1 млн руб. асс. в год[2]. Казахскими ханами и султанами он также использовался, но был нерегулярным, не имел фиксированных размеров и носил форму выражения патриархального почтения. С оседлых присырдарьинских казахов хивинскими сборщиками податей взимался 10%-й харадж[3] с поливных угодий и 20%-й – с богарных[4]. Российские власти некоторое время были даже согласны на уплату казахами мусульманского зякета Хиве с учетом признания за казахами-двоеданцами (де-факто) российского подданства[5]. Вообще российское правительство не считало взимание зякета прерогативой мусульманских государств. Во Внутренней орде оренбургские и астраханские власти более половины XIX в. взимали зякет в качестве официального налога в пользу Российской империи[6].

[1] Стрелкова И. Указ. соч. С. 16.

[2] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 90. Л. 92-а.

[3] «Ушур» от араб. «гашара» – десять (десятина).

[4] ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3516. Л. 2–3 об.; Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. 2-е изд. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. С. 81–82.

[5] Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. 4. 1842 и 1843 гг. / Сост. А. Г. Серебренников. Ташкент: Тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1914. С. 35–36.

[6] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102-б. Л. 45.

О попытках использования мусульманского духовенства в политических целях в 1780-х гг., в частности, для изменения системы управления казахами Младшего и частично Среднего жузов через созданный в 1788–1789 гг. российскими властями Уфимский/Оренбургский муфтиат (Духовное Собрание)[1], можно судить по такому известному источнику, как журнал муфтия Мухаммеджана Хусаинова[2].

Важным институтом, который планировалось использовать для более тесной интеграции казахов в российские имперские структуры, являлись муллы. Первоначально важнейшим в этом вопросе считалось отвратить казахов от влияния среднеазиатских мулл по причине опасности включения казахов в тюрко-мусульманскую антироссийскую коалицию под эгидой Османской империи[3]. Помимо направления в степь в качестве мулл казанских татар, которые должны были заменить среднеазиатских мусульманских учителей, российским правительством предпринимались попытки обучения казахов в России, чтобы сами казахи могли быть муллами. Так, 29 сентября 1789 г. О. А. Игельстром доносил, что в Оренбург прибыли казахские муллы с просьбой предоставить им возможность ознакомления с процедурой богослужения в Сеитовом посаде. Ими также была выражена надежда, что в Младший жуз будет направлен «ученый мулла для продолжения их учения». Сеитова слобода близ Оренбурга с ее знаменитым меновым двором достаточно быстро стала не только центром торгово-экономических отношений, но и одним из признанных религиозных центров региона. Вполне закономерно, что именно здесь в 1755 г. российскими властями было разрешено строительство мечети в степи[4].

В последней трети XVIII в. властями неоднократно вносились предложения о необходимости наделения отправителей мусульманского культа определенными полномочиями в рам-

[1] Губернаторы Оренбургского края… С. 11.

[2] Вяткин М. П. Журнал Оренбургского муфтия // Исторический архив. Т. 2. М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 117–220.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 438. Л. 281; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 93–94; АГС. Т. 1. Ч. 1. С. 814.

[4] Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. С. 21–22.

ках имперской институциональной структуры. Так, первый российский член-корреспондент Академии наук, являвшийся долгое время одной из центральных фигур оренбургской губернской администрации, П. И. Рычков докладывал правительству о целесообразности использования мулл во внутриказахском судопроизводстве. По его мнению, между ними должна быть введена определенная должностная иерархия, и главный мулла должен быть подчинен хану или султану[1]. В создававшихся по реформе О. А. Игельстрома расправах планировалось учредить должность муллы «для письмоводства»[2].

В последней четверти XVIII в. правительство сознательно пошло на отступление от ранее установленных правил о содержании духовенства за счет приходской общины и стало выплачивать муллам, набираемым из татарских мусульман, жалованье за казенный счет. Жалованье должно было стать не только средством поощрения, но и показателем защиты мулл от возможных попыток их преследования со стороны казахов. В рескрипте, подписанном Екатериной II 3 июня 1785 г., отмечалась необходимость создания таких условий, чтоб выбранных из казанских или иных татар мулл «не подвергнуть их опасности по своевольству киргизов (*казахов*. – *А. Б.*). Впрочем, жалованье сильно будет утверждать киргизов в принятии и сохранении их»[3]. Редко, но случалось, что татары оказывали поддержку сбежавшим со службы солдатам, укрывавшимся в казахской степи, а те выступали проводниками при нападениях казахов на линейные поселения, поскольку были знакомы с устройством пограничной стражи[4].

Татарские муллы, следовавшие в Младший жуз, специально подбирались или утверждались оренбургскими губернскими властями. По мнению правительства, они могли стать одним из важных звеньев создаваемой системы местного управления во главе с Пограничным судом и расправами. Низовой формой управления должны были стать роды, в каждом

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 179. Оп. 1. Д. 11. Л. 11 об. – 12 об.

[2] Вяткин М. П. Батыр Срым. М.: Наука, 1947. С. 269.

[3] Юдин П. Л. Игельстром в Оренбургском крае (1784–1792 и 1796–1798 гг.) // Русский архив. Кн. I. № 4. М.: Тип. Моск. ун-та, 1897. С. 521.

[4] Замечания майора Бланкенагеля… С. 12.

из которых предполагалось иметь как минимум одного муллу. Екатерина II в одном из своих писем к О. А. Игельстрому заметила по этому поводу, что «снабжение родов киргизских (казахских – *А. Б.*) муллами немалую пользу принести может». Причем перед казанскими муллами, направленными в казахскую степь, ставились задачи усиления верноподданничества казахов России[1]. На «татар хорошего поведения» возлагалась и фискальная функция «приведения в известность» численности казахов[2]. Служители Оренбургского/Уфимского муфтиата также получали казенное жалованье. Причем правительство вмешивалось в выборы главы этого органа, считая его одним из важных рычагов реализации своей политики по отношению к казахам и в целом внешней политики на Востоке[3]. Причем это касалось не только мулл, контролировавшихся оренбургскими властями, но и ахунов. После смерти М. Хусаинова следующий муфтий – Габдессалям Габдрахимов – был назначен лично императором Александром I[4].

Оренбургское магометанское духовное собрание, образованное указом от 22 сентября 1788 г., в 1796 г. переименованное в Оренбургское духовное магометанского закона собрание, обладало ограниченной религиозной автономией (миллет). Кади первоначально формально избирались, но с 1889 г. стали назначаться МВД, хотя юрисдикция Оренбургского магометанского духовного собрания официально перестала распространяться на казахов Степного края и Туркестана еще раньше – с 1860-х гг.[5]

Первое медресе в Оренбурге (медресе «Валия») было открыто в 1799 г. Первым его муллой (медрисом) также являлся

[1] АГС. Т. 1. Ч. 1. 822; Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX вв. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. С. 234.

[2] ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 498.

[3] Азаматов Д. Д. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание в общественной и духовной жизни мусульманского населения южного Урала в конце XVIII–XIX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Уфа, 1994.

[4] Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 24.

[5] Оренбургское магометанское духовное собрание // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. В. Мухетдинов; отв. ред. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: Издательский дом «Медина», 2023. С. 112–113.

Г. Габдрахимов. После постройки Оренбургской соборной мечети он же стал ее первым ахуном[1].

Российские власти полагали, что отправители мусульманского культа могут принести пользу и в вопросах изменения хозяйствования казахов. По предложению генерал-майора Я. Боувера муллы должны были служить посредниками в деле перевода казахов-кочевников на оседлость. В частности, они могли привить казахам основы сенокошения[2].

Как известно, значительная часть начинаний О. А. Игельстрома оказалась нереализованной. Для их осуществления в тот период еще не созрели объективные условия. Вместе с тем несомненно, что в том числе благодаря политике российских властей в XVIII – первой половине XIX вв. происходило постепенное усиление позиций казанских мулл в Младшем жузе. Особенно четко это прослеживается в Букеевской (Внутренней) орде/ханстве, созданной в 1801 г. в волжско-уральском междуречье. Здесь российскими властями запрещалось находиться муллам – выходцам из среднеазиатских государств, а татарские муллы специально направлялись в Ханскую ставку. Особенно много казанских мулл было в Букеевском ханстве при хане Джангире, и они смогли создать здесь привилегированную изолированную социальную группу[3].

Стремление российских властей использовать ислам как мировую религию в цивилизаторских целях, согласно господствовавшей в высших слоях российского общества идеологии Просвещения, и как средство реализации имперских целей посредством провозглашения политики веротерпимости по отношению к гражданам империи с различной конфессиональной принадлежностью не всегда приводило к ожидаемым результатам. Так, тот же М. Хусаинов не был простой марионеткой в руках оренбургских губернских властей[4].

[1] Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. В. Мухетдинов; отв. ред. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: Издательский дом «Медина», 2023. С. 85.

[2] ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 147.

[3] Асанова С. А. Ислам в духовной культуре Казахстана начала века // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Алматы: ТАДАП, 1994. С. 76.

[4] Мубаракзянов М. А. Политика российского правительства в отношении Малого жуза в 80–90-е гг. XVIII в. и Оренбургский муфтий М. Хусаинов // Оренбургское магометанское

Напротив, зачастую он сам инициировал выступления местного кочевого населения против местной администрации. Он не поддерживал военные выступления повстанцев Срыма Датова, но своими обращениями к петербургскому кабинету и двору пытался добиться необходимых повстанцам результатов в борьбе против губернских властей. В 1791 г. уфимский и симбирский генерал-губернатор О. А. Игельстром в своем письме к преемнику А. А. Пеутлингу констатировал, что муфтий советовал Срыму подать жалобу на «главное пограничное начальство в том, что оно якобы киргизское (казахское. – *А. Б.*) общество довело до крайнего состояния». В случае если местная цензура не пропустит это письмо, муфтий гарантировал, что лично будет «писать к высочайшему Ея И. В-ва двору»[1]. Это было тем более вероятно, что муфтий «вместо депутации» от казахского народа посещал Санкт-Петербург и имел аудиенцию у императрицы, а в 1797 г. был введен в состав Ханского совета, образованного оренбургскими властями для управления казахами Младшего жуза до конфирмации нового хана[2].

Посылаемые в степь казанские муллы становились объектом пристального внимания со стороны среднеазиатских правителей, которые пытались привлечь их к антироссийской деятельности. Так, мулла Абдукарим Орубаев доносил правительству, что Срым Датов пытался привлечь его и Караджигата Ясана к антироссийским выступлениям, ссылаясь на то, что «естьли сего они не сделают, то потеряют свой закон и не могут быть мусульманами, потому что они имеют в получении Хивии и Бухарии письма, которые подтверждают тоже самое»[3]. В Объяснении О. А. Игельстрома, данном Тайному совету, сообщалось, что находившиеся по поручению российских властей при Срыме Датове муллы Сеит и Абдул-

духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: материалы науч. сем. (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 100–107.

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 518.

[2] Данилина М. В. Деятельность Осипа Андреевича Игельстрома в 1770–1790-х годах. Работа на Всероссийскую программу поддержки молодых исследователей Шаг в будущее». Рукопись. Барнаул, 2000 // Из личного архива автора. С. 14.

[3] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 106. Л. 43.

Фятих искажали правительственные постановления, чем сознательно оказывали негативное влияние на восприятие казахами России, а бежавший из Уральска Хасан мулла «уговорил Сырыма-батыря и Каратау-бея возстать противу России». Несмотря на отдельные антиправительственные проявления, в целом служители мусульманского культа сохраняли верность российскому правительству, и деятельность многих из них способствовала урегулированию кризисной ситуации конца XVIII в. в Младшем жузе[1]. Об этом свидетельствует, например, список награжденных правительством в 1790-х гг., где муллы составляют значительную часть[2]. Глава муфтията также не был обделен правительственным и монаршим вниманием. В 1798 г. Павел I «пожаловал за усердие» муфтию Мухамметжану Хусаинову соболью шубу[3].

Попытка властей образовать сословие мулл из этнических казахов не увенчалась успехом. Причиной этого, несомненно, являются особенности менталитета казахов-кочевников. Вполне отражает образ мышления казахов того времени следующее свидетельство. Отвечая на вопрос муллы, казашка, торговавшая в Хивинском ханстве в 1863 г., высказалась так: «Мы же не можем быть такими ленивыми, как вы, муллы, и целыми днями сидеть на одном месте! Человек должен двигаться»[4]. Аналогичные свидетельства многочисленны.

Казахская аристократия вполне адекватно реагировала на проявления поддержки мусульманства со стороны властей. В то же время для элитарных групп это был именно способ сохранения/расширения властных полномочий. Показателен следующий пример. Желая повысить свой статус в лице правительства и народа, Нуралы в 1784 г. испросил ходатайство на совершение паломничества в Мекку, но после полученного ответа, что «он может быть отпущен, если найдется достойный заместитель», хан отказался от своих первоначальных намерений[5].

[1] АГС. Т. 1. Ч. 1. С. 831–832, 852–854.

[2] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 495. Л. 239–240.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 518.

[4] Вамбери А. Указ. соч. С. 126.

[5] Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края… С. 113.

На наш взгляд, за исключением ограниченного успеха в Букеевском ханстве, попытки усиления мусульманского влияния казанских татар, а через него, как предполагалось, российского влияния в казахской степи, во всяком случае до 1820-х гг., не имели серьезных успехов. Представляется вполне обоснованным вывод, сделанный в 1822 г. А. И. Левшиным: «Императрица Екатерина II, желая пролить на киргизов (*казахов*. – *А. Б.*) хотя несколько лучей просвещения, указами 1782, 1784, 1785, 1786 и 1789 гг. повелела строить для них на границе мечети и школы. Учащихся содержать на счет казны, а отцам их оказывать преимущества, давать похвальные листы и проч. Воля ее была исполнена: строения сделаны, но навсегда были пусты и, наконец, развалились»[1]. Известно также, что из всех созданных школ постоянно действовала только школа при Оренбургской меновой мечети, да и та имела в своих стенах зачастую одного-двух учеников[2], хотя на ее содержание ежегодно ассигновалось свыше 2000 руб., религиозные учителя получали по 60 руб., на содержание учеников выделялось 1125 руб. и предполагалось, что их должно обучаться свыше 60 человек[3]. Следующим, более успешным, опытом создания школы с преподаванием, в том числе «магометанского закона», стало создание в 1844 г. школы для 30 казахских учащихся при Оренбургской Пограничной Комиссии[4].

Попытки расширить сферу и компетенцию мусульманства в российской административной и судебной практике натыкались на серьезное сопротивление со стороны ряда местных органов и структур. Отчетливо этот негатив проявлялся в действиях казачества. Так, серьезное сопротивление строительству мечетей оказывали уральские казаки. Даже Сенат вынужден был констатировать отказы казаков строить мусульманские культовые сооружения, заявлявших,

[1] Левшин А. И. Указ. соч. Изд-е 2-е. С. 350 (прим. авт.).

[2] Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края… С. 131–132.

[3] Добросмыслов А. Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. IX. Оренбург: Губерн. тип., 1902. С. 55.

[4] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 190.

что «строить мечети христианскими руками непристойно»[1]. Причем это дополнялось зачастую негативным отношением к казахам как этнической группе, якобы стоявшей на низкой ступени развития в силу кочевого способа хозяйственной деятельности, отсутствия городской культуры и в целом «нецивилизованности». Цивилизаторская лексика правительства на местах зачастую оборачивалась ростом межэтнических противоречий и социальной разобщенности. Последствия этого сказывались на протяжении всего имперского периода. Так, по сообщениям В. В. Верещагина, относящимся к 1869 г., казахи воспринимались казачеством негативно. Известный русский художник приводит типичные для той эпохи слова одной казачки, услышанные им во время поездки в Чугучак: «Да что толку в этих киргизах (казахах – *А. Б.*), какой это народ… от них только и смотри, как бы худо не было»[2]. Кстати, это же негативное отношение к казахам-кочевникам стало одной из причин распространения в начале XIX в. такого явления, как скупка казахских детей российскими казаками Оренбургского и Уральского войск. Купленных детей обычно обращали в православие, чем и оправдывали завуалированную работорговлю. Этим же занималось и местное начальство. В донесении директора Троицкой таможни Лузанова министру коммерции графу Н. П. Румянцеву, датированном 4 августа 1820 г., сообщалось, что «многие крепостные начальники[,] не выключая и Троицкаго, имеют у себя в холопстве малолетних киргизских детей, приводя в крещенную веру»[3]. Следует подчеркнуть, что наказать за такие действия было практически невозможно, поскольку эти действия опирались на указ 1763 г., по которому было разрешено наделение землей бывших рабов, «крещенных азиатов», а также на особое разрешение правительства 1808 г., дававшее право на покупку казахских детей, «в виду обнищания Малой орды»[4].

[1] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 236. Л. 2; Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 30.

[2] Хохлов А. Н. Поездка В. В. Верещагина в Чугучак в 1869 году: Неизвестные страницы путешествий русского художника по Центральной Азии // Восточный архив. 2004. № 11–12. С. 4.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 332–333.

[4] Крафт И. И. Сборник узаконений… С. 146.

В Сибирском ведомстве такая практика была запрещена после введения в действие Устава 1822 г. о сибирских киргизах.

В начале XIX в. оренбургские власти по-прежнему рассматривали мусульманизацию казахов под контролем российских властей в качестве одного из путей решения вопроса их верноподданства. Так, в период 1805–1814 гг. по инициативе М. Потоцкого, поддержанной оренбургским военным губернатором Г. С. Волконским, было разрешено поселение казахов среди иных российских магометан в пределах Оренбургской губернии. Как следует из переписки П. К. Эссена с К. В. Нессельроде, в 1820-х гг. оренбургская администрация при общении с казахами Младшего жуза продолжала опираться на посредничество мулл. Правда, было констатировано, что муфтий должен через мулл прививать казахам знание русского языка. Для этого было постановлено, «чтобы муфтий ни одного магометанина не облекал в звание муллы, если [тот] не знает [как правильно] говорить, читать и писать по[–] русски»[1]. Также была выражена надежда, что мусульмане будут охвачены системой народного просвещения, в частности, казахи со временем должны быть привлечены к обучению в оренбургском Неплюевском училище, губернских гимназиях и уездных училищах[2].

В 1828 г. ОМДС получило право и обязанность официального оформления метрических книг всех мусульман подведомственных территорий[3], что вынуждало мулл к регулярному посещению казахских аулов. Правительству же данные о народонаселении требовались в первую очередь для определения размеров податного населения и потенциала сбора налогов с него.

Более того, оренбургские власти надеялись, что с помощью укрепления ислама в казахской степи, превращения Оренбургского муфтиата в региональный религиозный центр Центральной Азии (государства Средней Азии, уй-

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 7. Л. 71, 521.

[2] РГИА. Ф. 1291. Оп. 8. 1827 г. Д. 126. Л. 3–4 об.

[3] Усманова Д. Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и общиной (вторая половина XIX – первая четверть XX в.) // Мусульмане в новой имперской истории: Сб. ст. / Отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, Могильнер, А. Семенов. М.: ООО «Садра», 2017. С. 339–389.

гурские бекства, Афганистан) удастся оказывать влияние на соседние мусульманские страны. Этому же должно было способствовать прохождение маршрута хаджа через территорию Оренбургского губернаторства, поскольку шиитская Персия отказывалась пропускать паломников-суннитов через свои земли, и им требовался другой маршрут, каковым и стал путь через юго-восточные и южные регионы Российской империи[1].

Во Внутренней орде при хане Джангире муллы превратились в обособленную привилегированную социальную группу[2]. Не в последнюю очередь это произошло из-за того, что жена Джангира – Фатима – была дочерью оренбургского муфтия Мухамеджана Хусаинова.

Новый этап административных реформ Российской империи в казахской степи связан с именем известного реформатора М. М. Сперанского, который являлся генерал-губернатором Сибири в период 1819–1822 гг. Исследователями неоднократно подчеркивалось, что предложенный им и утвержденный в 1822 г. I Сибирским комитетом проект Устава о сибирских киргизах содержал статьи, которые создавали предпосылки христианизации казахов[3]. В Устав были внесены параграфы, гарантировавшие защиту властей тем казахам, которые перейдут в православие. Такой подход определялся тем, что информаторы генерал-губернатора убедили его в слабом распространении ислама среди казахов. Несомненно, он был знаком с рукописью 1817 г. И. Шангина, где отмечалось: «Сих диких кочующих Киргиз-Кайсаков – следующих одним природным побуждениям; исповедующих закон магометанский без всякого владения догматов онаго – долженствовало говорю я смягчить их нравы и отвратить от одной благодарности к другой»[4].

[1] Неизвестный Владимир Иванович Даль… С. 167.

[2] Асанова С. А. Ислам в духовной культуре Казахстана начала века // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Сб. ст. Вып. II. Алматы: ТУДАП, 1994. С. 76.

[3] Абдрахманова Б. М. Разработка М. М. Сперанским «Устава о сибирских киргизах» 1822 г. и социально-политические институты казахского общества // Вестник Московского гос. ун-та. Сер. 8. История. 1991. № 4. С. 49–58.

[4] ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2 доп. Д. 2. Л. 92 (прим. авт.).

Вместе с тем нельзя согласиться с мнением, что курс на христианизацию был стратегическим направлением, очерченным и рекомендованным М. М. Сперанским. В данном случае в Кодексе жестко соблюдался принцип добровольности. Более того, именно этот документ четко обозначил признание политики веротерпимости в качестве важнейшего фактора развития взаимоотношений имперской власти с местным населением. Взамен доминировавшего прежде в административной лексике термина «иноверцы», выражавшего неправославное происхождение неславянских народов, было использовано закрепившееся надолго понятие «инородцы», отражавшее, в первую очередь, этническое, а не конфессиональное содержание. Одновременно применение термина «инородцы» позволяло с этого времени принявших православие именовать единоверцами, даже не идентифицируя их с русскими.

Учреждение внешних окружных приказов в Среднем жузе, предусмотренных Уставом 1822 г. о сибирских киргизах, сопровождалось обязательным строительством мечети в административном центре округа и назначением мулл[1]. Сама церемония открытия нового приказа включала в себя чтение молитвы отправителем мусульманского культа во здравие императорской фамилии, генерал-губернатора и омского начальства[2].

Российские власти традиционно проявляли интерес к казахскому обычному праву, пытаясь интегрировать его положения в имперское судопроизводство. В 1824 г. в сибирском ведомстве был создан Омский временный комитет по киргизским законам. На его заседании 8 февраля был констатирован рост влияния шариата на казахский адат. Более того, были приведены примеры поощрения биями агитации перехода православных в мусульманство и введения суровых наказаний за переход из мусульманства в христианство. Приведем лишь две цитаты. «Кто христианина склонит в киргизское (казахское) вероисповедание, тот причитается с правовер-

[1] Сартори П., Шаблей П. Судьба имперских кодификационных проектов: адат и шариат в казахской степи // Ab Imperio. 2015. № 2. С. 76.

[2] Безвиконная Е. В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20–60-х гг. XIX в. Омск: Изд-во ОГИ, 2005. С. 112–113.

ными в Царстве небесном», «Ежели кто из роду киргизского примет христианскую веру, то того не только лишают права наследства и собственное его имение[,] оставшееся у киргизов, но… должен по закону лишиться живота за поругание своего закона»[1]. Такие правовые нормы были неприемлемы для российских властей.

Вместе со свидетельствами об усилении мусульманского влияния в степи, которое уже не рассматривалось в качестве меры развития среди казахов верноподданических чувств, поступали и сообщения прямо противоположного характера. Так, представляется достоверным сообщение казаха Даулыбаева (1830 г.) о том, что казахи племени аргын Среднего жуза сожгли Коран, а муллу-татарина едва не убили[2], а казахи чумекеевского рода Младшего жуза в это же время убили легендарного Сеит-Кула прямо во время совершения им намаза[3]. Как отмечал Е. Б. Бекмаханов, до середины XIX в. среди казахов Среднего и Младшего жузов большей популярностью все еще пользовались отправители политеистических культов – баксы, нежели мусульманские проповедники – муллы[4]. К аналогичному заключению пришел и живший в то же самое время И. Завалишин[5]. Более того, часть казахской знати выступала с просьбами о сокращении помощи администрации в деле строительства культовых сооружений. Так, в Азиатский департамент МИДа в 1830 г. поступило прошение султана Кокчетавского внешнего округа Аблая Габбасова, в котором предлагалось новых «мечетей и школ не заводить; ахунов и уездных мулл не определять»[6].

[1] МИПС-1. С. 33.

[2] Рассказ из жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области, с 1830 по 1880 год // ЗОО ИРГО. Вып. I. 1891. С. 98–117.

[3] Сейдалин Т. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая // ЗОО ИРГО. Вып. I. Оренбург, 1870. С. 241.

[4] Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века… С. 113.

[5] И. Завалишин указывал, что исламизация казахов стала возрастать под влиянием среднеазиатских проповедников-ходжей с XVII в., но в середине XIX в. баксы по-прежнему пользовались едва ли не большим влиянием в казахской степи, чем муллы. См.: Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-Киргизская степь. М.: Университетская тип. (Катков и Ко), 1867. С. 37.

[6] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 20.

В Западно-Сибирском генерал-губернаторстве постепенно утвердилось мнение, что среди казахов целесообразно проводить мероприятия, направленные на христианизацию. Их предложения неоднократно вносились в различные инстанции, в том числе на самом высоком уровне. Например, в сентябре 1830 г. генералом И. А. Вельяминовым был представлен на обсуждение в I Сибирский комитет новый проект Устава о сибирских киргизах. В связи с означенной проблематикой привлекают внимание следующие положения проекта. «Поелику вера киргиз кайсаков (*казахов*. – *А. Б.*) по сие время в сущности более языческая нежели магометанская, то представляется надежда к обращению многих из них в христианство. Областное начальство может [направить] особенную в степь миссию, с тем, дабы действовала она одними увещеваниями и убеждениями без малейшего принуждения». Причем средством к этому, помимо миссионерской деятельности, могло служить развитие системы народного образования и создание сети православных и светских школ[1].

Правительство также вполне осознавало необходимость усиления контроля за мусульманскими и вообще неправославными культами. Если ранее он осуществлялся различными правительственными ведомствами, то в 1832 г. в составе МВД был учрежден Департамент духовных дел иностранных исповеданий, в состав которого вошли 30–40 штатных сотрудников и внештатные эксперты, ставший центральным органом, регулировавшим государственную политику в отношении неправославных культов, в том числе мусульман[2].

Осложнение отношений со среднеазиатскими государствами в 1820–1840-х гг., во многом вызванное противоречиями России и Великобритании в Центральной Азии, казалось бы, должно было усилить внимание властей к возможному объединению антироссийских выступлений Коканда, Хивы и казахов. Тем более что попытки инспирировать рост антироссийских выступлений со стороны кокандских и хивинских правителей предпринимались. Так, во время выступлений

[1] Там же. Л. 54.

[2] Аликберов А. К., Бобровников В. О., Бустанов А. К. Российский ислам: Очерки истории и культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИВ РАН, 2018. С. 104–105.

Саржана Касымова против России он поступил на службу к ташкентскому кушбеги, получив от последнего материальную и вооруженную помощь. В свою очередь через султанов Касымовых кокандские власти организовали среди казахов Среднего и частично Младшего жузов антироссийскую пропаганду[1]. Основой антироссийской пропаганды стали призывы к борьбе с неверными. Так, в одном из воззваний бек обращался к казахам с призывом: «Вы предались кафирам – русским. Переходите на нашу сторону, … если Бог поможет, мы освободим Вас от русского царя». Одновременно кушбеги Лашкар вел переговоры с западно-сибирским генерал-губернатором. В дипломатической переписке в вопросе о казахах апеллировалось к их принадлежности к мусульманской политической культуре. Правда, тон и акценты были несколько иными. Так, в письме, дошедшем до П. Д. Горчакова в июне 1834 г., ташкентским правителем ставился вопрос о том, что Россия – как великая держава – могла бы уступить подданство и сбор налогов с казахов Коканду, тем более что последнему якобы «пользоваться от мусульман зякетом предоставлено Богом и пророком»[2]. Однако даже в такой сложной внешнеполитической обстановке сибирские власти не считали целесообразными уделять особое внимание мусульманскому вопросу в отношении казахов, полагая, что призывы к образованию антироссийского союза на основе мусульманской коалиции не представляют реальной угрозы именно в силу слабой исламизации казахов.

Вклад в формирование образа казахов с неопределенным вероисповеданием внес один из известнейших казахов – первый казах, член ИРГО, Чингизид, внук хана и сын старшего султана Ч. Ч. Валиханов. В научной и публицистической литературе многократно цитировались его слова о том, что казахи – скорее язычники, нежели мусульмане, и поэтому существует возможность их постепенной христианизации[3]. Не-

[1] Соколов Ю. А. Начало военных действий против Кокандского ханства и вопросы присоединения его к России // Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ч. I. Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина. Ташкент, 1969. С. 44–46.

[2] РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 1117. Л. 16, 132.

[3] Валиханов Ч. Ч. Записка о судебной реформе: Избранные произведения. Алма-Ата: Наука Каз-ССР, 1958. С. 196–235.

сомненно, это мнение оказало влияние на позицию западносибирского генерал-губернатора Г. Х. Гасфорта, адъютантом которого некоторое время был Ч. Ч. Валиханов[1]. Основываясь на донесениях своих подчиненных, в том числе иных казахских султанов, а также на опыте личного общения с шаруа, генерал-губернатор оценивал степень мусульманизации казахского населения как чрезвычайно низкую. Это позволяло, с его точки зрения, со временем обратить их в христианство. В качестве переходного этапа к этому проектировалось привитие некой эклектической религиозной системы, которая включила бы в себя элементы иудаизма, христианства, ислама и традиционных казахских культов. Попытка религиозной реформы не нашла поддержки в Санкт-Петербурге. Император Николай I категорически отверг эту идею, заявив, что «религии не сочиняются, как статьи свода законов»[2].

Генерал-губернатор Западной Сибири О. А. Дюгамель констатировал некоторое усиление и влияние ислама на казахов его ведомства, полагая, что это в значительной степени явилось следствием имперской политики, в том числе таких ее элементов, как веротерпимость, строительство мусульманских учреждений за казенный счет, использование служителей культа в административной практике. Такие действия он считал глубоко ошибочными и вредными единству государства. О. А. Дюгамель предлагал противопоставить росту исламизма среди казахов их приверженность традиционным доисламским верованиям, а в перспективе и их привлечение в лоно христианского православия[3].

О влиянии татар на нарастание антироссийских настроений в казахской степи сообщали и другие представители омской администрации. Так, И. Завалишин писал, что тата-

[1] Выдающийся русский писатель Ф. М. Достоевский, познакомившийся в Омске с Ч. Ч. Валихановым, высоко оценил его нравственные и интеллектуальные способности. Писатель видел в молодом адъютанте генерал-губернатора будущего реформатора Степи. Достоевский даже предлагал в своем письме к Валиханову совершить многолетнюю поездку по странам Западной Европы и губерниям Европейской России для знакомства с их устройством, законодательством и пр. для составления и последующей реализации реформ. См.: Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850–1854 гг. / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Наука, 1985. С. 149.

[2] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852–1860 гг. Д. 93. Л. 70.

[3] Ремнев А. В. Генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель… С. 139.

ры в середине XIX в. оказывали влияние на антироссийские выступления казахов. В частности, он был лично знаком с отбывавшим ссылку в Пелыме татарским муллой Алимом Ягудиным, являвшимся «советником, духовным другом и дипломатом» при ставке Кенесары Касымова (1837–1846 гг.). Он указывал на необходимость предотвращения контактов казахов и татарских мулл со среднеазиатскими мусульманскими центрами посредством строительства укрепленных линий на южных рубежах Оренбургской и Западно-Сибирской губерний, т.к. «без сжатия в стальную цепь штыков всей Киргизской степи – не мыслимо было бы спокойствие даже губерний Тобольской и Томской». Он же указывал на угрозу подстрекания антироссийских выступлений казахов со стороны среднеазиатских ханств, за спиной которых могла быть политика Англии, «из Ост-Индии действующая». И здесь мусульманский фактор был основой для антироссийских выступлений казахов и даже вероятности создания с их участием антироссийской коалиции[1].

В период конфронтации отношений с Хивой оренбургский военный губернатор В. А. Перовский запретил направлять в казахскую степь башкирских мулл, являвшихся, по его мнению, тайными сторонниками среднеазиатских правителей. После предложения в 1860 г. оренбургского и самарского генерал-губернатора А. А. Катенина отменить этот запрет областное Правление сообщило, что в таком случае «оно не может ручаться за спокойствие оной (*казахской степи. – А. Б.*), особенно в настоящее голодное время и когда там есть и другие поводы к неудовольствиям против Правительства»[2]. Более того, руководивший Областью оренбургских киргизов известный русский востоковед В. В. Григорьев прямо указывал в записке, направленной оренбургскому и самарскому генерал-губернатору, что бунтовавшие в 1855 г. на Эмбе казахи рода чиклы во главе с Исетом Кутебаровым и в 1856 г. на Сыр-Дарье казахи во главе с Жанхожой Нурмухаммедовым

[1] Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-Киргизская степь. М.: Университетская тип. (Катков и Ко), 1867. С. 4–5.

[2] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852–1860 гг. Д. 93. Л. 4.

подстрекались к выступлениям муллами[1]. Чуть ранее В. В. Григорьев сообщал, что негативное антиправительственное влияние мулл проявляется и во Внутренней орде[2].

В то же время в оренбургском ведомстве серьезных попыток христианизации казахов до конца 1850-х гг. не предпринималось. Во многом это отражало качественные различия в подходах к организации системы управления казахами Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, унификация которых произошла только с принятием в 1868 г. Временного положения об управлении степными областями. Причем этот законодательный свод серьезно урезал права представителей мусульманской организации по сравнению с теми, что были прежде в Оренбургском ведомстве.

Позиция местных властей по вопросу об отношении к распространению мусульманства среди казахов Младшего жуза постепенно менялась. При подготовке реформы родового управления казахами представители оренбургской администрации направили специальную «Записку об организации управления киргизами Западной части Орды». Основной идеей в организации управления родом и отделением в ней признавался принцип назначения на должность. Отмечавшийся рост исламского влияния рассматривался в документе уже как подозрительное явление. Помимо прочего, в Записке были затронуты и вопросы судопроизводства. По этому поводу, в частности, имелось следующее свидетельство: «На киргиза (казаха – *А. Б.*), попавшего русскому суду, киргизы смотрят как на жертву русских. Обмануть следователя и вообще русского для пользы своего единоверца считается поступком, который совершенно оправдывается совестью и религиею»[3]. По свидетельству В.К. фон Герна, такое убеждение было внушено казахам именно татарскими муллами[4]. Сибирские же власти изначально приписывали это явление мусульманской док-

[1] Там же. Л. 12.

[2] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 94. Л. 21а.

[3] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. 1852 г. Д. 24. Л. 12.

[4] Герн фон В. К. Указ. соч. С. 10.

трине, которую казахи использовали в качестве оправдания многочисленных фактов извлечения личной выгоды[1].

Как отмечалось выше, долгое время среди представителей оренбургской губернской администрации доминировало мнение о необходимости использования ислама в качестве инструмента имперской политики. Однако с середины XIX в. стали появляться скептические нотки и даже стремление ограничить влияние мусульманских проповедников на казахов. В 1848 г. правительством был запрещен въезд в страну всем духовным мусульманским лицам, принявшим сан за пределами Российской империи, одновременно было введено ограничение на транзит среднеазиатских паломников через российскую территорию[2]. И популярность антимусульманской идеологии с течением времени крепла в административных кругах как в центре, так и на местах. Спустя всего десятилетие в отношении оренбургского и самарского генерал-губернатора А. А. Катенина на имя министра внутренних дел С. С. Ланского от 28 октября 1859 г. уже выражалась уверенность, что открытие под патронажем правительства Российской империи светских школ в казахской степи будет одним из наиболее действенных инструментов противодействия вредного имперским властям роста мусульманского влияния[3].

Одним из факторов, повлиявших на изменение позиции правительства и оренбургских властей по мусульманскому вопросу, несомненно, стала Крымская война. Она к тому же в значительной степени ускорила процесс продвижения Российской империи в юго-восточном направлении. С присоединением Туркестанского края к Российской империи и обострившимися британо-российскими противоречиями исламский фактор стал вновь играть серьезную роль во внешнеполитических доктринах генералитета Россий-

[1] Левшин А. И. Указ соч. Изд-е 2-е. С. 362.

[2] Курныкин О. Ю. Исламский фактор в Казахстане: исторический опыт и современные реалии // Россия–Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности: материалы сем. «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования этнополитических напряжений. Барнаул, 26–27 февраля 2002 г. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 110–111.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 27. Л. 340–342.

ской империи. Это, в свою очередь, вызвало появление ряда геополитических концепций, в которых исламское окружение представлялось в качестве угрозы безопасности империи. Такие идеи нашли отражение, например, в творчестве М. И. Венюкова, который отмечал, что мусульманский фанатизм «всегда будет враждебно относиться к европейской цивилизации, которой представителями в Средней Азии являемся мы»[1]. Чуть позже Н. Н. Балкашин подчеркнул, что, несмотря на мирные взаимоотношения с казахами, даже они представляют чуждое Российской империи мусульманство. И если татарские муллы среди казахов заняты лишь отправлением религиозных ритуалов, то среднеазиатские ишаны призывали, по его сведениям, обманывать и уничтожать неверных, то есть русских[2].

В пореформенное время власти Астраханской и Оренбургской губерний пришли к убеждению, что политика насаждения ислама посредством направления в степь мулл из этнических татар может спровоцировать рост мусульманского фанатизма среди казахов. Более того, предлагалось предпринять меры к ограничению контактов казанских мулл и казахов Младшего жуза. В «Отчете Департамента Полиции Исполнительной по части управления киргизами (казахами – *А. Б.*) Оренбургского края за 1862 г.» признавалось целесообразным, чтобы муллы «были при том не из татар, коим жительство в [Внутренней] Орде воспрещено, а из природных киргиз (казахов – *А. Б.*)… в настоящее время считается в Орде 92 муллы». Как особое достижение властей в том же Отчете отмечалось, что «в 1861 г. приняли христианство 8 киргизов (казахов – *А. Б.*) и 2 киргизки»[3]. В 1885 г. Степным генерал-губернатором был подготовлен Проект «Положения об управлении духовными делами киргизов, предусматривавший запрет на занятие духовных должностей представителями неказахов, лишение

[1] Цит. по: Ремнев А. В. Центрально-азиатский имперский треугольник в геополитической конструкции М. И. Венюкова // Россия – Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности: материалы междунар. семинара «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования этнополитических напряжений. Барнаул, 26–27 февраля 2002 г. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 76.

[2] Балкашин Н. Н. О киргизах и вообще подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. МВД, 1887. С. 33.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 28. Л. 42–43.

казанских татар, находившихся в соответствующем статусе, жалования и привилегий. Против проекта выступили многие, в том числе сын хана Джангира – генерал-лейтенант Хаджи Губайдулла Джангиров (Чингис-хан)[1].

В середине 1860-х гг. оренбургским генерал-губернатором Н. А. Крыжановским был разработан проект по изменению структуры Оренбургского магометанского духовного собрания. Для контроля за делопроизводством предлагалось включение в состав Оренбургского магометанского духовного собрания чиновника губернской администрации, введение экзамена на знание русского языка для мулл и общее сокращение количества мечетей и духовных лиц. В этот же период муфтий С. Г. Тевкелев вошел с противоположным предложением о расширении количества духовных лиц, упрощении процедуры получения разрешений на строительство мечетей и открытии при них медресе. Как ни удивительно, но положения обоих проектов были частично учтены в Уставе духовных дел, принятом в 1896 г.[2]

Чаще все же правительство в этот период поддерживало антимусульманские настроения местных администраций. Помимо того, что высшее мусульманское руководство империи было подконтрольно правительству и выборы муфтия и его помощников – кадиев – проходили под надзором генерал-губернатора, а их результаты им же утверждались, во второй половине XIX в. компетенция административных органов была расширена: низовая организация религиозных мусульманских общин также оказалась под их контролем. С 1869 г. все муллы стали утверждаться гражданским начальством, а право инвеституры было изъято из компетенции муфтия[3]. Временное положение 1868 г. изымало из компетенции мулл семейно-брачные отношения. Строительство мечетей и ряд клерикальных вопросов были поставлены под жесткий кон-

[1] Арапов Д. «Не посягать на религию и не стеснять обычаев»: генерал Чингис-хан и «мусульманский вопрос» // Родина. 2004. № 2. С. 70.

[2] Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Указ. соч. С. 30–31; Лысенко Ю. А. «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2010. № 3–4. С. 148–151.

[3] Попов А. Л. Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. Т. 9. М. –Л., 1940. С. 224.

троль местной администрации, дававшей разрешение либо запрещавшей строительство мечетей и определявшей место их расположения[1].

Правительство контролировало совершение хаджа в священные города мусульман Мекку и Медину. В конце XIX в. городским муллам Степного генерал-губернаторства было запрещено посещать аулы, а также среднеазиатские центры исламского образования – Туркестан и Бухару, хотя в то время эти города уже вошли в состав Российской империи. Особым постановлением муллам было запрещено совершать хадж в Мекку. При этом приветствовалась поддержка антитурецких действий со стороны мусульманских организаций. В частности, в 1878 г. ахун Оренбургской Соборной караван-сарайной мечети Даутов был включен в состав комитета для сбора денежных средств на восстановление российского Черноморского флота, затопленного в годы Крымской войны[2]. Но даже несмотря на это, отношения с губернаторами у него оставались натянутыми[3].

В нач. XX в. разрешение на хадж в Мекку вообще стали выдавать крестьянские начальники, базируясь на оценке имущественного состояния подавшего прошение. Причем данные брались из податных тетрадей, где ошибки допускались регулярно, зачастую специально, с целью личного обогащения. Представители российской администрации стремились изгнать из степи татар, обосновывая это борьбой с исламом, но часто получали обратный эффект: «гонимый приобретал, благодаря этому ореол мученичества, оставаясь преспокойно в степи, так как киргизы (казахи – *А. Б.*) его скрывали». Это же вызвало рост среди казахов числа нелегальных мечетей и мектебов[4].

Причиной того, что влияние казанских мулл было признано нежелательным, служило во многом сосредоточение в их

[1] См., напр.: РГИА. Ф. 853. Оп. 2. 1854 г. Д. 2. Л. 1–2 и др.

[2] Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края… С. 269.

[3] Загидуллин И. К. Из истории Караван-сарайской мечети в Оренбурге (до 1917 г.) // https://idmedina.ru/books/materials/faizhanov/4/hist_zagidullin.htm (дата обращения: 27.06.2023).

[4] Букейханов А. Киргизы // Букейхан А. Тандамалы-Избранное. Кн. 1. Алматы: «Өлке» баспасы, 2002. С. 113.

руках торгово-ростовщических функций в степных районах. Еще в 1839 г. бий Среднего жуза Кулубек Ескенин доносил, что татарские муллы с разрешения российских властей активно занимаются посреднической торговлей между русскими и казахами и известны в степи «ловкостью и хитростью»[1]. Аналогичную оценку деятельности татарских мулл в казахской степи западно-сибирского ведомства дал спустя 30 лет генерал-майор В. С. Цытович[2]. Казахские пословицы и поговорки второй половины XIX в. в ироничной форме также демонстрировали меркантилизм татарских мулл. Приведем лишь ряд пословиц: «Мулла глух к слову «дай», он слышит только «возьми», «Перекупщика встретишь на базаре, муллу – на похоронах», «Чего Аллах не дал, того и мулла не даст» и др[3]. Известным в степи стало изречение батыра тобыктинского рода Контая, который долго болел: «Бессовестно, каждый раз выздоравливая, обманывать надежды ходж и мулл, нужно умереть»[4]. В одном из источников конца XIX в. дается следующая характеристика: «Плутоватые торгаши-татары… промышлявшие за казахский счет и фанатизировавшие степняков татарские муллы»[5].

Следует отметить, что ограничительные мероприятия в отношении развития мусульманского образования и совершения хаджа проводились российскими властями избирательно. Власти пытались поддержать нарождавшихся капиталистов из среды казахов, казачества, русского купечества и крестьян-переселенцев. Дабы поднять статус ряда казахов, российские власти разрешали, а иногда субсидировали совершение паломничества казахами, состоявшими на административной службе и доказавшими свое верноподданичество, как в среднеазиатские святыни, так и в Мекку.

[1] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. 1839 г. Д. 162. Л. 133 об.

[2] ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 1–3.

[3] Казахские пословицы и поговорки / Сост. и пер. с каз. М. А. Аккозин. 2-е изд., исп. и доп. Алма-Ата: Казахстан, 1985. С. 36.

[4] Букейханов А. Н. Книжное имя его Ибрагим (Авраам) // Слово об Абае. Алма-Ата: Өнер, 1994. С. 10.

[5] Герн фон В. К. Указ. соч. С. 10.

Первым казахом, который совершил хадж при поддержке властей, был Кунанбай Ускембаев, отец поэта-просветителя Абая Кунанбаева. Кунанбай долгое время возглавлял Каркаралинский окружной приказ, дослужившись до чина полковника и дворянства.

Известно, что совершивший хадж по возвращении становился почитаемым почти как святой, привезенные горсти «святой земли» были лучшим подарком, взамен которого можно было, согласно казахскому варианту обычая гостеприимства, просить любую понравившуюся ценную вещь. Известно также, что, взяв под свой контроль паломничество посредством выдачи лицензий на хадж, российские власти не устанавливали ограничительных квот. В результате с каждым годом среди казахов происходил рост числа хаджей, как стали именовать лиц, совершивших паломничество в Мекку. Только в 1910 г. администрацией Степного генерал-губернаторства казахам было выдано свыше 500 означенных лицензий[1].

Таким образом, в течение 60-х гг. XIX в. позиция правительства и администраций Западно-Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств по так называемому мусульманскому вопросу среди казахов консолидировалась. При сохранении формального принципа невмешательства в вопрос выбора веры и соблюдения принципа веротерпимости фактически произошло изменение их наполнения. Укрепление мусульманских устоев среди кочевых и переходивших к оседлости казахов было признано нежелательным, признавался важным их возможный переход в православие, правда, без силового вмешательства военных и гражданских властей.

Одним из важных решений, которые рассматриваются даже в качестве «поворотных», явилось принятое в 1870 г. решение об обязательности изучения русского языка в мектебах и медрессе, целесообразности включения в состав их преподавателей русских учителей со знанием тюркских языков и запрет на открытие новых мусульманских учебных заведений, где эти требования не были соблюдены[2].

[1] Асанова С. А. Ислам в духовной культуре Казахстана начала века…С. 77.

[2] Емельянова Н. М. Религиозная политика как инструмент интеграции казахов в состав России в XVIII–XIX вв. // Ислам в современном мире. 2018. Т. 14. № 2. С. 67.

Более того, правительство в этот период берет под свою опеку так называемые антимусульманские миссии, организованные Русской Православной церковью.

Первая такая миссия была образована в тот же год, что и Степное генерал-губернаторство. Вот как описывается это событие священником-миссионером Е. Елисеевым: «В 1881 году, когда еще магометанство, как черная туча, сплошь покрывало киргизскую (казахскую – *А. Б.*) степь, а выходцы из Казани – татары, бухарские сарты, персияне и арабы, как хищные коршуны, терзали степных киргиз и злоупотребляли их религиозным чувством, на далекой окраине русскаго государства, в соседней с Китаем Семипалатинской области, указом Святейшего Синода, была открыта противомусульманская Киргизская духовная миссия»[1], базировавшаяся сначала в Усть-Каменогорске, затем в Семипалатинске, а позже в сельских поселениях – Буконском и Преображенском. Следует заметить, что далеко не все миссионеры и православные служители были столь негативно настроены по отношению к мусульманству, и все же в целом РПЦ была нацелена на расширение своего влияния среди казахов и среднеазиатского населения.

Серьезных успехов по привлечению казахов в лоно православия первой миссии достичь не удалось. Как отмечал еще один священник-миссионер – Ф. Синьковский, в 1882 г. удалось крестить лишь одного казаха, в следующем году – двух. Одной из главных причин неудач он считал слабое владение казахами русским языком[2], который преимущественно использовался миссионерами.

В начале XX в. противомусульманская миссия начала деятельность в Туркестане, однако и здесь она не достигла существенных успехов в вопросе христианизации[3].

[1] Елисеев Е. Записки миссионера Буконскаго стана Киргизской миссии за 1892–1899 гг. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1900. С. 3.

[2] Синьковский Ф. Записки миссионера Киргизской миссии, священника Филарета Синьковскаго, за последнюю треть 1882 года (начало Киргизской миссии) и за 1883 год // Томские епархиальные ведомости. 1884. Т. 7–8. Отдельный оттиск. Томск: Типо-литогр. Михайлова и Макушина, 1884. С. 20.

[3] Курныкин О. Ю. Исламский фактор… С. 112–113.

Правительство и ряд областных начальников в начале XX в. стали поддерживать переселение в Степной и Туркестанский края неортодоксальных христиан («раскольников», старообрядцев, молокан и др. «сектантов»), объясняя противоречивший позиции РПЦ подход добрым отношением неортодоксальных православных к представителям местных мусульманских народов, отказом от сдачи в аренду ими земель, полученных из переселенческого фонда, а также их трудолюбием и необходимостью увеличения числа представителей русского населения, необязательно из числа ортодоксальных православных[1].

В то же время, на наш взгляд, нельзя преувеличивать значение «мусульманского» вопроса. Власти рассматривали его зачастую в качестве сопутствующего фактора других, гораздо более важных и актуальных вопросов и при ситуации, когда нейтральное или даже покровительственное отношение к исламу было выгодно, использовали этот прием.

Например, вступивший в должность туркестанского генерал-губернатора фон Кауфман в отношении исламского вопроса принял так называемую «политику игнорирования», то есть невмешательства во внутренние дела мусульманского духовенства, хотя и провозгласил полный отказ властей от финансирования исламских учебных заведений[2]. Еще более показательно, что при решении вопроса об унификации системы управления казахами ее противники в правительстве не выдвигали в качестве аргумента исламский фактор, в то же время проблема национальной консолидации воспринималась многими в качестве одной из серьезнейших угроз. Так, министр внутренних дел писал, что казахский народ «в создании своего единства был бы весьма небезопасен России»[3].

[1] Волков И. В. Исторические аспекты цивилизационной политики царской России в Средней Азии. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Бишкек, 2020. С. 357–365.

[2] Мухамедов Ш. Б. Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917) // АН Республики Узбекистан, Ин-т истории. Ташкент: Baktria press, 2013. С. 62.

[3] Цит. по: Жиренчин К. А. Политическое развитие Казахстана в XIX–начале XX веков. Алматы: Жеті жарғы, 1996. С. 78.

На наш взгляд, проблема мусульманизации казахов, обсуждавшаяся спорадически, в тот период не являлась для российской администрации приоритетной. Гораздо более значимым считалось решение вопросов колонизации степных просторов, постепенного перевода кочевников на оседлость, развития промышленности, строительства железных дорог, пароходств и расширения городской инфраструктуры. В этом плане культуртрегерство было одним из основных рычагов трансформации традиционных устоев. Развитие бытовых контактов местного населения и переселенцев из центральных губерний Российской империи считалось важнейшим фактором, который должен был обеспечить устойчивость имперской системы и стабильность социальных отношений в регионе. Отдельные попытки представителей администрации ограничить это взаимодействие жестко пресекались правительством. Так, предложение военного губернатора Уральской области генерал-лейтенанта Максимовича обустраивать переселенцев и местное оседлое и полуоседлое казахское население в различных уездах Уральской области «во избежание антагонизма, обусловливаемого религиозной, бытовой и племенной (*этнической. – А. Б.*) рознью туземцев и пришлого русского элемента» было признано Комитетом Сибирской железной дороги не просто ошибочным, а вредным[1].

В то же время постепенно не только в среде чиновничества, но и среди представителей научных кругов мнение о слабом развитии мусульманства у казахов сменилось господствующим убеждением о необходимости принятия некоторых ограничительных мер к распространению среди них суннитских доктрин, в том числе радикального толка. Известный востоковед В. В. Радлов одним из первых в науке сформулировал идею, что у казахов существует, пусть и адаптированная к условиям номадизма, но весьма устойчивая приверженность мусульманскому культу. Это, с одной стороны, обеспечивало им доминирование среди прочих тюрков-кочевников, с другой, создавало почву развития фундаментализма. Он же отмечал, что мнение о поверхностном проникновении ислама в сознание и идеологию казахов-кочевников – лишь удобный

[1] ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1471. Л. 24.

имперский миф. На самом деле это «ложное представление, будто бы киргизы (казахи – *А. Б.*) лишь в последнее время полностью обратились в ислам и, более того, еще и по сей день остаются чуть ли не язычниками. Киргизы уже несколько веков как окончательно приняли ислам и могут с полным правом считаться правоверными, можно даже сказать, фанатичными мусульманами, хотя, разумеется, киргизское мусульманство приобрело своеобразную окраску, обусловленную особым образом жизни этих степных кочевников»[1].

Более того, среди ученых состоялась заочная дискуссия о вероятности усиления влияния радикальных течений ислама среди казахов. Большая часть исследователей не согласилась с мнением В. В. Радлова. Параллельно обсуждались вопросы роста межнациональных противоречий на российском Востоке и активизации антиказахских настроений в среде русской интеллигенции[2].

В общих чертах ответ противников концепции В. В. Радлова во время подготовки очередной реформы управления Степным краем и обсуждения поступившего предложения усилить борьбу с мусульманским фанатизмом среди казахов был выражен русским исследователем Центральной Азии А. Бенкевичем. Он, в частности, заметил, что «по вероисповеданию киргиз (казах – *А. Б.*) магометанин, но магометанин относительно недавний, к фанатизму по своей холодной и уравновешенной натуре далеко не склонный. Приверженность их к магометанству выражается преимущественно чисто внешними обрядами и обычаями, так что обвинять их в фанатизме или религиозном изуверстве значит допустить грубую ошибку, делаемую[,] однако, очень многими априори; если возможен фанатизм, то где-нибудь на юге, где природа и фанатики сарты влияют на ум и фантазию»[3].

[1] Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем., примеч. и послесл. С. И. Вайнштейна. М.: Восточная литература, 1989. С. 302.

[2] Небольсин П. Путешествующие киргизы // Русский вестник. 1860. Т. 29. «Современная летопись». С. 41–49; Желунов И. И. Киргизомания // Русский вестник. 1860. Т. 30. «Современная летопись». № 1. С. 45–51; Плотников Л. По поводу статьи: Путешествующие киргизы // Русский вестник. 1860. Т. 30. «Современная летопись». № 1. С. 245–277.

[3] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1899 г. Д. 38. Ч. I.Л. 58 об. – 59.

С течением времени происходили изменения в социальной структуре казахского общества. Важнейшим фактором, оказавшим воздействие на этот процесс, несомненно, стало вхождение в состав России и постепенная интеграция ряда традиционных институтов в имперские структуры. Ряд институтов при этом приобретал привилегированный статус, а ряд постепенно терял свою элитарность. Например, происходило падение авторитета отправителей культа, таких как кожа. Причиной падения авторитета рода кожа стала их внутренняя замкнутость, не позволявшая включиться в политическую пропаганду. Остальные казахи, в том числе и султанское сословие, стали видеть в этом стремление сохранить свое генеалогическое превосходство. У казахов в то время даже бытовала пословица: «Перед гордящимся – гордись, (потому что) это не сын пророка»[1].

Несмотря на поддержку властей и признание правительством со второй половины 1860-х гг. за туземным мусульманским судом правового статуса суда первой инстанции, авторитет казиев также понизился. Как отмечали в начале XX в. российские власти, одними из важнейших причин этого стали процветавшее взяточничество и низкий образовательный уровень судей, большинство из которых не имели не только специального образования, «но и простой грамотности»[2]. Несмотря на это, Министерство юстиции констатировало, что «суды казиев и особенно суды биев будут существовать весьма продолжительное время». Подчеркивалось, что одной из основных причин сохранения традиционного судопроизводства является возможная негативная реакция местного населения на соперничество Российской и Британской империй в Средней Азии[3].

Как неоднократно отмечалось исследователями, в начале XX в. в общественных кругах России резко возрос интерес к проблеме «Россия и Восток». В первую очередь это было обусловлено внешнеполитическими факторами, такими как русско-японская война и позорное поражение в ней Россий-

[1] Герн фон В. К. Указ. соч. С. 36.

[2] Азиатская Россия. Ч. I. С. 60.

[3] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. 1871 г. Д. 7102-б.Л. 147 об. – 148.

ской империи[1]. Современники отмечали, что рядом представителей местного населения Средней Азии и Казахстана «победа Японии считалась реваншем Азии, покоренной белыми»[2]. В 1908 г. товарищ министра внутренних дел в своем письме к уральскому губернатору подчеркивал, что рост антироссийских настроений вызван не только переселенческим движением и изъятием земель у казахов, но и пропагандой среди них сепаратистских идей, появление которых связывалось с неудачами русских войск на Дальнем Востоке[3].

Другим фактором стала позиция Российской империи по вопросу об отношении к мусульманским народам Китая. В августе 1864 г. в Синьцзяне подняло восстание против цинских властей уйгурское, казахское и киргизское население. При этом солоны и сибо остались верны правительству Китая. Одной из причин этого, несомненно, стали этно-религиозные различия этих этнических групп, ведь уйгуры, казахи и киргизы – тюрки-мусульмане. Казахов, представителей родов Старшего жуза, поддержали кочевавшие в российских пределах сородичи. То же самое случилось с киргизами из родоплеменных объединений бугу и сарыбагыш. При этом практически все они присоединялись к восстанию на религиозной основе под влиянием агитаторов из числа китайских казахов. Нестабильность в российском приграничье повлекла за собой не только откочевку ряда подразделений в Китай, но и привела к волнениям в Алатавском, Сергиопольском и Копальском округах[4].

К внутренним причинам повышения интереса к вышеозначенной проблеме можно отнести развитие внутриимперских колонизационных процессов и рост национального само-

[1] История философии: Запад–Россия–Восток. Кн. 3. Философия XIX–XX вв. 2-е изд. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1999. С. 317.

[2] Лакост де Г. Россия и Великобритания в Центральной Азии. Ташкент: Изд. Штаба Туркестанского военного округа, 1908. С. 83.

[3] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. Барнаул: АЗБУКА, 2016. Док. № 31. С. 79.

[4] Моисеев В. А. Россия и цинский Китай глазами мусульманских народов Центральноазиатского фронтира (вторая половина XIX – начало XX вв.). Доклад на Международной конференции «Российско-американский фронтир». Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 20–34.

сознания как у русских, так и у представителей азиатских этносов, а также включение инородческих фракций в работу созданного в годы первой русской революции парламента и создание национальных партий и фракций в общероссийских партиях. В эти процессы оказались вовлеченными и казахи.

В рамках предложенной Н. И. Ильминским русификаторской политики с перспективой дальнейшего привития православия российские власти под руководством И. Алтынсарина создали в Уральской и Тургайской областях сеть светских казахских школ, в которых в качестве компромисса с мусульманскими клерикальными кругами ограниченно преподавались основы мусульманской веры[1]. Сам Н. И. Ильминский по поводу перевода на кириллицу алфавита нерусских народов писал: «Русский алфавит представляется, с одной стороны, хорошим средством к усвоению инородцами русского языка и русского образования, а где-то и к объединению инородцев с русским народом, а с другой стороны, он дал бы русской администрации края возможность охранить кочевое население от татарского или вообще мусульманского влияния»[2]. Появившиеся аульные школы получили поддержку губернатора Я. Ф. Барабаша. При его непосредственном участии появились первые библиотеки в Иргизе, Актюбинске, Кустанае и были учреждены общества попечения о народном образовании в Актюбинском и Кустанайском уздах[3]. Однако число аульных школ даже вкупе с другими образовательными учреждениями не удовлетворяло возросший спрос на грамотность. Во многом в результате этого в аулах стали появляться нелегальные муллы, а в городах усилился рост мусульманских учебных заведений – мектебов и медресе. О темпах их роста можно судить по данным Н. Сабитова[4], для удобства сведенным в табличную форму (*пересчет наш. – А. Б.*) (см. табл.).

[1] Письма Н. И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву. Казань, 1885. С. 174.

[2] Цит. по: Алексеев И. Л. Н. П. Остроумов о проблемах управления мусульманским населением Туркестанского края // Сб. Русского исторического общества. Т. 5(133) / Под ред. Д. Ю. Арапова. М.: «Русская панорама», 2002. С. 92.

[3] Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края… С. 298–299.

[4] Сабитов Н. Мектебы и медресе у казахов. Алма-Ата: Наука КазССР, 1950. С. 16.

Темпы роста количества мусульманских учебных заведений

Область	Период (гг.)	Рост мусульманских учебных заведений	Абсолютный прирост количества учащихся	Относительный среднегодовой прирост числа учащихся, %
Семиреченская	1891–1897	С 64 до 88	С 1251 до 12835	171
Сыр-Дарьинская	1892–1895	С 1522 до 2446	нет данных – до 28898	недостаточно данных
Тургайская	1894–1911	С 59 до 103	С 457 до 1400	18
Акмолинская	1896–1907	С 13 до 15	С 547 до 970	16

Особую тревогу у правительства вызывала активность джадидов. В конце XIX в. введение новометодных школ в Семиреченской области было существенно ограничено, а в Семипалатинской области вообще запрещено[1]. Однако запреты не становились серьезным препятствием для распространения новометодного образования. Так, только в 1910 г. вышло 4 джаддидских букваря казахского языка[2].

На распространение информации об исламе оказали влияние возросшие грамотность и доступность источников получения информации. Рост книгоиздательской деятельности в России коснулся и религиозной, в том числе мусульманской, литературы, которая стала более доступной для потенциальных читателей. Так, за полувековой период с середины XIX до начала XX в. издание Корана удвоилось, превысив рубеж 60000 экземпляров. Казахами было издано два варианта толкования священной книги мусульман для детей в редакциях поэта Шакарима и автора первого казахского кириллического словаря, члена-корреспондента ИРГО И. Алтынсарина. Эти

[1] Махмутов З. А. Духовная и образовательная деятельность татар в казахской степи в контексте внутренней политики Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX века) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1(18). С. 115.

[2] Бимаканова З. Ш., Муканова Г. К. Пионеры создания букварей казахского языка на основе джадидской методики // Евразийский мир: история, культура, ценности: материалы международной научно-практической конференции (12 мая 2023 г.). Астана: Казахстанский филиал Московского государственного ун-та им. М. В. Ломоносова, 2023. С. 100.

издания стали учебными пособиями для преподавания в школе[1]. Все это, а также включение в состав Российской империи мусульманизированной Средней Азии привело к усилению мусульманского влияния в казахской степи в период последней трети XIX – начала XX вв., особенно в южных и юго-восточных районах, где, помимо прочего, усилилось влияние политического ислама. Это выражалось и в росте числа казахов-паломников (см. выше), а также в возрастании численности мечетей и мулл. По данным Н. Н. Балкашина, в конце 1880-х гг. в Степных областях было уже 300 выборных мулл, а «много ли странствующих ишанов и татарских мулл в киргизском кочевьи, – никому неизвестно». Кроме того, среди казахов было около 30 тыс. татар и действовало свыше 100 мечетей[2]. Современные казахстанские авторы отмечают интенсификацию бытового ислама в казахских семьях в конце XIX – нач. XX вв[3].

Однако приведенные выше данные не совсем коррелируют со сведениями, полученными экспедицией Ф. Щербины.

По данным экспедиции Ф. Щербины, концентрация мулл в казахской степи на рубеже XIX–XX в. была все же незначительной (см. ниже)[4]:

Уезд	**Учителей-мулл**	**На 1000 чел.**
Усть-Каменогорский	97	0,4
Павлодарский	261	1,9
Каркаралинский	134	1,3
Петропавловский	154	2,3
Омский	167	4,4
Кокчетавский	164	2,0
Акмолинский	267	2,4
Атбасарский	97	1,3
Актюбинский	259	2,5
Кустанайский	159	1,4

[1] Асанова С. А. Ислам в духовной культуре Казахстана начала века… С. 82.

[2] Балкашин Н. Н. О киргизах и вообще подвластных России мусульманах… С. 33–34.

[3] Раздыкова Г. М. Религиозный синкретизм казахов Степного края // Вестник Карагандинского университета. Сер. «История. Философия». 2010. № 3(59). С. 35.

[4] Букейханов А. Киргизы // Букейхан А. Тандамалы-Избранное. Кн. 1. Алматы: «Өлке» баспасы, 2002. С. 116.

Как видим, от уровня развития оседлости уровень развития мусульманского образования не зависел, во всяком случае прямая корреляция между ними не фиксируется. Вопрос о высокой степени концентрации отправителей исламского культа также дискуссионен.

Казахская интеллигенция была в авангарде политической борьбы российских мусульман. В условиях поиска национальной идеологии одна часть казахских политических деятелей стала делать ставку на ислам с опорой на идею панисламизма (организации Шура Исламия, на первом этапе Уш жуз и др.), другая (Алаш, Уш жуз) – на развитие светской государственности на основе самоопределения или федерализма.

Катализатором политической борьбы послужил, в первую очередь, вопрос о земельной собственности и законности изъятий земель в Переселенческий фонд. Причем в среде переселенцев весьма популярной стала формула, согласно которой оседающие казахи – это те же русские крестьяне, только мусульманского вероисповедания, поэтому на них должны распространяться крестьянские нормы наделов[1]. Под переселенческие участки отмежевывались огромные территории, причем ¾ их даже не передавались в пользование крестьян-переселенцев. «У киргиз (казахов – *А. Б.*) изъято всего 4½ млн десятин, передано же переселенцам 1200 тыс. десятин»[2]. Остальные отмежеванные участки отошли в так называемый Запасной фонд – резерв для будущих переселенцев. При проведении межевых работ бывали случаи запрещенного инструкциями сноса стационарных построек казахов. Эти явления были известны властям, о чем свидетельствует обсуждение этих вопросов в высших органах государственной власти. Так, при обсуждении сметы Переселенческого управления в Государственной думе представитель партии кадетов Н. К. Волков отмечал, что «постройки или зимовки сносятся даже десятками и сотнями. Бывали случаи, что сносились при этом их молитвенные дома – мечети»[3]. Такие фак-

[1] Рабочее и аграрное движение в Казахстане… С. 361.

[2] ГА РФ. Ф. Р1318. 1921 г. Оп. 11. Д. 68. Л. 23.

[3] Рассмотрение сметы Переселенческого Управления на 1912 г. в Общем Собрании Государственной думы // ВК. 1912. № 11. С. 368.

ты вызывали не только недовольство, но и сопротивление со стороны коренного населения, которое власти зачастую истолковывали в качестве проявления мусульманского фанатизма и угрозы целостности Российской империи[1].

Вопрос об угрозе стабильности в окраинных губерниях со стороны ислама актуализировался в период и по окончании андижанского восстания 1898 г., протекавшего под лозунгами джихада. На рубеже XIX и XX вв. Военное министерство инициировало серьезное обсуждение возникшей угрозы, в результате чего для Туркестана были подготовлены «Временные правила об управлении духовными делами мусульман», в основе которых лежали тезисы Специального доклада генерал-губернатора С. М. Духовского. Проект предусматривал активизацию на государственном уровне антимусульманской деятельности, причем не только в Туркестанском крае, но и в других провинциях Российской империи, населенных мусульманами. Против этого проекта категорически выступил С. Ю. Витте, отмечавший вероятные негативные последствия политики нетерпимости в вопросах религии как для внутренней, так и для внешней политики Российской империи[2].

Однако межэтническое и межконфессиональное напряжение нарастало, особенно сильно этим была обеспокоена администрация Семиреченской области. Здесь еще в 1910 г. распространялись слухи о привлечении мусульман к отбыванию воинской повинности. В Узун-Агаче даже прошел межобластной съезд (маслихат), постановивший добиваться запрета на дальнейшие земельные изъятия, направления депутации во главе с имевшим высшее образование Сардыбеком Сыртановым к императору Николаю II, для чего в мечетях был организован специальный сбор средств, а посредником в этом вопросе должен был стать бухарский эмир, к которому было направлено соответствующее письмо[3].

[1] Записки П. А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» / Предисл., примеч. и коммент. Д. Ю. Арапова // Восток. 2003. № 2. С. 124–144.

[2] Записка С. Ю. Витте по «мусульманскому вопросу» 1900 г. (Публикация Д. Ю. Арапова) // Сб. Русского исторического общества. Т. 1(155). М., 2003. С. 198–209.

[3] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы совет-

П. А. Столыпин, осознавая угрозы со стороны политического ислама, стремился интегрировать представителей мусульманства в имперские структуры. Более того, он инициировал создание в Российской империи должности руководителя хаджа, исполнять которую было доверено ташкентцу Саид-Гани Саидазимбаеву[1].

В качестве одного из основных средств борьбы с мусульманской агитацией было избрано закрытие СМИ, пишущих на мусульманскую тематику. Причем дело доходило до того, что закрывали разделы русских газет. Пресса, религиозные организации и отдельные общественные деятели были поставлены под гласный и негласный надзор губернской гражданской администрации, полиции и жандармерии[2].

По сведениям полиции, контролировавшей процессы политической борьбы в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, среди тюркского населения Центральной Азии достаточно широкое распространение получили идеи панисламизма. Это течение не было однородным по своему социальному составу и политическим убеждениям. В отчете о настроениях коренного населения отмечалось, что «панисламисты распадаются на две фракции, часто враждующие между собой; одна из них, более многочисленная и состоящая из лиц влиятельных, занимающих в обществе более или менее видное положение (учителя, муллы, адвокаты, купцы), по своим политическим воззрениям мало отличается от конституционно-демократической партии; другие же фракции, крайне малочисленные (младотатары) и состоящие главным образом из молодежи (конторщики, приказчики и частию учителя), придерживаются программы социалистов-революционеров»[3].

ской власти. Документы и извлечения. Барнаул: АЗБУКА, 2016. Док. № 39. С. 95.

[1] Саидазимбаев С.-Г. Отчет Саид-Гани Саидазимбаева о движении мусульманских паломников в Мекку в 1908 году. СПб.: Тип. «Экспресс» В. С. Борозина, 1909. С. 1–23; Кейн А. Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 175–181.

[2] Рабочее и аграрное движение… С. 461, 491.

[3] «Туркестанскому генерал-губернатору…»: публикация «Краткого отчета о настроении мусульманского населения в Туркестанском крае к октябрю 1914 года» / Подг. к печ. Ю. А. Сумарокова // Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 79.

Семиреченская администрация отмечала, что сепаратизму на религиозной основе были привержены в первую очередь жители городов и пригородов, в том числе казахи. Вместе с тем казахи и кыргызы, продолжавшие кочевать, дистанцировались от этого течения – напротив, предлагали развивать русскоязычное образование и даже собрали для открытия новых школ в 1913 г. около 100 тыс. руб. Главной причиной этого различия отношения большей части казахов и остального мусульманского населения Центральной Азии администрация считала стремление казахов к европеизации, в том числе даже через посредство русификации[1].

Местные власти неоднократно выходили с предложением о закрытии «Мусульманских хроник»[2] и других изданий, но правительство обычно ограничивалось тайным надзором за авторами[3]. Так, даже за лояльным правительству поэтом-акыном, бием и волостным управителем Абаем негласный надзор и следствие осуществлялись в течение десяти лет[4].

В вопросе классификации общественно-политических течений в Степном крае и Туркестане начала XX в. представитель полицейского управления, как нам представляется, несколько ошибался. Более правильной выглядит оценка, данная А. Букейхановым, разделявшим национальное общественно-политическое движение на два крыла: пантюркитстско-панисламистское и западническое. Представители второго направления долгое время примыкали или даже являлись членами всероссийских либеральных партий. Особой популярностью пользовалась партия кадетов, в составе которой функционировала мусульманская фракция, а с 1906 г. в ней фактически существовала и «киргизская» (казахская) фракция.

Причиной поддержки программы кадетской партии, несомненно, являлось программное положение конститу-

[1] Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. Барнаул: АЗБУКА, 2016. Док. № 46. С. 112–113.

[2] Рабочее и аграрное движение… С. 461.

[3] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1430.

[4] Бекмаханов Е. Б. Новые материалы к творческой биографии Абая Кунанбаева // Ученые записки Казахского гос. ун-та. Сер. история. 1959. Т. 38. Вып. 4. С. 163–169; Бейсенбаева С. 10 лет под следствием // «Казахстанская правда». 14 сентября 1994.

ционных демократов о необходимости введения федеративного устройства в империи и предоставлении казахам национально-государственной автономии[1].

В 1916 г. Степной и Туркестанский края были охвачены восстаниями автохтонного населения. Российские власти боялись, что это движение может получать поддержку и даже быть организовано Османской империей. Причем зачастую такая позиция администрации и правительства основывалась не на подтвержденных фактах, а на домыслах. Так, на заседании 13 декабря 1916 г. А. Ф. Керенский подверг резкой критике представителя МВД в Думе, который «имел смелость рассказывать о том, что, по слухам, во главе киргизских (*казахских. – А. Б.*) войск стоял турецкий генерал»[2]. Как показал А. Д. Васильев, турецкие советники в Семиречье в тот период действительно были, участвуя в организации повстанцев[3]. Если турецкое влияние, на наш взгляд, все же преувеличивалось, то влияние исламской идеологии на ход восстания 1916 г. несомненно. Среди казахских повстанцев Эрексайской и Аельдинской волостей Акмолинской области даже был создан Ханский совет, состоявший из четырех казиев[4].

Важную роль в политической деятельности начала XX в. имели и чисто вероисповедальные вопросы. Они неоднократно обсуждались в различных изданиях, на заседаниях политических организаций и партий, на митингах и в Государственной думе. В целом было сохранено право невмешательства государства в вопрос религиозного самоопределения населения, форм проведения обрядовых процедур и т.п. Вместе с тем были введены дополнительные ограничения на переход из православия в иные конфессии[5].

---

[1] Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. М. – Волгоград: НОФМО, 2002. С. 61–64.

[2] Восстание 1916 года в Средней Азии: сб. док. / Под ред. П. Г. Галузо. Ташкент: Госиздат УзССР, 1932. С. 119.

[3] Васильев А. Д. Центральная Азия в политике России и Турции в XIX – первой половине XX века. Автореферат на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. М., 2023. С. 21, 32.

[4] Мусырманова А. Ш. Восстание 1916 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях // Валихановские чтения-2: материалы науч.-практ. конф. Ч. I. Кокшетау: Ғылым, 1994. С. 71.

[5] Рассмотрение сметы Переселенческого Управления на 1910 год в Общем Собрании Государственной Думы // ВК. 1910. № 7. С. 486–489.

Привлечение мусульман к отбыванию воинской повинности и участие их в составе российских соединений в военных действиях и тыловых работах в период Первой мировой войны включили в повестку дня вопрос о нивелировании правоположения не только граждан – мусульман и православных, но и конфессий – христианства и ислама. Это стало одним из требований «мусульманской фракции» в Государственной думе, поддержавшей, кстати, вступление Российской империи в мировую войну. Естественно, что либералы и партии левого толка вынуждены были считаться с этими требованиями, и в их программах также появились пункты о свободе совести.

В целом следует согласиться с мнением современного исследователя религиозной ситуации в Казахстане в период нового времени С. И. Ковальской, что, начиная с XVIII в., «положение ислама среди казахов во многом определялось российской религиозной политикой, которую нельзя назвать последовательной. Первоначально соблюдалось статус-кво в отношении религиозной жизни казахов, затем исламизация стала поощряться различными государственными мерами, которые сменились политикой сдерживания исламизации региона и отдельными попытками христианизировать казахов, что по большому счету не увенчалось успехом»[1].

Исключением в этом отношении являлся один из районов Горного Алтая. И. В. Октябрьская показала, что перешедшие в христианство казахи Сарасинской управы, организованной в 1835 г., в нач. XX в. проживали дисперсно с русскими крестьянами и представителями алтайских родов телеутов и кумандинцев. Они занимались преимущественно земледелием, разводили разные породы скота, в том числе свиней, а в их хозяйстве наибольшее значение имел крупный рогатый скот. Наиболее распространенными фамилиями среди сарасинских казахов были: Ивановы, Бухарины, Коптеловы, Амельяновы, Коровниковы, Жаврины, Никитины, Романовы, Старковы, Егоровы, Голых. Но при

[1] Ковальская С. Ислам у Казахов: этапы распространения, специфика, влияние // ORTA ASYA'DA / Ed. M. S. Kafkasyali. Ankara-Türkistan, 2012. P. 1062–1063.

этом они продолжали идентифицировать себя с казахами и пользовались правами сибирских инородцев[1].

К политическому решению вопроса о равноправном статусе ислама и мусульманских общин приступили после свержения самодержавия. Временное правительство привлекло к нему представителей мусульманства. Так, Комиссар Временного правительства с правами товарища (заместителя) МВД С. А. Котляревский в официальном письме господину Мусе Эфенди Бигееву пригласил его к участию в «Совещании для обсуждения общих вероисповедальных вопросов». На этом Совещании обсуждался «Законопроект о вероисповедальных переходах». В текст законопроекта было включено следующее положение: «Каждому гражданину Российского Государства обеспечивается свобода совести». Согласно заключению МВД, «отпадение от церквей, исповеданий и вероучений, а также присоединение к другой вере не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий…» Родителям планировалось сохранить права в выборе веры их детей: «Определение вероисповедания малолетних, не достигших четырнадцати лет, предоставляется тем лицам, на попечении которых они находятся»[2].

В июле 1917 г. Общее Собрание трех Всероссийских Мусульманских съездов приняло решение о провозглашении культурной автономии мусульман России. В ноябре 1917 – январе 1918 гг. Милят-Меджлиси принял проект конституционного закона, предусматривавший правовое превращение всех тюрков-мусульман, включая казахов, в единую нацию, имеющую равные с другими этническими группами России права. При этом исламу придавался бы статус государственной религии[3]. Однако некоторые представители казахов даже на Мусульманском съезде утверждали, что

[1] Октябрьская И. В. Казахи Алтая: этнополитические и социокультурные процессы в пограничных районах Южной Сибири XIX–XX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Новосибирск, 2004. С. 27.

[2] Архив ИВР РАН. Разд. III. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–3 об.

[3] ГА РФ. Ф. Р6655. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–1 об., 3, 5.

создание единой мусульманской нации – это утопия, противоречащая самой идее нациестроительства[1].

Законодательно вопрос о предоставлении равноправного положения конфессиям был окончательно решен советской властью, один из первых декретов которой провозгласил свободу совести и отделение церкви от государства и системы народного образования, эти же положения были закреплены первой Конституцией РСФСР[2].

Таким образом, отношение российского государства к исламу среди своих подданных можно разделить на два периода. В основе их выделения лежит критерий общего правового статуса религии в государстве. Внутренняя классификация первого периода учитывает отношение правительства и губернских властей Российской империи к мусульманскому вопросу среди казахов. В итоге, на наш взгляд, схематично его можно разделить на ряд условных этапов, которые синхронизируются и коррелируются с этапами российской административной политики в казахской степи и этапами российской колонизации Степного и Туркестанского края.

I период. До 1917 г. В рамках существовавших государственно-правовых норм религия не была отделена от государства. Государственной религией в Российской империи являлось православное христианство. Православие было доминировавшей в правовом отношении конфессией, которой государство постоянно оказывало поддержку, более того, само православие было огосударствлено. Отношение государства к иным культам и их отправлению различными региональными и этническими группами не было столь однозначным и унифицированным. В рамках вопроса отношения России к суннитскому исламу казахов и вариантов противостояния/сотрудничества вычленяются следующие этапы.

1 этап. 1730–1770-е гг. Происходило накопление первоначальных знаний о казахах как этнической, конфессиональной и социально-правовой группе. В рамках

[1] Аманжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. М.-СПб.: ИРИ РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 29.

[2] Образование Союза Советских Социалистических Республик: сборник документов. М.: Наука, 1972. С. 5–58.

общеимперского, в целом негативного, отношения администрации к исламу, по аналогии с мероприятиями у башкир и татар, предпринимались отдельные попытки проведения ограничительных мероприятий по отношению к распространению ислама среди казахов. В пограничье резко сокращалось число мечетей, строительство новых было жестко регламентировано властями. Вместе с тем на местном уровне мусульманизация казахов через татар для достижения верноподданичества и расширения торговли зачастую поощрялась. Правительственный курс по отношению к исламу именно у казахов в это время еще не сформировался.

2 этап. 1780–1820-е гг. Этап поощрения распространения ислама среди казахов, когда мусульманские общины приобрели в Российской империи привилегированный по сравнению с другими нехристианскими культами статус покровительственного религиозного меньшинства[1]. В эти годы создавались специальные мусульманские организации во главе с муфтиатом. В рамках реализации декларированного в екатерининскую эпоху принципа веротерпимости предпринимались попытки поставить под контроль государства с перспективой дальнейшего огосударствления суннитский ислам. В отношении казахов проводились мероприятия, которые должны были способствовать распространению и укреплению позиций ислама. В казахской степи за казенный счет строились мечети, обучались муллы и ахуны, утверждение в звании которых проходило с одобрения губернской администрации. Муфтий, кадии и ахуны получали жалование из казны, а в их обязанность входили вопросы урегулирования отношений местных жителей и властей с казахами и привлечение неверноподданных мусульман[2] под протекторат Российской империи. Особое значение придавалось вопросу предотвращения создания антироссийской панисламистской конфедерации под эгидой Оттоманской Порты. В эти годы происходила частичная

[1] Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Указ. соч. С. 21.

[2] Термин «неверноподданные» использовался в российской административной лексике XVIII – начала XIX вв.

инкорпорация традиционной казахской знати в имперские институциональные структуры. Главным источником распространения (как считалось) «пророссийского» ислама рассматривались татарские муллы. На них же возлагались функции посредников в русско-казахской торговле, и особенно в развитии торговли Российской империи со странами Центральной Азии и частично с Китаем.

3 этап. 1820–1860-е гг. Правительство занимало в эти годы позицию относительного невмешательства в вопросы внутреннего управления «окраинных» губерний. В результате по целому ряду проблем по отношению к казахам проводилась неунифицированная политика[1]. Вероисповедальные вопросы относились к их числу. В Оренбургском ведомстве по-прежнему продолжали оказывать поддержку мусульманизации казахов через татарских мулл. В Западно-Сибирском ведомстве казанским муллам перестали предоставлять особые привилегии – напротив, власти в законодательном порядке пытались отвлечь казахов от ислама с перспективой их позднейшей христианизации. В то же время предложенный омскими властями проект создания новой религии, которая служила бы переходным этапом для отвлечения казахов от ислама и дальнейшего их привлечения к православию, был признан правительством нецелесообразным.

4 этап. 1860-е гг. – конец XIX в. В результате административных реформ произошла унификация права и административной практики по отношению к казахам. При формальном сохранении приверженности принципам политики веротерпимости были активизированы усилия властей по предотвращению возможного роста сепаратизма со стороны казахов на этнической и конфессиональной почве. Декларация борьбы с этими явлениями и проведение комплекса превентивных мероприятий стимулировали рост влияния пантюркизма, панисламизма и автономизма среди казахов, хотя определенное влияние оказывали

[1] Быков А. Ю. К вопросу об автономии сибирских властей в решении международных проблем в середине XIX в. (на примере присоединения Туркестанского края) // Сибирь в системе международных связей: сб. науч. ст. и материалов / Под ред. В. П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 24–26.

те среднеазиатские мусульманские лидеры, кто выступал за джихад, особенно после андижанского восстания 1898 г. Вместе с тем в этот период продолжаются попытки использования ислама и отправителей мусульманского культа для улучшения отношений местной администрации с населением. Вполне справедливым представляется мнение П. Сартори и П. Шаблея, что единого политического курса в Российской империи в отношении ислама не существовало, и «появление неких новых политических принципов в Санкт-Петербурге зачастую приводило к их столкновению с практическими соображениями местной колониальной администрации, а затем к "творческому переиначиванию их" разными группами интересов из числа местного населения»[1].

5 этап. Конец XIX в. – 1917 г. Начало политизации ислама в казахской степи. Появение пантюркистских и панисламистских изданий и организаций, имевших большее влияние в Туркестанском, нежели в Степном крае. Во главе большинства из них стояли этнические казахи. Участие казахских и иных депутатов от мусульманских народов в парламентской деятельности, в том числе с отстаиванием интересов религиозного разнообразия с требованиями равенства по религиозному признаку. Активная пропаганда и агитация за реализацию права на национально-государственный суверенитет казахов, сопровождавшиеся неудачными попытками правительства сопротивления этим процессам.

II период. С 1917 г. Создание светского государства, отделение церкви от государства и системы народного образования. Законодательное (формально-правовое) закрепление принципов свободы совести и равенства религиозных конфессий. Этот период не является темой настоящего исследования и потому лишь обозначается хронологической границей.

[1] Сартори П., Шаблей П. Судьба имперских кодификационных проектов: адат и шариат в казахской степи // Ab Imperio. 2015. № 2. С. 99.

Научное издание

А. Ю. Быков

Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.)

Том 1

Редактор и корректор: *Н. А. Сидоркина*
Дизайнер: *П. А. Трошина*
Верстальщик: *Н.Я. Быкова*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные
Подписано в печать 12.12.2023 г. Формат 70x100/16
Усл. печ. л. 27,1. Уч.-изд. л. 28,3. Тираж 500 экз. Заказ № 1676
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12
Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте https://book.ivran.ru

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах, изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Типография «Миттель Пресс»,
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14, с. 6, офис 14.
Тел. для справок 8 (499) 444-58-62